

**ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ
ЛИБЕРАЛИЗМА В РОССИИ —
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ**
*Муромцевские чтения
вчера, сегодня, завтра*

«XIII МУРОМЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Материалы
Международной научной конференции
1-2 октября 2021 г., г. Орёл

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессора Д.В. Аронова

Орёл
Издательский дом Орлик
2021

УДК 93/94

ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6

П 78

ISBN-978-5-91468-287-0

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор

Кара-Мурза А.А.,

доктор исторических наук, профессор

Журавлев В.В.

П 78 **«Прошлое и будущее либерализма в России — итоги и перспективы изучения» (Муромцевские чтения вчера, сегодня, завтра)** / материалы Международной научной конференции. 1-2 октября 2021 г. г. Орёл, / Под общей редакцией д-ра ист. наук, проф. Д.В. Аронова. Орел: Издательский дом «ОРЛИК», 2021. 314 с.

В настоящий сборник вошли материалы «Муромцевских чтений», прошедших в 2021 г. в г. Орле. Они представляют собой итоги изучения истории либерализма в России, связанные с проведением «Муромцевских чтений», основанных в память об основателе научной школы изучения либерализма в Орле д.и.н., профессоре Евгении Иосифовиче Чапкевиче и выступающих сегодня одной из немногих площадок, посвященных изучению истории отечественного либерализма.

Представленные в сборнике статьи посвящены ряду традиционных направлений работы «Муромцевских чтений» – возникновению и генезису либеральной идеологии в России, истории либеральных партий и движений, персональной истории российского либерализма, различным аспектам парламентского периода его деятельности, ряд статей показывает специфику либерального мировоззрения в современных политических практиках России и её европейских соседей.

Сборник предназначен для всех интересующихся проблемами истории российского либерализма.

*Сборник подготовлен при поддержке
фонда «История отечества»*

ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6

ISBN-978-5-91468-287-0 © ОГУ, 2021.

© - Издатель Александр Воробьев, 2021

© - Издательский Дом «ОРЛИК», 2021

О.А. Харусь	<i>Идеал vs утопия: образ будущего в религиозно-метафизической картине мира И.В. Михайловского</i>	133
И.Е. Воронкова, Е.А. Татаренкова	<i>Созидательный либерализм: земский эксперимент «молодой Весьегонии»</i>	141
А.И. Нарезный	<i>История общественной мысли России первой четверти XIX в.: методологические и источниковедческие аспекты изучения процесса становления национальной модели политических идеологий</i>	154
Н.В. Дмитриева	<i>Национальный вопрос в российском либерализме начала XX в.: обзор современной отечественной историографии</i>	164
Н.Г. Карнишина В.Ю. Карнишин	<i>Публицистика М.С. Грушевского и «украинский вопрос»</i>	171
И.В. Сабенникова	<i>Документы конституционно-демократической партии в архивах эмиграции</i>	177
А.Н. Егоров	<i>От либерализма к консерватизму: эволюция политических взглядов А.В. Карташева в годы Гражданской войны</i>	186
Н.Б. Хайлова	<i>Политические взгляды и деятельность Е.Н. Трубецкого: историографический обзор</i>	198
Д.С. Лавринович	<i>Лукьян Михайлович Солоневич как представитель либерального направления в западноруссизме начала XX в.</i>	212
Д.В. Аронов, С.В. Кошелева, С.В. Иванова	<i>Профессор и революция. С.А. Муромцев и Г.А. Кожевников – монета, повисшая в воздухе</i>	227

А.А. Сорокин	<i>Порядок избрания гласных от крестьян по земскому положению 1890 г. в оценках либеральной общественности</i>	236
О.Л. Протасова	<i>Либерально-социалистическая межпартийная мобильность</i>	240
В.В. Соколов	<i>Либеральное видение избирательной системы России начала XX в. (По материалам либеральных проектов Основного закона Российской империи)</i>	248
И.М. Смирнов, С.А. Дряблов, А.Ю. Андросов	<i>Практика применения избирательного законодательства на выборах в Первую Государственную Думу (по материалам Костромской губернии)</i>	257
П.А. Калугин, Е.К. Золотухина	<i>Фракция конституционно-демократической партии в Третьей Государственной Думе - политика малых дел или «законодательная вермишель»</i>	265
Д.В. Маслов	<i>Образ будущего в представлениях отечественных либералов в период крушения СССР</i>	270
А.Д. Гронский	<i>Независимые белорусские либеральные эксперты о белорусско-российских отношениях и роли России в белорусских событиях 2020–2021 гг.</i>	277
Э. Фиоччи Маласпина	<i>Из Пьемонта в Россию: Джакомо Джованетти и Михаил Семенович Воронцов о регулировании водных ресурсов. (1842-1847)</i>	286

Предисловие

Логика развития науки предполагает осуществление учеными периодического подведения итогов своей исследовательской работы, что, в свою очередь, позволяет намечать ее дальнейшие перспективы поступательного развития. Эта посылка всецело касается и той проблематики, изучению которой многие годы посвятили активные участники «Муромцевских чтений», внесших значительный вклад в разработку многих проблем истории российского либерализма. Неслучайно, что в публикуемых материалах XIII «Муромцевской» научной конференции проблеме подведения историографических итогов изучения российского либерализма уделено самое пристальное внимание. Одновременно в ряде выступлений ее участников акцент сделан на разработку ряда инновационных проблем, которые либо еще не находились в центре исследовательского внимания, либо затрагивались вскользь. Такое сочетание, с одной стороны, подведение результатов огромной работы многих поколений отечественных и зарубежных исследователей российского либерализма, а с другой, – не только постановка дальнейших перспективных задач, но и предоставление новых результатов в изучении малоисследованных, или же совершенно новых вопросов, представляется, на мой взгляд, весьма новаторской.

Что касается подведения итогов многогранной работы нескольких поколений отечественных исследователей, то такой подход в историографии истории российского либерализма уже неоднократно использовался и каждый раз способствовал вполне определенному дальнейшему продвижению в научной разработке данной проблемы. Кстати, эта традиция нашла отражение и в ряде докладов на сегодняшней конференции. Одновременно следует обратить внимание на все возрастающий интерес исследователей к вопросам теории и методологии постановки ряда сквозных проблем российского либерализма, как собственно в широких хронологических рамках, так и в вычленении сквозных проблем, позволяющих в своей совокупности раздвинуть горизонт осмысления проблемы как целого. Представляется, что это направление дальнейшей работы является одним из перспективных, ибо позволяет выявить параметры и особенности генезиса, формирования и функционирования российского либерализма, что было обусловлено спецификой истори-

¹ Шелохаев Валентин Валентинович - д.и.н., профессор, руководитель центра «История России в XIX - начале XX в.», главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

ческого развития России. Поэтому помимо общего «инвариантного ядра» либерализма как единого исторического явления важно выявить специфические национальные особенности российского либерализма. В этой логике важно продолжить изучение и различных этапов эволюции российского либерализма и как целого исторического явления, и как множества вариативных течений внутри него, обусловленных целым комплексом причин объективного и субъективного характера.

На мой взгляд, уже давно назрела проблема создания многотомного исследования по истории российского либерализма, в котором на основе единой методологии и методики были бы раскрыты ключевые проблемы генезиса, формирования и функционирования этого направления отечественной мысли и общественного движения. Представляется, что инициатива создания такого обобщающего труда и должна исходить со стороны инициаторов «Муромцевских чтений», внесших в последние три десятилетия существенный вклад в научную разработку истории российского либерализма. Публикуемые в данном сборнике материалы свидетельствуют о том, что выполнение этой задачи вполне по силам постоянным участникам научной конференции.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ЕВРОПЫ: ЛИБЕРАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ²

Идея Соединенных Штатов Европы есть одновременно общественный идеал и политический проект, составляющий основу устремлений ведущих социальных течений на Европейском континенте Нового и Новейшего времени. Ее суть состоит в убеждении о необходимости и желательности целенаправленного осуществления единого интеграционного проекта – объединения государств Европы в международный наднациональный Союз или одно мощное федеративное Сверхгосударство, наподобие США, с тем, чтобы преодолеть традиционные противоречия и конфликты между странами, ведущие к постоянной конфронтации и войнам на Континенте. Обсуждение идеи Соединенных Штатов Европы проделало длительную эволюцию, а сама она наполнялась очень разным теоретическим, идеологическим и инструментальным содержанием. Современное обращение к ней связано с перспективами интеграционного проекта ЕС, столкнувшегося с серьезными новыми вызовами глобализации. В этом контексте очевидна актуальность либеральной концепции европейской федеративной интеграции с учетом ее исторических и современных модификаций, а также вклада в систему континентальной и глобальной системы безопасности.

1. Идея Соединенных Штатов Европы: формирование и причины современной актуализации

Идея европейского единства ведет свою генеалогию со Средних веков – общего представления о христианском единстве Европейского континента, противостоящего другим конфессиональным и политическим объединениям. В Новое время она стала основой целого ряда интеграционных проектов XVIII в. – от концепции Европейской лиги аббата Шарля де Сен-Пьера (1728 г.) и Конгресса вечного мира И. Канта (1795 г.), до идей эпохи Американской и Французской революций, либеральные идеологи которых (как У. Пен или маркиз де Лафайет) размышляли о создании в Европе федерации по образцу США. В XIX в. приверженность идее Соединенных Штатов Европы продемонстрировали очень

¹ Медушевский Андрей Николаевич – доктор философских наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (факультет социальных наук).

² Статья подготовлена в ходе/в результате проведения исследования/работы (№ проекта 20-01-006) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» в 2020-2021 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

разные политические мыслители – от Наполеона Бонапарта до Дж. Мадзини, В. Гюго и М. Бакунина. Свою версию подобной интеграции представили сторонники либеральной и христианской демократии, социализма и марксизма¹. В России обсуждение данной проблемы артикулируется в спорах славянофилов и западников – представлениях о противоположности Западной Европы и России как разных цивилизаций (у Н. Данилевского), до констатации их сходства и единства судеб (представители «русского европеизма»). Русский либерализм рубежа XIX-XX вв. внес существенный вклад в разработку этих идей: с одной стороны, однозначно отвергался славянофильский тезис о predeterminedности цивилизационного конфликта Западной Европы и России, с другой – обсуждались проекты международных союзов, способствующие европеизации страны как в имперских, так и республиканских формах². Б.Н. Чичерин разрабатывал концепцию «сложных государств» – таких, в которых «несколько государств соединяются вместе, не теряя, однако, своей самостоятельности», способных установить «в некоторых отношениях общее устройство». Анализируя союзы государств своего времени, он, вслед за германскими мыслителями, выделял две их категории – союз государств (постоянное соединение самостоятельных государств) и союзное государство (слияние нескольких государств в одно), рассматривая возможности и варианты перехода «от слабого союза к сплоченному государству»³. Именно русским мыслителям, начиная с В.С.Соловьева, по-видимому, принадлежит ряд положений, заложивших основу коммуитаризма – философского течения и идеологии, оказавших влияние на развитие Европейского интеграционного процесса в XX в.

Мощным стимулом для продвижения различных проектов Европейского единства стали мировые войны XX в. Первая мировая война стала не только шоком для европейской цивилизации, но и поводом к расширению интеграционных процессов в мире и Европе – создания Лиги наций и появления Паневропейского движения, основанного в 1920-е гг. графом Рихардом Куденхове-Калерги с целью воссоздания христианской (католической) Европы. Дискуссия о Соединенных Штатах Европы породила интеграционные проекты различной идеологической направленности, – в рамках Социалистического и Коммунистического интернационалов, а также различных течений либеральной мысли. Она выяви-

¹ Cameron F. Future of Europe: Integration and Enlargement, 2004; Европа: проблемы интеграции и развития. Нижний Новгород, 2008; Смолина А.В. От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX-XXI в. М.: РХГА, 2016.

² См.: Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии // Шестые «Муромцевские чтения». Орел: А. Воробьев, 2014.

³ Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М.: Зерцало, 2006. С. 192-205.

ла, в частности, противоположность интеграционных подходов сторонников классовой демократии (как Ленин и Троцкий, считавших саму идею США реакционной и допускаящих ее исключительно как форму революционного перехода к советскому строю) и их противников – сторонников либеральной демократии и пацифизма (как, напр., Э. Эрио или Дж. М. Кейнс), видевших в федерализации Европы инструмент преодоления войн и экономических диспропорций. В русской либеральной мысли эмигрантского периода (П.Н.Миллюков) эти идеи связывались с объединением Европы на единых цивилизационных началах в противостоянии большевизму как крупнейшей интернациональной угрозе. Окончание Второй мировой войны стало началом реализации нового глобального интеграционного процесса – создания ООН и, одновременно, обсуждения практических проектов Европейской интеграции, актуальность которых возрастала в условиях Холодной войны – противостояния Западной Европы и СССР как двух альтернативных интеграционных проектов¹.

Этот процесс, контуры которого наиболее четко обрисовал А. Спинелли, получил развитие в идеях и практических предложениях «отцов-основателей» современной Европы – Ж. Монне и Р. Шумана, выдвинувших план преобразования Европы на началах солидаризма, коммунитаризма и федерализма. Суть плана, изложенного в Декларации Шумана (9 мая 1950 г.), определялась как постепенное движение к объединению народов Европы в единый наднациональный союз, осуществляемое путем отдельных интеграционных инициатив, первой из которых стало объединение ключевых отраслей экономики Франции и Германии (создание Европейского объединения угля и стали). Конечная цель интеграции – создание Соединенных штатов Европы, - фиксировалась как общий ориентир, линия горизонта, однако ее осуществление предполагало постепенный процесс ограничения суверенитета – формирование наднациональных институтов власти, наделяемых все более весомым объемом реальных властных полномочий по мере того, как государства будут добровольно делегировать их союзному центру. За прошедшие 70 лет Европейский интеграционный проект прошел ряд ключевых этапов – от подписания римских договоров 1957 г. (создание ЕЭС и Евроатома) к формированию единого прецедентного и коммуни-тарного права Европейского Сообщества (в 1960-1980-х гг.). Переломный этап Европейской интеграции – создание ЕС с принятием Ма-

¹ Dedman M. The Origins and Development of the European Union 1945-1995: A History of European Integration. London: Routledge, 2006.

астрихтского договора (1991 г.), совпавший с окончанием Холодной войны и распадом СССР (1991 г.).

В этой исторической перспективе проект ЕС, несмотря на неоднозначность оценок его содержания, представлялся успешным для большинства стран мира, о чем свидетельствовало четыре волны расширения ЕС (наиболее важные – в 2004, 2007 и 2013 гг.), показавшие способность Союза к экспансии и абсорбированию новых членов. ЕС выступил с новой концепцией транснационального конституционализма, призванной преодолеть господствовавший ранее принцип государственного суверенитета с позиций постнационального права и управления. Более того, Европейский проект рассматривался его сторонниками как «революционная модель будущего» (*a revolutionary model for the future*) - образец и экспериментальное поле создания такого типа институтов, которым суждено доминировать в XXI в. и переделать мир по своему образцу. В свете этих представлений формируется транснациональное видение интеграции: границы Европы заканчиваются там, где заканчивается действие Европейской конвенции по правам человека, т.е. способны стать планетарными. Решающее преимущество данной модели над всеми предшествующими, включая США, усматривалось в отказе от традиционного видения мировой политики как силового доминирования, опора на ценности демократии и прав человека, которые со временем приобретут универсальное распространение, охватив все континенты и страны и создав «лучший новый мир»¹. Наивысшего развития данный тренд достиг к началу 2000-х гг., когда, в ходе подготовки проекта Конституции для Европы вновь была выдвинута идея Соединенных Штатов Европы.

Этим представлениям в последние полтора десятилетия был нанесен ряд тяжелых ударов: провал принятия единой Конституции Европы в 2005 г. (по результатам референдумов во Франции и Голландии)² и вынужденное проведение ее положений обходным путем – Лиссабонским договором 2007 г.³, вызывающим сомнения с позиций демократической легитимности (поскольку практически везде он был принят без участия граждан – ратифицирован парламентами без проведения национальных референдумов, за исключением Ирландии, где был принят лишь повторным референдумом); череда финансовых и монетарных диспропорций, начиная с 2008 г.; миграционный кризис 2015 г., ценностный раскол между «старой» и «новой» Европой, констатируемый «кризис легитим-

¹ Leonard M. Why Europe will Run the 21-st Century. Kindle. Forth Estate, 2011.

² Конституция Европейского Союза: Договор, устанавливающий Конституцию для Европы. М.: ИНФРА-М, 2005.

³ Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора. М.: Инфра-М., 2011.

ности» и развитие популизма и евроскептицизма (пик которых зафиксирован социологическими опросами на 2013 г.). Главным ударом по Европейскому проекту стал Брексит – выход Великобритании из состава ЕС по результатам демократического референдума 23 июня 2016 г. Данное событие бросило вызов легитимности всего Европейского интеграционного проекта, поставив под сомнение теорию транснационального конституционализма, поскольку стало первым случаем, когда речь шла не о приеме новых членов, а о выходе одного из главных государств-основателей Проекта, причем по вполне ясной причине – несогласия с его фундаментальными положениями и порядком их осуществления.

Основным вопросом текущих дебатов о ЕС стало его место в мире в контексте глобализации. Способен ли ЕС в существующих правовых и организационных формах разрешить внутренние противоречия и внешние вызовы, сохранить существующие договорные формы или пойти на их пересмотр, двигаться по пути постепенной интеграции или решительно перейти к созданию Европейской федерации? Иными словами – двигаться от союза государств к союзному государству? Эти вопросы, обострившиеся до крайней степени в условиях пандемии корона-вируса, вновь поставили в порядок дня тему Европейской конституции и обсуждение перспектив Соединенных штатов Европы, включая пересмотр теоретических основ и итогов реализации Европейского интеграционного проекта.

2. Теоретические конструкции европейского единства: космополитизм, конфедерализм, федерализм

В формировании интеграционного проекта Европы, начиная с XVIII в., конкурировали две основных теоретических парадигмы – космополитизма и федерализма. В настоящее время содержание интеграционного процесса ЕС выражено конкурирующими (и пересекающимися) интерпретациями коммунитаризма – с позиций космополитизма, конфедерализма и федерализма. Коммунитарный метод – способ международной организации, составляющей основу интеграции в ЕС. Он означает процесс делегирования государствами-членами Союза части своих суверенных прав наднациональным (негосударственным) институтам, принимающим нормативные акты и решения по вопросам, представляющим общий интерес. Результатом применения метода, как предполагается, становится постепенное слияние государственных суверенитетов, которые в возрастающей степени реализуются странами через институты, органы и учреждения Европейских сообществ и ЕС. Однако осуществление данной цели возможно с неодинаковой интенсивностью

и различными правовыми методами. В силу своей неоднозначности понятие коммунитаризма, поэтому, доступно различным интерпретациям – в пользу транснациональной, национальной и федеративной моделей.

Космополитический проект есть обоснование такой транснациональной демократической интеграции государств-членов ЕС, которая опирается на формирование единого европейского демоса, способного выразить свою волю поверх национальных границ и государственного суверенитета отдельных стран. Компонентами этого процесса, как полагает сторонник данного решения Хабермас (J. Habermas), являются – ассоциация свободных и равных юридических лиц, бюрократическая организация для коллективного действия и гражданская солидарность как медиум политической интеграции¹. На этой основе, по его мнению, возможна Европейская конфигурация, которая, вопреки критикам, не только не уменьшит демократическую легитимность транснациональной политики, но придаст ей новый импульс. Это космополитическое направление, восходящее, вероятно, к социалистическим идеям начала XX в., можно проследить в контексте истории интеграционной идеи, коммунитаризма и дебатов начала новейшего периода Европейской интеграции.

Данный подход признает существование кризиса ЕС в качестве космополитического (транснационального) интеграционного проекта в свете международного права. Проявлениями кризиса стали: «демократический дефицит» как выражение отчуждения общества от власти; растущая асимметрия участия народа в политическом процессе и монополизация принятия решений в ЕС транснациональной элитой. Ответом на кризис должна стать трансформация системы ценностей и институтов ЕС в направлении гражданской солидарности. Общеευропейская гражданская солидарность, которую еще предстоит выработать, должна выйти за привычные национальные рамки, включая граждан каждого из других европейских народов и даже иностранцев. Только в этом случае граждане ЕС, которые выбирают и контролируют парламент в Страсбурге, будут в состоянии участвовать в совместном процессе формирования воли, простирающейся за национальные границы. Основная дилемма ЕС, следовательно, – это выбор между транснациональной демократией и федерализмом, совместить которые возможно лишь перенеся принцип народного суверенитета с национального на транснациональный уровень. Это предполагает трансформацию отдельных идентичностей народов в единую общеευропейскую идентичность – взаимодействие между политическими процессами, конституционными нормами и сетями

¹ Habermas J. The Crisis of the European Union in the Light of International Law // The European Journal of International Law, 2012. Vol. 23. №. 2. P. 335-348.

разделенных социальных и культурных установок и обязательств, стимулируемых административно-правовыми средствами¹.

Потенциал данного процесса видится оптимистически: традиции изменятся, нации перестанут быть основой конструирования идентичности, старые лояльности уйдут, новые – разовьются. Традиционная лояльность гражданина национальному государству должна смениться лояльностью Союзу и открытостью по отношению к другим гражданам государств-членов. Основа этого тренда усматривается в формировании общей (разделяемой всеми) политической культуре (*shared culture*), разделенном суверенитете (*shared sovereignty*), распределении (более справедливым и равноправным) доходов, например, предлагается распространить на ЕС положение немецкой конституции о сближении жизненных стандартов (*uniformity of living standards*) в целях преодоления социальных и культурных различий. Политическим выражением нового интеграционного проекта выступает конституционная реформа: «Разделенный суверенитет между народами и государствами Европы должен быть лучше отражен в симметрии отношений между Советом и Парламентом, а политическое лидерство и медиа должны содействовать развитию чувства гражданской солидарности» (*civic solidarity*) или «конституционного патриотизма» (*constitutional patriotism*)².

Антитезой этому подходу выступает другая концепция Европейской интеграции с позиций *конфедерализма*. Конфедеративная стратегия преобразований ЕС выдвинута европейскими консерваторами и реформистами (*European Conservatives and Reformist Group*) в программном документе – «*The Future of the European Union. ECR Statement*»³. Программа ECR отвергает крайние позиции – космополитической транснациональной интеграции и федерализма, отстаивая средний путь - видение реформированного ЕС как «сообщества наций, сотрудничающих в совместных конфедеративных институтах» (*a community of nations cooperating in shared confederal institutions*) в тех областях, где они имеют определенные общие интересы (*common interests*), которые могут лучше быть продвинуты путем совместной работы. Новое институциональное устройство (*a new institutional settlement*) исходит из признания того, что демократическая легитимность Союза проистекает главным образом от самих его государств-членов и включает концепцию субсидиарности.

Вместо «утопических» проектов, ECR предлагает принцип еврореализма (*“eurorealist agenda”*), более соответствующий ожиданиям населе-

¹ Habermas J. Op. Cit. P. 346-348.

² Ibid. P. 345-346.

³ *The Future of the European Union. ECR Statement (European Conservatives and Reformist Group)*.

ния ЕС. ЕС должен уважать государства-члены: межправительственные отношения (intergovernmentalism) значат больше, чем коммунитарный метод (community method), поскольку имеют большую демократическую легитимность. Основными слабостями ЕС является – идеологизация интеграционного процесса, ведущая к игнорированию практических целей; избыточная унификация, применяющая одни решения к разным группам стран; централизация, ведущая к ограничению полномочий национальных правительств и отчуждению общества. ЕС - стал слишком перегруженным (overreached), централизованным, амбициозным и далеким от обычных граждан. Движение к «более тесному союзу» более не является выражением чаяний европейских граждан работать вместе – этот тезис стал «догмой для обоснования создания централизованного государства» (a dogma to justify the creation of a centralized state), со все меньшим учетом прав его государств-членов и, поэтому, «должен быть отвергнут». Требуется большая демократическая ответственность Союза, финансовая эффективность и контроль бюджета, ибо в нынешнем виде он удалился от народа. Федерализм, как неправильная и опасная модель – должен быть отвергнут в пользу «конфедеративной ассоциации государств-членов» (confederal association of the member-states). Программный характер имеет следующее заявление – «Скрытая повестка» европейского супер-государства должна быть категорически отвергнута» (The hidden agenda of the European superstate must be categorically abandoned)¹. Отринув идеологическую утопию космополитического федеративного Союза, конфедералисты настаивают на приоритете сохранения принципа государственного суверенитета в европейских решениях.

Третье влиятельное направление в этом споре – *федерализм* – представлено Европейским движением федералистов, последовательно отстаивающих превращение ЕС в федеративное сверх-государство – Соединенные Штаты Европы. В программных документах и заявлениях этого движения, принятых к 70-летию декларации Шумана (2020 г.), ставится задача практического осуществления этого плана – принятия нового Договора о ЕС и трансформации его основных институтов в направлении создания федеративного государства. Институциональная реформа, поэтому, должна быть направлена на единство Союза. Если существует демократическая Европа, говорят идеологи движения, то должен быть Президент, представляющий ее, избранный демократически: выборы прямым всеобщим голосованием Президента Европейской

¹ The Future of the European Union. ECR Statement (European Conservatives and Reformist Group).

Комиссии необходимы, и рано или поздно они должны быть введены. Для того, чтобы быть услышанным и работать в полную мощь внутри ЕС и на мировой арене, ЕС должен быть представлен персоной лидера. Только в случае, если он располагает неотчуждаемой политической легитимностью, лидер сможет защищать ценности, давшие жизнь Европейской мечте, но одновременно противостоять ее противникам. Европейская демократия нуждается в реальной наднациональной политике: вот почему в 2024 г. обществу следует предоставить возможность проголосовать по транснациональным спискам в единый европейский законодательный орган (to vote on transnational lists in a single European constituency): мы способны иметь единые реальные европейские политические движения только в том случае, если они будут избираться прямо гражданами Европы. Вот почему следует преодолеть status quo. Это не понравится евроскептикам, но будет благом для всей Европы и ее граждан¹.

Федеративный проект интеграции представлен сегодня как в радикальной, так и умеренной форме. Если первый вариант отстаивает немедленный переход к Европейским Соединенным Штатам, то второй предлагает идти в этом направлении постепенно, трансформируя договорные положения и институты. Ключевым инструментом политической реформы выступает для всего федералистского движения переориентация финансовой политики – с национальных приоритетов на европейские. Приоритеты бюджетной политики ЕС должны определяться не только Комиссией, Советом и Парламентом, но и диалогом с гражданским обществом. Продвижение интеграционного проекта следует увязать с распределением фондов ЕС – их выделением государствам-членам с учетом соблюдения ими ценностей Союза, верховенства права и продвижения структурных реформ, связав источники бюджетных доходов с политическими приоритетами. В качестве инструмента предполагается использовать элементы партиципаторного бюджетирования – обсуждения его приоритетов с гражданским обществом с целью вовлечения граждан в дискуссии по бюджету и оживления демократического участия (ныне этот инструмент используется в ЕС только при решении вопросов бюджетной помощи третьим странам). Пятилетний финансовый документ (A 5-year Multiannual Financial Framework) рекомендуется привязать к политическому циклу ЕС. Это позволит гражданам обсуждать бюджетные приоритеты во время европейских выборов, голосовать о расходных статьях (например, о форме и уровне европейских налогов)

¹ A New Treaty for Europe (30 January, 2020). // URL: <https://www.federalists.eu/news-uef/view/a-new-treaty-for-europe>

и предоставит членам Европарламента возможность прямо взаимодействовать с избирателями по этим темам. Наконец, для целей прозрачности, все механизмы фондов ЕС должны быть интегрированы в правовую рамку ЕС и таким образом в бюджет ЕС. Следовательно, усилия по включению Европейского механизма стабильности в право ЕС следует незамедлительно продолжить¹.

В рамках умеренной программы, разработанной группой аналитиков (известных как Spinelli Group) отвергаются простые аналогии ЕС с другими федеративными моделями: в истории не было прецедента, когда группа национальных государств добровольно вступала в строительство федерального союза. Рождение предшествующих федераций, особенно США, представляет определенные аналогии, но не является дорожной картой для современной Европы. Создание Соединенных Штатов Европы, поэтому, – преждевременный лозунг. В результате эпидемии 2020 г., – констатируют эти деятели, – Европа оказалась в тупике (deadlock) – финансовом кризисе, последствия которого для экономики нельзя предсказать (поскольку он может резонировать с последствиями кризиса, развивавшегося с 2008 г.). Распространение коронавируса ввергает ЕС в «следующий конституционный кризис» (pitches the EU into its next constitutional crisis). Поэтому абстрактным концепциям федерализма следует противопоставить его осуществление в реальном времени. Прямое введение федеративной модели в этой ситуации завершится провалом, следствием которого может стать распад Союза. Основное внимание следует, поэтому, обратить на реформы, не требующие пересмотра учредительных договоров ЕС: преодоление отчуждения между обществом и европейскими структурами, усиление роли Европейского Парламента, пересмотр существующего неэффективного механизма принятия решений (требующего единогласного согласия всех государств-членов), укрепление европейских партий и лидерства с целью добиться продвижения в конкретных вопросах – переговорах по расходованию средств, координации внешней и оборонной политики².

Все три концепции имеют свои преимущества и недостатки: космополитический проект ориентирован на осуществление транснациональной интеграции, но исходит из утопической идеи существования единого европейского гражданского общества и будто бы присущей ему солидарности; конфедеративный проект – гораздо ближе к реальности международного объединения государств в едином Союзе, однако, привно-

¹ Future of Europe – A Future-proof European Union Budget (2017). // URL: <https://europeanmovement.eu/future-of-europe-a-future-proof-european-union-budget/>

² Spinelli Group. A Federal Europe: the Way out of the Crisis, 2020 (April, 28).

сит в его понимание мало нового; федеративный проект – наиболее последователен в продвижении идеи Соединенных Штатов Европы, однако, в радикальной форме, едва ли осуществим на практике в условиях роста национализма, евроскептицизма и сепаратистских тенденций в ЕС.

3. Новые вызовы Европейскому интеграционному проекту в условиях глобализации

Глобализация выявила структурные противоречия Европейского интеграционного процесса, связанные как с его общими конструктивными принципами, так и дисфункциями в процессе их реализации.

Во-первых, отсутствует концептуальное единство интеграционного проекта. Современный ЕС представляет собой «гибрид» – своеобразное соединение федеративного и конфедеративного начал и на практике допускает противоположные векторы развития. Путем последовательного изменения договоров и целенаправленной юриспруденции Европейского Суда, Союз выстроил свою наднациональную власть. Но большинство институтов ЕС по-прежнему действует путем межправительственных отношений – традиционными дипломатическими методами. Принятие решений в конфедеративной Европе вынуждено оказывается медленным и непоследовательным, оставляя нереализованным потенциал Союза и демонстрируя слабости управления в нем. Федеральная амбиция – движение к «все более прочному союзу» (ст. 1 Договора о Европе) – не умерла, однако более не соответствует заявлениям всех его государств-членов или политических партий. Следовательно, на политическом ландшафте Европы уже представлены движения, выступающие с несовместимыми проектами трансформации Союза – конфедеративным, федеративным и умеренно-федералистским.

Во-вторых, имеет место рост внутренней асимметрии Союза, развитию которой способствовал ряд кризисов новейшего времени – глобальный финансовый кризис (начиная с 2008 г.), последовавший за ним кризис Еврозоны (достигший высшей стадии к 2010 г.), миграционный кризис 2015 г., Брексит (2016 г.) и текущий кризис пандемии корона-вируса. Среди них кризис монетарного союза или Еврозоны имел наиболее деструктивные последствия для единства ЕС, подрывая саму идею интеграционного проекта – единую валюту, будущее которой ставилось под сомнение уже десятилетие назад¹. Кризис долговых обязательств государств, начавшийся после экономического кризиса 2008 г. (Ruffert M.) к настоящему времени не завершен: государственный долг в Еврозоне в целом составляет около 90% ВВП, но в ряде стран (как, например, Гре-

¹ Van Overtveldt J. The End of the Euro: The Uneasy Future of the European Union, 2011.

ция и Италия) он существенно превышает эту планку, сильно переваливая за 150%. Выход из кризиса, найденный в усилении регулирующей роли ЕЦБ, имел, скорее тактический характер, не получив разрешения в содержательном консенсусе стран-доноров и реципиентов финансовой помощи¹. Возникшие экономические диспропорции обострились с кризисом пандемии, который оценивается как «наитягчайший европейский кризис с начала интеграционного проекта» (the gravest European crisis since the integration project began). Драматический, но неизбежный выбор способов преодоления пандемии – породил раскол между северными странами (возглавляемыми Нидерландами и включающими Германию) и южными странами (возглавляемыми Италией и Испанией и включающими Францию) по вопросу о том, как должно быть распределено финансовое бремя, а реакция на него европейских структур и государств определяется как «решение не решать» (decided not to decide)². Более того, данный кризис, по мнению некоторых наблюдателей, способен определить судьбу интеграционного проекта ЕС, оказав влияние на легитимность Союза, силу институтов, отношения с государствами-членами, готовность действовать в качестве глобального актора в отношении России и Китая³.

В-третьих, констатируется неопределенность места ЕС в системе глобальной безопасности. Она по-прежнему основана на правилах, установленных после Второй мировой войны, то есть гарантиях США и вступлении большинства стран ЕС в НАТО. Но эта система претерпевает эрозию по ряду направлений: фундаментальные изменения в трансатлантических отношениях (с США), заставившие ЕС задуматься о реальной стратегической автономии в оборонной сфере; появление новых сильных игроков в глобальной политике (усиление Китая); противоречивые отношения с Россией, которая выступает одновременно противником и партнером по отражению глобальных вызовов; потеря ключевого актора в области обороны – Великобритании⁴. Главный риск для Европы – оказаться в сердцевине стратегического соперничества между США и Китаем и быть вынужденной выбирать между традиционным союзником и поднимающейся глобальной державой. Значение выбора по этим ключевым вопросам увеличивается в связи с ростом нестабильности на

¹ Ruffert M. The Future of the European Economic and Monetary Union. Ed. by Bignami F. George Washington University: Cambridge University Press, 2020. P. 33-66.

² Fabbrini S. The Future of Europe is being Decided Now (April 3rd 2020). Accessed: <https://www.socialeurope.eu/the-future-of-europe-is-being-decided-now>

³ After the Pandemic: The Future of the European Union (27 мая 2020) // URL: <https://bfpg.co.uk/2020/05/future-of-eu/>

⁴ Lequesne Ch. Which Future for the European Union? // Global Times (2020. Vol. 15. N. 1). Accessed: <https://www.globaltimes.cn/content/1176950.shtml>

границах ЕС – в Восточной Европе, Северной Африке, на Балканах, нерешенность вопроса о европейской судьбе которых провоцирует фрустрацию, нестабильность и вмешательство других держав. Отсутствие стабильности в этих вопросах угрожает безопасности ЕС в сфере энергетических поставок, регулировании миграционных потоков, противостоянии терроризму и исламскому фундаментализму и другим глобальным вызовам¹. Неопределенность позиции ЕС в международных отношениях связана как с отсутствием должной координации в политике обороны и безопасности, так и с неясностью перспектив ее установления. Унификация всех властей ЕС в вопросах внешней политики и обороны приведет к тому, что ЕС будет иметь только одно место в Совете Безопасности ООН, что уменьшит его силу в международных отношениях (даже если Франция согласится передать ЕС свое место постоянного члена СБ ООН, что крайне маловероятно)². Неопределенность позиции Союза в мире выражается в поиске наиболее вероятных траекторий, заложенных рисков, новых тенденций и непредвиденных факторов ('unknown unknowns') – выстраивается 18 сценариев отношений ЕС с соседями и стратегическими партнерами в мире к 2025³. Важной стратегической ошибкой ЕС, по мнению его критиков, стала попытка выстроить континентальную безопасность исключительно в союзе с США – без России, а по существу, в противостоянии с ней.

В-четвертых, отмечается непредсказуемость влияния технологических вызовов для интеграционного проекта. Перспективы развития ЕС связываются с процессами глобализации – климатическим регулированием, развитием глобального управления с использованием «больших баз данных», поощрением инноваций, инвестиций в наукоемкие отрасли экономики⁴. Однако, все эти преимущества могут обернуться вызовами интеграционному проекту ЕС, поскольку порождают новые параметры разделения общества и регионов ЕС. Они проходят по линии распределения ресурсов (энергии и сохранения экосистемы); использования новых технологий (искусственного интеллекта, роботизации, дигитализации), отражения новых вызовов (кибербезопасность, терроризм, мани-

¹ Feroci N. The Future of the European Union: Scenarios for the Start of the New Legislature (2019) // Istituto Affari Internazionali. Inspiring Ideas for Italy, Europe and the World. Accessed: <https://www.iai.it/en/publicazioni/future-european-union-scenarios-start-new-legislature>

² Scenario: European-Union Strengthens // URL: https://future.fandom.com/wiki/Scenario:_European-Union_Strengthens

³ Dahrendorf Forum. European Union in the World 2025-Scenarios for EU relations // URL: <https://www.dahrendorf-forum.eu/publications/european-union-in-the-world-2025-scenarios-for-eu-relations/>

⁴ Jordana J., Schmitt L., Holesch A. Understanding Global Governance: the Contribution of Data Sets (January 2020) // URL: https://www.globe-project.eu/understanding-global-governance-the-contribution-of-data-sets-january-2020_7968.pdf

пулирование сознанием через доступность и использование эмоциональных маркеров в Интернете). Распространение микро-сенсорного генерирования больших данных обеспечивает хорошее управление, но может использоваться и в злонамеренных целях¹. Реакция на них ЕС признается недостаточной, неэффективной и запаздывающей. Эти вопросы включают – будущее европейской экономической и социальной системы, устойчивость, климатические изменения, инновации, дигитальную трансформацию кардинальных ценностей ЕС, также – уроки пандемии. Последняя показала роль дигитальных медиа в процессе демократического формирования общественного мнения, но также, продемонстрировала, как велики опасности манипулирования обществом – поляризации публичных дебатов с использованием направленной дезинформации со стороны внутренних и внешних акторов².

В-пятых, ЕС стал заложником собственного успеха: 1) Европейская модель изменилась навсегда с быстрой экспансией на Восток и Юг Европы, удвоив количество стран и охватив нации, которые существенно отличаются по культуре, историческим традициям и уровню жизни. 2) Эта экспансия, как показало уже объединение Германии, оказалась очень дорогим удовольствием: субсидии ЕС восточным странам продолжают оставаться большой частью годового бюджета Брюсселя, вряд ли способной исчезнуть в будущем. 3) В условиях экономического спада и сокращения финансирования «новых демократий» возрастает риск их сецессии или, по крайней мере, шантажа стран-основателей Союза в вопросах его ценностей, внутренней и внешней политики (что уже продемонстрировано странами Вышеградской группы в условиях пандемии). 4) Следствием становится обратная реакция на издержки интеграции – национализм, ксенофобия и популизм, ведущие к идеологическому размежеванию с «нелиберальными демократиями» Восточной Европы. 5) Управление продолжит быть сложным, вынужденно сочетая демократические принципы с задачами, по существу, имперского регулирования интегрированных стран, что плохо соотносится друг с другом. Наконец, продвижение Европейского проекта во внешний мир с помощью политики мягкой силы – в виде «цветных революций» в пограничных странах – встречает жесткую реакцию внешних игроков (прежде всего России) и влечет дестабилизацию периферии ЕС (как показывают неоднозначные для него результаты переворота на Украине и в других

¹ Schaper Rinkel P. Transitions on the Horizon: Perspectives for the European Union's Future Research and Innovation Policies (21. Juni 2018) // URL: <http://schaper-rinkel.eu/en/transitions-on-the-horizon-perspectives-for-the-european-unions-future-research-and-innovation-policies/001719/>

² Такова позиция деятелей, выступающих от имени европейского гражданского общества // URL: <https://www.eu2020.de/eu2020-en/civil-society-conferende-on-the-future-of-europe/2360192>

постсоветских странах). Поэтому можно предположить, что с расширением территории, области экономики и торговли, ЕС столкнется с растущими тенденциями к росту напряженности, ксенофобии и конфликтов¹.

В-шестых, констатируется «кризис легитимности» ЕС, заставивший пересмотреть стандартные идеологические представления с позиций реализма². Он стал выражением трех факторов. Это, во-первых, «дефицит демократии» – удаленность общества от европейских структур, на деятельность которых оно практически не способно влиять; во-вторых, эрозия консенсуса государств-членов по фундаментальным ценностным и правовым вопросам; в-третьих, недостаточная эффективность европейских решений в вопросах внутренней и внешней политики, в частности, по обеспечению единства политики всех государств-членов, ряд которых открыто выражает несогласие с позицией европейских структур. Европейский интеграционный проект, как отмечают многие исследователи, изначально был не результатом демократического волеизъявления народов Европы, но продуктом согласия европейских элит, прежде всего элит ведущих государств-основателей ЕС. Остается открытым вопрос, насколько этот консенсус способен воспроизводиться в условиях острых глобальных кризисов, таких как финансовый, миграционный, энергетический, или новейший кризис пандемии.

В-седьмых, нерешенность вопроса об общей миссии ЕС в мире – является он преимущественно идеологическим или политическим проектом. Если справедливо первое, то миссия Великой Европы – не ограничена в пространстве и во времени, а его границы простираются на все регионы, где действует Европейская конвенция по правам человека (т.е. в идеале должны распространиться на весь мир). Если справедливо второе, то доминирующим мотивом должны быть признаны политические интересы Союза и критерии их эффективного продвижения. Эта дилемма отражена в дискуссии о соотношении расширения и самоограничения ЕС, и прежде всего – его желательных границах³. С одной стороны, ЕС в первые десятилетия продемонстрировал свою привлекательность и успешность в чрезвычайно быстрых темпах экспансии – последовательных волнах принятия новых членов (иногда целых групп государств), драматически увеличив свою территорию и численность

¹ Future of the European Union – Enlarged or Broken? // URL: <https://www.globalchange.com/futureeurope.htm>

² Young A.R. An Inflection Point in European Union Studies? // Journal of European Public Policy. 2016. Vol. 23. Issue 8. Pp. 1109-1117. // URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13501763.2016.1186214>

³ Future Expansion of EU. // URL: <https://www.fxcm.com/markets/insights/future-expansion-of-the-european-union/>

населения за счет стран бывшего советского блока, и достигнув по этим показателям размеров США. С другой, Союз столкнулся сегодня с неспособностью абсорбировать все это *embarrass de riches*, демонстрируя явные признаки феномена, известного как «имперский перегрев».

4. Поляризация представлений о перспективах интеграционного проекта ЕС: еврооптимисты, европессимисты и еврореалисты

Наиболее четким выражением нестабильности консенсуса в европейском обществе стала утрата единства представлений о будущем Европейского интеграционного проекта – раскол позиций еврооптимистов, европессимистов и еврореалистов.

Позиция еврооптимистов основана на вере в возможность осуществления наиболее желательного сценария для будущего ЕС в следующее десятилетие – устойчивый прогресс интеграции, лишь временно сдерживаемой богатым разнообразием культур и экономическим кризисом. Понятие «кризис» – полагают еврооптимисты, – вообще не стоит преувеличивать. В статье с характерным названием «*Quo Vadis European Union?*», один молодой исследователь точно сформулировал позицию оптимистов: «Слово «кризис» использовалось слишком вольно, порождая у многих вредные алармистские реакции. Если мы пребываем в кризисе сейчас, то когда мы не были в нем? Если человек модерна терпит поражение, то когда он преуспевал? Если мы являемся свидетелями кризиса ценностей, то когда они находились на пике? Если суммировать все эти не вполне риторические вопросы: может ли кто-нибудь, помимо ностальгических чувств, действительно отрицать, что мы живем в лучший период европейской истории?». Существующие противоречия в ЕС – не кризис, а болезни роста: ничего удивительного, что интеграционный проект ЕС испытывает трудности и делает ошибки, ибо он уникален во всемирной истории, существует, по историческим меркам, очень короткое время и стремится объединить государства, в течение столетий ведшие обособленное существование. Сохранение и постепенное строительство уникального интеграционного проекта ЕС, несмотря на трудности, – путем проб и ошибок, – это «лучшее, на что вы можете надеяться»¹. Единая Европа, полагают оптимисты, это – успешный проект, столкнувшийся с рядом проблем в силу его быстрого расширения. Существующие проблемы представляют серьезный вызов, но они могут и должны быть преодолены. Цена вопроса очень велика. Если интеграционный проект будет развиваться по плану, Великая Европа сможет стать

¹ Barrientos R.A. A Reflection on the Future of the European Union: Towards an EU Purpose and Promise // URL: <https://lawahead.ie.edu/reflection-future-european-union/>

конкурентом США. Но если эксперимент провалится, то закончится дезинтеграцией и, в конечном счете, деградацией и хаосом в Европе.

Позиция европессимистов представлена евроскептиками и идеологами Брексита. Европейский проект, по их мнению, однозначно потерпел поражение: будучи артефактом эпохи Холодной войны, он не соответствует глобальным вызовам XXI в. и не способен дать адекватный ответ на современные международные кризисы¹. Его идеология постнационального конструирования определяется как «Евроутопизм» (Eutopianism) – сочетание идеализма, веры и магического мышления в способность создать гармоническое единство национальных государств-членов, преследующих различные интересы в экономике, финансах и внешней политике. ЕС не может достичь политической субъектности в форме федерализма, поскольку отрицает принцип суверенитета и в действительности основан на серии межправительственных договоров и сделок. Ему суждено оставаться перед дилеммой распада и дальнейшей эрозии демократической легитимности и бюрократического окостенения. Брексит четко показал несостоятельность концепции наднационального регулирования (supranationalism), представляющей собой отсвет эры либеральной глобализации, быстрый уход которой с исторической арены будет лишь ускорен пандемией Ковид-19. Поэтому текущие попытки реанимировать угасающий Союз есть не более, чем компульсивная реакция Евроутопизма, – необоснованной веры в преодоление кризиса, наподобие утверждения Барона Мюнхаузена, что ему удалось вытащить себя из болота за волосы².

Позиция еврореалистов признает ценность ЕС и его достижения, однако считает необходимой масштабную корректировку интеграционного проекта с учетом новых вызовов глобализации. Эта позиция четко представлена J. Techau в его «Four Predictions on the Future of Europe. 2016»³. ЕС или погибнет, или перестроится с учетом главного вызова – политической (а не только экономической) глобализации. «Это вытащит европейцев из их уютного комфортного уголка, оберегаемого США, в котором либеральный порядок, плюрализм, политическая стабильность и отсутствие крупных конфликтов считались чем-то само собой разумеющимся». Общая ситуация развивается не в пользу интеграционного проекта: «Европейцам предстоит много потерять от политической глобали-

¹ Cunliffe Ph. The New Twenty Years' Crisis 1999-2019: A critique of contemporary international relations. McGill-Queens University Press, 2020.

² Cunliffe Ph. Eutopianism and the Future of the European Union (17.10. 2020) // URL: <https://briefingsforbritain.co.uk/eutopianism-and-the-future-of-the-european-union/>

³ Techau J. Four Predictions on the Future of Europe. 2016 // URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/62445>

зации, поскольку их стиль жизни столь трудно удержать и защитить. Одни хотят разделить его, поскольку мечтают об этом, другие – стремятся разрушить, поскольку ненавидят его. И, что фундаментально, он опирается на глобальный порядок, который европейцы не могут гарантировать». ЕС – это ковчег, где только вместе, все страны могут выстоять перед вызовами глобализации – «ЕС должен оставаться этим ковчегом, или он погибнет».

В еврореалистической перспективе автором сделано четыре предсказания о судьбе интеграционного проекта: 1) В средней и долгосрочной перспективе, если у европейцев не возобладает тяга к самоубийству, будет больше интеграции европейской внешней политики, и даже безопасности и обороны. 2) Евро не будет частью будущего ЕС. Общая валюта – необходимость, которой не существует: это была хорошая идея, но ее можно сохранить, только обеспечив политический союз. 3) Более полный единый рынок для выживания в век политической глобализации и общий подход ЕС к миграции, хотя не к интеграции мигрантов, что остается преимущественно национальным делом. 4) ЕС должен более соответствовать запросам *Realpolitik*. Это значит - стать союзом, менее основанным на ценностях, но более на интересах (*A union less of values and more of transactional politics*), перейти от идеализма к функциональности (*less idealistic and more functional*). «Итак, – заключает он, – я предсказываю Европу, в которой ценности будут приближены к низшему общему уровню измерения, а не тем великим идеям, на которых ЕС хочет основываться. Это станет источником нескончаемых напряжений, но это все же меньшая цена, чем раскол по поводу максималистских моральных принципов, ведущий к поражению в жестоком мире политической глобализации»¹.

В сравнении трех позиций «еврореализм» кажется наиболее убедительным подходом, хотя также не разрешает фундаментальной проблемы: если Европа отложит в сторону моральные принципы, твердо встав на позиции экономической рациональности и *Realpolitik*, то в чем будет состоять исключительность легитимирующей основы ее интеграционного проекта в сравнении с другими великими державами? И сможет ли ЕС повторить интеграционную логику США в исторически короткий период, причем в условиях, когда все основные глобальные игроки – США, Россия, Китай, – будут противостоять этому?

5. Европа после Brexit: Европейское единство в общественном мнении и позиции элит

¹ Techau J. Four Predictions on the Future of Europe. 2016 // URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/62445>

Текущее отношение европейского общества к итогам и перспективам интеграционного проекта ЕС представлено в исследовании Chatham House 2017 г.¹ В нем предложено сравнение подходов публики и элит к будущему Европы в условиях наступившей после Брексита «смуты» (a decade of political turmoil). В основе – опрос, проведенный между декабрем 2016 и февралем 2017 гг. в 10 странах среди публики и элит (представители политики, медиа, гражданского общества на местном, региональном, национальном и европейском уровнях). Охвачено 10 тыс. представителей публики и 1800 – евроэлиты (180 из каждой страны).

Констатируется раскол по трем линиям: 1) Между элитами и публикой. Есть отчуждение между двумя группами в отношении солидарности ЕС, демократии ЕС и чувства европейской идентичности. Элита больше склонна к позитивной оценке опыта преимуществ европейской интеграции, более либеральна и оптимистична. Не так обстоит дело в настроениях публики: часть оценивает ЕС в негативных понятиях, говорит о желательности возвращения некоторых полномочий государствам-членам, чувствует тревогу относительно иммиграции. Только 34% чувствуют, что выиграли от создания ЕС в сравнении с 71% элиты. Большинство публики (54%) думают, что их страна была в лучшем положении 20 лет назад.

2) Раскол внутри публики очень заметен – существует выраженное разделение между более либерально и авторитарно-мыслящими группами, особенно в отношении идентичности. Этот раскол охватывает широкий круг тем – экономический статус, социальные трудности, меняя отношение к ЕС. Политические вызовы, вытекающие из этого раскола, вероятно, сохранятся в течение длительного периода, несмотря на экономический рост.

3) Отсутствие консенсуса внутри элиты по вопросам направления развития ЕС. Хотя подавляющая часть представителей элиты думают, что выиграли от создания ЕС, они далеки от единства в отношении дальнейшей интеграции. Вопреки представлению, что элита в целом позитивно относится к интеграции, это не очевидно: 28% поддерживают status quo, 37% считают, что ЕС должен получить больше власти, а 31% думают, что ЕС должен вернуть власть государствам-членам.

Представляет интерес динамика изменения этих позиций с течением времени. Политика ЕС, согласно результатам исследования, движется от периода, когда существовало медианное соотношение между ин-

¹ Raines T., Goodwin M., Cutts D. The Future of Europe. Comparing Public and Elite Attitudes// Chatham House Research Paper. June 2017 // URL: <https://www.chathamhouse.org/2017/06/future-europe>

теграционистским политическим классом и скептической публикой к ситуации более смешанной картины внутри обеих групп, что влияет на дебаты о будущем Европы. Существует резервуар поддержки в публике и элите Союзу, основанному на солидарности. 72% элиты и 50% публики считают, что более богатые государства-члены должны помогать более бедным – обратного мнения придерживаются только 12% элиты и 18% публики. Доминирует представление, что рынок ЕС на разных уровнях доходов должен базироваться на солидарности. Расколы в элите о будущем ЕС открывают пространство дебатов о новых идеях и версиях. Нет консенсуса среди представителей элиты о балансе властей между ЕС и государствами-членами или о федералистском видении. Это показывает необходимость политического лидерства, способного аккумулировать долгосрочное видение того, что может получить поддержку большинства элит и публики.

«Заразный» эффект Брексита отражен в вопросе – «В следующие 10 лет другие государства-члены примут решение покинуть ЕС». Большинство публики (55%) в 9 странах согласилось с этим заключением, а уверенно согласилось столько же (15%), сколько не согласилось (18%). Внутри элиты картина более сбалансирована: большинство (43%) сказали, что ожидают сокращения размеров ЕС, хотя 40 % - не согласились с этим тезисом. При этом, вопрос не относился к оценке того, будет ли дальнейшая фрагментация позитивным или негативным процессом или насколько респонденты поддерживают выход своей страны из ЕС. Но ответы выражают общее впечатление неопределенности и пессимизма (a sense of uncertainty and pessimism), которое многие европейцы испытывают в отношении будущего ЕС¹.

Итак, идея о возможности создания «Соединенных Штатов Европы», следуя данному опросу, в настоящее время встречается скорее больше оппозиции, чем поддержки, хотя присутствует одобрение более глубокой интеграции Еврозоны.

6. Будущее Европы: гипотетические сценарии интеграционного процесса

Кризис легитимности ЕС, выраженный Брекситом, заставил европейские элиты запустить дискуссию по поиску модели обновленного Союза, в которой предстояло наметить перспективы его развития и корректировки. Европейской Комиссией был издан официальный документ

¹ Raines T., Goodwin M., Cutts D. The Future of Europe. Comparing Public and Elite // URL: Chatham House Research Paper. June 2017.

– «Белая книга о будущем Европы. Размышления и сценарии для ЕС до 2025 г.»¹.

Представлено пять основных сценариев развития ЕС, которые располагаются по линии усиления глубины и интенсивности интеграционных процессов – от минимальной к полной:

Первый сценарий – возвращает ситуацию к отправной точке интеграционного процесса. ЕС фокусируется исключительно на представлении позитивной повестки реформ и выработке общей программы действий. Скорость принятия решений зависит от преодоления различия взглядов в целях формирования коллективных долговременных приоритетов. Европейское законодательство регулярно проверяется и обновляется на соответствие этой цели.

Второй сценарий – ограничивает интеграцию существованием единого рынка. ЕС постепенно переориентируется на единый рынок. В случае, если 27 государств не смогут договориться в политических областях, ЕС в большей степени сфокусируется на углублении определенных ключевых аспектов единого рынка. Не будет общего решения в таких областях как миграция, безопасность или оборона. Произойдет сокращение регуляторного бремени – устранением необходимости сопоставления двух параметров законодательства (европейского и национального) для каждой новой предлагаемой инициативы.

Третий сценарий – введение, при сохранении равенства правового статуса государств-членов Союза, более вариативных форм кооперации между ними. ЕС предоставит заинтересованным государствам больше свободы совместных действий в специфических областях. Это означает допущение «коалиций по желанию», когда группы государств смогут взаимодействовать в специфических политических областях (как оборона, международная безопасность, налогообложение или социальные вопросы). Новые группы государств-членов могут согласиться углублять их кооперацию в определенных областях по специфическим правовым или бюджетным правилам. Примером вступают договоренности по Шенгенской области или Еврозоне. Этот вариант предлагает рамки кооперации для 27 государств, но включает прояснение взаимных прав и ответственности между отдельными группами государств. Статус других государств при этом сохраняется и они могут присоединиться к данным группам со временем.

¹ White Paper on the Future of Europe. Reflections and Scenarios for the EU- 27 by 2025. Bruxelles. European Commission COM (2017) 2021 of 1 March 2017 // URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/white_paper_on_the_future_of_europe_en.pdf

Четвертый сценарий – ограничение сферы совместных действий при повышении их эффективности и скорости в ключевых политических областях. В случае, если есть консенсус в отношении необходимости осваивать определенные приоритеты вместе, государства-члены решают сфокусировать свое внимание и ограниченные ресурсы на сокращенном числе областей. В результате ЕС сможет действовать гораздо быстрее и более решительно в избранных приоритетных областях. В этой политике ЕС может использовать более сильные инструменты по прямому внедрению коллективных решений, как это делается сегодня в политике конкуренции или банковского наблюдения. За пределами этого ЕС-27 останавливает действия или делает меньше. Например, это возможно в области инноваций, торговли, безопасности, миграций, управления границами и обороной, декарбонизации. Возможен европейский оборонительный союз.

Пятый сценарий – повышение интенсивности кооперации во всех сферах, когда государства-члены решают разделить больше власти, ресурсов и принятия решений на трансграничном уровне. Кооперация между всеми государствами-членами идет дальше, чем когда-либо ранее во всех областях (как это было с постепенным расширением Еврозоны по мере принятия ее условий заинтересованными странами). Решения на европейском уровне согласуются и реализуются быстрее. Это, фактически, самая полная модель интеграции.

Сравнение пяти сценариев позволяет сделать ряд наблюдений. Во-первых, отражает отсутствие консенсуса среди европейских элит в отношении достигнутого уровня интеграции и различие представлений о направлениях его развития в будущем. Во-вторых, присутствие, в рамках действующих договоров о Европе, противоположных стратегий их интерпретации – от сворачивания кооперации к начальному уровню выработки совместной программы или поддержанию главного достижения (общий рынок) к трансформации всей системы в сторону федерализма. В-третьих, продолжающийся поиск компромиссов по линии продвинутой кооперации отдельных групп государств или круга приоритетных тем такого взаимодействия (что определяется иногда как «Европа разных скоростей»). В-четвертых, сохранение перспективы федеративного сценария, несмотря на рост асимметрии в отношениях регионов Европы. В-пятых, четкое осознание переломного характера переживаемого момента, отраженного в итоговой формуле документа – «Европа должна решать сейчас»¹.

¹ White Paper on the Future of Europe. Reflections and Scenarios for the EU- 27 by 2025. Bruxelles. European Commission COM (2017) 2021 of 1 March 2017 // URL:

«Белая книга», в силу ее официального характера, не ставит принципиальный вопрос о пересмотре Договора о ЕС, однако данная перспектива просматривается в крайних сценариях развития Союза. Ими являются – сворачивание кооперации и, следовательно, роли европейских институтов, с одной стороны, и, напротив, избрание федеративной модели ЕС с радикальной трансформацией этих институтов, с другой. В публицистике эта альтернатива формируется в виде слогана – «Больше» (или «меньше») Европы, но на деле речь идет о фундаментальной проблеме суверенитета – национального, «разделенного» (между государствами-членами Союза) или европейского? Это предполагает ответ на вопрос – какова роль транснационального конституционализма – является он новой формой постнационального регулирования или переходной формой – к регионализации Европы разных скоростей либо созданию единой Европейской федерации?

Идея Соединенных Штатов Европы в завуалированной форме представлена пятым сценарием – наиболее полной кооперации. В рамках этого сценария ЕС, как говорит документ, действует едино во внешней политике, представлен одним представителем в международных организациях. Европарламент имеет последнее слово в заключении международных торговых соглашений. Оборона и безопасность – в приоритете Союза. В сотрудничестве с НАТО создается Европейский оборонительный союз. Кооперация в вопросах безопасности – становится рутинной. ЕС – лидер в борьбе с климатическими изменениями, возрастает его роль как крупнейшего в мире гуманитарного донора. Совместно решаются вопросы миграции, единого рынка, энергетики, дигитальной сферы, инноваций и услуг. Развивается координация в области фискальных, социальных и налоговых вопросов. Происходит выравнивание экономического развития на региональном, секторальном и национальном уровнях.

7. Соединенные Штаты Европы – утопия или рациональная либеральная стратегия преобразований XXI в.?

Разворачивающаяся интернациональная дискуссия о достижениях и перспективах Европейского интеграционного проекта к 70-летию начала его практического осуществления, включает все основные компоненты либеральной идеологии – отношение к ценностям и принципам конституционализма, вопросы суверенитета, государственного устройства, формы правления, взаимодействие общества и власти на национальном и транснациональном уровне, систему международных отношений, эко-

номической кооперации, права войны и мира, – в перспективе динамичных изменений во всемирном масштабе. Главная проблема этой дискуссии состоит в следующем: насколько ценности и принципы Европейского интеграционного проекта, разрабатывавшиеся длительное время назад с позиций классического либерализма, соответствуют реальности современного мира, а сам Европейский проект – отвечает новым глобальным вызовам? Простое суммирование ответов на этот вопрос выявляет драматический, а временами непреодолимый раскол в понимании смысла ключевых концепций, понятий и оценок, не говоря о практических шагах по продвижению Проекта европейской интеграции, ныне оказавшегося, по мнению многих, в ситуации острого кризиса.

Основные трудности интеграционного проекта, зафиксированные в дискуссии, таковы: 1) Концептуальные противоречия в понимании сущности и путей интеграции, выраженные конкурирующими теориями коммуитаризма, а также различным пониманием последнего с позиций космополитизма, конфедерализма и федерализма; 2) Сохраняющееся противоречие двух параметров правого регулирования – транснационального (европейского) и национального, отраженное в различном понимании соотношения национального и европейского суверенитета, а также перспектив их соотношения в будущем; 3) Констатируемое противоречие двух векторов развития Союза – стремления к большему единству и роста внутренней асимметрии, выраженное в противостоянии различных сценариев европейской интеграции – отступления назад, реанимации действующей противоречивой модели и движения вперед к полной интеграции; 4) Дефицит демократической легитимности Союза – понятие, определяющее ситуацию, когда ключевые решения по вопросам интеграции принимаются без участия общества – европейскими структурами и институтами; 5) Неэффективность механизма принятия решений в ЕС на основе принципа единогласия всех государств-членов, что допускает возможность их блокирования в случае вето одного государства.

Самая серьезная экзистенциальная проблема ЕС усматривается в растущем противоречии между его изначально заданной идеологической миссией и требованиями реальной политики. Фундаментальная идея интеграционного проекта ЕС с момента его провозглашения состоит в установлении многостороннего либерального мирового порядка. В глобализирующемся мире сохранение этого порядка остается приоритетом для Европы, миссия которой усматривается в продвижении универсально признаваемых правил и норм, а также поддерживающих их международных институтов, покушения на которые, от кого бы они не исходили, рассматриваются как подрыв базовых ценностей и легитимирую-

щих принципов ЕС. Однако реальная политика, если она стремится быть эффективной, опирается не столько на ценности, сколько на интересы основных акторов мировой политики, расхождение которых усиливается в эпоху глобализации. Так возникает противоречие между провозглашенной миссией ЕС в мире и средствами ее достижения, неизбежно приобретающими имперские черты.

Если ранее, в период стабильности и процветания, эти структурные проблемы интеграции игнорировались или воспринимались как издержки переходного периода, то серия кризисов последнего десятилетия показала, что их решения уже нельзя избежать, а отпущенный историей масштаб времени – стремительно сокращается. Реализация интеграционного проекта выявила его внутренние деформации, как концептуальные, так и институциональные, без преодоления которых ЕС оказывается неэффективным и начинает проигрывать в глобальной конкуренции ведущих государств, где принятие решений осуществляется системно, жестко и быстро. Интеграция ЕС в этом глобальном контексте – не теоретический приоритет, но вынужденный выбор в целях элементарного выживания, поскольку государства Европы едва ли смогут противостоять глобальным вызовам по отдельности. Европейский проект, по мнению многих аналитиков, сегодня оказался на распутье. Балансируя между распадом и превращением в империю, ЕС стоит перед задачей пересмысления интеграционного проекта, его целей и методов осуществления.

Выход из противоречий интеграции усматривается частью аналитиков в реформировании ЕС на принципах федерализма. Этот план в его радикальной интерпретации включает смену парадигмы интеграции для выхода ЕС из устоявшейся колеи – переход от фактического конфедерализма к федерализму; пересмотр учредительных договоров ЕС; перемещение власти от исполнительных и технократических институтов к представительным, и от национальных – к международным и надгосударственным. Такие основополагающие принципы ЕС как равенство государств-членов, единогласное принятие ключевых решений государствами-членами Союза и рассмотрение национальных парламентов как бастиона и защитника демократической власти в ЕС – выступают в этой логике скорее как препятствие, нежели стимул интеграционного процесса. Общая цель состоит в перенесении центра тяжести с национальных конфликтов и разделений на их интернационализацию и институционализацию в масштабах Европы, в перспективе их урегулирования европейскими институтами и партиями. Суммарным выражением этих устремлений вновь становится лозунг Соединенных Штатов Европы.

Соединенные Штаты Европы – вполне продуманная либеральная стратегия преобразования Европы для XXI в. Преимущества и издержки данной стратегии вполне ясны: ее осуществление сделает ЕС гораздо более сильным и эффективным глобальным регионом (в идеале – суверенным союзным государством), позволяя концентрировать ресурсы на уровне ЕС, быстро принимать ключевые решения по обороне и безопасности и проводить их в глобальной политике. Издержки стратегии определяются сохраняющимися рисками отчуждения значительной части общества европейских стран, которая ощущает недостаток легитимности ЕС и считает, что еврократия итак забрала слишком много власти у национальных правительств. В этой ситуации решительное продвижение федеративного сценария не выглядит однозначно, способно иметь непредсказуемые деструктивные следствия. Определение данной ситуации как «кризиса» демонстрирует раскол европейского общества по вопросу о содержании и перспективах предстоящего выбора, но в то же время фиксирует необходимость его быстрого осуществления. Ближайшее десятилетие даст ответ, удастся ли европейским элитам найти выход из противоречий интеграционного процесса – консолидировать федеративную повестку реформ, сохранив при этом либеральные ценности в качестве ее легитимирующей основы.

МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ ИДЕОЛОГИИ

На идеи есть своя мода. Популярнейшие из них разлетаются по свету. Каждый переиначивает их на свой лад. Но и они меняют людей, их представления о должном и сущем. На рубеже XIX – XX вв. трудно было конкурировать с социалистическими идеалами. Только они, казалось, шли в ногу со временем. Технический прогресс, промышленный подъем, стремительная урбанизация, поразительные достижения научного знания – все это подводило к мысли: и человек скоро будет другой, и общество, и культура. Все привычные категории права отживали свой век. «Неужели вы воображаете, что через тридцать лет в Европе еще будет существовать частная собственность?» – недоумевал экономист на тот момент марксистского склада М.И. Туган-Барановский. Разумеется, он был убежден в обратном: «Пролетариат все это сметет. Исчезнет к тому времени и полицейское государство. Все будут свободны. Не забывайте, что люди учатся летать. При развитии авиации полицейское государство не может существовать. Воздух не знает ни границ, ни паспортов»².

В кружках собирались вокруг книг и спорили о них. В этом была альтернатива политики. Малочисленные объединения, которые даже не могли мечтать о широкой социальной поддержке, компенсировали свою немощь уверенностью в том, что обладают монополией на истину. Именно они верно толкуют священные тексты в то время, как остальные безнадежно ошибаются. Очень важно уметь их *правильно* читать и не впадать в «ересь». В декабре 1903 г. С.Г. Сватиков разъяснял П.Б. Струве, в чем значение В.И. Ленина при всей его резкости и нетерпимости: «Я в нем люблю ту страстность, с которой он всегда старался охранить марксизм теоретический и практический от всяких ошибочных выводов и действий. Как верный пес, лаял он на всех, пытавшихся замутить чистоту учения Маркса. И что же? Его страстная полемика принесла свои результаты. Мы, Dieu merci³, теперь марксисты, а не “струвисты”, как это было со многими еще не так давно. Да и в Вас самих, уважаемый Петр Бернгардович, открыл он зловредные семена зла, которое, возрастая, увело Вас, увы, далеко от нашего лагеря, открыл тогда, когда

¹ Соловьев Кирилл Андреевич – доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

² Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет. Воспоминания известной писательницы и общественной деятельницы А.В. Тырковой-Вильямс (1869 – 1962). М., 1998. С. 233.

³ Слава Богу (франц.).

Вы были восходящим светилом русского марксизма, и на Вас, да на Михаил'Ваныча¹ молились новообращенные питерские юные “марксята”. Теперь-то многим видно, что Вы были не столько марксистом, сколько “струвистом”»².

Кружковая культура прививала особый стиль мышления. Он строился вокруг чтения «священных» текстов в надежде «поймать» верную интерпретацию. Это была интеллектуальная игра, исключавшая компромиссы. Выпадение из такого кружка влекло за собой и личные разрывы. В январе 1901 г. Струве встретился с П.Б. Аксельродом. Они дружески беседовали. Струве жаловался на статьи В.И. Ульянова. Показалось, что Аксельрод «в душе» согласен со Струве³. Правда, он этого не сказал. Несколько дней спустя Струве признался жене, что А.Н. Потресов ненавидел его, полагая предателем: «Он слишком партийный человек, и я думаю его восстанавливает против меня глухое сознание, что моя деятельность может умалить значение их “партии” в узком смысле, что я смогу известную часть общественного внимания и общественных симпатий отвлечь от них»⁴. По оценке Струве, Потресов шел «совершенно на буксире у узколобых и злобствующих Жоржа [Г.В. Плеханова] и Ильина [В.И. Ульянова], и к сожалению переход на другие пути для него невозможен»⁵. Струве жаловался, что марксизм не научил своих сторонников мыслить. «Необходимо освежение и общественных идей, и философского мирозерцания»⁶. В его понимании социализм – это не готовая модель, это клубок пока не разрешенных проблем. В то же самая время политическая свобода – очевидность, которая должна сплотить всю общественность.

М.О. Гершензон, многие годы сотрудничавший со Струве, предлагал взглянуть на проблему иначе: социализм – это нравственное начало, путеводная звезда⁷. По словам публициста, философа, общественного деятеля Г.А. Ландау, русская интеллигенция лишь «околачивалась» около социализма, не будучи способной искренне принять его основные

¹ Имеется в виду М.И. Туган-Барановский.

² Письмо С.Г. Сватикова П.Б. Струве 24 декабря 1904 г. // РГАСПИ. Ф. 279. Оп.1. Д. 89. Л. 42 – 43.

³ Письмо П.Б. Струве Н.А. Струве 4 января 1901 г. // РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 63. Л. 10б.

⁴ Письмо П.Б. Струве Н.А. Струве 18 января 1901 г. // Там же. Л. 14.

⁵ Письмо П.Б. Струве Н.А. Струве 11 декабря 1901 г. // РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 62. Л. 14б.

⁶ Письмо П.Б. Струве Н.А. Струве 12 февраля 1901 г. // РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 61. Л. 16об. – 17. 12 января 1901 г. П.Б. Струве писал жене: «По-видимому, Вл. Ил. [В.И. Ульянов] поработил их всех также, как Жорж [Г.В. Плеханов] поработил В.Ил. и Павла [П.Б. Аксельрода]. Говорят, Юлий Ц. [Ю.О. Цедербаум (Мартов)] тоже совершенно под влиянием Вл. Ил. Вот что “фанатизм”» (Письмо П.Б. Струве Н.А. Струве 12 февраля 1901 г. // РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 62. Л. 188об – 189).

⁷ Письмо М.О. Гершензона П.Б. Струве 26 августа 1902 г. // РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 77. Л.43.

положения, равно как и отвергнуть его. Соответственно, программа наиболее амбициозного политического объединения не должна порывать с социализмом, но должна предложить то, что может объединить все общественное движение: а именно программу политического освобождения¹. Эту точку зрения разделяли и некоторые социалисты: например, Е.Е. Лазарев² или В.К. Дебогорий-Мокриевич³.

Споры шли вокруг социализма. Он был интеллектуальным вызовом конца XIX в. Эту повестку ощущали публицисты разных взглядов. Беспрестанно сражался с марксизмом Б.Н. Чичерин. Но он был практически одинок в своей борьбе. Народнические построения перенимали в правительственных кругах. Об отчуждении частновладельческой земли рассуждали многие сановники империи: А.С. Ермолов, А.Н. Куломзин, Н.Н. Кутлер. Ярчайший представитель русского консерватизма К.Н. Леонтьев с интересом слушал рассказы Л.А. Тихомирова о современных социалистических учениях. К удивлению последнего Леонтьев с воодушевлением отнесся к перспективам социализма в России.

Для молодых людей идейный выбор чаще всего был проще. Как вспоминал Н.П. Анциферов, в 1905 г. гимназисты Киева делились на две группы: эсеров и социал-демократов. Такой вопрос обычно и задавали товарищу: «Ты эсер или социал-демократ?» Как будто бы третьего не было дано. Причем стороны спорили, кто из них левее. «Эсеры с Михайловским и Лавровым в руках говорили, что они левее. Жертвенный героизм “сознательной личности”, “кровь мучеников – семя обращения”. Герои поведут за собой толпу. Террор приблизит революцию. Это первый этап. Нам, русским, не нужно ждать роста производительных сил, мощных кадров промышленного пролетариата. У России особенная статья.... Социал-демократов эти доводы не убеждали. Их тактика научно обоснована гением Маркса. Их войско – уже достаточно сильный пролетариат, в особенности таких промышленных центров, как Петербург и Москва. Революцию сделают не личности, а массы, вооруженные учением Маркса, и эта революция будет окончательна, так как она будет созданием масс передового пролетариата, который выдвинет своих вождей»⁴.

Есть либералы, социалисты, консерваторы. Казалось бы, это не вызывает сомнения. Партии, периодические издания, отдельных обще-

¹ Письмо Г.А. Ландау П.Б. Струве, 1905 г. // РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 82. Л. 47.

² Письмо Е.Е. Лазарева П.Б. Струве // РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 82. Л. 8 об.

³ Письмо В.К. Дебогория-Мокриевича П.Б. Струве 23 июня 1902 г. // РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 78. Л. 26.

⁴ Анциферов Н.П. Из дум о былом. Воспоминания / Вступ. ст., сост., прим. и аннот. указ. имен А.И. Добкина. М., 1992. С. 101–102.

ственных деятелей можно группировать по этому принципу. Проблема в том, что в России рубежа XIX – начала XX вв. легальных партий не было, в большинстве случаев действовала предварительная цензура. И главное: было очень ограничено пространство публичной политики. У общества не было привычки открыто и определенно говорить о политической сфере, а, следовательно, не было ясных программных установок, представлений о себе и других. Надо было выговориться, дабы понять хотя бы свое кредо. Идеологические построения в России XIX в. были довольно туманны в своих очертаниях. По этой причине никогда не закончится спор о том, к кому ближе славянофилы – к либералам или консерваторам. Требуется специальных пояснений вопрос об идеологических предпочтениях А.И. Герцена или Б.Н. Чичерина. Таких примеров можно привести много.

Будущий либерализм искал себя между Герценом и Чичериным, видимо все же чаще предпочитая легендарного Искандера¹. Все зависело от точки отсчета и приоритетов. Но в этом пространстве могло быть много разнообразных комбинаций. Публицистика рубежа веков знала иного рода демаркационные линии. Было принято говорить о *прогрессивной* печати, к которой причислялись журналы «Вестник Европы», «Русское богатство», «Русская мысль», «Северный вестник», газета «Русские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», специальные издания «Юридический вестник», «Хозяин», «Русский врач»². Особое значение имел «Вестник Европы». По оценке марксиста Потресова, это был «флагман» земского либерализма. У него не было и не могло быть отчетливой заявленной позиции. Она складывалась шаг за шагом, «кирпичик» за «кирпичиком». По словам Потресова, «земский либерализм названного органа не имел своей выработанной теории, своих догматических очертаний... Он был эмпириков *par excellence*... Но неуклонно регистрируя каждый факт произвола..., отстаивая земскую школу против церковно-приходской, крестьян – против земского начальника, самоуправления – против неправомерного вмешательства губернской власти..., он был не только присяжным защитником самостоятельности земской жизни, но *eo ipso* – раз земская жизнь была в центре общественной жизни – и всеобщим юрисконсультom эпохи»³.

Те, кто станут ярчайшими представителями русского либерализма начала XX в., в 1890-е г. оказались на перепутье политических учений. В октябре 1890 г. князь Д.И. Шаховской писал другу И.М. Гревсу о пер-

¹ Искандер – псевдоним А.И. Герцена.

² Веселовский Б.Б. История земства. Т. 3. СПб., 1911. С. 519.

³ Потресов А.Н. Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху // Общественное движение в России в начале XX века. Т. 1. С. 542.

спективах политической борьбы. Они были, по меньшей мере, неочевидными. Вспоминался лидер итальянского Рисорджименто Дж. Мадзини. Он ринулся в бой «без видимых оснований возможности фактического успеха, но у него была вера в родной народ, а у нас такой веры, я думаю, нет (то есть мы не видим в народе скорых союзников)». Требовалась предварительная работа. Пока не сформировавшееся движение нуждалось в программе. «Самый первый пункт – это вопрос о разделении власти между главой и народом. Второй – провозглашение прав всякого гражданина и прав не только политических, но и социальных. А именно: всякий имеет право на труд и только на продукт своего труда, всякий имеет равное с другими право в пользовании продуктами, не являющимися результатами труда, всякий немощный имеет право общественного призрения, всякий имеет право на школу»¹. В том же году Шаховской еще более отчетливо сформулировал свою позицию: «Для меня либерализм – необходимое условие проведения различных социальных реформ, не только потому что он осуществляет возможность поднятия этого вопроса и сколько-нибудь разумного его обсуждения, а еще и потому, что только он, либерализм, способен развить в народе правосознание, а без развитого правосознания всякая социальная реформа является деспотизмом..., является в известной мере несправедливостью и вредом...

Какие же практические меры *моего социализма*?

Я говорю о мерах государственных.

1. Национализация земли. Или лучше: признание за каждым одинакового с другими права пользоваться землей и стремление к уничтожению всякого капиталистического земельного хозяйства, собственником которого не было бы общество.

2. Отчуждение орудий труда в общественную пользу...

3. Уничтожение процентов.

4. Уничтожение милитаризма...»²

После издания первого тома «Очерков по истории русской культуры» (1896) П.Н. Милюкова причислили к марксистам, что было верно лишь отчасти. Он действительно весьма скептически относился к народничеству и полагал его устаревшим течением. И все же эмоционально круг авторов «Русского богатства» – флагмана народнической мысли того времени – был для него ближе марксистских кружков. Тесные отношения связывали Милюкова с семьей В.А. Мякотина и А.В. Пешехонова, ведущих публицистов журнала. Они часто приходили к Ми-

¹ Шаховской Д.И. Избранные статьи и письма, 1881 – 1895. М., 2002. С. 290 – 292.

² Там же. С. 303 – 305.

люкову в его квартиру на Петербургской стороне. На одно такое собрание явились Н.А. Рубакин, Г.А. Фальборк, В.И. Чарнолуцкий, В.В. Девель, Б.П. Никонов, разумеется, Пешехонов. Выступал сам Милюков. Он развивал мысль, что надо вести борьбу «на границе легальности». Тогда ему с Пешехоновым было поручено составить конституцию¹.

Зимой 1900 г. Милюков выступал в Горном институте на студенческом собрании. Оно было посвящено памяти П.Л. Лаврова, одного из патриархов народничества, скончавшегося в феврале 1900 г. Милюков сделал акцент на том, что уже в эмиграции взгляды Лаврова заметно изменились. Он склонялся в сторону эволюционного социализма, встречая непримиримого противника в лице М.А. Бакунина и его сторонников. Милюков подводил своего слушателя к мысли, что любая конспирация неизбежно оборачивается террором. Он, в свою очередь, – явный признак бесплодности развития революционного движения. На том вечере среди студентов присутствовал Б.В. Савинков, один из руководителей Боевой организации Партии социалистов-революционеров. Потом он полусхутом объяснял Милюкову: «Я собственно ваш ученик»².

Это выступление стоило Милюкову дорого. К нему на квартиру нагрянула полиция, провела обыск, изъяла текст «конституции». Сам Милюков отправился в дом предварительного заключения на Шпалерной улице. Дверь камеры захлопнулась. На маленьком железном столике, привинченном к стене, лежала книга. Оказалось, что это «Житие протопопы Аввакума». Милюков раскрыл ее на случайном месте и наткнулся на фразу: «И то творят не нам мучение, а себе обличение». Утром Милюкову принесли белье и множество цветов, сладостей... Это были подарки от друзей, которые ежедневно приносили цветы и лакомства. Доставлялись книги из Публичной библиотеки. Вскоре они заняли особый угол в камере. Это все понадобилось для подготовки третьего тома «Очерков по истории русской культуры». Со всех сторон раздавался стук. Так арестанты переговаривались друг с другом. Милюков дожидаясь допроса. Его производил генерал Шамаков. Он сразу потребовал от Милюкова признания. Тот не понимал, что от него требуется. Генерал увещевал, приводил в качестве примера прежних революционеров, которые не скрывали своих деяний. Несколько раз Милюкова в закрытой карете привозили на Тверскую улицу, где его допрашивали. Наконец, его вновь вызвали на Тверскую, объявили, что он свободен, но в столице жить не может. Милюков провел в тюрьме полгода³.

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 206 – 207.

² Там же. С. 208.

³ Там же. С. 209 – 211.

В представлении полицейских начальников Милюков был тесным образом связан с социалистическим движением. На практике все было сложнее. Впоследствии на одном из московских собраний Милюков, крайне раздраженный демагогией левых, позволил себе резкое высказывание: «Зачем, господа, нам спорить? Вы делаете за сценой гром и молнию, а мы будем играть на сцене»¹. Милюков не щадил самолюбия оппонентов. Его реплика была полемически заостренной. Однако эта фраза не была случайной. В ней заключалась целая политическая философия, особое мировоззрение. Милюков не высоко ставил внешние эффекты в политике. Он полагался на знание ее тайных пружин. Он был шахматистом и рационалистом, считал себя реалистом. В политике следовало стремиться к возможному, не поддаваясь сиюминутным увлечениям. «Экссессы» социалистического движения относились как раз к числу внешних эффектов, порой весьма полезных. Но не они определяли политическую погоду.

Партий в традиционном смысле этого слова пока не было, не было и партийной дисциплины. Был бульон идей, в котором «варилось» общество. Он был замешан на разных теориях: русского социализма, «особого пути», марксизма, анархизма и др. Не всегда общественному деятелю нужно было выбирать между одним и другим. Порой он мог брать все понемногу. В записке министра внутренних дел И.Л. Горемыкина есть ссылки на И.С. Аксакова и К. Маркса. Элементы социалистического идеала можно найти во взглядах многих представителей высшей бюрократии. Это не делало их социалистами. Речь идет о другом, о характеристике самого явления общественной мысли. Она складывалась из сопряжения противоположных взглядов. Это создавало условие для рождения «кентавров», сочетавших несочетаемое.

В условиях эскалации конфликта речь шла о приоритете в политической борьбе: это могла быть конституция, гарантия прав человека или социальный переворот, или устойчивость существовавшего порядка. Этот выбор в известной мере предопределял лицо человека, его сделавшего. В этом и заключается драматическое расхождение классического и нового либерализма. Либералы классического образца, Б.Н. Чичерин или К.Д. Кавелин, оттачивали свои выводы в журнальных статьях. Это были интеллектуалы, которые писали для интеллектуалов. Новое поколение искало себя в практической деятельности. Оно интуитивно нащупывало программу, создавало альянсы, договаривалось с возможными союзниками.

¹ Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 21 – 22. М., 1993. С. 200.

ИДЕАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА В ЛИБЕРАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ РАННЕГО Н.М. КАРАМЗИНА

Предисловие

Во второй половине восемнадцатого столетия, ставшем определяющим в генезисе отечественного философствования, императорская Россия была активно вовлечена в бурные общеевропейские трансформации политической и культурной жизни. Особое значение в сложной цепи событий имела Семилетняя война (1756–1763), в годы которой Россия во многом формировала карту Центральной Европы. По точному замечанию В.В. Сиповского, одного из лучших знатоков той эпохи, «почти шесть лет прожили за границей русские дворяне, служившие в полках Елизаветы... Они увидели совершенно новую жизнь, в которой чувствовалось тогда культурное движение; они присматривались к этой жизни и многое принесли на родину из чужих краев»². Поиски *русского общественного идеала* полностью сосредоточились в те годы в общеевропейском контексте.

Характерны в этой связи умонастроения одного из интеллектуальных лидеров того, предкарамзинского, поколения, молодого А.Т. Болотова, который, прослужив офицером несколько лет в покоренном русскими Кенигсберге, так описал свое прощание с этим прусским городом в 1762 г. – году восшествия на престол императрицы Екатерины II: «Прости, милый и любезный град, и прости навеки! Никогда, как думать надобно, не увижу я уже тебя боле! Небо да сохранит тебя от всех зол, могущих случиться над тобою, и да излиет на тебя свои милости и щедрости. Ты был мне полезен в моей жизни, ты подарил меня сокровищами бесценными, в стенах твоих сделался я человеком и спознал самого себя, спознал мир и все главнейшее в нем... Слеза горячая, текущая теперь из очей моих, есть жертва благодарности моей за вся и все, полученное от тебя! Прости навеки!»³. – Удивительное объяснение в любви к европейской культуре в устах человека, признанного позднее образцом русского патриота! Впрочем, именно эта прочнейшая спайка мировоззренческого европеизма и действенного патриотизма и породила фено-

¹ Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, руководитель сектора философии российской истории ИФ РАН.

² Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб.: Типография В. Демакова, 1899. С. 4–5.

³ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим. 1728–1793. Т. 2. СПб.: Типография В. Головина, 1871. С. 143.

мен «русских европейцев», определивших направление идейно-политических поисков в екатерининское и александровское время.

«Манифест о вольности дворянства», задуманный еще при императрице Елизавете Петровне, изданный Петром III и подтвержденный Екатериной, разбросал по огромной стране тысячи и тысячи энергичных дворян, которые ранее бывали в родных гнездах лишь наездом: «Возвращаясь на родину уже не с тем, чтобы умирать на покое, а для того, чтобы жить в свое удовольствие, они легко увлекались всем, что могло хотя до некоторой степени поддержать ту культурную атмосферу, в которой они были приучены жизнью в умственных центрах»¹. Индивидуальная человеческая жизнь впервые в России стала драгоценным предметом осознанного *культурного выбора*, а не объектом предзаданной регламентации – это была совершенно новая, европейская по сути, экзистенциальная реальность, породившая одновременно многие проблемы.

Русский европеизм в своих многообразных формах проникал в ткань повседневной жизни. И, как это часто бывает, динамизм общественного развития стимулировал быструю дифференциацию умов и даже политическое напряжение: «Русское общество очень заметно раскололось на две половины, враждующие одна с другою: Петербург и Москва были центрами враждующих лагерей; французское влияние, с одной стороны, и немецко-английское, с другой, – вот две столкнувшиеся силы. Императрица, с ее верой в просвещенный абсолютизм, – и молодое русское общество, выходящее на самостоятельный путь, без всяких помочей, своими силами, – вот враги, культурная борьба которых заполнила конец XVIII века»².

По сути, речь шла о соперничестве двух возможных для России стратегий прогресса: властно-контролируемой, исходящей с самого политического «верха», и более спонтанной, идущей от прорастающей «снизу» гражданской просвещенности. Что нужнее и возможнее для России: постепенное окультуривание политики – или, напротив, отвердевание в политической культуре нравственных гуманистических императивов? И что делать с народной толщей: постепенно *просвещать* ее или *освободить*?

Самобытная, свободолюбивая мысль просыпающейся к общественной жизни русской провинции ориентировалась в последней трети XVIII в. на Москву и ее мозговой центр – Московский университет. Интеллектуальным лидером, подлинным вожаком этой «московской пар-

¹ Сиповский В.В. Н.М. Карамзин. С. 5.

² Там же. С. 11.

тии» стал перебравшийся в древнюю столицу в 1779 г. литератор и издатель Николай Иванович Новиков¹. «Творцом этой новой жизни Новиков не был, – отмечает Сиповский. – Он – только талантливый выразитель тех желаний, которые с половины XVIII века пробуждаются в русском провинциальном обществе. Он один из первых дал себе отчет в этих желаниях и помог разобраться в них русскому обществу. Благодарная Россия послала к нему в Москву своих сынов; он соединил их около себя и... повел эту молодежь туда, где, как ему казалось, мерцал свет истины»².

Среди этих молодых людей, вовлеченных в «новиковскую партию», – культурно-просветительскую по сути и масонскую по форме, был и Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) – «*первый наш философ*», по точному определению Б.М. Эйхенбаума³.

Новейшие исследования доказывают, что знаменитая европейская поездка Карамзина 1789–1790 гг., известная нам по «Письмам русского путешественника»⁴, была вовсе не путешествием свободного вояжера, а фактическим бегством за границу, по сути дела *эмиграцией* – одной из первых в новой русской истории⁵.

Причиной отъезда Карамзина из Москвы весной 1789 г. (через Петербург и Ригу в германские земли и далее в Швейцарию, Францию, Англию) были начавшиеся преследования московского кружка просветителя-масона Н.И. Новикова со стороны присланного в Москву Екатериной II обер-прокурора Сената, князя Гавриила Гагарина – раскаявшегося перед императрицей гроссмейстера петербургских масонов шведского обряда, ставшего впоследствии главным свидетелем по делу московских розенкрейцеров во главе с Новиковым⁶.

¹ См.: Лонгинов М. Новиков и Шварц. Материалы для истории русской литературы в конце XVIII века. 2-е изд. М.: типография В. Готье, 1958.

² Сиповский В.В. Н.М. Карамзин. С. 12.

³ Эйхенбаум Б.М. О прозе. О поэзии. Л.: Художественная литература, 1986. С. 10.

⁴ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника (ред. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский). Л.: Наука, 1984. 718 с.

⁵ Кара-Мурза А.А. Швейцарские странствия Николая Карамзина (1789–1790). М., Аквилон, 2016; Кара-Мурза А. Чем беглец отличен от путешественника. Загадка европейского турне Николая Карамзина // НГ–Сценарии. 2016. № 7 (165), 27 сентября. С. 14; Kara-Murza A. Traveler or Fugitive? A New Reading of Nikolai Karamzin's Letters of a Russian Traveler // Russian Studies in Philosophy. 2017. vol. 55, № 6. P. 410–421.

⁶ Крестова Л.В. А.И. Плещеева в жизни и творчестве Н.М. Карамзина // XVIII век. Сборник 10. Русская литература XVIII века и ее международные связи. Памяти чл.-корр. АН СССР П.Н. Беркова. Л.: Наука, 1975. С. 266; Кара-Мурза А.А. Загадка «Тартюфа». Известные страницы европейского путешествия Н.М. Карамзина (1789–1790) // Николай Карамзин и исторические судьбы России (ред. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева). М.: Аквилон, 2016. С. 361–375.

Согласно Ю.М. Лотману, «путешествие» Карамзина (как нам теперь известно, – вынужденное) планировалось «как некая дуга с двумя основными точками опоры: Швейцарией и Англией»¹. Эти две страны «как бы олицетворяли для Карамзина две возможности развития человечества, между которыми колебались симпатии Карамзина в то время, когда он готовился к путешествию... Патриархальности Швейцарии противостоял идеал “просвещенности” – Англия»². «В конечном счете, – продолжает Лотман, – это была антитеза общественных устремлений Руссо и Вольтера... Желание произвести “следствие на месте” над идеями двух апостолов Просвещения XVIII в. было одной из побудительных причин путешествия»³.

«Швейцарский миф» стал устойчивым элементом русского отношения к Европе за пару десятилетий до вояжа Карамзина. В нашей культурной традиции Швейцария представала «некой парадигмой, которая тревожила российское сознание необычайностью своей природы и кажущейся идеальностью своей судьбы» и служила россиянам чем-то вроде «нравственно-политического “зеркала”, в котором отражались социокультурные мечтания и утопические проекты русской общественной мысли. Картины сказочной земли справедливости, таинственного Беловодья народных религиозных преданий, где “мужички-то все богаты”, подспудно проецировались на реально существующую страну»⁴.

Швейцария очень рано заняла особое место и в творчестве самого Карамзина. Еще семнадцатилетним юношей, он в 1783 г. опубликовал в Петербурге перевод с немецкого швейцарской идиллии Соломона Геснера «Деревянная нога»⁵. Среди главных добродетелей швейцарцев юный переводчик особо превозносит их «вольность». Фразу Геснера «*Freyheit, Freyheit beglückt das ganze Land!*» Карамзин передает следующим образом: «Вольность, сия дражайшая вольность, делает счастливой всю сию страну»⁶.

А спустя три года, в 1786 г., повзрослевший Карамзин издает – теперь уже в Москве – прозаический перевод поэмы другого швейцарца, поэта и естествоиспытателя Альбрехта фон Галлера «О происхождении

¹ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. СПб.: Азбука, 2015. С. 101.

² Там же.

³ Там же. С. 102.

⁴ Данилевский Р.Ю. Русские миражи в Швейцарских Альпах (Швейцария и российские социокультурные утопии) // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб.: Издательство Пушкинского дома, 2010. С. 237.

⁵ Геснер С. Деревянная нога, швейцарская идиллия господина Геснера (пер. с немецкого Н. Карамзина). СПб.: типография Брейткопфа, 1783.

⁶ Там же. С. 7.

зла»¹. В своих комментариях переводчик подтверждает свое особое отношение к Швейцарии и ее гражданам: «Под сими счастливыми тварями понимает Галлер альпийских пастухов. Всё, слышанное мною от путешествовавших по Швейцарии в роде жизни их, в восхищение приводило меня. Размышление о сих счастливых часто побуждало меня восклицать: “О смертные! просто уклонились вы от начальной невинности своей! Почто гордитесь мнимым просвещением своим!”»².

Итак, руссоистская беспорочность вольного человека, свободный отказ от условностей и ограничений цивилизации – вот один из манящих юного Карамзина «общественных идеалов», отождествляемых им с самоуправляющимися кантонами Швейцарии.

Как мы знаем, европейские странствия беглеца-эмигранта Карамзина продлилось около четырнадцати месяцев: с мая 1789 г. по июль 1790 г. Швейцарский период, безусловно, занял в этом турне центральное место: в Швейцарии Карамзин пробыл около семи месяцев – с начала августа 1789-го до начала марта 1790-го. Для сравнения: в Германии он провел менее двух месяцев, во Франции около трех, в Англии меньше двух месяцев. Судя по всему, главным пунктом пребывания Карамзина в Европе изначально намечалась Женева, где друзья-масоны подготовили ему надежное убежище: здесь путешественник прожил долгие пять месяцев – со 2 октября 1789 г. по 1 марта 1790 г.³.

В своих «Письмах русского путешественника» Карамзин, находясь, судя по записям, на пути между Базелем и Цюрихом, сочиняет свою апологию этой земле – полностью в духе кумира своей юности Жан-Жака Руссо: «Уже я наслаждаюсь Швейцарию, милые друзья мои! Всякое дуновение ветерка проникает, кажется, в сердце мое и развеивает в нем чувство радости. Какие места! Какие места! Отъехав от Базеля версты две, я выскочил из кареты, упал на цветущий берег зеленого Рейна и готов был в восторге целовать землю»⁴.

«Счастливые швейцары! – продолжает изливать свои восторги Карамзин. – Всякий ли день, всякий ли час благодарите вы небо за свое счастье, живучи в объятиях прелестной природы, под благодетельными законами братского союза, в простоте нравов и служа одному богу? Вся жизнь ваша есть, конечно, приятное сновидение, и самая роковая стре-

¹ Галер А. О происхождении зла, поэма великого Галера (в 3-х песнях) (пер. с немецкого Н. Карамзина). М.: типография Н.И. Новикова, 1786.

² Там же. С. 11.

³ Согласно нашей версии, в Женеве беглец-эмигрант Карамзин пережил тяжелую душевную болезнь, чем объясняется крайняя скудость женеvских фрагментов в «Письмах русского путешественника» (подробнее см.: Кара-Мурза А.А. Швейцарские странствия Николая Карамзина (1789–1790). С. 61–70).

⁴ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 102.

ла должна кротко влетать в грудь вашу, не возмущаемую свирепыми страстями!»¹.

Наилучшее впечатление произвел на Карамзина город Цюрих: «С отменным удовольствием смотрел на его приятное местоположение, на ясное небо, на веселые окрестности, на светлое, зеркальное озеро и на красные его берега, где нежный Геснер рвал цветы для украшения пастухов и пастушек своих; где душа бессмертного Клопштока наполнялась великими идеями о священной любви к отечеству...»².

Природный рай центральной Швейцарии счастливым образом сочетается в глазах Карамзина с общественной гармонией: «Ни в каком другом европейском городе не найдете вы, друзья мои, таких неиспорченных нравов и такого благочестия, как в Цюрихе. Театр, балы, маскарады, клубы, великолепные обеды и ужины! Вы здесь неизвестны»³.

Распорядок жизни граждан Цюриха естественен, размерен и направлен к общему благу: «Мужчины отправляют поутру дела свои: купец идет в контору или в лавку, ученый садится читать или писать, художник берется за свою работу... Мудрые цюрихские законодатели знали, что роскошь бывает гробом вольности и добрых нравов, и постарались заградить ей вход в свою республику»⁴.

Общественная гармония в швейцарских кантонах обеспечивается, согласно Карамзину, не только природными добродетелями граждан, но и разумностью принимаемых законов, не налагающих на граждан избыточных ограничений. «Не увидите вы здесь ничего гниющего, непочиненного, – пишет Карамзин в дневнике по пути из Бадена в Берн. – Во всем соблюдена удобность и все необходимое в изобилии и совершенстве... Цветущее состояние швейцарских земледельцев происходит наиболее оттого, что они не платят почти никаких податей и живут в совершенной свободе и независимости, отдавая правлению только десятую часть из собираемых ими полевых плодов»⁵.

Именно Карамзин, по справедливому замечанию современной исследовательницы русских вояжей в Швейцарию В.В. Смекалкиной, «без сомнения, сыграл ключевую роль в зарождении русского “паломничества” в Швейцарию и надолго определил парадигму восприятия этой страны русскими путешественниками...»⁶. «Практически все описанные

¹ Там же. С. 102–103.

² Там же. С. 106.

³ Там же. С. 119.

⁴ Там же. С. 120.

⁵ Там же. С. 127.

⁶ Смекалкина В.В. Русские путешественники в Швейцарии во второй половине XVIII – первой половине XIX в. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 193; см. также: Иванов М.В. Мир Швейцарии в «Письмах русского путешественника» // XVIII век. Сборник 10. Л.: Наука, 1975.

Карамзиным достопримечательности и природные красоты, а также его маршруты, – отмечает далее автор, – всё это вскоре станет “хрестоматийным” и в некотором роде обязательным для посещения россиянами, а его размышления и переживания превратятся для последовавших за ним путешественников в некий духовный *vademecum*, с которым они будут сверять свои впечатления»¹.

Швейцария – обетованная земля руссоистской слиянности с Природой, естественной человеческой вольности и полного отсутствия властного произвола – эта тема по-разному варьируется на страницах «Писем русского путешественника». Лишь в очень редких случаях беглец из далекой России позволяет себе усомниться в новообретенном «идеале» и задается тревожными вопросами. А не является ли швейцарская идиллия лишь проявлением глухой архаики, непросвещенности и – в конечном счете – «недоцивилизованности»? Простота жизни «вольных швейцаров» – не есть ли, возможно, лишь следствие бедности и невежества?

А «счастливая уединенность» – не является ли она лишь печальным свидетельством «исторической брошенности»? Так, отплыв летней ночью в почтовой лодке из Туна – к другому концу одноименного озера, на пути к швейцарским Альпам, Карамзин делает вдруг в дневнике не характерные в целом для него записи: «Внизу дымятся хижины, жилища бедности, невежества и – может быть – спокойствия. Вечная премудрость! Какое разнообразие в твоём физическом и нравственном мире!»². Швейцарское спокойствие – да, но является ли «спокойствие» идеалом индивидуальной и общественной жизни?

Спустя небольшое время, в Англии, Карамзину доведется провести еще одно, выражаясь языком Ю.М. Лотмана, «следствие на месте» – на этот раз относительно принципиально иной модели общественного идеала...

Еще в ранней юности, обучаясь в 1778–1782 гг. в московской Немецкой слободе, в частном пансионе профессора Шадена³, Карамзин

С. 296–302; Немировский И.В. Швейцарская тема в «Вестнике Европы» Н.М. Карамзина // XVIII век. Сборник 16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л.: Наука, 1989. С. 271–280.

¹ Сmealкина В.В. Русские путешественники в Швейцарии. С. 201. К примеру, в своих заметках о европейском путешествии 1862–1863 гг. Ф.М. Достоевский не раз мысленно дискутирует именно с Карамзиным: «Почему Европа имеет на нас, кто бы мы ни были, такое сильное, волшебное, призывное впечатление?.. Неужели же кто-нибудь из нас мог устоять против этого влияния, призыва, давления?» (Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем в 30 тт. Л., 1973. Т. 5. С. 51.)

² Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 131.

³ Кара-Мурза А.А. Карамзин, Шаден и Геллерт. К истокам либерально-консервативного дискурса Н.М. Карамзина // Филология: научные исследования, 2016, № 1. С. 101–106. «Немецкая слобода» была для юного Карамзина своего рода «идеальной Россией», открывавшей уникальные культурные возможности: «В судьбе Карамзина четыре года пребывания в

«брeдил Англией и, почти не видав англичан, восхищался ими и воображал Англию самую приятнейшею для сердца моего землею»¹. «С каким восторгом, – вспоминал он, – читал я во время американской войны донесения торжествующих британских адмиралов!... Я праздновал победы их и звал к себе в гости маленьких соучеников моих. Мне казалось, что быть храбрым есть... быть англичанином, великодушным – тоже, чувствительным – тоже; истинным человеком – тоже»².

К моменту европейской поездки Карамзина Англия, в отличие от Франции, имела в культурных кругах российских столиц репутацию «образцовой страны». Этому во многом способствовали впервые увидевшие свет еще в 1775 г. путевые заметки княгини Е.Р. Дашковой, близко изучившей политические традиции Лондона и Эдинбурга. В своем «Путешествии одной российской знатной госпожи по некоторым Аглинским провинциям» Дашкова, в частности, писала: «Англия мне более других государств понравилась. Правление их... превосходит все усильственные опыты других народов в подобных предприятиях»³.

Знал молодой Карамзин об Англии и из сочинений немецкого просветителя-масона Карла Филиппа Морица. Еще в юности Карамзин «с превеликим удовольствием»⁴ изучал на немецком трэвелог Морица «Путешествие немца по Англии в 1782 году». А в начале своего европейского вояжа (в начале июля 1789 г.) он лично встречался и беседовал с Морицем в Берлине. И запомнил его слова: «Кто хочет видеть просвещенный народ, который посредством своего трудолюбия дошел до высочайшей степени утончения в жизни, тому надобно ехать в Англию...»⁵.

Немецкой слободе стали временем исключительно важным; фактически – его первым путешествием в Европу. Парадокс заключался в том, что эту свою “первую Европу” юный Карамзин нашел не на Западе, а в Москве, причем как вполне органичную часть русской жизни. Ведь Немецкая слобода времен Карамзина-подростка – это уже екатерининская Москва, прожившая со времен царя Петра Алексеевича с его “потешными” катаниями по Яузе-реке и наивно-любопытным подглядыванием за жизнью “немцев” (то есть всех “немых”, не говорящих по-русски, чужаков) содержательный период межкультурного синтеза (Кара-Мурза А.А. Швейцарские странствия Николая Карамзина. С. 10).

¹ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 380.

² Там же. Исследователи дружно отмечают, что в своем описании Англии Карамзин отталкивался от хорошо известных ему с детства литературных традиций Даниэля Дефо («Жизнь и необычайные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка», 1719) и Лоренса Стерна («Сентиментальное путешествие по Франции и Италии», 1768), полагавших, что «простой свободорожденный англичанин есть высшее творение Бога» (См.: Капустянская К.В., Кубанев Н.А. Англия глазами русских писателей // Научный поиск. 2015. № 3. С. 50–54).

³ Дашкова Е.Р. Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым Аглинским провинциям // «Я берег покидал туманный Альбиона...». Русские писатели об Англии. 1646–1945. М.: РОССПЭН, 2001. С. 31.

⁴ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 46.

⁵ Там же.

И вот, наконец, Карамзин в Англии: в сравнении со Швейцарией, он пробыл там относительно недолго. Прибыв на Туманный Альбион в начале июня 1790 г.¹, он уже в середине июля (по принятому в Европе григорианскому календарю) покинул Англию и 15 июля по юлианскому календарю, принятому в России, был в Санкт-Петербурге, вернув себе, таким образом, те 11 дней, которые были утрачены им при выезде за границу.

Волнение от пребывания в стране, которую так ценили за «просвещенность» авторитетные для Карамзина англоманы (французские, немецкие, русские) охватило его еще при швартовке корабля в Дувре: «Берег! Берег! Мы в Дувре, и я в Англии – в той земле, которую в ребячестве своим любил я с таким жаром и которая по характеру жителей и степени народного просвещения есть, конечно, одно из первых государств Европы»².

Вскоре, в своих «письмах из Англии» Карамзин уже прямо полемизирует с собственным, еще совсем недавним, «швейцарским мифом» – о «свободе от политики» (поближе к Природе и подальше от Власти) – как идеале человеческого существования. Англия показала «русскому путешественнику» наглядный пример того, как социальная динамика, разнообразие общественной жизни способны наилучшим образом удовлетворить потребности культурного и «разумного» человека.

«Какая земля! – восклицает Карамзин уже по дороге из приморского Дувра в Лондон. – Везде встречается вам множество карет, колясок, верховых; множество хорошо одетых людей... Какое многолюдство! Какая деятельность! И притом какой порядок! Все представляет вид довольства, хотя не роскоши, но изобилия. Ни один предмет от Дувра до Лондона не напомнил мне о бедности человеческой (прямая отсылка к виденным недавно “жилищам бедности” в континентальной Европе. – А.К.)»³.

После пребывания во Франции и высказанных им тогда многочисленных инвектив в адрес Парижа (здесь наш «путешественник» лишь следует в русле более ранних путевых заметок Д.И. Фонвизина), Карамзин не устает восхищаться Лондоном: «Редкая чистота, опрятность в одежде людей самых простых и какое-то общее благоустройство во всех предметах... Какая розница с Парижем! Там огромность и гадость, здесь

¹ Об этом свидетельствует единственное письмо Карамзина к И.И. Дмитриеву, отправленное из Лондона 4 июня 1790 г., в котором автор сообщает, что пробудет в Англии недолго: «Скоро буду думать о возвращении в Россию» (Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина (пред. Б.Ф. Егорова). М.: Книга, 1987. 336 с. [6, с. 175].

² Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 327.

³ Там же. С. 329.

простота с удивительной чистотой; там роскошь и бедность в вечной противоположности, здесь единообразие общего достатка; там палаты, из которых ползут бледные люди в разодранных рубищах, здесь из маленьких кирпичных домиков выходят здоровье и довольствие, с благородным и спокойным видом – лорд и ремесленник, чисто одетые, почти без всякого различия; там распудренный, разряженный человек тащится в скверном фиакре, здесь поселянин скачет в хорошей карете на двух гордых конях; там грязь и мрачная теснота, здесь все сухо и гладко – везде светлый простор, несмотря на многолюдство»¹.

Многообразие форм межлического общения – вот новый идеал Карамзина: «Я не знал, где мне приклонить свою голову в обширном Лондоне, но ехал спокойно, весело; смотрел и ничего не думал. Обыкновенное следствие путешествия и переездов из земли в землю! Человек привыкает к неизвестности, страшной для домоседов. “Здесь есть люди: я найду себе место, найду знакомство и приятности”, – вот чувство, которое делает его беззаботным гражданином вселенной!»²

Что касается «уединения», которое, разумеется, периодически необходимо каждому разумному человеку (и даже прославленному молодому Карамзиным «гражданину вселенной»), то оказывается, что именно многолюдный космополитический город, как это ни парадоксально, предполагает такую возможность: «Я люблю большие города и многолюдство, в котором человек может быть уединеннее, нежели в самом малом обществе; люблю смотреть на тысячи незнакомых лиц, которые, подобно китайским теням, мелькают передо мною, оставляя в нервах легкие, едва приметные впечатления; люблю теряться душою в разнообразии действующих на меня предметов и вдруг обращаться к самому себе – думать, что я средоточие нравственного мира, предмет всех его движений, или пылинка, которая с мириадами других атомов обращается в вихре предопределенных случаев»³.

И, тем не менее, наш помудревший «путешественник» (напомним, что карамзинские «Письма из Англии», в силу цензурных ограничений, были опубликованы на четыре-пять лет позднее швейцарских) уже понял, что не хотел бы остаться в Англии: «Теперь вижу англичан вблизи, отдаю им справедливость, хвалю их – но похвала моя так холодна, как они сами... Знаю, что и в Сибири можно быть счастливым, когда сердце довольно и радостно... Английская зима не так холодна, как наша; зато у нас зимою бывают красные дни, которые здесь и летом редки... Русское

¹ Там же. С. 331.

² Там же.

³ Там же. С. 332.

мое сердце любит изливаться в искренних, живых разговорах, любит игру глаз, скорые перемены лица, выразительное движение руки. Англичанин молчалив, равнодушен, говорит, как читает, не обнаруживая никогда быстрых душевных стремлений, которые потрясают электрически всю нашу физическую систему»¹.

Даже красноречие английских парламентариев Карамзин описывает не только уважительно, но и иронически: «Я входил в разные кофейные дома: двадцать, тридцать человек сидят в глубоком молчании, читают газеты, пьют красное португальское вино, и хорошо, если в десять минут услышите два слова... Мудрено ли, что ораторы их в парламенте, заговорив, не умеют кончить? Им наскучило молчать дома и в публике»².

Карамзин хорошо понимает, что «англичане горды» и «всего более гордятся своею конституциею». Но, по его мнению, «законы хороши, но их надобно еще хорошо исполнять, чтобы люди были счастливы», а это уже зависит от гражданской просвещенности. «Итак, не конституция, а просвещение англичан есть истинный их палладиум, – делает вывод Карамзин. – Всякие гражданские учреждения должны быть соображены с характером народа; что хорошо в Англии, то будет дурно в иной земле... Впрочем, всякое правление, которого душа есть справедливость, благотворно и совершенно»³.

Причины и обстоятельства возвращения Карамзина в Россию летом 1790 г. окутаны не меньшим количеством загадок, чем его внезапный отъезд в Европу весной 1789 г.

Еще в швейцарских фрагментах «Писем русского путешественника», у Карамзина начинает отчетливо звучать «патриотическая тема», ностальгия по России и оставшимся на родине друзьям: «Для того чтобы узнать всю привязанность нашу к отечеству, надобно из него выехать; чтобы узнать всю любовь нашу к друзьям, надобно с ними расстаться»⁴.

Путешествуя по Швейцарии, русский беглец всё внимательнее прислушивается к местным песням: «Я слышу пение; оно несется из окон соседнего дома. Это голос юноши – и вот слова песни: “Отечество мое! Любвию к тебе горит вся кровь моя; для пользы твоей готов ее пролить; умру твоим нежнейшим сыном... Мы все живем в союзе братском; друга любим, не боимся и чтим того, кто добр и мудр. Не знаем роскоши, которая свободных в рабов, в тиранов превращает... Отечество мое!”»⁵.

¹ Там же. С. 380–381.

² Там же. С. 333.

³ Там же. С. 382–383.

⁴ Там же. С. 108.

⁵ Там же. С. 108–109.

Не без зависти Карамзин присматривается к разнообразным проявлениям тесной связи жителей Швейцарии с их родной землей: «Швейцарцы так страстно любят свое отечество, что почитают за великое несчастье надолго оставлять его»¹.

Те же настроения охватывают скитальца Карамзина и в Англии. Еще на пакетботе, пересекшего Ла-Манш, он обратил особое внимание на своих спутников, возвращавшихся на родину из Италии – молодого английского лорда в сопровождении жены и сестры: «Лорд важен, но учтив. Леди и мисс любезны. С каким нетерпением приближаются они к отечеству, к родственникам и друзьям своим, после шестилетней разлуки! С какою радостью говорят о тех удовольствиях, которые ожидают их в Лондоне! – Ах! Я завидовал им от всего сердца!»²

...Драма «путешественника поневоле» Николая Михайловича Карамзина заставляет задуматься об общих судьбах русской эмиграции: от Курбского и Герцена – через массовый пореволюционный исход – к диссидентам новейшего времени. Их трагедия состояла в том, что эти люди, зачастую цвет отечественной культуры, вынуждены были, в силу обстоятельств, предпочесть родине – «свободу». Особое, выдающееся место Карамзина в нашей истории и культуре обусловлено в том числе и тем, что он – безусловный европеист по образованию и воспитанию – впервые осмелился поставить вопрос принципиально иначе: *«а зачем мне свобода без родины?..»*

Возвращаясь в Россию летом 1790 г., Карамзин, разумеется, сильно рисковал. Но, как ни парадоксально, именно сам факт «возвращения», под сень родного самодержавия и в его полную властную юрисдикцию в известном смысле «обезоружил» правительство Екатерины II.

Аналогичным, абсолютно бесстрашным образом поступили Петр Чаадаев в 1826 г. (в разгар преследований «декабристов»), а потом и Владимир Соловьев в 1888 г. (после успеха в Париже его абсолютно диссидентской «Русской идеи») ³. Европейский «общественный идеал» – без всяких гарантий на успех – надо было попытаться реализовать в России...

¹ Там же. С. 108.

² Там же. С. 326. На том же корабле, рядом с Карамзиным, плыли и два немца, «кажется, ремесленники, которые, думая, что их никто не понимает, свободно разговаривают между собою»: «Что-то мы увидим в Англии! – сказал один. – Французы нам теперь известны; в них не много пути». – “Думаю, – отвечал другой, – что и Англия нам не очень полюбится. Где лучше нашей любезной Германии! Где лучше берегов Рейна!”» (Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 326).

³ Подр. см.: Жукова О.А. Творчество Чаадаева и его интерпретация в интеллектуальной культуре Серебряного века // Философский журнал. 2021. № 1. С. 68–83.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ РОССИИ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ МЫСЛИ

Либеральная мысль эмиграции с годами все менее совпадала с партийным делением дореволюционной России. В эмигрантской мысли были представлены не партийные структуры, а интеллектуальные системы и идеи отдельных личностей. Из всех либеральных объединений только кадеты, изначально высоко ставившие партийную организацию и дисциплину, попытались возродить партийную структуру в изгнании². Однако наличие крупных теоретиков, публицистов и политиков в либеральном поле (Н.А. Бердяев, М.М. Винавер, А.В. Карташев, В.А. Маклаков, П.Н. Милюков, Б.Э. Нольде, В.А. Оболенский, Ф.И. Родичев, В.Д. Набоков, П.И. Новгородцев, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, П.Б. Струве и др.) способствовало индивидуализации воззрений и идей. Представители либерализма вели большую публицистическую деятельность, насыщая интеллектуальное пространство эмиграции информацией, идеями, дискуссиями. Диапазон либеральной мысли был представлен в ведущих газетах эмиграции: «Последние новости», «Возрождение», «Руль».

Либеральный сектор эмигрантской мысли довольно гибко реагировал на новые факторы: меняющуюся международную обстановку, известия из России, теории и идеи своих оппонентов в эмиграции. Ключевым поворотом в этом отношении стала заявленная после «Крымской катастрофы» 1920 г. «новая тактика» Милюкова, которая отвергала продолжение военной борьбы против Советской России и делала ставку на «мирное преодоление» большевизма. На этой платформе наметилось сближение либеральных и либерально-демократических идей. В этой среде сложился концепт «третьей России», которая должна была «изжить» большевизм, не повторив ошибки ни самодержавной империи, ни советской России.

Следует учесть, что информация о жизни в СССР, которую получали за рубежом, была столь противоречива и ненадежна, что не могла служить достаточным основанием для выработки реальных перспектив новой России. Поэтому в концепции «третьей России» смешивались как классические либеральные установки и демократические принципы, так и реакция на доступные в эмиграции известия из России. На этой проти-

¹ Березовая Лидия Григорьевна – доктор исторических наук, профессор.

² См.: Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 699–711.

воречивой основе либеральные политики и теоретики строили подчеркнуто рациональные планы на будущее. Компромиссная схема «третьей России» должна была перекинуть мостик от отвлеченных либеральных программ к реальным путям трансформации большевистской России. Прежде всего следовало решить, каким образом будет свергнута власть большевиков. Поскольку насильственные формы свержения большевиков исключались, то предполагалась «эволюция» большевизма и социализма в сторону демократии и признания частной собственности. Недостаток реальной информации из советской России и сакрализация правовых основ государственности служили основанием для формирования иллюзии о неизбежности «эволюции» большевизма в сторону правовых отношений.

Газета Милюкова «Последние новости» первой отметила тенденцию «обюрокрачивания большевистской партии», постепенное превращение диктатуры пролетариата в диктатуру партийной бюрократии, что рождало надежду на изживание произвола новой власти. После выборов в Верховный совет в 1927 г. газета «Последние новости» поместила цифровой анализ состава «советского парламента», в котором лишь 25% составляли рабочие и крестьяне и почти 75% – советская бюрократия¹. Этот странный феномен государственности советской России толковался как знак движения к упорядочению власти. Но «обюрокрачивание» партийной верхушки вовсе не означало ее следование правовым нормам, а лишь возводило в ранг закона решения партийных органов.

В либеральной идеологии не были учтены такие факторы и субъекты исторического процесса как «народ», «стихия масс», массовое беззаконие, силовое правление. Они представлялись мифическими, не поддающимися правовой фиксации и, следовательно, – временными. Идеальная схема государственности у либералов строилась на понятиях «государственные учреждения», «общественные институты», «политические процедуры». Но данных субъектов в советской России не существовало или они не играли важной роли в государственном устройстве и политической жизни. Здесь крылся определенный понятийный диссонанс, поскольку мифические понятия не укладывались в рациональные схемы либералов, а конкретная действительность в России строилась именно по ним, а не по научным схемам. Необъяснимость произошедшего с Россией для либералов состояла в том, что рациональная и логическая конструкция русской истории была разрушена в 1917 г. «неосуществимой утопией», а затем фантом и утопия наполнились событиями, живыми людьми и стали реальностью. То, что казалось

¹ Последние новости. 1927. 21 апреля.

безумным и бессмысленным с точки зрения формальных политических законов, стало в СССР историческим фактом. Перед фактом победы коммунистической утопии либеральная мысль на несколько лет растерялась, ибо не учитывала политическое безумие, политический произвол в качестве исторического фактора.

Преодоление правового хаоса в будущей России занимало главное место в либеральных проектах будущего России – все остальное казалось им легко поправимым. К тому же в этой области бывшие участники политического процесса, знатоки права чувствовали себя увереннее всего. Необъяснимая с точки зрения логики власть большевиков заставляла постоянно корректировать взгляды на политическое будущее России. Ярче других это проявилось в схемах Милюкова. Как рациональный политик, Милюков обратил внимание на факторы устойчивости большевистского режима и постоянно искал внутренние факторы гибели большевизма. В ответ на ужесточение политического режима в СССР он ожидал консолидацию «снизу», что «выветривает систему и снизу меняет цели власти», т.е. в результате «умной контрреволюции» зарождается некая «третья Россия», альтернативная большевистским схемам. Милюков призвал кадетов-политиков в своих расчетах на будущее делать ставку на логику развития частновладельческого крестьянства: «Пусть народ сам выбирает свой путь, и надо с уважением отнестись к его выбору»¹. Эта новая для либералов, во многом мифическая, социальная опора стала основой для создания идеи «третьей России», России «несоциалистической демократии», «небольшевистских Советов» с мелкобуржуазным аграрным хозяйством, которая возникнет «снизу», в результате «народного волеизъявления», когда с народа будет снята «поверхностная шелуха советской власти»². Идея «третьей России» оказалась особенно популярной на стыке либеральной и демократической мысли эмиграции.

Самыми общими позициями, которые разделяли большинство приверженцев «третьей России», было признание республиканского и федеративного порядка в будущей России, уничтожение помещичьего землевладения, развитие местного самоуправления. Для самих либералов в этой идее «третьей России» камнем преткновения оказались правовые вопросы о возврате собственности бывшим владельцам после предполагаемого падения большевистской власти. Расчет на мелкую частную собственность крестьянства исключал возврат к помещичьему землевладению, что ставило под сомнение сам принцип неприкосновенности

¹ Последние новости. 1923. 31 марта, 12 апреля.

² Последние новости. 1923. 20 апреля.

частной собственности. Стремясь к правовому решению вопроса, кадетские идеологи строили сложные системы для сохранения легитимности крестьянского владения национализированной землей, компенсаций бывшим собственникам, условий передачи владений, степени государственного регулирования и т.д. Была выстроена целая программа поэтапного перехода от социалистической национализации к «демократическому капитализму».

Правые и центристские группы кадетов критиковали идею «третьей России» за «капитуляцию» перед «бунтующей массой», считая «волю народа» не созидательной, а разрушительной силой. Расчет на «крестьянскую демократию» как противостоящую большевикам силу, по их мнению, размывал и самое либеральную идею, превращая ее, по существу, в либерал-демократизм. Конвергенция либерализма с идеей «эволюционного социализма», по их мнению, была предательством и опасным заблуждением, социализм ни в какой модификации не приживется в России (А.В. Карташев, П.П. Юренев). В отличие от «левых кадетов», они считали большевизм неспособным к какой-либо эволюции в сторону демократии.

Эта критика и сомнения были в значительной степени справедливы. Милюков и его сторонники не учли радикальность будущей сталинской коллективизации, уничтожившей крестьянство как социальную силу. Неожиданным для либералов оказался уровень беззакония и масштаб репрессий по отношению к крестьянству и мелким производителям; радикализм в «сворачивании» нэпа. Либералы-политики исходили из политической и социальной логики, а большевистское правительство строило политику на иных основаниях и мотивах. В 1923 г. Милюков писал: «Мы часто ошибались, предсказывая наступление близкого конца... Наш прогноз был ошибочен, но диагноз верен»¹.

Либерализм Милюкова носил не столько теоретический и философский характер, сколько политический и социологический. Он основывался на идеальных политических и правовых схемах, с трудом вписывая в них советские реалии. Начиная с 1921 г. Милюков тешил себя тем, что находил в России «признаки возрождения и демократизации», которые, по его мнению, появлялись вопреки политике советского правительства. В 1927 г. вышла книга Милюкова «Россия на переломе» с подробным описанием не только революции и «белой» борьбы, но и дискуссий внутри эмиграции по вопросу отношения к советской России.

Неожиданно была найдена новая черта советской России, которую Милюков и многие зарубежные мыслители не могли не поддержать. Это

¹ Последние новости. 1923. 12 июня.

своего рода советская имперскость, воссоздание России почти в дореволюционных границах как реванш за поражение в Первой мировой войне, которое всегда тяжело переживалось русскими эмигрантами. В 1930-е гг. Милюков стал положительно оценивать внешнюю политику И.В. Сталина, одобрял войну с Финляндией, рассуждая: «Мне жаль финнов, но я за Выборгскую губернию». Придерживаясь имперских взглядов на государственное устройство России и на ее внешнюю политику, он не мог не одобрить наращивание внешнеполитической мощи СССР. В 1943 г. Милюков написал статью «Правда о большевизме», в которой, вдохновленный первыми победами Красной армии, склонялся к позитивной оценке результатов советского строя: «Когда видишь достигнутую цель, лучше понимаешь и значение средств, которые привели к ней»¹. Мыслители эмиграции надеялись на то, что национальная идея, борьба за национальные интересы преодолет доминанту классовой борьбы не только во внешней, но и во внутренней политике.

Акцентирование национального в международной политике первой половины XX в. и странности государственного строительства в советской России вели к поиску уникального основания, на котором можно было бы построить будущую государственность России. Активный деятель кадетской партии, видный юрист и философ, сторонник «естественного права» в жизни государства П.И. Новгородцев подходил к проблемам государственного строительства с точки зрения нравственного идеализма и приоритета личности. Русская революция, Гражданская война, трагедия Белой армии в Крыму дали ему новый материал для размышлений о будущем обществе и власти в России. В 1923 г. Новгородцев писал о том, что прежние представления о логичном пути от монархии к парламентской демократии оказались ошибочными, поскольку это был не «ясный и прямой» путь, а «распутье», что «вместо того, чтобы быть разрешением задачи, демократия сама оказалась задачей», некой «системой открытых дверей, расходящихся в неведомые стороны дорог»². На взгляд Новгородцева, демократические идеалы теперь «потускнели и померкли», их сохраняет лишь группа «староверов» в эмигрантской среде. Остальным приходится искать новые ориентиры будущего. Сам Новгородцев, как и многие другие либеральные политики, искал ответ в длительной и систематической культурной работе, которая «бесконечно выше тех словесных политических упражнений, которые, при всей своей неумоимости, никого не пугают и не обращают».

¹ Милюков П.Н. Правда о большевизме // Публицистика русского зарубежья. М., 1999. С. 166.

² Новгородцев П.И. Демократия на распутье // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 541, 553.

Переход от умозрительной политики к «практической программе», которая создавала бы «духовный путь к грядущей России» казался ему единственно возможным. «Надо раз и навсегда признать, что путь “завоеваний” революции пройден до конца и что теперь предстоит другой путь – “собираения русской земли и восстановления русского государства”, «дух классовых разделений и революционных требований должен при этом замолкнуть и замереть»¹. Новгородцеву представлялось, что возрождение России произойдет при решительном отказе от классовых и революционных идеалов, переходе на однозначное предпочтение национальных задач. Только на пути национализма, национального самосознания русский народ преодолет коммунизм и откажется от революции. «Те, кто прочно станет на смену советской власти, будут, очевидно, достаточно сильны для того, чтобы откинуть всякие партийные условия и программы как ненужную ветошь»². Идея Новгородцева об отказе от классовых, социальных интересов во имя национальных, своего рода «знамя русского национализма» как путь преодоления интернационального большевизма пришлась по вкусу многим мыслителям и публицистам эмиграции. Имперские амбиции советского правительства, постепенный отход от курса на мировую революцию, казалось, давали реальные основания для таких надежд.

Критиком идеи «третьей России», надежд на крестьянство и «перерождение» большевизма на почве приоритета национальных интересов выступал соратник Милюкова по кадетской партии П.Б. Струве, имевший за плечами горький опыт поражения и эвакуации вместе с Белой армией. Струве в своей газете «Возрождение» вел раздел «Дневник политика» и занимал непримиримую позицию по отношению к большевистскому режиму, представляя правое крыло либеральной мысли. Он считал главной ошибкой дореволюционных либералов незнание «коренной» России, непонимание интересов рядовых людей, умозрительность представлений о судьбах страны. В эмиграции Струве попытался соотнести с либеральными политическими схемами понятия «массы», «народ», «классы», которые широко использовались в большевистской пропаганде и в народнических концепциях, но практически не учитывались в либеральных теориях государства. Струве иронически писал о подобных понятиях: «Те же трудности, что для понятия “класс”, возникают и для понятия “народ”. Между тем в это понятие обычно вкладывается наперед какое-то значительное и решающее содержание и так создается особого рода самовнушение или автогипноз. Все политические

¹ Новгородцев П.И. Восстановление святынь // Там же. С. 559, 570.

² Там же. С. 571.

партии, все социальные учения апеллируют к “народу” и ссылаются на него»¹. Струве писал: «Народ в эмпирическом смысле, народ-факт и неуловим и неуложим ни в какие общие схемы, кроме самых бессодержательных, и потому не может служить никакой нормой, никаким законом. Таковым может быть только народ в метафизическом смысле, народ-идеал, народ-требование, народ-задание»². Но этот мифологический «народ», по мнению Струве, все-таки следовало знать и учитывать при прогнозировании российского будущего. На этой почве он разошелся с Ф.А. Степуном, который полагал, что большевики – это и есть современный русский народ, а Струве напрасно «точит державные штыки об ученые формулы либерализма»³.

Струве, в отличие от Милюкова, считал, что большевизм глубоко враждебен народу и был убежден, что «большевики как политическая сила эволюционировать не могут», а потому совместить ценности либерализма или демократии, частной собственности или интересы крестьянской экономики с большевистским режимом представлялось ему невозможным⁴. Полемизируя с Милюковым, Струве отмечал, что Россия никогда не имела опыта республиканского правления, если не считать им неудачу нескольких месяцев 1917 г., а потому «народовластие» приведет не к республике, а к монархии или диктатуре. Не видя существенных факторов падения большевизма «изнутри», Струве допускал интервенцию, но с непременным условием действий «соединившихся для этой цели активных элементов Внутренней и Зарубежной России»⁵. Кстати, именно Струве ввел в интеллектуальный оборот термин «Зарубежная Россия» вместо «эмиграция». Он гораздо пессимистичнее своих оппонентов оценивал возможности национальной идеи преодолеть классовые принципы советской государственности и в одинаковой мере не мог принять ни гитлеризм, ни сталинизм. В биографии Струве, написанной его другом С.Л. Франком, подчеркивается: «Он с самого начала и без колебаний осудил национал-социализм, в котором большинство русских правых видело долгожданное спасение от большевизма... и во имя своего консерватизма восстал против разрушительных “правых” тенденций национал-социализма»⁶.

Как люди рационального мышления, либерально настроенные политики и ученые в эмиграции стремились понять потенциал тех пере-

¹ Струве П.Б. Познание революции и возрождение духа // Струве П.Б. Избр. соч. М., 1999. С. 354.

² Струве П.Б. Познание революции и возрождение духа // Там же. С. 355.

³ Степун Ф.А. Соч. М., 2000. С. 295.

⁴ Струве П.Б. Дневник политика. Париж, 2004. С. 36, 51 и др.

⁵ Там же. С. 63.

⁶ Франк С.Л. Воспоминания о П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 569.

мен, что совершались в советской экономике. Опыт социалистического хозяйствования был уникальным, и его воздействие на будущее России – предметом дискуссий. Но составлению более или менее точных прогнозов мешали недостаток и недостоверность информации. В распоряжении зарубежных аналитиков была довольно «лукавая» сталинская статистика, партийные отчеты на съездах, речи вождей. Но сопоставление и этих недостоверных данных позволяло все-таки уловить экономические тенденции, чтобы оценить возможность длительного развития экономики на социалистических основаниях. Когда первый пятилетний план был опубликован, за границей отнеслись к нему несерьезно, поскольку мерили советский план «капиталистическим аршином», который подразумевает баланс затрат и результатов. Но большевики применили совершенно новые методы хозяйствования: неограниченные материальные ресурсы за счет ограбления деревни, необыкновенно дешевую рабочую силу, не считающуюся с рентабельностью государственное финансирование.

После завершения первой пятилетки и ее победных реляций либеральный экономист Б.Д. Бруцкус в статье «Взлет и распад советского планового хозяйства» (1932) попытался увидеть будущее советской плановой экономики. Он признавал, что фактически определился новый тип экономики, совершен переход от рыночной экономики к ее государственному планированию и регулированию. Такого размаха индустриального строительства никто не мог даже ожидать. Такие гиганты, как Днепрогэс и Магнитка, вообще не имели аналога на Западе. Однако особенность советской государственной экономики состояла в пренебрежении рентабельностью построенных предприятий. Потребителей вырабатываемой Днепрогэсом энергии не было еще несколько лет. А на Магнитогорский комбинат на Урале еще долго приходилось возить уголь за тысячу километров из Донбасса. Любое капиталистическое предприятие разорилось бы. Но советская экономика не знала банкротств, потому что при отсутствии рынка, все убытки покрывало государство. Советское планирование не интересовалось, сколько данный проект будет стоить, поскольку во имя идеологических целей правительство было готово на любые жертвы за счет населения.

Экономический итог пятилетки оценивался Бруцкусом как достижение мирового значения. Но будущее государственного планового хозяйства, по его мнению, было не столь оптимистично. Его аргументация бесперспективности социалистической экономики основывалась на том, что в ней доминируют производители, а голос потребителя в отсутствии свободного рынка вообще не имеет значения: «В плановом безрыноч-

ном хозяйстве потребитель сам по себе, а производство само по себе»¹. Бруцкус делал вывод, что социалистическое хозяйство обязательно будет сопровождаться ухудшением положения трудящихся. Можно сделать рывок за счет безудержных затрат, но длительно вести такое хозяйство невозможно, дальнейший рост производства окажется нерентабельным, производство будет падать, а качество производимого ухудшаться. Таким образом, экономические достижения социализма парадоксальным образом ухудшают социальное положение людей. Бруцкус делал вывод, что безрыночное плановое хозяйство не создает импульсы роста для страны в целом и полностью зависит от возможностей государственного бюджета покрывать убытки и нерентабельность. Оно не может длительно обеспечивать экономический рост и социальный прогресс. Таким образом, перспективы падения советского режима находились не в политике, а в неизбежном кризисе социалистического планового хозяйства, хотя этот процесс может быть длительным.

В целом либеральные политики и либеральные мыслители видели возможное будущее России в развитии следующих процессов. Во-первых, в постепенной «эволюции» большевистской власти в сторону демократизации. Основной социальной силой «давления» на большевиков виделось крестьянство с его мелкобуржуазным укладом жизни и мелкособственническим хозяйством. Во-вторых, марксистский «классовый» подход к судьбе России как материала для «мировой революции» должен смениться переходом на сугубо национальные интересы во внешней и внутренней политике. Общим для либеральных проектов будущего был переход с классовых принципов построения общества, экономики, культуры – вообще в целом новой России на путь национализма, патриотизма с акцентированием «национальной души» как обостренного ощущения «русскости». Одухотворение национальной идеи будущей России предполагалось духовными ценностями православия. В-третьих, развертывание частного предпринимательства и рыночной экономики с выходом России на мировые рынки. Экономика должна была поддержать имперские амбиции России. Но социалистическое плановое хозяйство, по оценкам либералов, не обладало запасом прочности и неизбежно должно эволюционировать в согласии с «нэповскими» тенденциями.

Слабым местом этих проектов была недостоверная и противоречивая информация об истинном положении в СССР. Тем не менее, либеральная мысль настойчиво искала возможности и пути мирного «из-

¹ Бруцкус Б.Д. Взлет и распад советского планового хозяйства // Литература русского зарубежья: Антология: В 4 т. 5 кн. Т. 3. М., 1997. С. 414.

живания» большевистского режима. Пиком составления самых фантастических проектов был 1924-1925 гг., когда положение в СССР стабилизировалось, а эмиграция сделала последнюю попытку объединения всей антибольшевистской оппозиции. В 1925 г. состоялось несколько совещаний по созыву зарубежного съезда по инициативе газеты «Возрождение» и Струве. Планировалось «достигнуть объединения» на основе «коалиционных начал» и «не утрачивая каждый своего лица»¹. Накануне объединительного съезда в прессе предлагались самые фантастические проекты государственного устройства будущей России: «народ решит», «правительствующая власть», «народное представительство», «новая монархия образца 1906 года» и проч. Российский зарубежный съезд состоялся в Париже в апреле 1926 г. На нем были представлены почти все организации русской эмиграции (около 200), за исключением меньшевиков, эсеров и правых монархистов («кирилловцев»). Съезд провозгласил необходимость борьбы с советской властью. Однако ни идейного, ни организационного согласия достигнуть не удалось. В своем докладе «Эмиграция и Россия» 18 октября 1925 г. Милюков признал невозможность идейного и политического объединения всей эмиграции при очевидном ее размежевании по вопросу о том, в какую Россию надеются вернуться представители разных партий. «Мы не знаем, когда придет наше время. Но мы точно не придем ни с интервенцией, ни с иудиными 30 серебряниками. Мы придем тогда, когда народ найдет, что мы там нужны»². В современной им действительности России 1920-х – 1930-х гг. только самые большие оптимисты могли увидеть зародыши обнадеживающих тенденций.

¹ Последние новости. 1925. 11 октября.

² Последние новости. 1925. 20 октября.

ОЦЕНКА С.И. ГЕССЕНОМ ОБЩЕСТВЕННОГО ИДЕАЛА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КАТЕГОРИЙ «ЦЕЛИ-ЗАДАНИЯ» И «ПРЕДАНИЯ»

Сергей Иосифович Гессен (1887-1950) – русский философ, педагог, правовед, публицист, оказавшийся в 1922 г. в эмиграции и проживший за границей до своей кончины, – в истории отечественной общественной мысли являет собой фигуру очень неоднозначную. Попытка причислить Гессена к какому-либо конкретному идеологическому направлению вызывает у исследователя его политико-правовых взглядов значительные трудности. Это нашло непосредственное отражение в современных научных исследованиях.

Традиционно Гессена рассматривают как представителя особого этапа либеральной интеллектуальной традиции – нового (социального) либерализма. В частности, А. Валицкий – выдающийся современный исследователь истории русской философии, ученик Гессена, близко его знавший, в своем фундаментальном труде «Философия права русского либерализма» оценивает концепцию «правового социализма» Гессена как «последнее звено в развитии философии права русского либерализма»². «Гессен переосмыслил классический либерализм Чичерина, – пишет Валицкий, – но, сохраняя его "вечную правду", вывел все последствия из соловьевского "права на достойное существование", ... критически усвоив взгляды Петражицкого на сущность права и на правовую политику, поддержал социальный либерализм Новгородцева и – как Кистяковский – пошел дальше»³.

Согласно другой точке зрения, отстаиваемой Б.В. Агаевым, Гессен причисляется к представителям одного из течений демократического социализма – гильдеизму⁴. Аргументируя свой подход, Агаев акцентирует внимание на жесткой критике Гессеном классического и нового либерализма. Вместе с тем, он прямо указывает, что концепция «правового социализма» Гессена была «попыткой синтеза начал социализма и нового либерализма»⁵. В качестве основных идейно-теоретических источников этой концепции Агаев называет достижения классического либе-

¹ *Вострикова Влада Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Математика, информатика и общегуманитарные дисциплины» Орловского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.*

² Валицкий А. Философия права русского либерализма. М.: Мысль, 2012. С. 487.

³ Там же.

⁴ Агаев Б.В. Концепция правового социализма С.И. Гессена. Дисс. на соиск. уч. ст. к.полит.н. М., 2012. С. 170.

⁵ Там же. С. 172.

рализма (идея правового государства), нового либерализма (идея социального государства), демократического социализма (идея реформизма), синдикализма и тред-юнионизма (идея промышленной демократии), гильдейского социализма (идея функционального федерализма и др.)¹.

Представляется, что Гессен являет собой одну из тех фигур в истории общественной мысли (и он далеко не одинок), которая не вписывается в «направленческий» подход, имеющий достаточно серьезные ограничения и недостатки при его использовании в качестве методологии историко-политических исследований.

Иллюстрацией этого может служить позиция Гессена по проблеме общественного идеала, попытка анализа которой предпринимается в данной статье.

Необходимо отметить, что размышления Гессена на данную тему выстроены в традициях баденской школы неокантианства, утверждающей обусловленность политического строительства высшими, безграничными, неисчерпаемыми ценностями, связанность этого процесса с духовно-этическими моментами. Гессен оперирует разработанными им понятиями «цели-задания» и «предания».

Предание, по мнению мыслителя, есть некая традиция, проистекающая из событий прошлого, которые входят «составным элементом» в настоящее. «Историческое прошлое, – писал Гессен, – есть ... прошлое, в каком то глубоком смысле слова непреходящее, возвышающееся над властью времени, сохраняющееся от тлена и забвения... Передаваясь от поколения к поколению, историческое прошлое связует сменяющие друг друга поколения цепью преемственности»².

Как же формируется эта «цепь преемственности», историческая традиция? По мнению Гессена, само явление традиции могло возникнуть только потому, что в истории человечества «над множеством случайных и изменчивых целей, преследуемых людьми в повседневной жизни, возвышаются сверхвременные начала, имеющие сверхличное значение», к разрешению которых человечество стремится на протяжении своей истории³, тем самым следуя по пути прогресса.

Эти начала, названные Гессеном «целями-заданиями», имеют две сущностные характеристики, позволяющие отличить их от множества других целей, преследуемых людьми. Во-первых, они обладают некоей универсальностью, они «ценны сами в себе, а не только как средства

¹ Там же. С. 173.

² Гессен С.И. Правовое государство и социализм // Гессен С.И. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 48.

³ Там же. С. 48.

достижения других целей», а, во-вторых, «они неисчерпаемы и в этом смысле бесконечны»¹.

Конкретизируя свою позицию, Гессен указывал, что, например, наука, используемая как средство для достижения различного рода практических целей, обладает независимо от этого самостоятельной ценностью, культивируется ради нее самой, являет «цель в себе». Хозяйственная деятельность, будучи орудием самосохранения общества и служа целям личного обогащения, обладает самодовлеющей ценностью как средство расширения господства человека над природой².

Совокупность сверхвременных, сверхиндивидуальных, безусловных в своей значимости ценностей, по Гессену, составляет сущность культуры. Безусловную значимость ценностей Гессен трактовал как их бесконечность, неисчерпаемость. В самом деле, указывал он, никогда не окажется исчерпанной задача науки в познании мира и человека, никогда не сможет быть осуществлен идеал совершенной красоты, никогда не прекратится борьба человека с самим собой в плане достижения все большей нравственной свободы и т.д. Напротив, по мере движения по пути воплощения этих ценностей, человек открывает для себя новые их грани и все больше осознает их недостижимость.

Однако, подчеркивал Гессен, недостижимые как задания для творчества, эти цели ни в коем случае не являются мнимыми. Реальность движения в их направлении ощущается человечеством даже тогда, когда последующие поколения критикуют своих предшественников за слишком незначительные шаги в направлении реализации этих целей³.

По Гессену, не уходит в небытие, а передается из поколения в поколение именно то прошлое – предание, «в котором так или иначе реализовались сверхвременные задания культуры, которое явилось ступенью в их осуществлении и как ступень продолжает жить в современных на то же задание направленных усилиях»⁴.

Таким образом, у Гессена предание и задание оказываются неразрывно связаны друг с другом. Предание есть существенные культурные феномены прошлого, представляющие собой последовательность осуществления цели-задания и совершенствования ее реализации.

Связь предания и задания у Гессена диалектична, поэтому попытки разорвать ее неизбежно ведут к саморазрушению одного из обоих начал.

¹ Там же. С. 49.

² Там же.

³ Там же. С. 50.

⁴ Там же. С. 51.

Исходя из данного тезиса, мыслитель был непримиримым критиком утопизма и крайнего консерватизма. Первый он определял как «попытку построить идеальный порядок, не считаясь с конкретными условиями места и времени»¹. Утопизм, указывал Гессен, всегда предельно максималистичен: превознося свой идеал, он огульно отрицает все исторически сложившееся – исполнен пафоса задания в полном отрыве от предания².

Другая крайность, по Гессену, – стремление всеми силами сохранить существующий порядок, оправдывая это верностью традиции. Подлинная верность преданию, указывал мыслитель, «достигается не пассивной приверженностью ему, не абсолютизированием предания, а подчинением его ... высшим заданиям культуры»³. В частности, для сохранения государственных учреждений и правового предания народа необходимо разрешать в соответствии с потребностями времени «те задачи, которые вечная идея права и вечное задание государства выдвигают перед настоящим поколением»⁴. «Сохранить предание, – заключал Гессен, – это значит *уйти* от него в направлении задания: лишь воспринятое в творческий акт и, следовательно, частично *отвергнутое*, *остаётся* предание самим собою (курсив в тексте. – В.В.)»⁵.

Категории «цели-задания» и «предания» в качестве важнейших составляющих его кантианского методологического подхода были использованы Гессеном для анализа динамики основных идеологий XX в. – либерализма и социализма.

По мнению Гессена, за период своего существования в качестве целостной системы идей либерализм прошел «великий» путь⁶: из своего классического варианта он трансформировался в начале XX в. в новый – социальный, демократический – либерализм, в рамках которого произошло переосмысление основополагающих конструктов либерального общественного идеала, таких как свобода, равенство, собственность.

Классическая либеральная «негативная», «отрицательная» трактовка свободы личности как невмешательства государства в частную жизнь личности, была дополнена правом личности на помощь «со стороны государства тогда, когда она угнетается другими личностями (курсив в тексте. – В.В.)»⁷. Таким образом, личность признавалась не только

¹ Там же. С. 43.

² Там же. С. 45, 53.

³ Там же. С. 59.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 60.

⁶ Там же. С. 120.

⁷ Гессен С.И. Политическая свобода и социализм // Гессен С.И. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 547.

свободной от государства, но и имеющей притязания по отношению к нему, призванные обеспечить всем без исключения членам общества пользование *равной* свободой. Такой подход привел к содержательному расширению перечня прав личности, в который, наряду с классическими свободами слова, печати, собраний, совести, неприкосновенностью личности и жилища, включался комплекс социальных прав (право на образование, труд, социальное обеспечение).

Гессен подчеркивал, что углубив понимание свободы, новый либерализм остался в рамках принципа правовой свободы, понимавшейся как пространство индивидуальной свободы, регулируемой правом. Это означало, что в тех случаях, когда свобода переходит «в нарушение свободы других лиц, государство как охраняющее свободу *всех*, обязано вмешаться и оградить нарушаемое право *каждого* на самоопределение (курсив в тексте. – В.В.)»¹. Именно таким образом свобода отграничивается от произвола, получает определенные пределы, допуская вмешательство в действия личности со стороны государственной власти. Новый либерализм, утверждал Гессен, как и классический, настаивал на том, что свобода личности может получить подлинную реализацию только в государстве, имеющем правовой характер, т.е. в правовом государстве.

Вместе с тем, Гессен отмечал, что новый либерализм пошел дальше классического в обосновании принципиальной связи и взаимообусловленности свободы личности и принципа народоправства. С одной стороны, участие граждан в управлении являлось необходимым условием установления справедливых правовых рамок свободы. С другой стороны, только наличие свободы личности создавало условия для сознательного, активного участия гражданина в политической жизни. Пользуясь свободами, каждый гражданин может сознательно определить линию своего политического поведения, а народные представители – услышать голос всех слоев населения и сообразовать с ним свое законодательное творчество².

Гессен сделал вывод о том, что новый либерализм отказался от характерного для классического либерализма противопоставления свободы личности и «общей воли». Признав, вслед за классическим либерализмом, что «общая воля» не есть некая готовая сущность, которую абсолютно точно можно выявить путем всеобщего голосования, новый либерализм, рассматривал ее как постоянно изменяющийся феномен, «непрерывно усилиями всех общественных групп создаваемый процесс

¹ Там же. С. 540.

² Там же. С. 563.

(курсив в тексте. – В.В.)», как «цель или как задание политического действия», как некую регулятивную идею¹.

Углублением понятия «общей воли» новый либерализм, по мнению Гессена, существенно изменил интерпретацию демократии, отказавшись от ее трактовки как «самодержавия народа» в пользу ее восприятия как господства релятивизма, как системы, предоставляющей каждому право участия в искании общей воли, причем меньшинство в этом процессе не должно быть подавлено большинством, а должно получить некоторое, хотя бы частичное, признание².

Задачу государства, отмечал Гессен, новый либерализм видел в непрерывном формировании общей воли путем поиска консенсуса интересов различных социальных групп, в надклассовом посредничестве, арбитраже в социальных конфликтах³.

Переосмысление в рамках либерального общественного идеала принципа свободы, указывал Гессен, было тесно увязано с новой трактовкой идеи равенства. Новый либерализм, как и в случае со свободой, отрицательное понимание равенства как отмены привилегий для одних и запрещений для других⁴ дополнил положительным смыслом, рассматривая его как равенство возможностей, равенство «исходного пункта», «жизненного старта», гарантом которого выступает государство⁵. Иными словами, идея классического либерализма о формально-правовом равенстве, т.е. равенстве перед законом, была дополнена идеей социального равенства, понимаемого как предоставление людям равных шансов в предстоящей жизненной борьбе. Тем самым, указывал Гессен, идея Права (подчинение всех граждан одинаковому закону) дополнялась идеей Блага, а государство предстало гарантом достойного человеческого существования⁶. По убеждению Гессена, идея права лица на достойное существование составляла «существо» нового либерализма, обретая в нем не только нравственное, но и юридическое значение⁷.

Наряду с принципами свободы и равенства, отмечал Гессен, в новом либерализме был пересмотрен подход к частной собственности. Веру в абсолютную частную собственность заменило представление об оправданности собственности лишь в качестве средства реализации личной свободы. С этой позиции новый либерализм подверг критике монопольную собственность, что, по мнению Гессена, следовало интер-

¹ Гессен С.И. Правовое государство и социализм. С. 90-91.

² Там же. С. 108.

³ Там же. С. 90, 93.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ Гессен С.И. Современная демократия // Кантовский сборник. 2012. № 1(39). С. 79.

⁶ Гессен С.И. Правовое государство и социализм. С. 80.

⁷ Там же. С. 121.

претировать как стремление вернуть собственности ее характеристику как «материального поприща личности», основы личного хозяйственного и вообще любого культурного творчества, ибо монопольная собственность, исключенная из конкуренции, перестает быть «ареною свободы лица»¹.

Из нового понимания свободы, равенства, собственности, указывал Гессен, органично следовал тезис нового либерализма о необходимости расширения функций и сферы деятельности государства. Наряду с запретительными и охранительными (охрана права) функциями, у государства появляются положительные обязанности по отношению к индивидам. «Государство не есть просто пассивный зритель естественной взаимной борьбы всех против всех, вмешивающийся в эту борьбу только тогда, когда она нарушает определенную законом сферу свободы отдельного лица», – писал Гессен, оно обязано оказывать индивиду помощь в тех случаях, когда это необходимо для реализации последним его прав². Правовое государство, таким образом, должно исходить как из утверждения принципа неприкосновенности личности, так и из права человека на достойное существование.

Гессен настойчиво подчеркивал сохранение новым либерализмом правового характера деятельности государства, указывая, что «*„благо“ является только орудием права* и преследуется только в меру права (курсив в тексте. – В.В.)»³. Исходя из чего, методы положительной культурной деятельности государства являются либеральными. Государство не предписывает гражданам, что есть Благо, не подчиняет право какому-то конкретному представлению о Добре, оно лишь устраняет экономические препятствия, на деле ограничивающие правовую свободу и равенство каждой личности. Государство создает условия, когда каждый сам может свободно выбирать, что есть Благо для него. Тем самым Благо выступает орудием свободы⁴.

Оценивая изменения, произошедшие в либеральной идеологии в начале XX в., Гессен отмечал, что тем самым произошло «углубление и расширение» «идей свободы, личности и права», наполнение их «новым, все более конкретным и положительным содержанием»⁵. Иными словами, либерализм сделал значительный шаг вперед в направлении реализации целого ряда целей-заданий, таких как свобода, равенство, личность.

¹ Там же. С. 84.

² Там же. С. 73.

³ Там же. С. 87.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 120.

По мнению Гессена, это явилось результатом социализации либеральной доктрины, признания новыми либералами значимости социальных проблем, отсюда их название – социал-либералы. Идеология нового либерализма, указывал Гессен, предполагала соединение либеральной идеи свободы и социалистической идеи социальной справедливости.

Однако, отмечал мыслитель, сделав огромный шаг вперед в осознании современных общественных проблем, новый либерализм в трактовке ряда феноменов общественной жизни остался верен предрассудкам и ошибкам классического либерализма.

Одна из них – механический взгляд на общество, согласно которому общество представлялось совокупностью конкурирующих между собой «индивидуальных» атомов – хозяйствовавших субъектов¹. Проявлением этого заблуждения для Гессена было недостаточное признание новым либерализмом «реальности коллективных лиц»². Под «коллективными лицами» он понимал некие «союзы-общности», которые объединяли входящих в них лиц не одинаковостью интересов (это, по терминологии Гессена, «союзы-агрегаты»), а «общностью служения одной и той же объективной задаче, общностью выполнения одной и той же общественной функции (курсив в тексте – В.В.)»³. К таким носителям некой консолидирующей общественной миссии Гессен причислял церковь, университеты, просветительские ассоциации, тред-юнионы, кооперативы и т.п.⁴

Подобно физическим лицам, коллективные лица, утверждал Гессен, могут требовать правовой охраны и нуждаться в собственности как материальном поприще своей деятельности. Коллективные лица должны получить и избирательные права, поскольку они как носители объективных культурных и экономических интересов являются такими же полноправными участниками процесса поиска «общей воли», как и отдельные индивиды⁵. По мнению Гессена, пришло время признать, что «система личного представительства есть не догма демократии, а только исторически ограниченное и условное ее средство»⁶.

Еще одним проявлением ограниченности нового либерализма Гессен считал понимание борьбы против эксплуатации только как предоставления личности минимума благ, гарантирующего ей «непревраще-

¹ Там же. С. 101.

² Там же. С. 102.

³ Там же. С. 103.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 110, 114.

⁶ Там же. С. 114.

ние» в средство для удовлетворения чужих потребностей¹. Тогда как надо было идти дальше и бороться против самого «духа капитализма», т.е. против психологии стяжательства как таковой. На ее место должно прийти осознание того, что развитие хозяйства есть не самоцель, а лишь средство для удовлетворения потребностей людей².

Гессен утверждал, что новый либерализм остановился на полпути, не решился сделать всех выводов из выдвинутых им самим трактовок и в этом смысле он «исторически ограничен», ибо не в состоянии разрешить проблемы общественного развития с учетом всего спектра изменившихся жизненных условий³. Исходя из этого, Гессен считал, что либерализм «вступил в полосу идейного кризиса, свидетельствующего ... о начале его заката»⁴.

Одновременно с кризисом либерализма Гессен констатировал кризис социализма в его марксистской интерпретации. Марксизм мыслитель оценивал как утопию, поскольку он означал «полный разрыв со старым, безусловное и непримиримое отрицание всей предыдущей истории человечества»⁵, абсолютизацию одной цели-задачи.

Гессен отмечал, что в другом своем виде – в демократическом – социализм сближался с либерализмом. Социализм, начавший с отрицания либерализма, оказался способным постепенно вбирать в себя элементы последнего, констатировал он⁶. Причем, если раньше «элементы либерализма только терпелись социалистической теорией, как своего рода полудозволенная контрабанда», то теперь «социализм должен ... осознать и явно признать свое родство с либерализмом», отказаться от его восприятия как «противника»⁷.

Ярким примером в этом плане для Гессена был отказ социализма от отрицания идеи права, признание права в качестве инструмента преобразования государства и хозяйства, утверждение его в качестве «самозаконного и даже верховного фактора общественного бытия, единственно могущего притязать на подлинный и безусловный суверенитет»⁸. Идея Блага, указывал Гессен, которую социализм долгое время противопоставлял идее Права, «все более сближается с этой последнею, чтобы в конце концов совсем поглотиться ею»⁹. В итоге, подчеркивал

¹ Там же.

² Там же. С. 117-118.

³ Там же. С. 120.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Там же. С. 46.

⁶ Там же. С. 132.

⁷ Там же. С. 122.

⁸ Там же. С. 227.

⁹ Там же.

мыслитель, социализм пришел «к новому углубленному и расширенному пониманию права, вобравшему в себя *отрицание той ограниченной формы правового государства*, которая получила свое выражение в либерализме»¹.

Социализм, воспринявший идею Права – правовой социализм – рассматривался Гессеном как дальнейший этап развития сформулированной либерализмом идеи правового государства. В правовом социализме мыслитель видел общественный идеал, в рамках которого реализуются «во всей полноте» идеи свободы, прав человека и социальной справедливости, которые не смогли осуществить ни либерализм, ни коммунизм.

Таким образом, конструируя свой общественный идеал, Гессен вел речь не столько о замене либерализма обновленным социализмом, сколько о реализации на новом витке истории вневременных, объективных ценностей – «целей-заданий», проходящих через всю историю человечества и наполняющих ее высшим смыслом: Свободы – как растущей силы творческой активности; Личности – как движения к сверхличным, объективным началам жизни; Равенства – как равноценности незаменимых в своем различии личностей; Собственности – как служения Общности².

Сам Гессен нашел в абсолютных ценностях те ориентиры человеческого существования, которые позволяли ему выжить в исторических и социальных катаклизмах, в ситуации ощущения кризиса европейской цивилизации, выстроить свой внутренний духовный мир, мир свободной и творческой личности.

¹ Там же.

² Там же. С. 119.

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ИДЕАЛЫ В ИСТОРИОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ А.И. ГЕРЦЕНА

Наследие Герцена в современной интеллектуальной и политической культуре. Роль *Александра Ивановича Герцена* (1812 – 1870) в интеллектуальной истории России как мыслителя, публициста и общественного деятеля чрезвычайно велика. В советской историографии, начиная от известной ленинской статьи «Памяти Герцена»², он рассматривался как ключевая фигура революционно-демократического процесса в России. С демонтажем официальной партийной идеологии интерес к герценовскому наследию значительно ослаб. На волне возвращения трудов русских политических и религиозных мыслителей-эмигрантов в интеллектуальное пространство современной России Герцен и его историко-социальные и политические идеи переместились на периферию исследовательской тематики. Казалось, что Герцен вместе с распадом социалистической системы в России отошел в прошлое, оставаясь в восприятии историков общественной мысли главным представителем русского революционно-демократического освободительного движения. Психологически это вполне объяснимое явление. Ведь литературно-философское наследие автора «Былого и дум» практически было приватизировано русскими и советскими марксистами как политический капитал. Нужна была временная дистанция, чтобы освободиться из-под опеки официальной идеологии и в новом историко-философском и идейно-политическом контексте найти подходы к осмыслению творчества Герцена, этого блестящего представителя русского образованного класса, вольнолюбивого дворянина, боровшегося за свободу личности и правовой порядок против произвола русской самодержавной власти, сформулировавшего значимые *либеральные философско-политические идеи* в российском историческом контексте.

Ситуация стала меняться в преддверии двухсотлетнего юбилея Герцена, философской кульминацией которого стала международная конференция «Александр Иванович Герцен и исторические судьбы России»³. Несмотря на то, что признание Герцена как классика отечествен-

¹ Жукова Ольга Анатольевна – доктор философских наук, профессор, научный руководитель философской и культурологической магистратуры НИУ ВШЭ.

² Ленин В.И. Памяти Герцена // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 21. М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 250 – 262.

³ См.: Александр Иванович Герцен и исторические судьбы России. Материалы Международной научной конференции к 200-летию А.И. Герцена (Институт философии РАН, 20 – 21 июня 2012 г.) М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013.

ной социально-политической мысли, оформляющего *традицию русского либерализма*, сегодня не гарантирует постоянного общественного интереса к личности писателя, однако, наметившаяся актуализация его текстов научным сообществом позволяет надеяться, что художественно-публицистическое наследие писателя и мыслителя будет востребовано и более широким кругом читателей и исследователей. Особенно в ситуации, когда российское общество пытается дать ответ на философские и политические вопросы русской истории, в середине XIX в. со всей силой писательского и публицистического таланта поставленные Герценом.

В отношении к Герцену, к оценке его роли в социально-политической истории России и в целом к литературно-философскому наследию продолжает доминировать политико-идеологический подход. Если для интеллектуалов и общественных деятелей конца XIX – начала XX вв. острота споров о Герцене объяснялась необходимостью обоснования собственной политической идентичности через выявление истоков идейной традиции, то для современного российского читателя и исследователя характерна, скорее, инерция восприятия его наследия в рамках сложившихся идеологических канонов, прежде всего советского периода. Словно бы сбывается пророчество Л.Н. Толстого, который в судьбоносный для России 1905 г. прозорливо предвидел драматическую судьбу герценовского наследия – непонимания его идей со стороны русской интеллигенции – носительницы иногда полярных мировоззренческих установок. В своем яснополянском дневнике от 12 октября 1905 г. Лев Толстой записал: «Читал и Герцена “С того берега” и тоже восхищался. Следовало бы написать о нем – чтобы люди нашего времени понимали его. Наша интеллигенция так опустилась, что уже не в силах понять его. Он уже ожидает своих читателей впереди. И далеко над головами теперешней толпы передает свои мысли тем, которые будут в состоянии понять их»¹.

Вслед за классиком русской литературы можно ожидать, что серьезный запрос на творческое переосмысление корпуса трудов Герцена – впереди. Но исследовательский оптимизм здесь не столь высок. И в первую очередь потому, что Герцен воспринимается как мыслитель позапрошлого столетия. Его взгляды на историю, прогнозы и сценарии развития русского и европейского общества принадлежат философской и политической традиции модерна. Складывается ощущение, что мыслительный строй Герцена, с его специфическими литературно-публицистическими формами интеллектуальной практики, трудно кон-

¹ Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 22. М.: Худ. лит., 1985. С. 206.

вертируется в постмодернистский политический дискурс и не отвечает современной повестке дня. Но мы вправе подвергнуть сомнению тезис об устаревании инструментария герценовских политических и философско-исторических концепций и поставить вопрос: принадлежат ли прошлому *либеральные идеи Герцена и его культуркритицизм*, направленный, главным образом, против традиционализма политического уклада России и буржуазной культуры европейских обществ?

Как представляется, актуальность герценовской мысли подтверждается драматическим фактом культурно-политического раскола русского мира, продолжающимся противостоянием «почвенничества» и «западничества». Как и прежде, это внутреннее разделение на взаимоисключающие друг друга альтернативы развития российской цивилизации обозначает ключевой момент национального самосознания. Этот конфликт социальных идеологий и политических проектов не разрешен российской историей XX в. и транслирован в современную Россию, по-прежнему составляя социальный нерв общественной жизни. Рассуждения Герцена о специфике российской истории и политической культуры могут быть сегодня ценны, прежде всего, силой философско-политического анализа и той особой независимостью суждений, которые при высочайшей гуманитарной эрудиции автора «Былого и дум» представляют собой не набор общезначимых и потому полезных суждений, а выстраданную духовно-интеллектуальную эволюцию взглядов. Дискурсивная борьба вокруг различных трактовок политической биографии Герцена и его социально-философских воззрений вносит дополнительную трудность для современного исследователя¹, однако, без соотнесения масштаба герценовского наследия с общим развитием интеллектуальной истории России, на наш взгляд, подступиться к социально-политическим и духовно-культурным вопросам, характеризующим опыт исторической и современной России, просто невозможно.

Наш тезис состоит в том, что идеи Герцена, его способ видения реальности русской культурной и политической жизни может послужить

¹ Показательным является идейно-философский спор между двумя известными историками русской общественной мысли В.К. Кантором и А.А. Кара-Мурзой. По мнению Кантора, Герцен в духовной и политической истории России XIX в. открывает путь нечаевщине, становится невольным вдохновителем «бесов» русской революции. См.: Кантор В.К. «Правый и виноватый гибнут рядом». Историософия А.И. Герцена // Александр Иванович Герцен и исторические судьбы России. Материалы Международной научной конференции к 200-летию А.И. Герцена (Институт философии РАН, 20 – 21 июня 2012 г.). С. 63 – 94. Напротив, Кара-Мурза считает, что либеральный дискурс доминирует в работах Герцена, что не позволяет его идеи и публичные формы деятельности однозначно отнести к направлению политического радикализма. См.: Кара-Мурза А.А. Александр Иванович Герцен // Российский либерализм: Идеи и люди / 3-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М.: Новое издательство, 2018. Т. 1: XVIII–XIX века. С. 269 – 278.

своеобразным ключом к самопознанию российской истории на предельно высоком уровне *интеллектуальной рефлексии*. В подтверждение данного тезиса заметим, что даже на фоне известных русских авторов 1840 – 1860-х, бывших бесспорными лидерами общественного мнения, Герцен выделяется своей философичностью и интеллектуализмом. Характерно, что Достоевский, вспоминая авторитетные для его поколения имена русских мыслителей, среди которых Герцен, В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский, только Герцена считает «рефлексивной личностью», признавая в нем дар мыслителя и художника слова¹.

В главе «Старые люди» в «Дневнике писателя» Достоевский, отмечая, что в русском барстве за 150 лет «истлели его русские корни» и разорвались связи «с русской почвой и русской правдой», определяет Герцена как человека, который выражает эту линию разрыва с народом. Поэтому Герцен для Достоевского, прежде всего, «исторический тип»². «Герцену как будто сама история предназначила выразить собою в самом ярком типе этот разрыв с народом огромного большинства образованного нашего сословия... Отделяясь от народа, они естественно потеряли и Бога. Беспокойные из них стали атеистами; вялые и спокойные – индифферентными», – пишет Достоевский³. За любовь к народу стояло его презрение, эти смешанные чувства придавали баричам, как замечает автор «Дневника», веры в свое превосходство и нужность своего дела. В этой оптике Достоевского Герцен, как самый яркий и талантливый представитель русского барства, непременно должен был стать социалистом, «то есть без всякой нужды и цели, а из одного только “логического течения идей” и от сердечной пустоты на родине»⁴. Достоевский признает бесспорную философскую одаренность Герцена. Для него он «человек необыкновенный», «великолепный рефлектёр», владеющий такой техникой рефлексии, которая способна «сделать из самого глубокого своего чувства объект, поставить его перед собою, поклониться ему и сейчас же, пожалуй, и насмеяться над ним, была в нем развита в высшей степени».⁵

По словам историка русской литературы Д.П. Святополк-Мирского, Герцен «понимал все и всех. Несмотря на крайность собственных взглядов, несмотря на сильные политические страсти, он умел понимать своих врагов, судить их по их собственным меркам... Его историческая интуиция, умение широко видеть историю, понимать значение деталей и

¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Избранные страницы. М.: Современник, 1989. С. 39–40.

² Там же. С. 39.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 40.

связывать их с главными направлениями развития – поразительно»¹. По мнению Святополк-Мирского, Герцена можно сравнить с Бергсоном. С автором концепции творческой эволюции Герцена роднит, согласно Святополк-Мирскому, историчность мысли. «Именно понимание истории как стихийной, непредопределенной, не поддающейся вычислению силы, продолжающей столь же стихийную, непредопределенную, эволюцию природного мира, сближает его с Бергсоном», – пишет историк русской литературы².

Показательно, что оценку Герцена как оригинального политическо-го мыслителя и философа истории разделяет и исследователь русской общественной мысли И. Берлин, подчеркивающий философский масштаб дарования автора «Былого и дум». По мнению Берлина, «основные идеи Герцена уникальны не только по русским, но и по европейским стандартам. Россия не столь богата такими первоклассными мыслителями, чтобы она могла позволить себе игнорировать одного из трех самых гениальных моральных проповедников, когда-либо рождавшихся в этой стране», – не без пафоса заключает исследователь³.

В контексте этих высказываний, принадлежащих авторам XIX и XX вв., находящимся на разных полюсах идеологического спектра и представляющих различные интеллектуальные традиции, выскажем предположение, что новое прочтение многожанрового наследия Герцена связано с постановкой культурно-политического вопроса российской истории, с выявлением ключевых развилок эволюции и революции и следующим из них *альтернативных* политических сценариев. Герцен, на наш взгляд, может быть интересен философским анализом культурной и политической истории России XIX в., продуктивность которого заключается в специфическом подходе к предельно сложному предмету исследования. Общественную жизнь России он видит во всем многообразии ее социальных, интеллектуальных и личностно-психологических взаимосвязей. В этом заключается психологический реализм и философский универсализм автора «Былого и дум», репрезентированный в записи глубоко и эмоционально переживаемых событий. Его личностно окрашенные тексты представляет собой особую технику наррации *интеллектуально-духовных сублимаций*. Это видение создается на пересечении взгляда «извне» – на реалии русской жизни и «изнутри» – на особенностях персонально-душевного мира мыслящего человека, понимаю-

¹ Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2014. С. 337 - 338.

² Там же. С. 338.

³ И. Берлин имеет ввиду Герцена, Толстого и Достоевского. См.: Herzen and Bakunin on Individual Liberty // Berlin, Isaiah. Russian Thinkers. N.Y. 1979. P. 83.

щего себя частью большого исторического времени в сложном переплетении общественных и личных событий.

Герой эпохи: к методологии философско-политического анализа наследия Герцена. В своей жизни Герцен как будто бы прожил ни одну историческую эпоху, став голосом нескольких поколений. Одно поколение было вдохновлено победой над Наполеоном и международными военно-политическими успехами России, на волне подъема национального самосознания пережило расцвет отечественной литературы и искусства. Другое поколение после декабрьского восстания погрузилось в период реакции и усилиями лучших умов употребило свой труд на борьбу со страшным злом – крепостным правом, бывшим родовым проклятием русской самодержавной власти. Дождавшись реформ Александра II, оба эти поколения продолжили работу по исправлению исторических болезней России. Справедливо говорить, что своим литературным творчеством и публично выражаемой гражданской позицией Герцен занял место идейного лидера и политического коммуникатора эпохи, объединив несколько поколений русских людей одной общественно-политической задачей. Вынося идейные споры за пределы аристократических салонов и дружеских кружков, Герцен включился в работу по формированию публичного пространства в России, и как политический публицист оказался пионером нового типа общественной коммуникации – реальным политиком в дополитическую эпоху. По замечанию историка С.С. Секиринского, «независимый печатный станок за границей стал для отечественных либералов своего рода планкой, на преодоление которой им понадобилось немало лет, а бесцензурная речь Искандера – масштабом, с которым они сверялись для оценки меры своей свободы».¹ Показательно обращение к Герцену А.И. Кошелева, крупного деятеля реформы 1861 г., придерживавшегося славянофильских взглядов. «Ваше бесценное свободное слово нас отрезвляет – заставляет нас сличать наш язык с вашим», – признавался Кошелев².

Герцен превратил литература и журналистику в общественную трибуну, словно выполняя наказ В.Г. Белинского. Когда Белинский возглавил в 1839 г. отдел критики и библиографии «Отечественных записок», он пересмотрел свой ранний тезис примирения с «разумной действительностью», сформулированный в период увлечения Гегелем, и провозгласил либеральные принципы основными ориентирами для русского общества на его пути самоисправления социальных язв и самого

¹ Секиринский С.С. «Вознестись над толпою»: Герцен и Наполеон // Александр Иванович Герцен и исторические судьбы России. Материалы Международной научной конференции к 200-летию А.И. Герцена. С. 126.

² Цит. по: Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М.: Мысль, 1983. С. 145.

страшного из них – крепостничества. Для Белинского и Герцена это была одна одинаково понимаемая задача и общее дело. В письме к В.П. Боткину в 1840 г. Белинский со всей определенностью говорил: «Судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб всего мира! Задача общества есть обеспечение прав личности, задача литературы – служение общественным интересам»¹. Герцен был среди тех неравнодушных русских людей, кто услышал призыв критика превратить литературу в оружие идейной и политической борьбы. Ему удалось придать печатному слову значение общественного служения.

И все же к Герцену не стоит прилагать привычные мерки, относя его исключительно к категории людей политических. Это предельно сложная и интеллектуально богатая натура. В его умственной и душевной организации прослеживаются моральные настроения и духовно-философские искания, характерные для целого поколения. Как отмечает Д.П. Святополк-Мирский, Герцен был в России «пионером европейского позитивистского и научного мировоззрения Европы XIX в. и социализма. Но у него были глубокие корни в романтическом и аристократическом прошлом, и хотя его идеи были материалистическими по содержанию, их стиль и окраска всегда оставались романтическими»².

О русском мыслителе и писателе можно сказать то, что близкий ему Грановский, член кружков Н.В. Станкевича и Герцена, адресовал в своих исследованиях Аристотелю. Задавая риторический вопрос, может ли современный философ, историк, политик или критик обойтись без сочинений Стагирита, «когда дело идет о главных вопросах философии, политической жизни древних или искусства?», Грановский указывал на то, что сам Аристотель «был только представителем того умственного движения, которое началось гораздо прежде его и продолжалось еще долго по его смерти»³. Согласно подходу Грановского, в истории фигура такого масштаба может быть изучаема «только в связи с тем целым, к которому принадлежит. Как отдельное явление он почти непонятен»⁴.

Проводя параллель с тезисом Грановского, можно сказать, что Герцен как отдельное явление останется непонятным вне связи с историческим целым, к которому он принадлежит. Из этого следует, что в понимании интеллектуальной истории России, репрезентированной формами литературного и философского опыта, он важен нам, прежде

¹ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений В 13 т. Т. 10. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 306.

² Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. С. 336.

³ Грановский Т.Н. Публичные чтения. Статьи. Письма. М.: РОССПЭН, 2010. С. 462.

⁴ Там же.

всего, как представитель умственного и общественного движения, показавшего творческое возрастание интеллектуальных сил России в сложном процессе национального самопознания и либерализации России. Герцен важен как один из идеологов западничества в рамках развивающегося историософского дискурса русского европеизма.

Эволюция политико-философских идей. Герцен избрал свою судьбу сам, словно бы вытащил жребий, вменив себе миссию литератора и публициста, слово которого становится актом общественного служения. В дневнике 1843 г. он отмечает момент свершившегося выбора: «Странная жизнь! Но жребий брошен, я не могу жить иначе, нечто похожее на призвание заставляет поднимать голос, а они не могут вынести человеческого голоса. Влияние, которое делает мой голос, убеждает всем жертвовать, ибо кроме его, я ни к чему не призван»¹.

Разделение на «они» – высшую власть и имперскую бюрократию – и «мы» – новое мыслящее поколение молодых интеллектуалов – примета времени. Она является типологической характеристикой «людей сороковых годов», формировавшихся в атмосфере дружеских кружков и литературных салонов. Возникший в 1831 г. кружок московских западников во главе с Герценом и Огаревым, куда входили также Белинский, М.А. Бакунин, В.П. Боткин, Н.М. Сатин, Н.И. Сазонов, А.Н. Савич, В.В. Пасек, Н.Х. Кетчер, обратил свой интерес на проблемы устройства общества и политико-философские идеи европейских мыслителей. В 1840-е гг. появился новый кружок Герцена, куда входили Огарев, Грановский, Кетчер, Е.Ф. Корш, Д.Л. Крюков, Боткин. Рассматривая генеалогию русской интеллигенции и характеризуя интеллектуальную атмосферу герценовского кружка, П.Н. Милюков назвал ее «прямухинской»², указывая на то, что идейное западничество росло на почве умственных исканий русского дворянства, получившего университетское образование и сохранявшего в своем общении дух семейно-дружеских отношений, культивировавшийся в гостиных помещичьих усадьбах. В свое родовое имение Прямухино Михаил Бакунин приглашал Белинского, чтобы «пробудить его из постыдного усыпления и указать ему новый мир идей», и где, как признавался впоследствии Белинский, «душа его смягчилась и сделалась способной к восприятию благих истин», которые открылись ему под влиянием «гармонии прямухинской жизни»³.

Именно Прямухино напомнило С.Д. Урусову, по долгу государственной службы посетившего весной 1905 г. родовую усадьбу Бакуни-

¹ Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. М.: АН СССР, 1954-1966. С. 268.

² Милюков П.Н. Из истории русской интеллигенции: Сб. статей и этюдов. СПб.: Знание, 1903. С. 82.

³ Там же. С. 84.

ных в Тверской губернии¹, «людей сороковых годов»: «благородный образ профессора Грановского, Герцен, Станкевич; вспомнились вообще “люди сороковых годов”, философская система Гегеля и фихтеанство, старшие славянофилы, повести Тургенева и смерть Рудина на парижских баррикадах»².

Интеллектуально и психологически Герцен принадлежал к направлению русского секулярного гуманизма, который специфическим образом воспринял и переосмыслил идеи французских просветителей и философию истории Гегеля. Одним из идейных лидеров этого движения был участник кружков Станкевича и Герцена Виссарион Белинский. Знаменитое письмо Белинского Гоголю по поводу его «Выбранных мест из переписки с друзьями» можно считать политико-эстетическим манифестом русского европеизма в его *радикально-западнической и либерально-секулярной* версии, выразителем которой стал Герцен³. Для Герцена, проделавшего путь от вольнолюбивых мечтаний к практике политической борьбы, проблематика возможности и необходимости либерализации политической системы и общественного порядка в России в его историософии была центральной.

Безусловно, что Герцен разделял пафос Белинского, направленный против морального уродства русского крепостничества. Для Белинского крепостное право по своей природе не отличалось от американского рабовладения. Россия, по словам Белинского, представляла собой

¹ В 1904 г. князь Сергей Дмитриевич Урусов был назначен губернатором Тверской губернии и добился от Николая II подписания указа в интересах местного самоуправления. В период революционных волнений 1905 г., когда крестьяне самовольно захватывали помещичьи земли, Урусов лично вынужден был вмешаться в земские споры. В Прямухино он приехал, чтобы защитить поместье от незаконных действий крестьян, понимая, что «помещик-народолюбец», Александр Александрович Бакунин, младший из братьев, бывший на тот момент владельцем Прямухино, не подаст жалобы губернской администрации, чтобы не дать возможность властям жестко раправится над прямухинскими крестьянами и показать, «чем завершаются заботы либерального деятеля о их благосостоянии и просвещении». См.: Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы / Вступ. статья, сост. и коммент. Н.Б. Хайловой. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 531.

² Там же. С. 530.

³ По цензурным соображениям письмо не могло быть напечатано, вся образованная Россия читала его в рукописных списках. Считая, что длительное нахождение Гоголя за границей лишило великого писателя трезвой оценки российской действительности, Белинский прямо обвинял его в антиобщественной позиции, увлечении мистическими вопросами жизни человека взамен необходимой работы по воспитанию гражданственности в русском обществе и возбуждению чувства социальной справедливости. «Вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она их слышала!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности их исполнение», — в полемическом запале обращался Белинский к Гоголю. См.: Ответ В. Белинского // Полярная звезда. Лондон: Вольная русская книгопечатня, 1855. С. 65 – 75.

«ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр – не человек; где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Шешками, Палашками. Страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка...»¹.

Рецепты спасения России от унижающих ее форм социального рабства, разумеется, находились на Западе, который, как считал Герцен, нашел возможность включить низшие сословия в процесс политического нациестроительства, дав философско-теоретическое обоснование либеральной и демократической модели устройства общества. Долгое время понимая русский патриархальный уклад как препятствие на пути к прогрессу, Герцен был убежден, что только западная мысль может побудить очнуться славян, изменить их патриархальное сознание.

Оказавшись за границей, воочию оценив результаты революции 1848 г. и перспективы развития буржуазной Европы, Герцен почувствовал обманутым себя Западом, испытал глубокое разочарование. Произошел психологический и мировоззренческий перелом, способствовавший эволюции его политико-философских взглядов. Вера в Запад сменяется верой в Россию. Католико-феодальный мир может долго стоять, «но обновиться не может», – напишет Герцен в одной из лучших своих книг «С того берега». И произнесет приговор, что будущего у Запада нет, поскольку после 1826 г. он только разлагается. Все его мысли будут обращены к оставленной родине, с ней он начнет связывать историческое движение и самой России, и Европы к осуществлению социальной гармонии и восстановлению нравственного порядка жизни. «Начавши с крика радости при переезде через границу, я окончил моим духовным возвращением на родину. Вера в Россию спасла меня на краю нравственной гибели. /.../ За эту веру в нее, за это исцеление ею – благодарю я мою родину. Увидимся ли, нет ли, но чувство любви к ней проводит меня до могилы», – позже будет признаваться Герцен².

Оценивая этот переворот в моральном самосознании писателя, сделавшим философскую критику национальной истории главным делом своей жизни, Зеньковский точно заметит: «Произведения Герцена типичны вообще, как встреча русской души с Западом»³. Той души, которая этим Западом восхищалась и любила, подобно Версильову, герою Достоевского из романа «Подросток», утверждавшему, что «Русскому

¹ Там же.

² Цит. по: Булгаков С.Н. Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 118.

³ Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. С. 61.

Европа так же драгоценна, как Россия: каждый камень в ней мил и дорог. Европа так же была отечеством нашим, как и Россия ...О, русским дороги эти старые чужие камни, эти чудеса старого Божьего мира, эти осколки святых чудес; и даже это нам дороже, чем им самим»¹. Интересно, что мнения многих исследователей творчества Достоевского сходятся в признании того, что именно Герцен является прототипом «русского европейца» Версилова².

М.А. Маслин рассуждает о «русскости» философского мироощущения Герцена, используя определение И.С. Аксакова, данное в адрес Ф.И. Тютчева – «русский выходец из Европы»³. Оставаясь русским по мироощущению, вдали от родины все более пропитываясь любовью к ней, Герцен встает на ее защиту против различных форм русофобии. Оправдывая теперь свою веру в Россию, в предисловии к сборнику статей о России для публикации во Франции Герцен свидетельствует: «Пишутся книги, статьи, брошюры на французском, немецком, английском языках; произносятся речи, начищается до блеска оружие... и упускается лишь одно – серьезное изучение России»⁴. Вердикт Герцена – «На Западе Россию просто не знают»⁵. Основной мотив – нежелание признать Россию Европой, отторгнуть ее от своего мира, и следующие за этим оскорбления в ее адрес Герцен называет старческим упрямством, «которое отворачивается от истины – вследствие боязни изменить уже сложившееся мнение»⁶. По его словам, противники «испускают вопли, исполненные тревоги и ожесточения, изобретают этнографические оскорбления, осыпают Россию ударами фальшивой филологии»⁷.

Такое отношение к России дало Герцену дополнительный аргумент для критики Запада и его идеологии «среднего человека». Главным политико-философским результатом разочарования Герцена от буржуазной мещанской цивилизации Запада стала трансформация его *либерально-западнических взглядов* и увлечение социалистическими идеями, в которых он попытался увидеть возможность прорыва России в светлое будущее, минуя капитализм. Таким экономическим и моральным потенциалом, по мысли Герцена, обладала русская община. Об-

¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 13. 1975. С. 377.

² Гачева А. «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...» Достоевский и Тютчев. М., 2004. С. 323.

³ Маслин М.А. А.И. Герцен как философ сегодня // Александр Иванович Герцен и исторические судьбы России. С. 210.

⁴ Герцен А.И. Prolegomena // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 20. 1960. Кн. 1. С. 51.

⁵ Там же. С. 52.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 53.

щинные формы хозяйствования и быта наилучшим образом отвечали, в его представлении, социалистическому укладу, давая прививку от буржуазности и мещанства. «Разумное и свободное развитие русского народного быта совпадает со стремлениями западного социализма», – писал Герцен¹.

Нетрудно заметить, что переход на позиции социалистического утопизма в народническом духе, как и идеализация русской общины, является способом спасения Герцена от кажущейся ему неизбежной исторической катастрофы Запада, с его классовым противоречием капитализма и идеологией мещанства: «Мы же, к счастью, являемся со своей общиной в эпоху, когда противообщинная цивилизация гибнет вследствие полной невозможности отделаться, в силу своих основных начал, от противоречия между личным правом и общественным».²

После 1848 г. наступает и разочарование в демократии: «Европа догадалась, благодаря реакции, что представительная система – хитро продуманное средство перегонять в слова и бесконечные споры общественные потребности и энергическую способность действовать»³. Теперь идеалом Герцена становится свободная артель, «братья, имеющие общее дело и одинаковое участие»⁴.

Народопоклонство, у истоков которого стоит Герцен, достигающее своей кульминации в старом народничестве, изнанкой имеет характерное высокомерие образованного класса. Этого соблазна выступить в качестве пастыря народа Герцен не избежал. В нем, как и в первых народниках, по выражению С.Н. Булгакова, сильно было интеллигентское желание воспитать народ, привести его от «несовершеннолетия» во взрослое разумное состояние⁵. Эта специфическая любовь к своему народу и вера в него, что со стороны западников, народников, или славянофилов, как и революционная апокалиптика большевиков, по Булгакова, «суть разные выражения национальной миссии»⁶. Мысль чрезвычайно важная, поскольку в ней Булгаков характеризует процесс, свойственный всем народам «в пору их национальной подъема»⁷. Он называет это «общей формой сознания национальной индивидуальности»,

¹ Там же. С. 294.

² Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 255.

³ Герцен А.И. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 3. М.: Политиздат, 1956. С. 302.

⁴ Там же. С. 185.

⁵ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Булгаков С.Н. Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 334.

⁶ Булгаков С.Н. Размышления о национальности // Булгаков С.Н. Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 443.

⁷ Там же.

придающей силу мысли и пафос общественному делу, граничащий с религиозным чувством¹.

В знаменитой статье «Героизм и подвижничество», вошедшей в сборник «Вехи», Булгаков весьма точно характеризует черты специфической религиозности, проявившиеся в русской интеллигенции, большей частью атеистически настроенной. Ее судьба определялась, по словам Булгакова, воздействием двух факторов: «правительственными преследованиями, создававшими в ней самочувствие мученичества и исповедничества, с другой – насильственной оторванностью от жизни, развивавшей мечтательность, иногда прекраснодушие, утопизм, вообще недостаточное чувство действительности»². Под воздействием этих факторов русской интеллигенции, к дворянскому крылу которой принадлежал Герцен, психологически чуждым оказался мещанский уклад Западной Европы, «с его повседневными добродетелями, с его трудовым интенсивным хозяйством, но и с его бескрылостью, ограниченностью»³. По мнению Булгакова, именно в сочинениях Герцена мы имеем классическое выражение «духовного столкновения русского интеллигента с европейским мещанством»⁴.

Замечание философа верно. Булгаков указывает на тот факт, что разоблачения Герцена, направленные в адрес мещанской цивилизации Запада, имели смысл не только для самого автора «С того берега», испытавшего культурный шок от встречи с реальной Европой и проделавшего путь от идеализации ее культурного и политического уклада к жесткой критике и даже отрицанию. Герценовскую антизападную риторику важно понимать как авторитетный источник самостоятельной культуркритической традиции в русской мысли, в основном представленной в XIX в. авторами славянофильского и XX – религиозно-философского направления. Характерно, что к философско-историческим оценкам Герцена для подтверждения своей позиции охотно прибегал один из самых ярких мыслителей консервативного толка К.Н. Леонтьев. Говоря в письме к Т.И. Филиппову в том, что его мысли и чувства глубоко укоренились и не могут быть изменены, Леонтьев признавался, что, прежде всего им движет «страх того обыкновенного прозаического “буржуазного” европеизма, которого так справедливо боялся Герцен»⁵.

¹ Там же.

² Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Там же. С. 306.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Пророки византизма: Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875 – 1891) / Сост., вступит. статья и комментарии О.Л. Фетисенко. СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2012. С. 516.

Давая оценку герценовскому способу сопоставления путей развития России и Европы, Булгаков делает вывод о несоответствии философски задаваемого вопроса и ответа, который, по словам автора очерка, приобретает трагический оттенок. В самом деле, в осуществлении Россией западных идей, в чем Герцен видит ее важнейшую задачу, главная надежда Герцена связана с сохранившейся в русском укладе поземельной общиной и признанием в ней права всех на землю. Таким образом, социалистическая утопия Герцена оказывается несоизмеримым ответом на огромную нравственную проблему, «мировой вопрос в полном смысле слова, вопрос о возможности настоящей, т.е. не мещанской, цивилизации»¹. Этот грандиозный метафизический вопрос, как пишет Булгаков, «унижается, вульгаризируется таким до детскости наивным и до мещанства материалистическим ответом»².

О парадоксальности философско-политического и исторического мышления Герцена и сложности эволюции его взглядов на Россию и Европу пишет современный философ Э.Ю. Соловьев. Способ размышления об истории Герцена российский исследователь называет как «предельно широкие отрезвляющие размышления», включающие в себя «свободные философско-исторические импровизации» на ключевые темы и сюжеты европейской политической истории.³ Как считает Соловьев, «Герцен не просто первый из русских мыслителей, предложивший рациональное обоснование возможности свободного исторического выбора. За решение данной задачи он вообще взялся впервые в истории общественной мысли»⁴. Отдавая пальму первенства Герцену, исследователь настаивает на том, что русский мыслитель – «первопроходец концепции “открытой истории”, обоснование и развертывание которой обычно ставится в заслугу западной философии XX века (прежде всего – таким ее представителям как К. Ясперс и А. Тойнби, Р. Коллингвуд и К. Поппер)»⁵.

Подобно Чаадаеву, увидевшему возможность интенсивного развития России в том, что она находится вне общей логики мировой истории, и свободна поэтому от повторений худшего, Герцен свяжет успехи русской мысли с тем, что у нее не было длительной истории, по сравнению с европейской. Эти размышления присутствуют еще в ранней работе «Дилетантизм в науке», где Герцен высказывает надежду, что «может,

¹ Булгаков С.Н. Душевная драма Герцена // Булгаков С.Н. Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 129.

² Там же.

³ Соловьев Э.Ю. Философско-исторические воззрения Герцена как проблема истории западноевропейской философии // Александр Иванович Герцен и исторические судьбы России. С. 136.

⁴ Там же. С. 137.

⁵ Там же.

мы, мало жившие в былом, являемся представителями действительного единства науки и жизни, слова и дела. В истории поздно приходящим – не кости, а сочные плоды»¹.

Как философски мыслящий писатель и художник, обладающий мощной интуицией, Герцен обнаружит в истории действие свободной причинности: «Общий план допускает бесконечное число вариаций, непредвиденных, как хобот слона, как горб верблюда, а общее происхождение нисколько не обуславливает одинаковость биографий»². Поэтому открытые в процессе философского познания законы исторического развития не кажутся ему незбылемыми истинами. «Законы исторического прогресса не совпадают в своих путях с путями мысли, так как ничто в природе не совпадает с отвлеченными нормами, которые строит чистый разум», – формулирует Герцен³. В «Письмах к старому товарищу» (1869), которые являются своеобразным завещанием мыслителя, Герцен пишет: «Пути истории вовсе не неизменны. Напротив, они-то и изменяются с обстоятельствами, с пониманием, с личной энергией. Личность создается средой и событиями, но и события осуществляются личностями и носят на себе их печать»⁴.

Во второй половине 1850-х все сильнее начинает звучать мысль о вариативности и открытости российской истории, которая может пойти по антикапиталистическому пути развития, а может и воспроизвести собой «мещанскую» стадию развития буржуазного европейского общества: «Я не считаю мещанство окончательной формой русского устройства, того устройства, к которому стремится и достигая которого, она, вероятно, пройдет и мещанской полосой. Может, народы европейские сами перейдут к другой жизни. Может, Россия вовсе не разовьется, но именно потому, что это может быть – может быть и другое»⁵.

Как мы видим, Герцен не исключает альтернативных сценариев развития России, всячески избегая догматизации высказываемых им положений и идей. Важнейшая функция философского познания – сомнение в истинности высказываний, работает в философско-исторической концепции Герцена. В вопросе о государственном устройстве он подвергает сомнению возможность отменить государство как легальную форму принуждения и сохранения социального порядка в условиях, когда не достигнуто моральное и умственное совершеннолетие народного большинства: «Можно ли говорить о скорой неминувности безгосударствен-

¹ Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 3. М.: АН СССР, 1954. С. 73.

² Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 16. М.: АН СССР, 1960. С. 156.

³ Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: АН СССР, 1954 – 1966. С. 67.

⁴ Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 20. М.: АН СССР, 1954 – 1966. С. 588.

⁵ Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 16. С. 196.

ного устройства, когда уничтожение постоянных войск и разоружение составляют дальние планы? И что значит отрицать государство, когда главное условие выхода из него – совершеннолетие большинства?»¹

Наблюдая за событиями в России, Герцен найдет в себе силы высказать сомнение в необходимости насильственных действий по отношению к власти как политической практике. В 1858 г. он напишет: «Не веру в них мы потеряли, а любовь к ним. Насильственные перевороты бывают неизбежны»². И позже уже испытает испуг от понимания того, что разбуженные стихийные силы в народной душе приобрели наступательный характер, и в этом своей логике революционного террора сделались бесконтрольными цивилизованному разуму. Теперь их власть кажется исторически необратимой. После выстрела Каракозова Герцен с оттенком тревоги и страха напишет: «Сумасшедший фанатик или озлобленный человек из дворян стреляет в государя»³. Писатель и мыслитель, поставивший один из главных философских вопросов русской истории «кто виноват?», осмыслит этот конфликт между свободой и культурой, и переживет крушение либеральных идеалов как трагический опыт собственной жизни, названный С.Н. Булгаковым «душевной драмой Герцена».

¹ Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 20. С. 591.

² Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 16. С. 221.

³ Герцен А. И. Иркутск и Петербург // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 19. М.: АН СССР, 1960. С. 59.

А.Д. ГРАДОВСКИЙ И Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ: СПОР О РУССКИХ МАЛЬЧИКАХ²

События рубежа 70-80-х гг. XIX в. имели для судеб Российской империи решающее значение. Общественность была разочарована итогами Берлинского конгресса 1878 г., обвиняла в этом власть, чей авторитет в сравнении с прошедшей эпохой Великих реформ катастрофически упал. По сути, государственные верхи остались один на один с народо-вольческим террором. Власть не имела определенной политической программы, а возникший вокруг правительства вакуум многократно усиливал резонанс от выстрелов и бомб революционной уголовщины. В феврале 1880 г. взрыв прогремел в Зимнем дворце, что стало символом паралича государственной машины. Назначение диктатором графа М.Т. Лорис-Меликова привело к активизации правительственной политики и уже весной 1880 г. резко повысило позитивные ожидания умеренно-либеральных кругов. В первую очередь политическая программа власти соответствовала тем предложениям, которые были сформулированы в публицистике А.Д. Градовского и А.И. Кошелева³.

В основании умеренно-либеральной политической философии лежала идея развития «нравственной личности». В 1878 г. Градовский писал: «Для человека с волею, разумом и сердцем всегда будет дорого слово старого философа – *perfice te!* (совершенствуй себя)»⁴. Эта цель могла быть обеспечена необходимыми политическими и социальными преобразованиями. Программа преобразований определялась конкретными историческими условиями, а не отвлеченными суждениями. «Либеральная доктрина, покончив с корпорациями во имя их привилегий и с обширную деятельностью власти во имя ее старинных злоупотреблений, обратила все свое внимание на вопрос об *организации* общества на началах личной свободы. Но она оставила без рассмотрения вопрос о том, как будет *действовать* человек в новой организации, и должно

¹ Гайда Федор Александрович – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России XIX века – начала XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

² Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

³ Мамонов А.В. Граф М.Т. Лорис-Меликов: к характеристике взглядов и государственной деятельности // Отечественная история. 2001. № 5. С. 42.

⁴ Градовский А.Д. Надежды и разочарования // Градовский А.Д. Сочинения. СПб., 2001. С. 412.

ли «общество» быть не только «собранием неделимых», но и действительную организацию, способную также к действию на общую пользу, – этот вопрос остался открытым [здесь и далее: курсив авт. – Ф.Г.]», – отмечал Градовский. «Освободительные» идеи в их развитии без учета конкретных потребностей, по мнению публициста, могли привести лишь к доктрине «коммунизма»¹.

В начале 1879 г. Градовский выступил с обширной статьей «Социализм на западе Европы и в России», где не только критиковал российских социалистов, отмечая их отличие от гораздо более конструктивных социалистов западных, но и наметил общую программу развития страны. По мнению публициста, Россия в первую очередь нуждалась в отмене подушной подати и налоговой реформе, переселенческой политике, охране принципов судебной реформы 1864 г., развитии местного самоуправления и народного образования².

В августе, перед началом учебного года (студенческие волнения уже стали едва ли не нормой), Градовский особо обратился к русской молодежи с призывом отказаться от социалистических утопий: «Вас справедливо возмущает жалкая участь обездолженных и погибающих. Но чем думаете вы пособить горю? Возбуждением самых зверских, самых кровожадных инстинктов в тех массах, которые вы сами желаете призвать к новой, лучшей и человеческой жизни». Молодые люди могли бы посвятить себя истинному служению народу и возглавить его: «Русская земля жаждет, как хлеба насущного, настоящих русских людей, которые умели и хотели бы говорить и действовать за всю землю, в которых частные типы нашего общества – купца и мещанина, крестьянина и дворянина, духовного и разночинца – слились бы в цельный, всеобъемлющий тип мыслящего, нравственного, трудолюбивого и стойкого русского человека». Градовский отмечал, что эту задачу не смогло бы принять на себя просто некое образованное «общество», которого «везде достаточно, и оно может быть весьма неинтеллигентно», но лишь истинная «интеллигенция», состоящая из «образованных, разумных и нравственных русских людей»: «совокупность таких умов, в которых, как в фокусе, сосредоточивается разумение всех потребностей целой страны, от верхнего ее слоя до нижнего, всех ее стремлений и задач, которые умеют дать разумную формулу всякому движению, указать исход всякому замешательству и нравственному влиянию которых подчиняются все действующие силы страны»³.

¹ Градовский А.Д. Общество и государство (теоретические очерки) [1876] // Там же. С. 46-47.

² Собрание сочинений А.Д. Градовского. СПб., 1899-1908. Т. 3. С. 490.

³ Градовский А.Д. Задача русской молодежи // Градовский А.Д. Трудные годы (1876-1880). Очерки и опыты. М., 2010. С. 295-296, 299-300.

К тому времени Ф.М. Достоевский уже давно знал «молодого профессора» Градовского (он был на 20 лет моложе) и интересовался его публицистикой. «“Голос” я читаю; были очень хорошие статьи», – признавался писатель в 1870 г. Н.Н. Страхову¹. В 1868 г. Градовский защитил в Петербургском университете докторскую диссертацию «История местного управления в России», после чего стал ординарным профессором Петербургского университета. С 1869 г. ученый был постоянным сотрудником газеты «Голос», ее ведущим публицистом. В декабре 1873 г. Достоевский и Градовский в числе других общественных деятелей (всего – 29) инициировали издание сборника «Складчина» в пользу голодающих Самарской губернии². В 1876 г. писатель оставался глух к письмам «бомбардирующей» его экзальтированной дамы, выразившей консервативные сомнения по поводу лекций Градовского об «идеалах нашего времени». Неизвестная корреспондентка писала: «...как трудно! помочь умереть старому, поставить новое твердо на ноги и сплотиться в “дружество”. Но не велика ли эта задача на деле? По силам ли она нам? <.. > Неужто древняя “истина” с веками все более и более закутывается в свои покровы, и никто не в силах увидеть и естественного, и прекрасного? Сумбур, сумбур! Да иначе и быть не может. Желала бы я увидеть хоть одну голову, удостоенную откровения»³.

Однако вскоре сомнения по этому поводу стали одолевать самого Достоевского. Возможно, началось это тогда, когда в мае 1877 г. «С.-Петербургские ведомости» опубликовали «Письмо к профессору Градовскому», написанное представителями польской общественности: в разгар событий Восточного кризиса и обострения «славянского вопроса» они предлагали России примирение на условиях возвращения польской политической эмиграции. Достоевский отозвался об этом чрезвычайно резко: «Агитаторы-клерикалы попробовали у нас сделать демонстрацию даже через русские издания. Волки перерядились в овец и заговорили в тоне как будто посланников всей польской “эмиграции” за границей»⁴. В марте 1879 г. Достоевский в частном письме с некоторой холодностью уже высказывался о публицистике самого Градовского: «Статья Градовского не обстоятельна, сущности дела он не понимает, но полезна, говоря относительно»⁵. Речь шла о выше цитированной программной статье «Социализм на западе Европы и в России», которая, как можно

¹ Н.Н. Страхову. 28 мая (9 июня) 1870. Дрезден // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972-1990 (далее – Достоевский, ПСС). Т. 29. Ч. 1. С. 125, 436.

² Достоевский, ПСС. Т. 30. Ч. 2. С. 34-35.

³ Там же. Т. 24. С. 287, 497-498.

⁴ Дневник писателя за 1877 г. // Достоевский, ПСС. Т. 26. С. 57, 380.

⁵ О.А. Новиковой. 28 марта 1879. Петербург // Там же. Т. 30. Ч. 1. С. 58.

предположить, повлияла на программу Лорис-Меликова, то есть оказалась «полезна, говоря относительно». В августе 1879 г. Достоевский писал К.П. Победоносцеву: «Я слишком понимаю, почему Градовский, приветствующий студентов как интеллигенцию, имел своими последними статьями такой огромный успех у наших европейцев: в том-то и дело, что он все лекарства всем современным ужасам нашей неурядицы видит в той же Европе, в одной Европе»¹.

8 июня 1880 г. на Пушкинском празднике в Москве Достоевским была произнесена знаменитая речь. Писатель напомнил об образах пушкинских трагических «скитальцев» – Алеко и Онегине, типе, который зародился «после великой петровской реформы, в нашем интеллигентном обществе, оторванном от народа, от народной силы». Они оторвались от «своей почвы» и потому несли с собой гибель. Татьяна в силу своей укорененности оказалась «глубже Онегина и, конечно, умнее его». В результате этот тип мудрого смирения оказывался достоин великого эсхатологического предназначения: «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, и *всечеловеком*, если хотите. <...> И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону! Знаю, слишком знаю, что слова мои могут показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что их высказал». Отсюда вытекал основной пафос речи: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве»².

Речь была восторженно принята публикой, но впоследствии раскритикована в печати³. Одним из первых (уже 25 июня) выступил Градовский. Публицист выдвинул два основных соображения. Во-первых, он напомнил, что «скитальцы» бежали не из прекрасного мира: «Коробочка,

¹ К.П. Победоносцеву. 24 августа (5 сентября) 1879. Эмс // Там же. С. 121.

² Дневник писателя за 1880 г. // Достоевский, ПСС. Т. 26. С. 137-139, 140, 147.

³ Достоевский, ПСС. Т. 26. С. 474-485.

Собакевичи, Сквозники-Дмухановские, Держиморды, Тяпкины-Ляпкины – вот теневая сторона Алеко, Бельтова, Рудина и многих иных. Это фон, без которого непонятны фигуры последних». Осуждая скитальческую гордыню, Градовский указывал на то, что она была порождена отсутствием возможности проявить себя. Между тем, писатель о такой возможности и не говорил, потому что его «великий религиозный идеал, мощная проповедь *личной* нравственности» не подразумевала «и намека на идеалы *общественные*». Публицист отмечал: «Улучшение людей в смысле *общественном* не может быть произведено только работой “над собой” и “смирением себя”. Работать над собой и смирять свои страсти можно и в пустыне, и на необитаемом острове. Но как существа *общественные* люди развиваются и улучшаются в работе *друг подле друга, друг для друга и друг с другом*. Вот почему в весьма великой степени общественное совершенство людей зависит от совершенства *общественных учреждений*, воспитывающих в человеке если не христианские, то гражданские доблести». Отсюда вытекла необходимость не обращаться к народу, а народ вести к европейскому образованию. Задачу эту могла выполнить только «скитальческая» интеллигенция, получившая возможность для приложения своих усилий. Только после этого можно было бы ставить более крупные задачи: «Ее сделавшись как следует народностью, вдруг мечтать о всечеловеческой роли! Не рано ли?». Отсюда следовало второе сомнение публициста. Градовский упрекал писателя в том, что призыв к смирению неожиданно переходил в клич: «Возвышайся!» Публицист предостерегал Достоевского от ложных пророчеств: «Словом, свершится то, чего не предсказывает и апокалипсис! Напротив, тот предвещает не “окончательное согласие”, а окончательное “несогласие” с пришествием Антихриста. Зачем же приходить Антихристу, если мы изречем слово “окончательной гармонии”?»¹.

Достоевский специально отложил публикацию очередного «Дневника писателя» ради ответа Градовскому. «Дневник» выходил впервые с 1877 г., включал в себя Пушкинскую речь, но писатель решил дополнить его текстом, в два раза превышавшим саму речь и в несколько раз – статью Градовского. Однако написана статья была очень быстро, за несколько дней, и закончена уже в начале августа². Достоевский решил отвечать «не столько Градовскому, сколько написать весь *наш profession de foi* на всю Россию»³. Текст отличался резким, едким тоном: писатель

¹ Градовский А. Мечты и действительность (По поводу речи Ф.М. Достоевского) // Голос. 1880. № 174. 25 июня.

² Достоевский, ПСС. Т. 26. С. 471-472.

³ Е.А. Штакеншнейдер. 17 июля 1880. Старая Русса // Там же. Т. 30. Ч. 1. С. 198.

явно был задет за живое. Достоевский настаивал на том, что «истинное просвещение» может быть основано лишь на учении Христа, а потому русский народ уже просвещен. Развитие образования на Западе не было отрицанием христианства, потому что от истинного христианства отказалось еще средневековое папство: науки воевали именно с папизмом. Общественный идеал, если строить его по христианской вере, никак не противоречил личному совершенствованию: в качестве примера приводилась деятельность Ю.Ф. Самарина и других общественных деятелей, принявших участие в отмене крепостного права. Секулярный общественный идеал западного типа, по мнению писателя, никак не спасал от «Держиморд». Уже в самих «скитальцах» проглядывал такой презирающий народ «Держиморда». «И настоящая полиция ведь у нас теперь либеральна», – отмечал Достоевский¹. Как раз в эти дни, 6 августа, была начата реформа полиции, ликвидированы Верховная Распорядительная комиссия и III Отделение, создан Департамент полиции МВД, а инициировавший реформу Лорис-Меликов стал министром внутренних дел. В черновых набросках Достоевский отмечал: «Теперешний чиновник – это европеизм, это сама Европа и эмблема ее, это именно идеалы Градовских. <...> Стало быть, чтоб быть последовательными, либералам и европейцам нашим надо бы стоять за чиновника, в настоящем виде его, с малыми лишь изменениями, соответствующими прогрессу времени и практическим его указаниям. А впрочем, что ж я? Они ведь за это в сущности и стоят. Дайте им хоть конституцию, они и конституцию приурочат к административной опеке России»². Таким образом, Достоевский вступался за общественную свободу и возвращал Градовскому упрек в административном диктате.

Призыв к смирению и всемирному братству, по мнению писателя, не противоречили друг другу, а были тесно связаны любовью: «Это желание-то всеслужения, стать всем слугами и братьями и служить им своею любовью – значит требовать от всех поклонения? Да если тут требование поклонения, то святое, бескорыстное желание всеслужения становится тотчас абсурдом. Слугам не кланяются, а брат не коленопреклонений пожелает от брата»³. Как и Градовский, Достоевский поначалу решил апеллировать к Апокалипсису: «Вы верно не дочитали Апокалипсис, г-н Градовский. Там именно сказано, что [после] во вре<мя> самых сильных несогласий не Антихрист, придет Христос и устроит царство свое на земле (слышите, на земле) на 1000 лет. Тут же прибавлено:

¹ Дневник писателя за 1880 г. // Там же. Т. 26. С. 149-151, 156-161, 166-167, 169-170.

² Достоевский, ПСС. Т. 27. С. 72.

³ Дневник писателя за 1880 г. // Там же. Т. 26. С. 170-172.

блажен, кто участвует в воскрешении первом, то есть в этом царстве. Ну вот в это время, может быть, мы и изречем то слово окончательной гармонии, о котором я говорю в моей Речи. Вы [удивитесь моему мистицизму] опять скажете, что это фантастично, закричите, что это уже мистика. А не суйтесь [сами] в Апокалипсис, не я начинал, вы начали». Тем не менее, этот бурный пассаж так и остался в черновике и в окончательный текст не вошел¹.

Градовский порывался писать Достоевскому ответ на ответ, но так и не стал. Там, в частности, опровергалась принадлежность самого публициста к чистому западничеству: «Теперь на всей Руси едва ли отыщется истый “западник” вроде Чаадаева»². По-видимому, Градовский посчитал, что предмет спора по сути был исчерпан. Весьма символично, что знаменитое письмо А.С. Пушкина Чаадаеву по поводу России во всемирной истории тоже отправлено не было; на черновике поэт сделал приписку: «Ворон ворону глаз не выклюет»³.

В ноябре 1880 г. со своей статьей выступил К.Д. Кавелин, попытавшийся примирить два взгляда. Старый западник уверял, что западничество и славянофильство в пореформенную эпоху ушли в прошлое, а личная и общественная нравственность не могут существовать друг без друга. «Я мечтаю только о том, чтоб мы перестали говорить о нравственной, душевной христианской правде и начали поступать, действовать, жить по этой правде! Чрез это мы не обратимся в европейцев, но перестанем быть восточными людьми и будем в самом деле тем, что мы есть по природе, – русскими», – подводил итог публицист⁴. Тогда же свое слово сказал и И.С. Аксаков, попытавшийся в первой же передовой статье нового еженедельника «Русь» подвергнуть резкой критике всю реформистскую идеологию умеренных либералов и, в первую очередь, мысль об «увенчании здания»⁵. В ответ на это Градовский указал, что «архитектурные сравнения» ошибочны по существу, поскольку «государство, в смысле живого, народного целого, не есть здание, а известная форма общения живых людей <...> Отсюда ясно, что живые люди менее всего могут быть и должны быть рассматриваемы как “кирпичи” для сооружения какого бы то ни было государственного здания»⁶. Ины-

¹ Достоевский, ПСС. Т. 26. С. 323, 506.

² Там же. Т. 26. С. 503.

³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 19 т. М., 1994-1997. Т. 16. С. 336.

⁴ Кавелин К.Д. Письмо к Достоевскому // Вестник Европы. 1880. № 11. С. 454-456. Цит. по: Достоевский, ПСС. Т. 26. С. 489-490.

⁵ Русь. 1880. 15 ноября; Достоевский, ПСС. Т. 27. С. 281-282.

⁶ Градовский А. Не архитектуры, а жизни. – По поводу мнений газеты «Русь» // Русская речь. 1880. № 12. С. 93-103. Цит. по: Достоевский, ПСС. Т. 30. Ч. 1. С. 387. Мнение Градовского приводится в пересказе корреспондента газеты «Новое время» (1880. 2 декабря).

ми словами, вооружаясь славянофильской идеологией, Градовский полемике закрывал. С Достоевским он спорить не хотел, а с Аксаковым, по-видимому, вообще не собирался. Тем временем, Лорис-Меликов готовил такие институциональные изменения, которые вполне укладывались в логику Градовского: сочетать самодержавие с всероссийским земством. Бурно полемизировать в печати на эту тему в тот момент было бы политически неверно.

В январском «Дневнике писателя» за 1881 г. (последнем, вышедшем уже после смерти Достоевского), тональность была уже гораздо более мягкой: «Вся глубокая ошибка их в том, что они не признают в русском народе церкви. Я не про здания церковные теперь говорю и не про причты, я про наш русский “социализм” теперь говорю (и это обратно противоположное церкви слово беру именно для разъяснения моей мысли, как ни показалось бы это странным), цель и исход которого все-народная и вселенская церковь, осуществленная на земле, поколику земля может вместить ее. Я говорю про неустанную жажду в народе русском, всегда в нем присущую, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христово». Тут Достоевский сопоставлял церковь не с народничеством, а именно с западным социализмом (о котором в свое время достаточно позитивно писал и Градовский). После этого была сделана примечательная оговорка: «И если нет еще этого единения, если не созижделась еще церковь вполне, уже не в молитве одной, а на деле, то все-таки инстинкт этой церкви и неустанная жажда ее, иной раз даже почти бессознательная, в сердце многомиллионного народа нашего несомненно присутствуют. Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов *всесветным единением во имя Христово*. Вот наш русский социализм! Вот над присутствием в народе русском этой высшей единительно-“церковной” идеи вы и смеетесь, господа европейцы наши»¹.

Иными словами, Достоевский соглашался с необходимостью общественного идеала. В этой связи неизбежно возникал вопрос и об образованных людях. В частном письме писатель признавался: «Нет, уж я лучше буду с народом; ибо от него только можно ждать чего-нибудь, а не от интеллигенции русской, народ отрицающей и которая даже не интеллигентна. Но возрождается и идет новая интеллигенция, та хочет быть с народом. А первый признак неразрывного общения с народом есть уважение и любовь к тому, что народ всею целостью своей любит и уважает более и выше всего, что есть в мире, – то есть своего Бога и

¹ Дневник писателя за 1881 г. // Достоевский, ПСС. Т. 27. С. 18-19.

свою веру. Эта новогрядущая интеллигенция русская, кажется, именно теперь начинает подымать голову. Именно, кажется, теперь она потребовалась к общему делу, и она это начинает и сама сознавать»¹. В начале ноября 1880 г. писатель завершил работу над романом «Братья Карамазовы»², который заканчивался разговором Алеши Карамазова с мальчиками: в их общении проглядывало будущее идеальное русское общество.

Главный предмет спора Достоевского и Градовского – соотношение идеалов личного и общественного совершенствования. В процессе спора позиции обоих серьезно эволюционировали, сблизились. Профессор признал, что личное лежит в основании общественного. Стоит отметить, что подобная идея озвучивалась им и ранее, поскольку соответствовала умеренно-либеральной идеологии. Писатель от первоначальной темы народа и жертвенной любви перешел к проблематике свободы, общественного идеала и «интеллигенции» как необходимых условий народного развития. Накануне 1 марта 1881 г. консервативные и умеренно-либеральные круги при всех своих различиях еще умели находить точки соприкосновения.

¹ А.Ф. Благодравову. 19 декабря 1880. Петербург // Достоевский, ПСС. Т. 30. Ч. 1. С. 236.

² Достоевский, ПСС. Т. 15. С. 446.

КОНЦЕПЦИЯ МИРНОГО ОБНОВЛЕНИЯ Е.Н. ТРУБЕЦКОГО: «ОБНОВЛЕНИЕ РОССИИ ДОЛЖНО БЫТЬ ЕЕ ОЧЕЛОВЕЧЕНИЕМ»

Профессор Киевского университета известный религиозный философ Е.Н. Трубецкой оказался «на передовой линии» политической либеральной публицистики осенью 1904 г., вскоре после того как в обстановке непрекращающихся неудач в русско-японской войне и нарастания политического кризиса в стране было сформировано правительство князя П.Д. Святополка-Мирского. Власть оказалась вынужденной смягчить репрессивный курс и сделать, учитывая массовые оппозиционные настроения, политический зигзаг с реверансом в сторону либеральной общественности. В конце сентября в юридическом еженедельнике «Право» была опубликована статья Трубецкого «Война и бюрократия»², вызвавшая значительный общественный резонанс. Резкая критика имперской бюрократии как виновника в поражениях русско-японской войны и в русских бедах в целом была созвучна настроениям как в либеральных кругах, так и в народе. Трубецкой ставит вопрос: кто виноват в поражениях России в войне с Японией? И отвечает: нет, не русское общество: «Оно спало по распоряжению начальства. В течение многих лет принимались все меры к тому, чтобы оно не пробудилось. Когда изредка кто-либо пытался приподняться, встать на ноги и молвить человеческое слово, это рассматривалось как нарушение общественного спокойствия и безопасности. Раздавался грозный окрик: "молчать, лежать смирно", и сильная рука пришибала ниц поднявшуюся голову. Россия в последние годы походила на дортуар в участке»³. Последнее сравнение было одним из встречавшихся в статье горьких и обидных для власти образов.

Отвечая на вопрос «кто же виноват?», Трубецкой продолжает подниматься по ступенькам публицистических разоблачений: вина лежит не на народе, не на армии и военачальниках, а на «всевидящей и всеильной бюрократии», которая была призвана «оберегать и опекать». Бюрократии, которая искала врага внутреннего и прозевала врага внешнего и поэтому привела общество к тому, что крайние партии, проявившие инициативу, «захватили в свои руки монополию организации» и «моно-

¹ *Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Московского государственного областного университета.*

Хайлова Нина Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

² Трубецкой Е.Н. Война и бюрократия // Право. 1904. 26 сентября. № 39. Стлб. 1871 – 1876.

³ Там же. Стб. 1873.

полию свободного слова». Приводимый ответ на общественный запрос был очевиден и даже поверхностен для читателя того времени, но ярк в своей образности и убедительности. Где же выход? В заключительных абзацах этой короткой и образной по эмоциональному, но все же не пафосному, накалу статьи часто повторяется глагол «должны». Но категория долженствования есть абстракция, если отсутствуют условия и механизмы реализации того самого должного под общественным контролем. На вопрос, как этого добиться, публицист конкретно не отвечает, отсылая государство и общество на единственно спасительный, по его определению, путь национального обновления.

Сила статьи заключалась не только в ее содержании и яркости, но, прежде всего, по меркам образованного либерального общества, в политической смелости профессора, не побоявшегося открытого обращения к власти и народу с призывом к национальному обновлению и к незамедлительным действиям в этом направлении¹. Этот призыв можно кратко сформулировать в лозунге «Не теряйте времени!».

Пройдя в числе видных либеральных активистов революционный 1905 г., принимая участие в земских съездах, вступив в Конституционно-демократическую партию и выйдя из нее, Трубецкой находит свое место в Партии мирного обновления, созданной в июне 1906 г. Показательно, что наиболее видными фигурами этого нового политического объединения стали бывшие октябристы П.А. Гейден и М.А. Стахович и бывшие кадеты Н.Н. Львов и Е.Н. Трубецкой.

В данной статье рассматривается политический портрет Е.Н. Трубецкого в ракурсе его концепции «мира» и «обновления», или мирного обновления², которая была представлена в публикациях 1906 г. Этот год был важен для осмысления двух путей революции – пути вооруженных действий и пути, назовем его, как у Трубецкого, мирного обновления. К.А. Соловьев в труде, посвященном Выборгскому воззванию, отмечает, что, «... когда прежние слова о реформах с неизбежностью конвертируются в дело», «необходимое условие для этого – наличие консенсуса о насущности коренных преобразований. Его должны разделить и представители правящей элиты, усомнившиеся в возможности сохранения status quo. Именно тем важен 1906 г.»³

¹ Более подробно о реакции общества на рассматриваемую статью Е. Трубецкого см.: Соловьев Кирилл. Механика революции // URL: <http://gafter.ru/archive/10263>.

² Историография вопроса о политических взглядах и деятельности Е.Н. Трубецкого освещена в статье Н.Б. Хайловой, включенной в данный сборник материалов Муромских чтений.

³ Соловьев К.А. Выборгское воззвание. Теория и практика пассивного сопротивления. М.: Кучково поле Музеон, 2021. С. 308.

В марте 1906 г. выходит газета «Московский еженедельник» (позже трансформированная в журнал), редактором-издателем которой являлся Трубецкой, ставший в том же году профессором Московского университета. Он определял политическое направление еженедельника. Среди ведущих сотрудников были такие значимые фигуры либерального движения, как С.А. Котляревский, преподаватель Московского университета, специалист по истории католической церкви и правовед, депутат 1-ой Думы; юрист Н.Н. Львов, один из основателей Партии мирного обновления; В.А. Маклаков, известный адвокат и общественный активист; П.Б. Струве, один из самых крупных либеральных деятелей и публицистов, экономист и философ.

Первый номер еженедельника открывался редакционной статьей «Москва, 5 марта». Это была программная статья, в которой излагалась идейная платформа будущей Партии мирного обновления. Идейная платформа была ментальным творением редактора-издателя, в том числе его осмыслением опыта революционного 1905 г. В основу нашей программы, было заявлено в статье, кладутся «те начала, которые составляют смысл и сущность русского освободительного движения»¹. Разумеется, смысл и сущность освободительного движения в интерпретации автора. Статья считалась редакционной, но она в первую очередь была плодом персональных размышлений и суждений Трубецкого. Радикалы – народники и марксисты – имели свои представления на этот счет. Они видели конечную цель не только в ликвидации монархического государственного устройства, но и в утверждении в жизни страны социалистических начал. Трубецкой же свое видение выразил в следующем ключевом тезисе: «Обновление России должно быть ее *очеловечением*. Это значит, что в ее государственной и общественной жизни должны быть осуществлены *сверхнародные, общечеловеческие* нравственные начала. Мы должны показать, что для нас человек представляет безотносительную ценность: он дорог нам как таковой, как носитель царственного достоинства, независимо от принадлежности к сословию, классу, национальности. Поэтому обновление России для нас немислимо иначе как в форме *всеобщности и равенства*»².

Выделенное авторским курсивом определение «сверхнародные, общечеловеческие нравственные ценности» нуждается в расшифровке. Позицию Трубецкого проясняет следующая тирада из статьи: «Грех "старого порядка"»³ заключался в отрицании всего универсального, об-

¹ Московский еженедельник. 1906. 7 марта. № 1. С. 5.

² Там же. С. 3.

³ Старый порядок – распространенный в то время исторический термин, означающий предреволюционный государственный строй. Суть революции – создание нового государствен-

щечеловеческого в связи с боготворением "истинно русского". Во имя "самодержавия" он отрицал универсальные принципы правового порядка. Во имя "православия" он отрицал универсальные христианские нравственные начала. Наконец, во имя "народности" он попирает народности, отрицал сверхнародную культуру и отрекся от человечности. Он возводил в безусловный идеал преходящие местные ценности – архаическую форму правления, византийское искажение христианства, бытовые особенности господствующего племени. Он был антиправовым, антихристианским и бесчеловечным». Драгоценнейшими из человеческих свобод Трубецкой считал универсальные ценности – свободу мысли и широко понимаемую свободу совести. И власть должна «навсегда отказаться от опеки над мыслью и контроля над верованиями»¹.

Программная статья, конечно, не сводима к рассуждениям об общечеловеческих нравственных ценностях. В ней речь идет и о конкретных задачах «обновления». «...Мы не стоим на *классовой* точке зрения, – декларируется в статье. – ...Мы высказываемся за широкую демократическую программу потому, что справедливость вменяет в обязанность преимущественную заботу о трудящейся и материально необеспеченной части населения»². Статья определяет отношение к самым болезненным точкам российского общества: аграрному вопросу (обеспечение крестьян землей за счет сокращения площади крупного частного землевладения), рабочему вопросу (рабочее законодательство в интересах трудового люда), национальному (равноправие всех народов и национальностей), религиозному (ликвидация государственного контроля над церковью).

Анализируя многочисленные статьи Трубецкого (а они публиковались в журнале «Московский еженедельник» одна вслед за другой), нельзя не заметить, что основной акцент в них делается на нравственной стороне и власти, и либеральной оппозиции, и революционных сил, и, наконец, народных масс. Очень показательна в этом отношении статья «Облик и зеркало», напечатанная 26 августа 1906 г. Начинается она с постановки вопроса: «Нужно выяснить те наши общественные недостатки, которыми обуславливается самая возможность существования *такого* правительства»³. Дело не только в применении грубой силы, рассуждает Трубецкой. Успешность силовой политики обуславливается психическими свойствами обывателя. Переводя это определение на со-

ного и общественного строя. Для Е.Н. Трубецкого смысл «обновления» в «нравственном общественном перевороте».

¹ Московский еженедельник. 1906. 7 марта. № 1. С. 5.

² Там же. С. 4.

³ Московский ежегодник. 1906. 26 августа. № 23. С. 4 – 5.

временный язык, можно сказать речь идет о ментальном состоянии еще не вполне сформировавшегося гражданского общества, о таких качествах/свойствах его, которые заставляют «терпеть, мириться и повиноваться». Трубецкой пользуется термином «благонамеренность»: «Благонамеренным у нас считался тот, кто сидел спокойно в отведенной ему клетке и не делал никаких попыток из нее выйти, тот, кто помышлял только о своих частных делах и не заботился об общем деле. Благонамеренным признавался чиновник, который ради сохранения присвоенного содержания не докучал начальству заботами о пользе службы, профессор, который не пытался завязать со своими слушателями каких-либо нравственных связей, и помещик, который заботился только о своем хозяйстве, не пытался поднять культурный уровень соседних крестьян. Неблагонамеренным считался самый альтруизм, всякая нравственная связь между человеком и человеком, все то, что заключало в себе зародыш общественности»¹.

Итак, в переводе на политологическую лексику, в зеркальном отражении Трубецкого обрисовано атомизированное общество с происходящим в нем броуновским движением. Отсутствие нравственных связей, которые сплавляют людей, позволяет самодержавию держаться и сохраняться. «Может ли веление какой-либо внешней власти оправдать отречение от долга, от общества, от самого достоинства личности? Самодержавие было тем зеркалом, в котором отражались наши общественные недостатки. Быть может, оно отражало их в преувеличенном, карикатурном виде», – таков ответ Трубецкого на им же выдвинутый (категория долженствования) счет российскому обществу/народу. И автор подчеркивает: «Теперь под видом "конституции" продолжает существовать все та же старая сущность самодержавия»². Такому обществу болотного типа вполне соответствует поэтическая характеристика Александра Блока, современника Евгения Трубецкого: «Ты будешь доволен собой и женой, своей конституцией куцей». Нелестно отзываясь публицист и о революции как порождении анархической и рабской в сущности общественной среды: «Теперь, как и прежде, у нас индивид изолирован; сословие стоит против сословия и класс против класса, самая революция приняла у нас форму классового междоусобия. Еще не народилась та нравственная сила, которая могла бы собрать нас в единое национальное целое. Мы все еще пребываем в состоянии разобщения, дезорганизации, а потому не можем отделаться от сросшегося с нашей обще-

¹ Там же. С. 5.

² Там же. С. 5 – 6.

ственной психикой рабства»¹. Отрицательное отношение к революции у идеолога Партии мирного обновления не имеет ничего общего с отрицательным отношением к революции у монархистов-консерваторов. В последнем случае революция не приемлема как средство разрушения «старого порядка». В первом – революция не приемлема как средство, противоречащее прогрессивной цели – модернизации общества, т. е. его обновления на основе всеобщности равенства и справедливости.

В декабрьской программной статье, подводящей итоги политических размышлений второго года революции, Трубецкой разъясняет центральную идею концепции «мира» и «обновления», отражение этих основных мировоззренческих положений, исходных аксиом в названии и программе партии, в выдвижении общественных проблем и задач, требующих неоткладываемых решений². Курсивом автор выделяет ключевые слова-понятия: *дорог человек как таковой, ценна всякая человеческая душа, всеобщее равенство, мир племенной, мир классовый, мир международный*. Обратим внимание: иерархия понятий начинается с «Человека». Новый мир нужно строить для человека, для всех людей. Ни раса, ни этническая (племенная, по Трубецкому) принадлежность, ни религиозная, ни сословная, ни классовая не имеют значения для принципа всеобщности равенства.

В статье контрастно противопоставляются два мира: «... Есть мир, с которым невозможно мириться. Есть мир в виде кладбища; там царствует всеобщая тишина, спокойствие и молчание. Это – мир для мертвых, но не для живых. Есть мир, основанный на насилии и неправде, мир между овцами и волками. Россия знала его при самодержавии, но о нем я сказал однажды, что он напоминает "дортуйар при полицейском участке". Есть мир всеобщего ига и всеобщего рабства, подобный тому, который царствует в завоеванной стране; он характеризуется словами "горе побежденным". Но этот мир чреват бедою: он рождает преступления и приводит к катастрофам»³.

Полемизируя с октябристами, которые поддержали казни как государственную расправу, Трубецкой заявляет: «Прочь от нас этот мир с виселицей!» Взамен нужно бороться за мир классовый, социальный. Но такой мир не может быть без обновления. Общество требует амнистии политическим заключенным, свободы и всеобщего равенства в правах.

¹ Там же. С. 6.

² Трубецкой Е.Н. Идеиные основы Партии мирного обновления (Публичная лекция, прочитанная на «политическом турнире», организованном Партией мирного обновления) // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906 – 1916 гг. Документы и материалы / отв. ред. В.В. Шелохаев; сост., авт. предисл., введ. и коммент. Н.Б. Хайлова; М.: РОССПЭН, 2002. С. 114–125.

³ Там же. С. 115.

«Народный голос требует земли. Раз это справедливо, дадим землю крестьянам»¹. Трубецкой против национализации земли. Он указывает на опасность установления чрезмерной опеки и власти государства над сельским населением. Отчуждаемая земля может быть передана либо общинам, либо отдельным лицам. «Установите, – заклинает публицист, – какие угодно отношения между государством и крестьянином-пользователем, сделайте последнего долгосрочным или даже "вечным" арендатором земли, все равно, вы дадите русскому чиновнику огромную деспотическую власть»². Справедливость требует и справедливого рабочего законодательства. Но его может дать лишь обновленная власть.

В многоэтнической державе внутрисударственный мир может установиться только при справедливом решении национального вопроса. «Национализм со всех сторон, – пишет Трубецкой, – окружил Россию врагами. Он восстановил инородцев против великороссов, окраины против центра и этим создал грозную опасность для целостности государства»³. Поэтому, в частности, равноправия недостаточно. Нужна еще свобода культурного самоопределения, базирующаяся на широком местном самоуправлении. Польша же должна получить сейм с законодательными правами. Останавливается Трубецкой и на судьбе евреев в России. Само по себе выделение их в особую породу людей противоречит требованию всеобщности равноправия. Другое дело создание условий для культурного самоопределения и соблюдения свободы совести. Этническое равноправие для русского народа – долг совести и путь спасения от национальной междоусобицы.

Нельзя не отметить, что в отличие от многих современных партий все тезисное богатство текста – это не электоральные популистские обещания, коими переполнена нынешняя политическая действительность, а неколебимые убеждения Трубецкого и его настоящих идейных единомышленников.

В августе 1910 г. «Московский еженедельник» прекратил свое существование, и тому было ряд причин, в том числе связанных не только с финансированием и снижением общественного запроса к его публикациям. В датируемом 25 августа письме к финансировавшей ежегодник М.К. Морозовой Трубецкой писал: «... Ни минуты я не раскаиваюсь в прекращении самого "Еженедельника". Во-первых, когда мы временно исчезнем, нас больше оценят. Пускай о нас "потерявши плачут". Во-

¹ Там же. С. 122.

² Там же. С. 121.

³ Там же. С. 118.

вторых, воскреснуть нам надлежит в новом виде: форма "Еженедельника" обветшала»¹.

В том же 1910 г. по инициативе Трубецкого и Морозовой при Московском религиозно-философском обществе создается издательство «Путь». Финансирует его Морозова. Идеологом является Трубецкой. Председателем редакционного комитета издательства становится журналист Григорий Алексеевич Рачинский. Кроме них, в состав редакции входят философы С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, В.Ф. Эрн. «Путейцы» – так именовали идейно-просветительскую группу, сформировавшуюся вокруг издательства. Взгляды их – «путейская триада» – включали три составляющие мировоззренческого единства: религиозность, либерализм, русский национализм. Последняя составляющая трактовалась в демократической парадигме и, по существу, «символ веры» Трубецкого и его единомышленников противопоставлялся консервативной политической формуле: православие, самодержавие, народность.

Подводя итоги своему восприятию опыта Первой российской революции в контексте грядущего времени, Трубецкой в 1911 г. пишет Морозовой: «Правые будут сметены левыми, эти покажут нам ужасы...». Спустя полтора месяца, в другом письме к ней же еще одна глубокая тревога князя: «Скоро в России засвистит самая жестокая из бывших доселе бурь... Мне все казалось, что до заключительной катастрофы еще ужасно далеко. А теперь она страшно приблизилась, надвинулась совсем! И эта быстрота назревания революции – фатальна». Прогноз-предчувствие оказался пророческим. В 1917 г. «засвистело» «фатально» той самой ожидаемой жестокой бурей. А в 1919 г. Трубецкой публикует рефлексирующую на революцию статью под многоговорящим названием «Звериное царство и грядущее возрождение России». В статье он излагает свое понимание того, почему «стерлась грань между человеческим и звериным», что проявилось в ужасах мировой войны и русской революции. И у войны, и у революции одни и те же глубинные корни: разрушение человеческого единства и мира во имя удовлетворения эгоистических интересов наций в первом случае и классов в случае несостоятельности и разрушения государственного устройства².

По убеждению Трубецкого, ключевую роль в обеспечении общественного благополучия в правовом государстве призвана играть судеб-

¹ Взыскующие града: хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / сост., подг. текста, вступ ст. и коммент. В.И. Кейдана. М.: Школа "Языки рус. культуры", 1997. С. 275.

² См.: Сергей Николаевич Трубецкой. Евгений Николаевич Трубецкой. Избранное / сост., авт. вступ. ст. и коммент. О.В. Волобуев, А.Ю. Морозов. М.: РОССПЭН, 2010. С. 667-690.

ная власть. Причем она должна быть не только независима, но и нравственна. Эта идея определяла незыблемость профессиональной и жизненной позиции целого ряда деятелей либерального централизма и их соратников, оставивших заметный след в истории российской правовой системы. По словам К.К. Арсеньева, одного из создателей отечественной адвокатуры, путеводной звездой для законника должна быть «правота в высшем смысле этого слова»¹. Солидарны с ним были Д.В. Стасов, В.Д. Кузьмин-Караваев, Н.В. Давыдов, А.Ф. Кони.

Трубецкой тесно увязывал мир внутренний с государственной безопасностью и внешнеполитическим положением России. Первым условием этого он считал наличие в стране правительства, опирающегося на народное доверие и крепость общественных устоев. Большое значение философ-политик придавал культурно-исторической миссии России, которую видел в осуществлении общего дела преобразования мира и наполнение его религиозно-нравственным началом. Говоря о месте России в глобальном процессе преобразования всечеловечества, Трубецкой так определял его: «...В великом и обширном доме Отчем ей суждено занять лишь одну из обителей»². Он был уверен: не должно быть спора между народами о первенстве и

Война между государствами и гражданская война внутри государства – две величайшие беды человечества. И там и там действует один и тот же нравственный кодекс – «кодекс беспощадного каннибализма». Эта позиция четко выражена в публицистике Трубецкого периода Первой российской революции и периода Первой мировой войны. Об этом же рассуждает мыслитель в философском труде «Смысл жизни»: «Макиавеллистическая мораль государства с ее лозунгами – *все для спасения государства* – есть *мораль войны*: ибо именно непрекращающееся состояние явной или скрытой войны между государствами угрожает безопасности каждого из них; именно эта непрерывная угроза и служит оправданием *всех средств* для спасения *моего* государства»³. От угроз, несомых войной между государствами, автор переходит к обрушившейся на Россию гражданской войне: «В мирное время в России народные массы жили в стороне от политики, а потому и макиавеллизм как "мораль политиков" не оказывал на их жизнь заметного влияния. Но в дни мировой войны у нас, как и во всех воюющих странах, все мужское

¹ Цит. по: Хайлова Н.Б. Арсеньев К.К. // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010. С. 28.

² Цит. по: Рыжкова Е.А. Мировая задача России через призму публицистических произведений Евгения Трубецкого // Власть, общество и личность в истории: сб. ст. по материалам науч. конференции 22 – 24 ноября 2006 г. М.: ГУГН, ИРИ РАН, 2010. С. 132. В статье Рыжковой использована публицистика Е.Н. Трубецкого периода Первой мировой войны.

³ Сергей Николаевич Трубецкой. Евгений Николаевич Трубецкой. Избранное. С. 526.

население было призвано проводить в жизнь макиавеллистические принципы... Все прониклись мыслью, что в интересах коллективных, национальных все дозволено, – и в результате расшатались все нравственные навыки. Мысль об убийстве перестала казаться страшной. Вера в безусловную ценность человеческой личности исчезла, уступив свое место чисто утилитарным оценкам жизни и личности»¹. Осуждая аморализм войны и аморализм государственной власти в войне, Трубецкой в то же время осуждает и «*равнодушное*» (это определение он выделяет курсивом) отношение к государству.

Концепция «мира» и «обновления» может выглядеть утопически. Не обходя этот упрек, Трубецкой указывал: «Задача ближайшего будущего – не в том, чтобы превратить Россию в рай, а в том, чтобы помешать ей превратиться в ад»². Развенчивая революционный способ разрешения общественных вопросов, Трубецкой отстаивал путь эволюционный, или последовательного органического развития. Умеренность в требованиях, в чем можно упрекать мирнообновленцев, вытекала из их, как они считали, реалистической оценки состояния страны и установки на более щадящее ее цивилизационное развитие.

Политические ценности у Трубецкого преходящи, привязаны к определенному историческому времени: «Народовластие, республика, монархия, социализм, внешняя свобода, – все эти ценности не только условные, но и изменчивые, *исторические*. В различные исторические эпохи эти величины должны оцениваться далеко неодинаково»³. Вечными и всечеловеческими являются ценности христианские. Идеальная цель – стремление человечества к всеединству – у Трубецкого раскрывается через символический животворящий образ св. Софии⁴.

Оценка подлинного масштаба и значения исторической роли Трубецкого (равно как и других идеологов либеральной «середины») невозможна при сохранении по отношению к ним акцента на негативных коннотациях – «не смогли», «не учли», «не поняли» и т.п.⁵ Более продуктивным должен стать подход к определению их места и роли в истории

¹ Там же. С. 527.

² Партия демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. С. 125.

³ Трубецкой Е. С того же берега (по поводу статьи Свенцицкого) // Московский еженедельник. 1907. 14 июля. № 26–27. С. 27

⁴ Св. София у Е. Трубецкого – Божественная Премудрость, свет должного по отношению к человеку в его поиске смысла личного и общественного бытия.

⁵ В частности, Е.С. Досекин, подводя итог своего исследования, заключает: «Е.Н. Трубецкому-политику не удалось ни объединить либеральное движение под общими знаменами, ни создать внутри него сильное христианско-демократическое течение с лозунгами мирного "обновления", или, используя современный термин, "модернизации"» // Досекин Е.С. Евгений Николаевич Трубецкой – общественная и политическая деятельность: монография. Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2014. С. 101.

России начала XX в., предполагающий углубленное изучение феномена либерального центризма с использованием новых источников (в том числе фондов местных архивов, провинциальной прессы) и современного методологического инструментария. В частности, непосредственное отношение к проблеме имеет призыв С.С. Секиринского к коллегам отказаться от «направленчества» («партийности» в негативном смысле), доминирующего в исследованиях по политической истории¹. Именно такой взгляд проповедовали и либералы-центристы на этапе формирования российской многопартийности в начале XX в. Акцентируя (как это показано в новейших публикациях И.С. Розенталя²) социокультурный аспект политического многоголосья, Трубецкой и его единомышленники определяли себя как «прогрессисты», подчеркивая тем самым более широкие (в сравнении с другими идейными течениями) рамки «прогрессизма», его объединительный потенциал. Идеологи либерального центризма отмечали важное значение в жизни общества проявлений солидарности, рассматривая расширение этой сферы как одну из своих главных целей. В этом «особость» их позиции как политиков, поскольку борьба за власть не была для них исключительным приоритетом.

Стремление *влиять* на решения власти, *взаимодействуя* с ней, а также утверждать в общественном сознании ценности «мирного обновления», путем *просвещения*, а не партийной пропаганды, – таковым было кредо либералов-центристов. В связи с этим интерес представляет предложение Дж. Хоскинга сместить традиционные акценты в исследованиях политической истории, то есть изучать ее не только с позиций противостояния и борьбы противоположных интересов и сил, а еще и под углом зрения формирования «мостов доверия» в обществе³.

В истории не бывает окончательных побед и поражений. Интеллектуальное наследие Трубецкого и других деятелей либерального центризма (таких, например, как М.М. Ковалевский, И.Н. Ефремов), ставшее важной частью общемирового процесса интенсивного поиска путей общественного переустройства на рубеже XIX–XX вв., сохраняет актуальность и в наши дни в связи с попытками осмысления «вызовов» Четвер-

¹ Секиринский С.С. «Направленчество» или «внепартийность»: два подхода к изучению русской общественной мысли // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции. Москва, 28–29 октября 2010 г. / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2011. С. 99–110.

² Розенталь И.С. Прогрессист Голицын и его дневник // Россия XXI. 2007. № 4. С. 121, 125. Он же. К вопросу о прогрессе: большевизм и прогрессизм // Культура и менталитет России Нового и Новейшего времени: к 80-летию со дня рождения Анатолия Евгеньевича Иванова: [сборник] / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Ин-т российской истории, 2018. С. 303–315; и др.

³ Хоскинг Дж. Почему нам нужна история доверия // Вестник Европы. 2003. Т. VII–VIII. С. 226; Он же. Доверие: история / пер. с англ. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 294 с.

той промышленной революции. «Как поглотить и приспособить для себя новую современность, в то же время не отказываясь от традиционных систем ценностей», – эта проблема вновь определяет поиск способов изменения мира к лучшему. В связи с увеличением социального неравенства указывается на первостепенность противостояния этой тенденции. Утверждается, что «бóльшее равенство в обществе делает его сильнее», позволяет избежать роста уровня социальных волнений. Кроме того, делается акцент на «преимуществах сплоченности» граждан, укрепления социальных связей. «Ошеломляющие инновации» Четвертой промышленной революции по-новому определяют содержание понятия «быть личностью», выводят на первый план проблемы морали и этики. Необходимость «направить инновации на общее благо» связывается с потребностью совместной выработки «чувства общей цели», для чего «крайне важно располагать доверием»: «В мире, где больше нет ничего постоянного, одной из важнейших ценностей становится доверие». Подчеркивается, что «в конце концов, все сводится к людям, к культуре и к ценностям», а «новый культурный ренессанс» способен обеспечить комплексный подход к пониманию оптимальных путей решения многих вопросов, «реструктуризации наших экономических, социальных и политических систем». Созвучна неизменному историческому оптимизму патриархов либерального центризма и мысль о том, что «все зависит от нас»: «Все вместе мы должны работать для того, чтобы преобразовать эти вызовы в возможности»¹. Очеловечивание России на основе либерального центризма и христианской морали, на что рассчитывал Трубецкой и его единомышленники, не состоялось ни в начале XX в., ни после Великой российской революции, ни в конце того же столетия. Состоится ли оно в веке XXI-ом – вот в чем вопрос?

¹ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2020. С. 149–184.

**ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ ПЕРВОЙ
ЧЕТВЕРТИ XIX в.: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССА
СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ**

Одна из центральных задач, которая неизбежно возникает в исследованиях по истории общественно-политической мысли России первой половины XIX в. – выявление культурных механизмов освоения российскими подданными интеллектуального влияния и опыта социально-политических изменений в развитых странах Европы. Принципиально важно определить, какой из двух возможных сценариев – подражание или адаптация – был реализован в процессе заимствования, и как заимствованные идеалы соотносились с отечественной реальностью в сознании российских авторов. Ответы на эти вопросы необходимы для решения ключевой проблемы истории российского либерализма: что следует понимать под национальной моделью либерализма, и какие признаки этой модели историк может зафиксировать?

Своеобразной точкой отсчета в дискуссиях о сущности либерализма является признание того, что его теоретические принципы могут по-разному трактоваться в различных странах мира. В действительности нет одного, универсального для всех стран и народов либерализма, но есть либерализм немецкий, английский, французский и т.п. Это не означает, что историк имеет дело с предметом исследования, который не может быть четко определен и корректно сопоставлен с другими. При всей пластичности либеральной идеологии, ее способности адаптироваться к условиям распространения, существует общее для всех ее национальных вариантов инвариантное ядро: представление о системообразующей роли личности и индивидуальной свободы, признание необходимости реализации принципов неприкосновенности частной собственности и верховенства закона, неприятие насильственных, революционных методов преобразования действительности.

В рамках конкретно-исторических исследований необходимо проследить, каким образом это инвариантное ядро дополняется в каждой стране новыми элементами, содержание которых соответствует особен-

¹ *Тимофеев Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, заведующий центром социальной истории Института истории и археологии Уральского отделения РАН, профессор кафедры истории России Уральского Федерального университета им. Первого президента России Б.Н. Ельцина.*

ностям социальной структуры общества, характеру развития экономики и функционирования политической системы¹. Не менее важно помнить, что восприятие современниками идеологических построений не является статичным, напротив – оно могло меняться в зависимости от множества политических и экономических факторов. Именно поэтому сторонник «либерального образа мыслей» в начале XIX в. мог высказывать идеи, которые впоследствии либерал второй половины XIX – начала XX вв. оценивал негативно, считая их несоответствующими либеральным принципам.

Говоря о способах фиксации характерных особенностей национальных моделей политических идеологий, на мой взгляд, следует различать: 1. политическую риторику как отражение личных убеждений и представлений о перспективах развития общества; 2. набор сложившихся в общественном сознании способов аргументации, который использовали авторы для получения поддержки читателей/слушателей; 3. практические действия современников, которые сопровождались декларациями о приверженности теоретическим принципам, но могли быть направлены на достижение различных, в том числе, и сугубо утилитарных целей.

При таком подходе изучение истории общественного сознания должно выстраиваться как история *коммуникативных практик*, история столкновения различных способов аргументаций, история дискуссий о необходимости совершения индивидами, правительственными структурами или тайными обществами значимых для дальнейшего общественного развития действий². Акцентирование внимания на содержании, целях и результатах дискурсивных практик обуславливает необходимость выработки принципов отбора и методов работы с историческими источниками. На мой взгляд, следует разделять тексты источников по степени их публичности и характеру коммуникативного воздействия на две группы.

1) Тексты, предназначенные для чтения неопределенным кругом лиц с целью формирования общественного мнения или выражения позиции по какому-либо вопросу. Посредством *публичной коммуникации* с

¹ См, например: Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26–40.; Либерализм в России. М., 1996. С. 20, 61–62, 42–54, 360–370; Капустин Б.Г. Алгоритмы и варианты западного либерализма // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. Москва. 27–29 мая 1998 г. М., 1999. С. 39–56.; Кара-Мурза А.А. Некоторые вопросы генезиса и типологии русского либерализма // История философии. Научно-теоретический журнал. 2016. Т. 21. № 2. С. 69–76.

² Методологическим ориентиром при таком подходе являются теоретические установки исследователей Кембриджской школы истории понятий, см.: Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: НЛО, 2018.

неопределенным адресатом обсуждение актуальных вопросов происходило открыто, круг потенциальных участников дискуссии заранее не был четко определен и мог варьироваться в зависимости от количества читателей. В данную группу источников могут быть включены публикации в правительственных и частных журналах, отражавшие, соответственно, позицию властных институтов и мнения частных лиц; научно-публицистические произведения и учебная литература по гуманитарным дисциплинам. Изначальная неопределенность адресата, а иногда и автора, скрывающего свое настоящее имя за псевдонимом, позволяла представлять тот или иной факт, мнение или оценку как «общеизвестную», способствующую «общему благу», или напротив – «искоренению заблуждений, пороков и невежества». Такой формат публичного высказывания обуславливал возможность размещения на страницах журналов критических замечаний оппонентов и ответной реакции авторов, посредством которых участники заочного диалога стремились показать читателям справедливость и обоснованность своего мнения.

Показательным примером могут служить развернувшиеся в 1818–1820 и 1826 г. на страницах журналов «Сын Отечества», «Дух журналов» и «Отечественные записки» дискуссии о книге Н.И. Тургенева «Опыт теории налогов»¹. Так, в 1820 г. анонимный автор «замечаний», критически оценивая тезис Тургенева о благотворном влиянии «Английской конституции», задавал вопрос: «Законы на бумаге удивительно хороши кажутся, но надобно посмотреть, какое действие производят, и каковы на деле?»². Отвечая на него, он последовательно доказывал, что существующий в Англии порядок избрания народных представителей и характер обсуждения законопроектов в парламенте, не позволяет говорить о реализации на практике провозглашенных принципов свободы и неприкосновенности собственности. Подкуп избирателей, неравномерность в распределении голосов, пассивность, неумение, а главное, нежелание отстаивать интересы народа – все это позволило автору «замечаний» утверждать, что у английских депутатов «слово Конституция, благо общественное... в устах, но корысть и собственные выгоды в сердце...»³. В данном контексте подражание в России европейским парламентским структурам объявлялось нецелесообразным и даже опасным.

¹ Тургенев Н.И. Опыт теории налогов. СПб.: тип. Н. Греча, 1818.

² Замечания на Опыт теории налогов // Дух журналов. 1820. Ч. XL. Кн. 5. С. 193. Не называя своего имени, он сообщал, что «воспитан и взрос в Англии, не в школе или училище, но в доме российского министра, моего родственника».

³ Там же. С. 208.

2) Тексты, создаваемые в процессе *публичной коммуникации с определенным адресатом*, авторы которых, преследуя четко сформулированную цель, обращались не к абстрактному читателю, а рассчитывали на ответную реакцию конкретных адресантов. К источникам данной группы можно отнести: публичные выступления, прошения, проекты, докладные записки. Ярким примером публичного заявления о несоответствии реального положения и установленного законом порядка проведения выборов в дворянских собраниях является выступление 10 января 1810 г. воронежского помещика, штабс-капитана П.С. Шеншина. Автор утверждал, что к выборам незаконно были допущены дворяне, «не имеющие в уезде недвижимого имения»; «не владеющие собственным своим, а принадлежащим отцам, матерям и женам их имением»; «владельцы людей без земли»; дворяне, имеющие право «присутствовать в собрании при выборе и баллотировании», но не представившие свидетельства о внесении их рода в дворянскую книгу Воронежской губернии¹. Все это, по его мнению, является достаточным основанием для публичного объявления приказа о немедленном удалении из собрания дворян, не имеющих права участвовать в выборах.

Второй аргумент Шеншина, публичное опровержение которого было невозможно, – напоминание о состоявшейся за день до голосования процедуре приведения участников собрания к присяге. Данное обстоятельство позволяло утверждать, что в случае проведения «баллотировки кандидатов» будет нарушен не только закон, но и морально-религиозные нормы. В завершении выступления Шеншин использовал традиционный для публичных выступлений риторический прием – обращение к мнению исторического деятеля, авторитет которого публично было невозможно отрицать. Он напомнил собравшимся слова Петра Великого: «Всеу законы писать, когда их не хранить, или ими играть как в карты, прибирая масть к масти»². С начала XIX в. практически любая ссылка на высказывание Петра I или Екатерины II, вне зависимости от того, было оно реальным или являлось результатом позднейшей мифологизации образа императора, становилась неопровержимым аргументом в любой публичной дискуссии.

Маловероятным представляется, что Шеншин был уверен в незамедлительном исправлении всех указанных недостатков, т.к. в этом случае выборы просто бы не состоялись в силу недостаточного количества кандидатов. Более того, сроки проведения выборов устанавливались министром внутренних дел с периодичностью один раз в три года и не

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а, 1810. Кн. 6. Д. 165. Л. 16-16 об.

² Там же. Л. 16-об.

могли быть перенесены по решению собрания, предводителя дворянства и даже губернатора. В этих обстоятельствах для Шеншина важен был не столько практический результат, сколько возможность публичной демонстрации своей личной позиции, важно было показать пример того, как должен вести себя дворянин, стремящийся исполнить свой гражданский долг.

Таким образом, проведенный анализ выступления Шеншина позволяет сделать несколько важных для понимания особенностей восприятия помещным дворянством первой половины XIX в. либеральных ценностей. Наиболее значимые и действенные аргументы выстраивались посредством установления взаимосвязей между либеральными трактовками принципа верховенства закона и традиционными категориями «беспристрастие», «обязанность», «предписание начальства», «честность пред собой и Богом». Все они органично сочетались с идеологемой безусловной поддержки российским дворянством намерений Петра I и Екатерины II по формированию ответственного отношения российского подданного к «службе на благо Отечества».

Обобщая результаты сопоставления содержания, направленности текстов публичной коммуникации с неопределенным и определенным адресатом, а также реакцию на их появление российских читателей/слушателей, представляется возможным сформулировать ряд особенностей понимания либеральных принципов в России первой четверти XIX в.¹

Принцип свободы личности в России, чаще всего, воспроизводился в текстах на экономические темы. Признавая «свободу личности» важнейшим фактором развития отечественной экономики, российские авторы писали о необходимости упразднения мелочной регламентации со стороны государства. Но при этом «свобода» рассматривалась не как основополагающий принцип отдельного индивида, а как эффективный инструмент стимулирования экономического развития в руках правительства. В такой трактовке главная задача государства – установление различных правовых норм, способствовавших, с одной стороны, повы-

¹ Объем данной публикации не позволяет проиллюстрировать сделанные выводы на конкретно-исторических примерах. См. подробнее: Тимофеев Д.В. Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск, 2006; Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск: Энциклопедия, 2011; Тимофеев Д.В. Европейский принцип выборности в России первой четверти XIX века: идеальные модели и практики реализации // Cahiers du Monde Russe, 57/4, octobre-décembre. 2016, p. 743–764; Тимофеев Д. Электоральные конфликты и групповая солидарность российского дворянства в царствование Александра Первого // Quaestio Rossica. Т. 8. 2020. № 4. С. 1274–1291.

шению экономической активности граждан, а с другой – *минимизации конкуренции* между *различными сословными и внутрисословными группами*. Подобного рода логика прослеживается в различных обращениях купцов, крестьян и дворян, в которых они просили даровать им дополнительные «свободы», *но при этом установить более строгие ограничения* для других участников экономических отношений. Такая двойственная политика должна была бы, по мысли современников, одновременно способствовать развитию экономики и обеспечить сохранение «духовного единства» российских подданных.

Своеобразие восприятия европейского принципа *неприкосновенности частной собственности* в России было обусловлено противоречиями между декларациями и практическими действиями государства. В начале XIX в. право частной собственности как в учебных пособиях и публицистических произведениях, так и в текстах проектов и программных документов тайных обществ было объявлено «священным и неприкосновенным». Однако одновременно с декларацией необходимости законодательной защиты права собственности, российские авторы признавали возможность утраты имущества гражданами по инициативе государства в случае, если эта мера была необходима для достижения «общего блага». Двойственность позиции проявлялась и в нечеткости ответа на вопрос: следовало ли законодательно установить общий для всех порядок компенсации потерь собственникам, или во всех подобных случаях единственным арбитром должен быть российский император?

Издание «Устава о банкротах», заявления верховной власти о необходимости законодательного закрепления права собственности, указ от 12 декабря 1801 г. – все это происходило на фоне многочисленных рескриптов, указов и положений, устанавливавших для *каждой сословной, а нередко и внутрисословной группы, особый порядок наследования и купли-продажи недвижимого имущества*. На практике отсутствие общего для всех российских подданных законодательства означало *условность права собственности* и возможность утраты имущества как вследствие экономических причин, так и по различным политическим мотивам.

Адаптация в России *принципа верховенства закона* сопровождалась корректировкой ранее существовавших и появлением новых логических взаимосвязей между понятиями «закон», «государство», «гражданин» и «просвещение». Принимая на уровне теоретических рассуждений тезис о наличии у каждого свободного человека определенного набора «гражданских прав» и свобод, российские авторы неоднократно подчеркивали, что их содержание и объем *не могли быть одинаковыми*

как в различных странах, так и внутри одной страны. Аргументом, подтверждавшим справедливость этого утверждения, служил тезис о существовании тесной взаимосвязи между содержанием законов и уровнем «просвещения» народа. При этом особо подчеркивалось, что единственным субъектом, способным оценить характер «просвещения» различных сословных и внутрисословных групп является «государство». В такой трактовке инициатива наделения гражданскими правами может исходить только от верховной власти, а не по желанию самих граждан. Таким образом, обязательным условием, необходимым для реализации «гражданских прав» было признано существование сильного и «благоустроенного государства».

На рубеже XVIII–XIX вв. осмысление образованными российскими подданными *принципа конституционного правления* происходило на фоне распространения негативной ассоциативной связи понятия «конституция» с Французской революцией, которая в текстах российских авторов противопоставлялась «естественному» развитию общества, нормам религии, морали и права. В этих условиях постепенное смягчение негативного подтекста было возможно посредством *отождествления «конституции» с «уставом»* или *«собранием коренных законов»*. Использование словосочетания «коренной закон» позволяло подчеркнуть принципиально важное качество предполагаемой российской «конституции»: ее основные положения должны были быть органично связаны с *исторически сложившимся* комплексом юридических норм, отдельные элементы которого могли корректироваться по инициативе верховной власти. В таком прочтении конституция – не конечная цель политического развития, а *эффективный инструмент*, с помощью которого возможно было решение целого ряда актуальных для всего общества проблем. Именно поэтому в большинстве конституционных проектов этого времени¹ принципиально важным было не зафиксировать формальное ограничение власти монарха, а сформировать постоянно действующие каналы передачи информации, которые позволяли бы своевременно координировать и корректировать действия власти в зависимости от изменений общественных настроений.

Важным следствием такого подхода было признание невозможности существования универсальной «конституции» для всех стран мира. Определенное сходство считалось допустимым лишь во внутренней

¹ См., например: Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX веков. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 95–125; Чернов К.С. Забытая конституция «Государственная уставная грамота Российской империи». М., 2007; Захаров В.Ю. Конституционализм как вариант модернизации российского абсолютизма в конце XVIII–первой четверти XIX века // Российская история. 2011. № 6. С. 31–52.

структуре «коренного закона», но содержание конкретных юридических норм должно было соответствовать особенностям экономического, политического и культурного развития каждой страны.

В общем виде, все указанные выше европейские принципы были существенно скорректированы в результате сложного сочетания повседневно окружавшей российского подданного социальной действительности и теоретических постулатов европейских мыслителей. На уровне теоретических рассуждений системообразующими понятиями, с помощью которых происходила корректировка либеральных идей в России, стали понятия «*государство*», «*закон*» и «*просвещение*». В различных сочетаниях они использовались при обосновании необходимости учитывать множество обстоятельств, отражавших принципиально важные отличия Российской империи от развитых стран Европы. В результате, даже в текстах наиболее последовательных приверженцев либеральных ценностей сознательно допускалось множество «оговорок», общий смысл которых сводился к утверждению, что реализация европейских идеалов в России возможна только при условии существования *сильного государства*, способного установить справедливые законы, а также наличия у верховной власти и представителей образованной части российского общества *желания способствовать скорейшему «просвещению» народа*.

Синкретизм политического сознания российских подданных проявлялся и на уровне практических действий: понятия «свобода», «закон», «собственность», «конституция», «просвещение» могли использоваться как при обосновании действий, направленных на преодоление условности права собственности и свободы экономической деятельности, так и для прикрытия прямо противоположных действий. Все это позволяет говорить о двойственности процесса заимствования: европейские концепты были адаптированы образованной частью российского общества на уровне теоретического осмысления, но на практике их использование имело утилитарный характер и нередко ограничивалось подражанием модной лексике зарубежных авторов.

ПОЛЬСКИЕ ЮРИСТЫ В РОССИИ В XX в. ДО 1917 г.: ИЗБРАННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРАВА

Вопрос об участии поляков в общественной жизни России до 1917 г. был предметом научного интереса для многих исследователей². Тем не менее, тема о месте и роли польских юристов в интеллектуальной жизни России далеко не столь часто была предметом исследования и в силу этого, как таковая, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения.

В настоящей статье речь идёт о трех измерениях влияния польской юриспруденции на интеллектуальную жизнь российского социума на примере воздействия ведущих польских юристов на правовую мысль в России в последний период существования империи, вплоть до 1917 г.³ Рассмотрение поставленной проблемы производится в следующих аспектах: академическая теория права в общем смысле, основанное на примере Льва Петражицкого, теории гражданского права, как важнейшей общетеоретической составляющей российской юридической науки, основанное на трудах Габриэля Шершеневича и чисто юридической практики в лице представителя элиты российской адвокатуры рубежа XIX-XX вв. в лице Александра Ледницкого. В статье также рассматриваются менее известные в Польше, в отличие от России, фигуры, воплощающие указанные аспекты развития правовой мысли, вклад каждой из которых в российскую юридическую науку вряд ли может быть оспорен и наличие которого может рассматриваться как решающее и/или крайне важное условие создания как новых теорий права, так и позитивного права.

¹ Адам Босяцкий - профессор юридических наук Республики Польша, доктор юридических наук, заведующий кафедрой политических и правовых учений Факультета права и управления Варшавского университета, ординарный профессор Варшавского университета.

² Видеть в частности, Базилев Л. *Polacy w Petersburgu (Поляки в Петербурге)*, Вроцлав 1984.

³ Ранее, говоря о влиянии польских юристов на интеллектуальную жизнь России, стоит вспомнить фигуру Владзимежа Спасовича (1829–1906), которого, с некоторым преувеличением, называли королем российской адвокатуры. Спасович, выдающийся адвокат, но также политический деятель, литературовед (профессор Столичного университета Санкт-Петербурга) и талантливый исторический журналист, успешно занимался адвокатской деятельностью, участвовал в политических процессах и защищал, среди прочего, активисты левых радикалов (например, партия «Пролетариат»). Однако его огромные возможности были разрушены смертью, случившейся накануне величайших реформ в России. Подробнее о Спасовиче, см. биография в: Kijas A. *Polacy w Rosji do 1917 roku. Słownik biograficzny*, Warszawa, Poznań 2000. С. 328-330; Włodzimierz Spasowicz, *Liberalizm i narodowość. Wybór pism*, wstępem opatrzył D. Szpoper, Kraków, 2010 и краткой подборкой произведений Спасовича [в]: *Państwo i prawo w polskiej myśli konserwatywnej do 1939 roku. Antologia myśli prawnoustrojowej konserwatystów polskich. Wyboru dokonał, wstępem i przypisami opatrzył Bogdan Szlachta*. Warszawa, 2002. С. 218-226.

Александр Ледницкий (1866-1934), Лев Петражицкий (1867-1931) и Габриэль Шершеневич (1863-1912) были людьми одного поколения. Воспитанные после поражения Январского восстания 1863 г. на землях русского раздела Польши, но, в соответствии с его традициями, они никогда не дистанцировались от них несмотря на то, что они выбрали для себя модель участия в общественной жизни России и ее модернизации, а не вооруженную борьбу против царизма.

Несмотря на то, что, как было сказано выше, юристы, составляющие суть представленных в данном очерке соображений, являются ведущими фигурами российской юридической науки и практики, все трое неизменно отмечали то, что они поляки, и в своей деятельности стремились к восстановлению независимости Польши. Они также вошли в историю не только как юристы, хотя воспринимались современниками в первую очередь как таковые. По сей день Лев Петражицкий считается самым известным, и, вероятно, единственным польским автором теории права работавшим за рубежом. В России Габриэля Шершеневича считают создателем теории гражданского права и первым или одним из первых систематизаторов в этой области. Александр Ледницкий, в свою очередь, был признан одним из лучших юристов и одним из состоятельных людей России еще до того, как стал заниматься общественной деятельностью. Это принесло ему уважение, как либералов, так и монархистов, хотя и создало определенно негативный имидж среди поляков.

Эти фигуры в более широком смысле вполне адекватно демонстрировали влияние польских юристов на формирование юридической науки в России на рубеже XIX-XX вв. В данном случае имелось, по крайней мере, несколько причин для воздействия польской юридической науки на российскую науку. В их основе, в российской части разделённых польских территорий, лежали более широкие, чем в России, знания европейской юридической науки, западные труды, преимущественно немецкие и, отчасти, французские. Ученые здесь публиковались чаще, чем в других частях Российского государства.

Этот позитивизм, воспринимаемый подобным образом, привел к весьма значительному участию поляков в интеллектуальной жизни России после поражения Январского восстания 1863 г., которое имело место во многих сферах жизни, включая науку и, в меньшей степени, в России. юридическую практику.

Классическим примером такого подхода польских юристов к деятельности в России, несомненно, является Лев Петражицкий¹. После

¹ Биографии, рассматривающие различные аспекты жизни Льва Петражицкого и полезные для понимания идей настоящей статьи, были подготовлены, в частности, Анджеем Валиц-

окончания юридического факультета Киевского университета в 1890 г. он получил дополнительное образование в Берлине, Гейдельберге, Париже и Лондоне. Это позволило ему ориентироваться в юридической науке трех наиболее важных правовых культур в Европе, а также использовать сравнительный метод подхода к праву в своих первых работах. Петражицкий также хорошо знал классическое право, особенно римское, что, в свою очередь, обеспечивало очень глубокое юридическое знание основ европейского права.

Теория интуитивного права (психологическая теория права), наиболее известная из достижений ученого, - не единственный результат его научной деятельности¹. Петражицкий также занимался исследованиями в области гражданского права, опубликовав в начальный период своего творчества многочисленные работы в этой области. Знаменитая «Наука о доходах» в данном случае не единственная книга в этой сфере, написанная ученым.

Можно также говорить и о том, в какой степени теория Петражицкого укоренена в правовых отношениях современной России, в какой степени она проистекает из польских условий и в какой степени она является продуктом классической западноевропейской теории права². Конечно, предполагается, что теория Петражицкого - это индивидуальное явление, разработанное самим ученым. Однако это не совсем так, поскольку концепция права Льва Петражицкого основывалась на российской действительности и связанных с ней проблемах деспотизма, правового натурализма, тенденции неуважения к праву и юридическом позитивизме. Отправной точкой, конечно же, была вера в сугубо индивидуальный

ким (Философия закона русского либерализма, польское издание, Варшава, 1995 г. Глава IV, особенно С. 228-237, Казимеж Опалек (Польский биографический словарь, далее PSB, том XXV / 4. Вып. 107. С. 683-688, Ежи Лицки (Петражицкий Л. О науке, праве и морали. Избранные труды, отобранные Ежи Лицки и Анджею Койдер, под редакцией Анджея Койдер, Варшава 1985), Анджею Койдер (например, предисловие к избранным сочинениям Петражицкого, цит. Соч.) и Ивона Барвицкая-Тылек (биография Петражицкого в Словаре истории политических доктрин. Т. 4, под редакцией Кристины Хойницкой, Михал Яскульски, Варшава 2009. С. 567-578). Последняя, самая последняя биография, к сожалению, не включает никаких, кроме Я. Лицки, ранее упомянутых исследований Петражицкого (проведенных фундаментальной работой Анджея Валицкого), в которых подчеркиваются законные интересы автора или его более поздние редакции его произведения (литература на эту тему заканчивается биографией 1981 г.).

¹ Так во многом воспринимали Петражицкого современники. См. Нечаев В. Петражицкий // Энциклопедический словарь. С [анкт]-Петербург, 1898 г. Т. XXIII. С. 447-448. Из последних работ см. по этой теме, в частности, Кшиштоф Мотыка, Влияние Леона Петражицкого на польскую теорию и социологию права, Люблин, 1993.

² По этому поводу см. Важное исследование Ежи Ковальского «Психологическая теория права и государства» Льва Петражицкого. Варшава, 1963. С. 16. Не следует путать автора этой работы с автором с таким же именем и фамилией, который занимается сегодня вопросами теории права.

подход к праву. В Европе на рубеже веков и в конце классического либерализма такой подход больше не был оправдан. Однако это было важно в России, а также при разделении России и на территории бывшего Королевства Конгресса. На последнем и заканчивается возможный польский контекст теории права Льва Петражицкого¹.

Более масштабные упоминания содержатся в кратком обзоре политической деятельности Петражицкого в качестве члена Центрального комитета конституционно-демократической партии, члена Государственной Думы Первого созыва, пытающегося участвовать в подготовке нескольких соответствующих законов, а также депутата, подписавшего Выборгское воззвание. Однако в Государственной Думе Петражицкий не присоединился к Польскому Коло, которое объединяло поляков, которые хотели бороться непосредственно за польское дело, даже в квазипарламентском формате.

Русскую тему творчества Петражицкого можно дополнить дискуссией о т.н. «неписаных законах», существовавших в России с 1870-х гг. Петражицкий расположен между т.н. правовым нигилизмом и концепцией российского позитивного права². Первый демонстрировал, как известно, неуважение к закону, хотя сначала Петражицкий был убежден, что идеи справедливости, свободы, добра и даже красоты не могут быть реализованы с помощью писаного закона. С другой стороны, русский позитивизм воспринимался как деспотизм даже в форме попыток установления верховенства закона (правовое государство). *Собственно концепция Петражицкого и возникает в поиске баланса между ними.*

Именно в этом контексте предполагалось действие правовой политики сформулированной Петражицким, изначально понимаемая как гражданская политика (*Civilpolitik*), что в российских реалиях вело к особому акценту на гражданском контексте этой теории³. Политический контекст также имел примат морали над правом, признанный в России новаторским явлением⁴.

¹ Немного иначе в этом отношении см. Валицкий А. Указ. соч. С. 236.

² См. Валицкий А. Указ. соч. С. 224. Следует добавить, что российская юридическая теория во многих отраслях в то время все еще находилась в стадии создания, и этот процесс внезапно завершился в 1917 г. Однако российская юридическая наука разработала важные теоретические концепции, и многие из ее представителей были поистине эрудированными учеными.

³ Русский термин, введенный Петражицким, относился только к вопросам гражданского права (цивильная политика), но позже был включен в более широкий контекст (гражданско-правовая политика, как термин, введенный Сергеем Муромцевым, который будет обсуждаться позже в основном). См: Нечаев В. Указ. соч., С. 448.

⁴ Валицкий А. Указ. соч. С. 267.

По сей день Петражицкий не только считается самым выдающимся теоретиком права в России, но и абсолютно русским¹. Его взгляды также были восприняты представителями германской юриспруденции в ходе дискуссии над принятием БГБ (Германский гражданский кодекс (нем. Bürgerliches Gesetzbuch,)), хотя сегодня он скорее отсутствует. Теория Петражицкого, хотя, конечно, индивидуальна и универсальна по своему замыслу, не абстрагировалась от реальности России и, как следствие, была в основном предназначена для нее. Концепции этических и юридических эмоций, неписаного чувства долга, правосознания и правового познания согласуются с природой российского государства, а также с идеями неписаного закона и веры в мифические народные концепции закона и справедливости, присутствующие в России в конкретных юридических концепциях, начиная как минимум с 1870-х гг. На этом фоне Петражицкий проявил довольно сильные левые тенденции. Именно левое крыло с большей охотой принимало отдельные аспекты его мыслей, которые были не очень совместимы, например, с идеей конституции, лежащей в основе программы партии, активным членом которой был Петражицкий.

Поэтому ссылки на Петражицкого делали, прежде всего, многие юристы, придерживающиеся явно левых взглядов. Петражицкий был очень быстро осужден большевиками, но на него ссылались до конца сталинизма. Хотя призывы всегда были выборочными, новые власти прямо не одобряли определенные взгляды, считая их адаптируемыми с точки зрения поиска предков большевистской системы и попыток создания новой правовой системы².

Большевики, хотя и не заявили об этом прямо, но с готовностью одобрили тезис о том, что закон и мораль не существуют как объективные категории, а право зависит преимущественно от общественного сознания, от его особенностей в революции и даже от того, что в некотором аспекте это является исключительно классовым явлением. Взгляды

¹ Однако Петражицкий *expressis verbis* определен как полюс римско-католической веры в официальной истории Государственной Думы, недавно опубликованной в России. См. Биографию Петражицкого [в]: Государственная Дума Российской Империи 1906-1917 гг. Энциклопедия, ответственный редактор В.В. Шелохаев М., 2008. С. 455.

² Кшиштоф Мотыка (Указ. соч. С. 201) пишет в этой связи, что теория Петражицкого во многом соответствует марксистской доктрине и в некоторой степени дополняет марксизм. По мнению автора, обе концепции связаны, в том числе, верой в прогрессивную эволюцию социальной жизни, выражающуюся во все более высокой степени человеческой социализации, в коллективистскую систему как другую, более высокую, чем индивидуалистическая система, форму социальной жизни, вера в смерть закона в обществе будущего, которое рано или поздно осуществится, и, наконец, - вера в то, что на основе теоретических знаний и знания законов общественного развития такое общество можно построить быстрее, чем путем стихийного развития. Автор также утверждает, что Петражицкий осторожно объявил себя материалистом (Там же).

ученого на необходимость установления государством правовой политики¹ и постулат о необходимости обеспечения политических и имущественных прав женщин² также подходили для адаптации к потребностям новой власти. Большевистская система особенно подходила для утверждения, которое было фундаментальным для Петражицкого, что научная политика права еще не разработана ни в одной политической системе или в какой-либо теории права. Научной политике права должно было предшествовать выявление правовых явлений, признание их особенностей, видов и механизмов, типологии причинного действия, а также правильности развития права в обществе³. Однако основополагающая для Петражицкого концепция права была отвергнута с точки зрения эмоций, как этической категории и как зрелого восприятия права отдельным индивидом и позже большинством социума⁴. Кроме того, в Польше, особенно на территории, перешедшей под юрисдикцию России,

¹ По этому поводу см. Опалек К. Указ. соч. С. 683.

² Сторонником взглядов Петражицкого был самый известный «большевистский юрист» Михаил Андреевич Рейснер (1868-1928). Последние работы см. В.Е. Butler, Russian Law. Изд. III. Oxford, 2009. С. 79. В конце периода сталинизма Андрей Вышинский также тепло отзывался о Петражицком. По правам женщин во взглядах Петражицкого см. пока: Л. Петражицкий О правах женщин / пер. Ю. Петражицкая-Томицкая. Львов 1919. К. Опалек, указ. соч. С. 684 J. Licki, указ. соч., С. XLIV; Фушара М. Теория Льва Петражицкого и права женщин, Societas / Communitas, 2009. № 1 (7), С. 37–46. Как и многие молодые представители российской юридической науки того времени (также но не только - ориентированные на социал-демократическую идеологию), Петражицкий обратил внимание на неравную роль женщин в правовой системе имперской России. Такие идеи неизбежно были маргиналием в его концепции, хотя они, очевидно, были известны из-за своего радикализма. Также было важно, что Петражицкий проводил занятия по т.н. курсам в Университете А.Л. Шанявского, где получали первоначальную подготовку на курсах в Санкт-Петербурге. «Университет имени А.Л. Шанявского это одно из первых протовысших учебных заведений Российской Империи. Многие леворадикальные и часто молодые юристы (Рейснер, А. Гойчбарг) читали там лекции, что привело к методологическим конфликтам между учителями и учителями. Петражицкий (уже во Второй Речи Посполитой) и Шершеневич также занимались образованием женщин. Последний спонсировал женскую гимназию на 900 учеников. См Васильковский Е. Проф. Габриэль Шершеневич (В связи с 25-й годовщиной со дня смерти). Palestra. 1938. № 1. С. 9. Стоит добавить, что большевики очень широко восприняли концепцию прав женщин (очевидно, не из концепции Петражицкого). масштаб, который ученый явно не предлагал.

³ Опалек К. Указ. соч. С. 684.

⁴ Стучка П.И. Старый и новый суд // Правда. 1918. 3 января (цитата по: А. Босаяцкий, Утопия - власть - право. Доктрина и правовые концепции «большевистской» России 1917-1921 гг., 1-е издание, Варшава, 1999. С. 135; см. также Licki J. Указ. соч. С. XLV). Адвокат-большевик заявил, что, вслед за Петражицким, в основе нового закона лежал интуитивный закон, включенный в важнейший акт новой власти (так называемый Постановление о суде № 1) в виде общих положений как революционная совесть и революционное правовое сознание (Там же). После окончания военного коммунизма, в 1921 г., концепция Петражицкого была заброшена, но так и не реализовалась (правда, де-факто, а не де-юре). Уже в первом издании Советской энциклопедии теория Петражицкого была охарактеризована как антинаучная. Было заявлено, что автор определил психологическую эмоцию как ее основу (Большая Советская Энциклопедия. Т. 45. М., 1940. С. 270), что в следующем издании считалось неприемлемым с точки зрения независимости права от государства (БСЭ. 2 изд. М., 1955. Т. 32. С. 588)

теоретические и правовые концепции Петражицкого не получили широкого распространения. Впрочем, ситуация была точно такой же после восстановления независимости.

В настоящее время считается, что идеи Петражицкого влияют на концепции социологии, психологии, антропологии, неокантизма, а в последнее время и на экономический анализ права.

С точки зрения представленного очерка, Габриэль Юзеф Хуберт Шершеневич был в теории права более однозначной фигурой, чем Лев Петражицкий. Сын генерала царской армии и польки¹, он объявил себя поляком, что никоим образом не мешало его отношениям в рамках российского периода жизни и деятельности. Биографии свидетельствуют о том, что он был в высшей степени одаренным человеком. После окончания юридического факультета Казанского университета в 1885 г. Шершеневич был оставлен в университете, а через три года стал приват-доцентом этого университета. Первая крупная работа Шершеневича, положившая начало магистратуре этого направления в Московском Университете, касалась сравнительного анализа системы коммерческой деятельности². Докторская диссертация, защищенная в 1892 г. в родном университете в Казани, касалась вопросов авторского права на литературные произведения.

По сей день Шершеневич считается одним из самых выдающихся цивилистов России³. Как уже упоминалось, он считается создателем системы теории гражданского права в стране. Система гражданского права, основанная на пандектской системе, описанной и «разработанной» Шершеневичем, допускала существование определенных российских явлений как источников права. Они включали довольно широко понимаемое население в законотворчестве: сильный натурализм, проявляющийся, например, в значительной роли обычного права⁴ и местных сообществ, влиянии неписаных правил на гражданское и торговое право,

¹ Отец Шершеневича, Феликс, вероятно, тоже поляк, несколько лет служил на территории Польского Королевства под командованием фельдмаршала Ивана Паскевича (Кияс А. Поляки в России с 17 века по 1917 год. Биографический словарь, Варшава. Познань, 2000. С. 342). Русский источник добавляет, что ученый был католиком (биография Шершеневича в: Государственная Дума Российской Империи 1906-1917. Указ. соч. С. 696), однако польские авторы утверждают, что он происходил из семьи евангелистов (См. биография Шершеневича в творчестве: Брзоа Ч., Степан К. Польские депутаты в российском парламенте 1906-1917 гг. Биографический словарь. Варшава, 2001. С. 206).

² Шершеневич Г. Система торговых действий. Критика основных понятий торгового права, М., 1892.

³ См. биография Шершеневича [в]: Brzoza C., Stepan K. Указ. соч. Там же.

⁴ Видеть Ф. Золль Гражданское право вкратце, часть IV: Закон восточных земель. На основе работы Г.Ф. Шершеневича, д-ра Фр. Боссовски, Warszawa - Kraków [1922]. С. 15. Стоит также добавить, что Шершеневич подчеркивал в этом контексте ограничение дееспособности иностранцев в российском праве (Указ. соч. С. 47).

анализе концепции хороших манер или добросовестности (идентично кстати как у Петражицкого). Отправной точкой для концепции права стал институт семьи, составляющий правоотношения между супругами (точнее: мужем и женой), а также между родителями и детьми.

Однако самым важным принципом была собственность, которая, по словам Шершеневича, принадлежала к категории так называемых абсолютных прав (слишком узко отождествленных экзегетами (предмет толкования) автора с категорией положений *erga omnes* (относительно всех).

Как и всякий цивилист, Габриэль Шершеневич был, прежде всего, догматиком. Его фундаментальные труды посвящены догматам частного права. Он был очень плодовитым ученым. В частности, опубликовал монументальную систему гражданского права, а также коммерческого и вексельного права, включая материальное и формальное право (включая тогда еще только начинавшееся внесудебное производство). Четырехтомный труд Шершеневича в области коммерческого права был первым представлением системы этой отрасли права в России и заполнил существенный пробел в этом отношении. Раньше коммерческое право определялось в России практикой, и обстоятельный курс лекций до книги Шершеневича вообще не читалась.

Образцом для Шершеневича были, прежде всего, базовые источники немецкого научного права, а в социологическом смысле - труды другого поляка, работавшего за границей, Людовика Гумпловича, а также Г.В.Ф. Гегеля. Сходство с Гумпловичем было видно в анализе права в контексте социологического метода, созданного в семье, семье и обществе. Однако для Шершеневича последние представляли собой набор слабо связанных единиц, руководимых принятыми ими стандартами поведения и через различные уровни организаций, составляющих государство. Сущностью государства была власть, суть которой, однако, заключалась в возможности удовлетворения социальных потребностей, которые не могли быть реализованы иначе, как через институт государства¹.

Тем не менее, анализ касался именно российских институтов гражданского права, а также действительно эрудированного использования исторических, социологических и философских методов при анализе отдельных институтов и правовых норм. С точки зрения такого метода, в русской традиции - и, вероятно, также *ex post* - ученый не имел себе равных. Было отмечено, что очень глубокий анализ применимого законодательства и судебных решений имеет действительно большое значение

¹ Шершеневич Г. Общее учение о праве и государстве ...» // Указ. соч. С. 25. Подобно, но не тождественно: то же: Общая теория права. Изд. I. Т. I. С. 63 и след. Согласно Шершеневичу, этапами общественного развития после института семьи и клана были население, общество, нация, а затем государство.

для теории и практики российского частного права, при этом они написаны красивым и понятным языком, сохраняя при этом специфический юридический язык и используемые грамматические конструкции (особенно силлогизмы). Этим же методом автор использовал в следующих работах, выдержавших несколько изданий: учебник по коммерческому праву (6 изданий) и справочник по гражданскому праву (11 изданий).

Синтезом работ Габриэля Шершеневича могут быть книги, рассматривающие контекст науки не только частного права в России, но и менее известные работы по философии права и истории философии права, а также работы по науке о праве и государстве. Последняя книга по общей теории права, которая, по воле ученого, подобна Общей науке о государстве или Энциклопедии права, преподаваемой в Германии (*Allgemeine Staatslehre and Staatswissenschaften*). Она касается концепции верховенства закона разработанной для России как система локальных правовых течений и юснатурализма¹. Общая теория права Габриэля Шершеневича также была переплетена с социальными идеями, представленными в его работах в конце его жизни, отраженными также в его публицистических работах. В них можно увидеть особое внимание к неравенству и социальному неравенству, постулат конституционализма и регулирования земельных отношений, присутствующий у многих, а также веру в народное представительство, предпринимаемое на региональном уровне, как синоним широко понимаемого местного самоуправления.

В своих произведениях Шершеневич неоднократно критиковал сложившиеся в России отношения. Они касались, в основном, теории власти, неадекватной для современных правоотношений, прежде всего в сфере частного права. Шершеневич выражал сожаление по поводу того, что экономические отношения не смогли привести к надлежащему развитию и соответствующей защите коммерческих и гражданско-правовых отношений, включая, например, интеллектуальную собственность. Отправной точкой почти всегда было сравнение однородных правовых отношений и регулирующих их институтов частного права, действующих в западноевропейских системах, с правовой системой России, из которого можно было сделать далеко идущие выводы. Тем не менее, предметом анализа всегда были институты частного права в объективном смысле, а комментарии к российской социально-экономической системе носили в основном теоретический характер, при обсуждении институтов, описан-

¹ В определенный момент российской истории автор отстаивал систему конституционной монархии и модель конституционализма, где конституция, как он писал, также означала ограничение власти монарха, а не только организацию государства (Шершеневич Г. «Обещание учения о праве и государстве // Указ. соч. С. 55; Там же: «Общая теория права и государства» // Указ. соч. Т. I. С. 136).

ных автором, с целью следовать смыслу выражения Ганса Кельзена, неизвестного тогда, как и должно быть¹.

Однако, в отличие от многих своих современников, Шершеневич не был абстрактным теоретиком. Как и он, ученые московской юридической школы (Николай Михайлович Коркунов, Евгений Николаевич Трубецкой, Павел Иванович Новгородцев) отвергли, в частности, непрактичный идеал народного суверенитета, сформулированный Жан-Жаком Руссо. При этом Шершеневич выступал за создание института правового государства в России, хотя как догматик видел всю сложность правоотношений (прежде всего гражданского права, понимаемого как важнейшее условие гражданского общества). Он также видел необходимость примирить личность с властью. Это была самая важная черта верховенства закона: Шершеневич писал, что недостаточно ограничить государственную власть законом, ибо суть закона состоит в том, чтобы минимизировать конфликт между государственной властью и моральными убеждениями ее подданных. В этом контексте закон был обязанностью человеческого поведения, а несоблюдение закона влекло за собой принуждение со стороны государственных властей. Очевидное наблюдение было явной полемикой со всеми утопистами, а убежденность в зарождении закона в человеческом разуме соответствовала интуитивному пониманию закона, наиболее полно присутствующему в теории Льва Петражицкого.

В отличие от Петражицкого, Шершеневич разделил право на объективное и субъективное. Объективное существовало независимо от воли человека и государства. Многие учреждения, возглавляемые государством, были объективным явлением. К этой категории принадлежала и мораль. С другой стороны, субъективное право означает реализацию субъективных прав субъектами права.

Влияние Шершеневича на российскую юридическую науку и практику было весьма значительным. Его взгляды повлияли даже на практическую юриспруденцию и кодификацию в России. На учебных пособиях Шершеневича воспитывались русские цивилисты и практики права.

Влияние Шершеневича было заметно и среди польских юристов. Его учебниками пользовалось поколение польских юристов, практикующих на землях российской части раздела, а также те, кто учился в университетах Российской империи. У Шершеневича они изучали гражданское и торговое право, а также - частично - историю философии и общую теорию права. Также, в преддверии Второй Польской республики,

¹ Однако во многих работах автор в первую очередь толкует институт без критического подхода ко многим государственным институтам (см., например, Г. Шершеневич Учебник русского гражданского права. 10-е издание. М., 1912; То же Авторское право и литературные произведения. Казань, 1891).

использовался учебник Шершеневича, переведенный и обновленный Францишком Боссовским. Со временем это влияние явно ослабло, но фигура Габриэля Шершеневича оставалась широко известной польским юристам до конца Второй Польской республики.

В то время как Льва Петражицкого и Габриэля Шершеневича можно без преувеличения назвать заметными теоретиками права, Александр Ледницкий был, вероятно, одним из самых заметных практиков права в дореволюционной России. Уроженец Минска, он неизменно подчеркивал, что считает себя поляком. Первоначально обучаясь на факультете естественных наук Московского университета, в итоге он окончил юридический факультет в Ярославле в 1889 г. (в Москве ему пришлось прервать его обучение из-за отчисления после участия в студенческой демонстрации). Отклонив предложение о научно-исследовательской работе, он стал учеником известного московского цивилиста Николая Тростянского. В 1896 г. он стал владельцем юридической конторы своего покровителя. Был настолько успешным юристом, что через несколько лет стал одним из богатейших людей России. За короткое время он встретил также многих общественных активистов в России и после так называемого Октябрьского манифеста 1905 г. был вовлечен в политическую жизнь. Он участвовал в ней с большим успехом среди русских и поляков в Москве и Санкт-Петербурге, хотя, как было сказано, пользовался гораздо меньшим признанием среди поляков в Королевстве.

Уже в 1890 г. Александр Ледницкий стал секретарем созданной в то время в Москве католической ассоциации взаимопомощи. С 1896 г. он был ее президентом. По его идее и с его помощью в Москве были созданы Польский клуб «Лютня», Ассоциация польских соколов и Польский дом. С тех пор частный дом Ледницкого в Москве также стал центром польской культурной жизни.

В 1904 г. Александр Ледницкий стал одним из основателей созданной в Варшаве Прогрессивно-демократической партии, вдохновленной Александром Свентоховским, которая продвигала изменения в российском государстве в духе конституционной монархии. В октябре 1905 г., как один из немногих поляков, Ледницкий участвовал в создании Конституционно-демократической партии (так называемых кадетов). Затем он стал членом Центрального комитета партии. Спустя полгода по ее списку он был избран депутатом Госдумы первого созыва.

В Думе разгорелся конфликт между Ледницким и представителями национальной демократии, которые боролись за автономию земель бывшего Королевства Польского, а возможно, и всей территории Польши под властью России. Ледницкий предложил защищать все нацио-

нальные меньшинства России и федерализовать государство. По этой причине он подвергся резкой критике со стороны национал-демократов, обвинявших его в отсутствии лояльности к делу Польши. Конфликт зародился в Королевстве Польском, когда в 1904 г. была создана Прогрессивно-демократическая партия. Ледницкий проиграл в этом конфликте. Фактически, с самого начала своей деятельности он был очень непопулярен в польском обществе в котором его называли, представителем русского варианта реформирования статуса польских земель, работавшим над уничтожением польскости или служившим русской власти. С самого начала Ледницкий отвергал подобные обвинения, часто подавая иски о диффамации против своих противников. Однако, хотя он и выиграл с юридической точки зрения, авторитета в обществе Царства практически он не имел.

В Государственной думе Ледницкий создал Парламентскую группу западных территорий, которая должна была объединить нерусских депутатов, и Союз автономистов и федералистов, который представлял собой фракцию, выступающую за равноправие российских граждан, независимо от их национальности. Шершеневич проводил в Думе сходную линию, но деятельность обоих адвокатов, конечно, длилась недолго. Спустя десять недель император распустил Думу Первого созыва.

Парламентская группа Ледницкого была отдельным от Польского Коло образованием, существовавшим в Государственной Думе с первого созыва. Это было признаком несоответствия между Ледницким и национальной демократией. Такие несоответствия, безусловно, заключались не только в различиях в восприятии польской политики, в том, как воспринималась эта проблема, но и в личных амбициях лидеров обеих концепций, Александра Ледницкого и Романа Дмовского. Их следствием было, конечно, ущерб процессу представительства польских интересов в Государственной Думе, но косвенно также как и вышеупомянутый крайне негативный имидж Ледницкого в национальной демократической прессе и в обществе бывшего Королевства Польского.

Во время войны Ледницкий участвовал в организации операции по спасению поляков в Российской империи, став главой Польского комитета помощи жертвам войны. В 1915 г. он также отказался от «русского варианта» польской политики, посчитав совершенно беспочвенными обещания властей Польше. В 1916 г. он тоже расстался с кадетами. Оба хода он сделал как один из последних поляков (гораздо раньше связи с кадетами были прерваны народной демократией и Польским Колом в Госдуме третьего созыва).

После Февральской революции 1917 г. Александр Ледницкий возглавил Ликвидационную комиссию Польского Королевства, представляя интересы Польши во Временном правительстве князя Георгия Львова, а затем Александра Керенского. Его по-прежнему высоко ценили как конституционно-демократического политика и он был назначен министром Временного правительства. Затем он отказался от своей адвокатской деятельности. После упразднения Комиссии большевиками он стал представителем Регентского Совета Польского Королевства при Советском правительстве. Однако это длилось очень недолго, поскольку большевики отозвали признание Регентского совета. В феврале 1918 г. Александр Ледницкий был изгнан из России большевиками. Ему, конечно, очень повезло, потому что многие другие политики заплатили своей жизнью за пребывание в России в самое ближайшее время.

После возвращения в Польшу у Александра Ледницкого начался новый этап в жизни, который характеризовался очень сильным разочарованием. Как традиционный антагонист национальной демократии, он отказался признать Польский национальный комитет в Париже под руководством Романа Дмовского. В знак протеста представители Национальной демократии покинули ликвидационную комиссию, возглавляемую Ледницким. Он также был противником создания в России польской армии, которая будет сражаться против Германии, призывая к выводу как можно большего числа поляков из этой страны. Однако особенно сильно его критиковали представители национальной демократии и представители Антанты. Его позиция соответствовала политике Временного правительства Российской республики, которое опасалось создания национальных армий в России, но противоречило ожиданиям Пакта трех государств.

После 1918 г. Александр Ледницкий все еще подвергался широкой критике в Польше. До самой смерти он был наименее негативно воспринят только лагерем Пилсудского, хотя здесь он считался излишне про-русским, а нападения на него в 1934 г. со стороны лагеря сторонников санации, якобы явились прямой причиной самоубийства. После восстановления независимости Ледницкий продвигал панъевропейство, понимаемое как объединение континента в культурном смысле, федерацию Польши и стран Восточной Европы (кроме России) и единый антибольшевистский фронт. Он также сильно подчеркнул необходимость эмансипации украинского государства в противовес имперским тенденциям в России. В то же время он видел необходимость поднять, как он это называл, русский народ из коллапса, вызванного большевистским переворотом. Последний, очевидно, был стойким противником. Ледниц-

кий также был противником многих положений Рижского договора. Он протестовал против передачи его родной Минской области и украинских территорий Советской России, которые, по его мнению, должны были принадлежать новосозданному украинскому государству.

Эти идеи защищал основанный Ледницким еженедельник *Tydzień Polski*. Журнал, однако, просуществовал недолго (1919-1923 гг.).

Как и до восстановления независимости, мнение о Ледницком в польском обществе было очень негативным. Это заставило его покончить жизнь самоубийством в возрасте 68 лет.

Все герои представленного очерка вели активную политическую деятельность. Они были членами Партии конституционных демократов (называемой кадетами - это имя настойчиво продвигается советской историографией). Петражицкий, Шершеневич и Ледницкий были депутатами Государственной Думы первого созыва. Первые два подписали так называемый Выборгское воззвание (в историографии СССР называемое манифестом), за которое они оказались, соответственно в знаменитой Петропавловской крепости и в не менее известной Таганской тюрьме на три месяца, что, в свою очередь, привело к тому, что они были лишены права голоса в связи с судимостью. Петражицкий и Ледницкий проявили наибольшую активность в своей политической деятельности: они даже были членами Центрального комитета Партии конституционных демократов, но, конечно, политическая деятельность для всех трех юристов не имела первостепенного значения. На основании имеющихся данных можно также сказать, что Ледницкий, Петражицкий и Шершеневич вели себя решительно в сфере политики. Все трое также неизменно подчеркивали свою польскость. Никто из них не вошел в Польский кружок в Государственной Думе, что, вероятно, отчасти было связано с определённым, присущим учёному, индивидуализмом.

После восстановления независимости Александр Ледницкий и Лев Петражицкий вернулись в Польшу. Это был сознательный выбор с их стороны, следствие их социальной активности. В то время Петражицкому предложили работу в университетах Оксфорда и Сорбонны. До большевистского переворота Ледницкий отверг весьма уважаемое сенаторское звание, предоставленное Временным правительством в России, и, как указано, был изгнан за пределы РСФСР большевиками.

Парадоксально, в независимой Польше жизнь обоих юристов сложилась плохо. Петражицкий так и не занял достойного места в польской науке. Столкнувшись с нежеланием или, скорее, завистью своего окружения, он принял на себя кафедру социологии, созданную для него на факультете права и политических наук Варшавского университета (кото-

рую часто ошибочно называют кафедрой социологии права). Несмотря на то, что он по-прежнему много писал, он мало публиковал и пользовался большим уважением за границей, чем в Польше. Некоторый ostracism, хронические болезни и неудачные отношения в семье в конечном итоге привели его к самоубийству. Полагаю, что наиболее важной причиной такого шага было разочарование, вызванное отсутствием широких возможностей для научной работы. Александр Ледницкий тоже покончил жизнь самоубийством. Обвиняемый в русофилии, деятельности в качестве агента большевиков или агента влияния, таким актом он выразил протест против несправедливых обвинений.

Все три героя представленного очерка были поистине выдающимися юристами. Их имена известны в России и по сей день, в отличие от Польши, где произведения Петражицкого, не говоря уже о произведениях Шершеневича и сочинениях Александра Ледницкого, известны в очень ограниченной форме. Петражицкий - самый известный и единственный польский юрист признанный за рубежом. К сожалению, до сих пор его наследие не опубликовано на польском языке (недавно в Санкт-Петербурге опубликовано более тысячи страниц его произведений). Поэтому стоит представить фигуры Александра Ледницкого, как это ни парадоксально, Льва Петражицкого и Габриэля Шершеневича, наименее известного в Польше, как выдающихся польских ученых и/или общественных деятелей, работающих в основном за рубежом.

SUMMARY

The paper analyses comparative aspect of legal ideas and social views of three eminent Polish lawyers in the Russian Empire in its closing period: Gabriel Shershenovich (Szczeszeniewicz), Leo Petrazhysky (Petrażycki) and Alexander Lednitsky (Lednicki). All three represented the question of Polish lawyers community in this country, focusing science of civil law, legal theory, and the law in action, i.e. the art of advocacy. Shershenovich is admired as one of creators of the Russian commercial and civil law systems, using a number of non-dogmatic methods of legal science and presenting some Russian specifics in this. Based on the *Pandektensystem*, Shershenovich's attitude added as sources of law quite wide nation's will in law enacting, naturalism, focusing on local communities and customary law, as well as some impact of unwritten rules on civil and commercial law. This scholar also analyzed an idea of good manners and good will what was also typical for Petrazhysky. The latter as the sole among Polish lawyers is held as the creator of a sufficient legal theory (*psychologism*) but his ideas are somehow linked to Polish, German and Russian attitudes towards law in the 19th century. Also, Petrazhysky is also widely received in Russia and the Bolshevik state. Although his views were not that radical, ideas of unwritten law and a class attitude towards legal order were somehow convenient for communist totalitarianism. On the other side, like his colleagues presented in this paper, Petrazhysky constitutional democratic views focused on very different manner of political system. The same attitude represented Alexander Lednitsky, promoting social ideas of moderate state including liberation of Poland, which was typical for most majority of Polish lawyers in Russia. However, what is really paradoxical, academic and social activity of Petrazhysky and Lednitsky, who moved to Poland after reaching its independence, stopped, and both of them committed suicide protesting against false social and academic accusations and misunderstanding of their ideas. It is now worth to recollect and remind the figures, which played an important role in Polish legal theory and practice, in social activity of Polish society and transforming the Russian Empire to a state of a constitutional character.

**ИДЕАЛ VS УТОПИЯ: ОБРАЗ БУДУЩЕГО
В РЕЛИГИОЗНО-МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА
И.В. МИХАЙЛОВСКОГО**

Обращаясь к изучению образов будущего, существовавших в России на рубеже XIX – начала XX вв., исследователи выделяют различные модели, представленные близкими по интенции мировоззренческими картинами отдельных авторов². Типологический подход, безусловно, весьма продуктивен в плане реконструкции образов, получивших распространение в сфере общественного (коллективного) сознания, выявления неких социальных стереотипов в отношении к будущему. Однако либеральное мировоззрение не было укоренено в массовом сознании, а потому либеральный образ будущего едва ли возможно трактовать как проекцию социальных ожиданий сколько-нибудь значительных по численности групп населения Российской империи. Кроме того, широчайший плюрализм мировоззренческих позиций теоретиков либерализма, оригинальность авторских концепций и картин мира ставит под сомнение целесообразность смещения акцента на надперсональный характер либерального образа будущего, что предполагается типологическим подходом. Гораздо более плодотворным для реконструкции образа будущего в теории российского либерализма конца XIX – начала XX вв. может стать обращение к интеллектуальному наследию отдельных представителей этого идейного течения.

Характеристика позиции признанного специалиста в области теории и философии права, профессора Томского университета Иосифа Викентьевича Михайловского (1867–1921) по вопросу о возможных перспективах общественного развития призвана высветить нюансы в либеральном образе будущего, обусловленные особенностями мировоззрения ученого и его субъективной рефлексией по поводу исторического опыта, социальной действительности, а также солидного багажа накопленных научных знаний. Идеи Михайловского представляют особый интерес ввиду того, что они не имели ничего общего с импульсивной и сугубо эмоциональной реакцией на текущие события, но стали, по признанию

¹ Харусь Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения Национального исследовательского Томского государственного университета.

² Деменцева А.И. Образ будущего в философских течениях конца XIX и XX века // Вестник науки Сибири. 2012. № 1 (2). С. 214–217; Желтикова И.В. Образ будущего – варианты возможного // URL: <https://runivers.ru/philosophy/logosphere/398781/> (дата обращения 02.07.2021).

самого Иосифа Викентьевича, «результатом напряженной и весьма продолжительной работы мысли». Изучив колоссальный массив литературы, «основанной на позитивизме, социологизме, историзме и натурализме»¹, Михайловский разработал собственную логически стройную концепцию, исходные посыпки которой определил как религиозно-метафизические.

Будучи убежденным в невозможности формирования сколь-нибудь удовлетворительного мировоззрения без помощи философии, Михайловский в качестве основы метафизики рассматривал религию². Приветствуя усиление идеалистических течений, возрождение метафизики идеализма как «самое крупное и важное явление современной культуры, богатое плодотворными последствиями», залогом достижения этих последствий профессор считал тесную связь с пробудившимися религиозными стремлениями. Единение идеалистической философии и религиозных духовных ценностей призвано было, по его мнению, стать «важнейшим фактором грядущей культуры» и спасением от той «бездны, куда влечет нас партийная “наука” с ее догматами»³.

Будучи учеником Б.Н. Чичерина, Михайловский во многом разделял его приверженность гегелевской философии, являвшейся теоретическим фундаментом социально-политической концепции для большинства представителей либерализма в России второй половины XIX в. В поисках объяснения явлений мировой жизни, их эволюции, закономерности мыслитель считал необходимым обратиться к основополагающей идее философии Гегеля, заключавшейся в утверждении существования Абсолютного Источника всей мировой жизни: «Бог есть Абсолютный Разум и Абсолютное Добро. Он есть Первоисточник всех законов мира во всех его порядках»⁴.

Тезис о существовании Абсолютного Источника всей мировой жизни и общих законах его развития стал для Михайловского исходным основанием для признания ключевым фактором исторического прогресса общих «разумно-этических принципов», регулирующих поведение людей. Связь этих принципов с Первоисточником мировой жизни предопределяла, по мнению философа, их вечный и неизменный характер. Таким образом, именно комплекс разумно-этических принципов, особое место в ряду которых Михайловский отводил синтезу личной свободы и объективного порядка, приобретал значение своеобразного императива

¹ Михайловский И.В. Очерки философии права. Предисловие. Томск, 1914. С. II–III.

² Он же. Религия и народное образование. Новониколаевск, 1919. С. 2.

³ Он же. Культурная миссия юристов. Правовые прелюдии к грядущей культуре // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1910. Кн. 38. С. 25.

⁴ Он же. Очерки философии права ... С. 199.

всего исторического развития, который «вносит свет в хаос борющихся сил и стремлений и тем самым делает их способными служить высшим целям человечества»¹.

Чрезвычайно важную роль в достижении основной, единой цели всей социальной истории, которую философ определял как «раскрытие существа духа», призван был сыграть человек. Михайловский, в частности, писал: «...человек, являясь на первых ступенях эволюции полуживотным, ...прогрессирует в своем развитии и становится свободным и сознательным участником в мировом процессе реализации Добра, осуществлении царства Божия»². Двойное содержание практической деятельности человечества как бы предопределяет два ее этапа. Если на первом этапе людям предстоит покорить природу и создать материальную основу для высшей духовной жизни, то на втором этапе они оказываются перед проблемой еще более сложной и масштабной – созданием нравственного порядка общежития. В качестве же необходимых условий и гарантий успешного разрешения стоящих перед человечеством задач познания мира, создания культуры, обеспечения господства над землей, а быть может и над более обширными частями мира при помощи техники, Михайловский рассматривал, во-первых, всестороннее развитие личности и, во-вторых, надлежащую организацию общества, поскольку человечество может достигнуть своих целей только общими силами³.

Признание активной созидательной роли человеческой личности в историческом процессе, необходимости ее всестороннего развития и создания для этого оптимальных условий в рамках общественной организации демонстрировала очевидную преемственность концепции Михайловского с идеями Чичерина. Однако будучи представителем нового поколения либералов и разделяя ключевые идеи неолиберализма⁴, Михайловский разошелся со своим учителем во взглядах по вопросу о прогнозируемых конечных результатах развития человечества. Опираясь на центральное положение философии Гегеля по вопросу о значении государства, Чичерин заявлял, что именно в государстве идея человеческого общества достигает высшего своего развития. Либералы же новой

¹ Михайловский И.В. Воззрения Б.Н. Чичерина на право и государство // Образование. 1904. № 7. С. 36.

² Он же. Очерки философии права... С. 201.

³ Он же. Рецензия на учебник философии права Иосифа Колера (Берлин, 1909). Б.м., б.г. С. 368–369 (оттиск).

⁴ См.: Харусь О.А. Модель правового государства в трудах И.В. Михайловского: традиции и новации в общественно-политической мысли российского либерализма // Общественно-политическая мысль российского либерализма середины XVIII – начала XX вв.: материалы Международной научной конференции. 9–10 октября 2020 г. Орел, 2020. С. 211–218.

формации относились к этому утверждению с известной долей скепсиса, считая его безусловно верным лишь для существующего в реальности порядка вещей. Признавая государство высшим типом социального общения, известным до настоящего времени, перспективы общественного развития они связывали с реализацией идеи человеческого общения в масштабах всего человечества, «единого стада с един Пастырь»¹.

Отказавшись от гегелевского воззрения на современность как на высшее проявление чистой идеи, Михайловский полагал, что высшим типом человеческого общения станет «международный союз»². В качестве ближайшего (и вместе с тем страшно отдаленного) идеала, к которому медленно, но неуклонно стремится человечество, профессор видел «превращение нашей планеты в одухотворенный сад человечества, как почву для идеального общежития, то есть всеобщего братства свободных, гармонически развитых индивидуумов, пользующихся всеми благами культуры и живущих высшею духовною жизнью, общежития, где уважение к личности и к праву войдет в плоть и кровь каждого, где единственной формой борьбы будет духовная борьба и где не будет места для какого бы то ни было проявления дикости и насилия»³. Такой образ будущего воплотил в себе как религиозно-метафизические основы мировоззрения ученого, так и нормативно-ценностную модель либерализма.

Выход Михайловского за узко-национальные рамки в трактовке перспектив существования различных народов, уверенность в торжестве общечеловеческих ценностей, с одной стороны, были очевидной проекцией его мировоззренческих позиций. Из философского осмысления жизни, основанного на учении Гегеля, он вынес признание того, что при всем разнообразии национально-государственных особенностей народы составляют только отдельное выражение общей духовной сущности (человечество). Чем выше историческое призвание народа, тем ближе он стоит к этой сущности и тем полнее ее отражает. Отсюда и вывод о приоритете общечеловеческих, а не узко-национальных начал в судьбах всех народов, представленных на историческом поприще⁴.

С другой стороны, появление подобных воззрений, по-видимому, отражало и общую атмосферу рубежа XIX – начала XX вв., способствовавшую распространению концепций, отличавшихся глобализмом в видении и постановке перспективных задач человечества. Объективная

¹ Тарановский Ф.В. Новый опыт построения философии права в русской литературе. Рец. на: Михайловский И.В. Очерки философии права (Томск, 1914. Т. 1). Юрьев, 1915. С. 44.

² Михайловский И.В. Очерки философии права ... С. 71.

³ Он же. Университет и наука. Вступительная лекция в курсе философии права, читанная 18 сентября 1907 г. студентам 1 курса юридического факультета. Томск, 1908. С. 7.

⁴ Михайловский И.В. Воззрения Б.Н.Чичерина... С. 37.

обусловленность и закономерность этой тенденции подтверждается и наличием явно звучащего вселенского мотива в коллективных образах будущего, бытовавших в России этого времени¹. Вместе с тем, смещение акцентов в неолиберализме с формы, каковой представлялось государство, на нравственное содержание, заключавшееся в самом процессе общечеловеческого общения, стало одним из следствий и вместе с тем симптомом религиозно-философского ренессанса начала XX в.

На первый взгляд, создается впечатление, что видение Михайловским перспектив существования человечества являлось типичной утопией. Между тем сам профессор четко разграничивал постулировавшийся им социальный идеал и утопии, полагая, что критерии как для оценки идеалов, так и для определения отличий идеалов от утопий дает наука, которой он посвятил многие годы добросовестного труда – философия права². Основой дифференциации понятий «идеал» и «утопия» для него являлось соотнесение с Абсолютом. Утопиями он считал совершенно произвольные конструкции, фантастические построения и в качестве примера таковых приводил социализм и анархизм в их партийно-политических ипостасях. Даже частичная реализация заложенных в них замыслов представлялась Михайловскому невозможной³. Идеал же, будучи недостижимым в полной мере, тем не менее воспринимался философом как воплощение и аналог абсолютных, разумных начал, как компонент мирового разумно-этического порядка⁴.

Конечно, убедительность подобной аргументации, определявшейся приверженностью Михайловского объективному идеализму, можно поставить под сомнение. Однако имеются и другие основания для того, чтобы не воспринимать конструировавшийся им образ будущего как утопию.

Во-первых, философ совершенно определенно высказывался по поводу невозможности сколько-нибудь детального описания того состояния человечества, которое он воспринимал как высший тип человеческого общежития. Свою позицию он обозначил следующим образом: «...так как эволюция человечества только еще начинается, несмотря на все тысячелетия существования человека на нашей планете, то никакая

¹ Желтикова И.В. Указ. соч.

² Михайловский И. В. Очерки философии права... С. 35–36.

³ Он же. Университет и наука... С. 4; Он же. Культурная миссия юристов... С. 24; Он же. Очерки философии права... С. 217.

⁴ В качестве иллюстрации представления об идеале Михайловский приводил пример из области геометрии: невозможно сделать идеальный шар, но идея шара заложена в основе всех «материальных» шаров и служит критерием для оценки работ. См.: Михайловский И.В. Очерки философии права... С. 217.

фантазия не в состоянии нарисовать нам образы конечного пункта этой эволюции»¹. Между тем, уместно заметить, что одним из атрибутов утопии специалисты в области социального прогнозирования считают стремление к детализации картины будущего².

Во-вторых, Михайловского нельзя упрекнуть в игнорировании социальных реалий настоящего при прогнозировании перспектив общественного развития. Его приверженность идее поступательности и преемственности в историческом развитии питала убежденность в том, что «настоящее есть результат прошедшего и основа для будущего... Грядущая культура не может быть чем-то принципиально новым, отделенным от современной непроходимой пропастью»³. Между тем современная российская действительность воспринималась философом как поистине трагичная, характеризующаяся господством грубой силы, произвола, дикости, огромной массы совершающегося зла, невиданной «вакханалией зверя в человеке». Эта ситуация стала поводом для признания Михайловским существования пессимистического сценария развития событий, основанного на констатации существования зла вообще и зверя в человеке, в частности, и осознании высокой степени вероятности превращения нашей планеты не в сад человечества, а в настоящий ад при условии отказа людей от постоянной борьбы с силами Тьмы за приближение к заветным целям. Впрочем, в контексте долгосрочного прогнозирования подобная альтернатива, по мнению Михайловского, являлась совершенно бесперспективной и воспринималась им исключительно как трагическая случайность, временное торжество иррациональных начал, неспособное изменить общую логику и закономерности исторического процесса. Аргументация этой позиции была выстроена в соответствии с идеями неогегельянства, суть которых заключалась в констатации разумности мирового процесса в общем ходе развития и в конечных целях, но не в частностях. "Культура есть постоянный прогресс, – писал профессор, – но этот прогресс сплошь и рядом прерывается; он движется не по прямой линии, а по линии чрезвычайно извилистой во всех направлениях"⁴.

Тем не менее, убежденность в том, что общая направленность развития верно схвачена в гегелевской диалектике, питала социальный оптимизм Михайловского, его веру в возможность реализации либеральных ценностей, воспринимавшихся как аналог разумных начал. Он подчеркивал: «Зная закон развития и его ритм, зная, что принципом этого

¹ Михайловский И.В. Университет и наука... С. 7.

² Деменцева А.И. Указ. соч. С. 216.

³ Михайловский И.В. Культурная миссия юристов... С. 25.

⁴ Михайловский И.В. Рецензия на учебник... С. 368.

развития является стремление к осуществлению известных разумных начал, мы совершенно иначе отнесемся к целому ряду печальных явлений жизни. Мы не подчинимся этим явлениям, будем бороться с ними, твердо веря, что светлые идеалы истины, свободы, справедливости, всеобщего братства и отсутствия насилия представляют собой реальность, гораздо более сильную, чем все зло жизни, реальность, в конце концов восторжествующую над этим злом»¹.

Определяя действительные и действенные гаранты достижения намеченного социального идеала, Михайловский прочно встает на почву реализма. Таковыми он считает, во-первых, активную деятельность человека, который не допустит добровольного превращения в раба низшей стороны своей природы; во-вторых, наличие надлежащей социальной организации, на основе которой только и может развиваться духовная культура; и, наконец, в-третьих, право как цемент, без которого распалось бы все общественное здание. «Никакая проповедь о нравственном самоусовершенствовании, о стремлении к Богу, о любви к человечеству не приведет к желательным результатам, если нет прочного правового фундамента», – наставлял профессор своих студентов².

Отмечал Михайловский и необходимость создания материальных условий для духовной жизни. Более того, он обращал внимание на особый, преобладающий характер экономических потребностей, забот о добывании средств к жизни, основываясь при этом на элементарной логике здравого рассудка: прежде чем думать о какой бы то ни было духовной жизни, человек должен пить, есть, одеваться, иметь жилище. Но, солидаризируясь со сторонниками экономического материализма в констатации невозможности духовной жизни без материальной основы, ученый выражал категорическое несогласие со стремлением вывести всю общественную жизнь, всю историю культуры, всю духовную жизнь из одного начала. Приветствуя монизм в гносеологии и метафизике, профессор считал его совершенно неуместным в объяснении социальной жизни. Он высказывал убеждение, что ни история культуры, ни социология не могут исходить в своих исследованиях и выводах из одного какого-нибудь фактора социальной жизни, из одного рода ее явлений, а должны учитывать всю сложность и многообразие социальной жизни³. В частности, как специалист в области философии права, Михайловский настаивал на признании в качестве самостоятельного фактора права,

¹ Он же. Воззрения Б.Н.Чичерина ... С. 29.

² Он же. Университет и наука... С. 8.

³ Михайловский И.В. Очерки философии права... С.105, 106, 108, 109.

которое, по его мнению, не должно восприниматься исключительно как отражение экономики или результат классовой борьбы.

Своим протестом против узости подходов в изучении истории и жизни общества Михайловский по сути демонстрировал системный подход к интерпретации социальных процессов. Его позицию, основанную на признании сложности и нелинейности этих процессов, а также учете взаимосвязи различных факторов социального развития, вероятно, можно трактовать как своеобразный прототип синергетического подхода к конструированию будущего в постнеклассической философии¹.

Вместе с тем обращает на себя внимание и созвучие представлений Михайловского о будущем человечества с ценностными ориентирами, представленными в современных социальных прогнозах. Идея приоритета человеческой личности, а также гармоничного сочетания индивидуального и социального начала, являвшаяся центральной в творчестве либерально мыслящего ученого, сохраняет свою актуальность. И это обстоятельство определяет значимость идейного наследия Иосифа Викентьевича Михайловского не только для изучения интеллектуальной традиции отечественного либерализма, но и для выявления некоего инвариантного ядра в нормативно-ценностной модели будущего, конструируемого в соответствии с гуманистическими идеалами.

¹ Деменцева А.И. Указ. соч. С. 216.

И.Е. Воронкова, Е.А. Татаренкова¹

СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: ЗЕМСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ «МОЛОДОЙ ВЕСЬЕГОНИИ»

30 марта 1842 г. российский император Николай I на заседании Государственного Совета при обсуждении Указа об обязанных крестьянах произнес весьма примечательные слова. В качестве главной причины усиления протестных настроений в крестьянской среде он назвал собственную неосторожность помещиков, которые «дают своим крепостным несвойственное состоянию последних высшее воспитание», тем самым, «развивая в них новый круг понятий, делают их положение еще более тягостным». Подобная формулировка представляет собой фактическую констатацию не только ненужности, но и вредности для государства индивида, способного при определенных условиях превратиться из бесправного раба в личность, осознающую себя ею и готовую начать борьбу за свои политические и гражданские права. К середине 40-х гг. XIX в. архаичность государственного аппарата и экономической системы страны станет очевидной, через десятилетие это докажет Крымская война, а вскоре в России падет крепостное право.

Земская либеральная традиция в качестве необходимого звена механизма постепенного изменения политического строя подразумевала в первую очередь изменение сознания людей. Осознавая опасность ущербного состояния для низших сословий, либеральные земцы рассматривали работу в крестьянской среде как необходимое условие своей общественно-политической и хозяйственной деятельности. Более того, в их рассуждениях можно узреть тезис о прямой зависимости между качественным устройством школьного дела и улучшением экономического состояния крестьянского сословия².

В основу теории и практики школьного дела в регионах ложилась идея всеобщего обучения, и опыт Запада в данном случае рассматривался как безусловный пример для подражания. Требования о начальной школе органично включались в либеральные политические программы переустройства общества в целом.

¹ Воронкова Ирина Евгеньевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России; декан исторического факультета Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева;

Татаренкова Евгения Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева.

² Фальборк Г.А. Всеобщее образование в России. М., 1908. С. 147.

Российский педагог Н.Ф. Бунаков-Фондаминский писал об организации школы в Воронежском уезде: «При таком внимании поставить дело народного образования на должную высоту земство быстро поднимет нашу деревню на уровень культурных стран»¹. Другой видный деятель отечественной педагогики С.А. Рачинский констатировал: «В противоположность школам Запада наша сельская школа возникает ... при глубоком равнодушии образованных классов и правительственных органов, из потребности безграмотного населения... Из этого порядка вещей прямо следует, что преподавание в сельских школах не может иметь никакого направления, кроме данного теми же безграмотными родителями...»².

Изучив опыт европейского школьного образования, где школа, по замечаниям либералов, находилась в исключительной компетенции органов местного самоуправления, они соотнесли его с состоянием школьного дела в России, и потом уже сформировали, при помощи определенных общественных усилий, некий образ будущего народного образования в России. Однако адаптация к реалиям модернизации отстающего социума являлась довольно сложной проблемой догоняющего развития России – возможность наверстать упущенное была весьма призрачной.

Тем не менее, в тех земствах, где либеральные традиции были наиболее устойчивы, забота об организации народного образования в них зачастую выходила на первый план в ясном понимании значимости последнего для осуществления перемен как в хозяйственной, так и в политической жизни страны. К числу таковых земств относилось Тверское, в котором наше внимание привлекла работа Весьегонского и Новоторжского земств³, где активную деятельность по сплочению местных молодых либералов, определявших направление деятельности земства, вели братья П.А. и М.А. Бакунины, В.Н. Линд, Б.Е. Кетриц, П.Е. Гронский, В.А. Гольцев, П.А. Корсаков⁴. Так, словами публициста кадетской партии А.В. Тырковой, Весьегонский уезд постепенно превращался «в опытную станцию созидательного русского либерализма»⁵.

Молодые весьегонские земцы, претворяя в жизнь «идеальные стремления», представляли собой, по мнению историка кадетской партии А.А. Корнилова, «оригинальную и прямолинейную группу хранителей

¹ Воронежский телеграф. 1912. № 4.

² Рачинский С.А. Заметки о сельских школах. СПб., 1902. С. 7.

³ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Прага, 1934. С. 268.

⁴ Родичев Ф.И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville, 1983. С. 54.

⁵ Тыркова-Вильямс. А.В. Ф.И. Родичев. // Новый журнал. 1954. Т. XXXVIII.

и наследников тверских традиций 60-х годов»¹. «Задали тон» идеям тверского дворянского либерализма, следуя освобожденческой традиции 40-х - 60-х годов, братья Бакунины, в основе воззрений которых лежали идеи В.Г. Белинского и А.М. Унковского. В частности, видный земский деятель и будущий член ЦК партии кадетов Ф.И. Родичев считал семью Бакуниных «светлым лучом, рыцарским орденом культуры в бедной, дикой, пошехонской России», подчеркивая, что их идеалом были не насилие и бунт, а долгий путь преобразования общества в духе политической свободы².

Указанные обстоятельства способствовали постепенному переходу в 70-х гг. XIX в. рычагов управления к леволиберальной группе, которую Ф.И. Родичев в своих воспоминаниях называл «молодой Весьегонией» – в конце десятилетия она победила окончательно³. Позицию и образ весьегонского земца ярко характеризует секретное донесение начальника Тверского губернского жандармского управления (ГЖУ) в Департамент полиции за 1891 г.: «...став предводителем весьегонского дворянства, Родичев с самого начала окружил себя самыми разнообразными общественными элементами и людьми простого звания: крестьянами, псаломщиками, фельдшерами, сельскими учителями и учительницами... Он приобрел между ними большую популярность, благодаря которой до сего дня влияет на них, как человек умный, даровитый и богатый, но, к сожалению, поставивший своей задачей переработать взгляды местного населения в оппозиционном к целям правительства духе»⁴.

Возглавляя уездное дворянство, исполняя обязанности почетного мирового судьи и являясь председателем съезда мировых судей, Родичев соприкасался с жизнью крестьян, которую, по его мнению, хорошо понимал. Однако в его воспоминаниях мы встречаем упоминание о первых впечатлениях от соприкосновения с ее реалиями, далекими от представлений Родичева: нищета, неграмотность, абсолютная зависимость крестьян от местных полицейских властей, противоречия развития общинного землевладения⁵. И если общественно-политическая мировоззренческая установка Родичева сложилась в целом, то ее отдельные компоненты требовали существенной корректировки, которая могла произойти только с накоплением им определенного объема опыта и дополнительной суммы практических знаний.

¹ ААН РФ. Ф. 518. Оп. 5. Д. 68. Л. 76об.

² Родичев Ф.И. Указ. соч. С. 52

³ Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Т. IV. СПб, 1911. С. 554.

⁴ ГА ТО. Ф. 927. Оп.1. Д. 536. Л. 70-71.

⁵ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 287-а. Л. 1-2.

Тверской земец был убежден, что как экономическая жизнь крестьянства, так и его участие в делах местного управления не могут эффективно осуществляться людьми не свободными нравственно и духовно. Школа самоуправления для российского крестьянина, по его мнению, должна начинаться с азов грамотности. Однажды на заседании Тверского земства он отметил, что прежде чем приходить на помощь народу, его надо воспитать, научить «элементарной честности», иначе любая материальная поддержка может только «развратить» его¹. Мысль, высказанная Родичевым, получила развитие на мартовском 1894 г. Московском земском съезде, где он присутствовал в числе 39 делегатов от 15 губерний. Делегаты съезда пришли к заключению, что «все вопросы экономического благосостояния могут быть успешно решаемы только при развитии личной самостоятельности и соразмерной степени нравственного самосознания. Всякое же увеличение материальной стороны, не уравновешенное одновременным и самобытным ростом нравственной личности, и им не вызываемое, является лишь внешним улучшением быта... и сопровождается соответственным упадком его нравственной стороны»². На основании таких посылок одним из важнейших аспектов деятельности Родичева в Тверском земстве стала его работа в области народного просвещения. В воспоминаниях он писал: «Я всегда думал, что школа в сознании населения должна быть столь же непререкаемым и необходимым учреждением, как церковь»³. Многие современники находили, что именно эта сторона его деятельности отличалась наибольшей последовательностью и результативностью⁴.

Когда Родичев приступил к организации школьного дела в отдаленном Весьегонском уезде, ему пришлось нелегко⁵. Большая часть крестьянского населения была неграмотна, школьных зданий и библиотек не было, немногочисленные школы грамотности ютились в крестьянских избах. Это объяснялось тем, что попечение о развитии народного просвещения, предписываемое земству законом, с большим трудом пробивало брешь в стене правительственной политики. «Самодержавие не испытывало угрызений совести от того, что пахарь, сеятель – кормилец и создатель государства в лучшем случае умел кое-как написать свое имя и с трудом разобрать заголовки в листах о повинностях и поборах. Расходы на школьное дело не значились в числе необходимых, поэтому

¹ Гудзь И.К. П.А. Корсаков. Тверь, 1909. С. 47.

² ААН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 198. «Программа частного земского съезда».

³ Родичев Ф.И. Указ. соч. С. 61.

⁴ Родичева А.Ф. Биография Ф.И. Родичева. ГА РФ. Ф. 5881. Оп.2. Д 158; Тыркова-Вильямс А.В. Ф.И. Родичев // Новый журнал. 1954. XXXVIII. С. 210-211.

⁵ Родичев Ф.И. Указ. соч. С. 57.

ассигнования на школы ежегодно уменьшались», – писал он в своих воспоминаниях.

В земских собраниях существовало различное отношение к данной проблеме, что мешало быстрому и эффективному решению насущных вопросов школьного дела.

Родичев отмечал, что «в те времена вопрос о народном образовании делил земство на две части. Одна часть, так называемые, левые, видели в народном образовании основу новой России и готовы были не жалеть денег, всеми силами звали земство к расходам на это дело, другая часть – правые считали все это пустой и излишней забавой, даже вредной. Середину занимали люди, которые желали просвещения, но не хотели тратить на него много денег»¹. В связи с этим, главными попечителями о просвещении стали уездные земства, столкнувшиеся с необходимостью на первых порах ограничиться скромной задачей – убеждать крестьян строить школы и наладить сбор средств на эти цели.

В начале 80-х гг., по словам Родичева, «весь вопрос о народном образовании был вопросом об ассигновке и окладном листе»². При этом зачастую вклад земств в дело просвещения народа чаще всего зависел от нравственных и гражданских качеств, личного энтузиазма гласных и земских служащих. Родичев в своих записках неоднократно возвращался к тому, как безнадежно казалось тогда это дело, и как трудно был убеждать людей, что его планы по созданию в уезде школьной сети «не пустые мечты»³. Преодолеть первые трудности ему помог П.А. Корсаков, усилиями которого дело народного просвещения в уезде к середине 70-х гг. сдвинулось с мертвой точки. Павел Корсаков был автором модели земской двухклассной школы, которая должна была находиться на содержании общины и земства. Необходимость устройства таких школ обсуждалась Родичевым и Корсаковым на сессии уездного собрания в 1880 г.⁴ При их непосредственном участии Весьегонск стал первым уездом не только в Тверской губернии, но и во всей России, где проводились регулярные съезды учителей⁵. Как председатель весьегонского уездного училищного совета, Родичев старался посещать школы, следил за ходом проведения экзаменов, представляя земскому собранию подробные отчеты о ходе обучения⁶.

¹ Родичев Ф.И. Указ. соч. С. 52.

² Там же. С. 61.

³ Там же.

⁴ Протоколы Весьегонского уездного земского собрания 7-14 сентября 1880 г. Рыбинск, 1881. С. 15.

⁵ Гудзь И.К. Указ. соч. С. 12-18.

⁶ Тверские губернские ведомости. 1885. 6 апреля.

Новые школы открывались тяжело, что было связано с пристальным вниманием к процессу со стороны Министерства народного просвещения. Отмечая это обстоятельство, Родичев писал: «Правительственное око – инспектор, объезжая школы, мало интересовался ходом преподавания, задавал неизменно вопрос, аккуратно ли ходит учительница в церковь, не ест ли скоромного в постные дни, какие книжки читает, с кем занимается? Одним словом, это было не педагогическое руководство, а полицейский надзор»¹. О своем категорическом неприятии навязчивой опеки Родичев заявил на заседаниях декабрьской сессии губернского земства 1880 г., участвуя в прениях по докладу губернской управы о нуждах народного образования. Критикуя присутствие в училищном совете уездных исправников и невозможность земства пользоваться правом избрания учителей, он выступил с рядом предложений. При обсуждении вопроса о систематичности проведения всегонских учительских съездов, которые Родичев считал важным средством для консолидации сельского учительства и повышения общего уровня его развития, он предложил свести к минимуму излишнюю административную опеку в отношении съездов. По его мнению, о порядке их проведения и программах достаточно будет ставить в известность инспектора народных училищ, а не «надзирающих над школами членов министерства народного просвещения», что позволило бы избежать множества сложных бюрократических процедур. Родичев придерживался принципа осуществления общественного, а не административного контроля над многими аспектами сельского образования. Только представители общности имеют право высказывать свое мнение о содержании и методике проведения учительских съездов, утверждал он, предлагая составлять отзывы на учительские доклады крестьянским представителям и гласным уездного собрания².

На сессии губернского земства 1881 г., поддерживая докладную записку Корсакова, адресованную попечителю Московского учебного округа об открытии в Всегонском уезде двухклассного земского училища, Родичев высказал пожелание о качественном улучшении состава преподавателей в этом учебном заведении и об увеличении сумм на их содержание. При этом он, вновь критикуя административное вмешательство в дела школы, категорически заявил, что подбором учительских кадров должны заниматься исключительно народные представители, т.е. гласные земства³. Он подчеркивал необходимость обеспечения бо-

¹ Родичев Ф.И. Указ. соч. С. 58.

² Протоколы Тверского очередного земского собрания 9-18 декабря 1880 г. Тверь, 1881. С. 47.

³ Там же 8-17 декабря 1881 г. Тверь, 1882. С. 13.

лее широкого представительства от земства в училищных советах, отмены цензуры при комплектации школьных библиотек, полицейского надзора за проведением учительских бесед и чтений. При этом он настаивал на предоставлении земству права инициативы в деле открытия воскресных школ, ремесленных училищ, женских и мужских учительских семинарий¹. Радикализм Родичева, однако, имел пределы. Рассматривая их как «общие меры, содержащие безобидные и поддерживающие пункты», он подчеркивал, что ратует лишь за дополнение их «полезными предложениями», что должно усовершенствовать систему, а отнюдь не уничтожить ее основы².

Определенный центризм уездного либерала просматривается и в специфическом отношении к роли и месту церковно-приходского образования, на важность развития которого на рубеже 70-80-х гг. XIX в. неоднократно указывал Комитет министров, подчеркивая, что «духовно нравственное развитие народа, составляющее краеугольный камень всего государственного строя, не может быть достигнуто без предоставления духовенству преобладающего участия в заведывании народными школами». Известно, что в 1881 г. министр Абаза в заседании Комитета министров заявил, что нравственно-религиозное воспитание в народных школах есть цель «такой первостепенной важности», что «Министр Финансов, даже при самом неблагоприятном состоянии Государственного Казначейства, счел бы себя обязанным изыскать потребные на то денежные средства», тем более, что среди учителей и учительниц народных школ «нередко возникали самые вредные и опасные для общества элементы»³. На фоне роста революционных настроений в стране, которое правительство связывало с излишне либеральными подходами в образовании, особенно в земских школах, и были приняты в 1884 г. Правила о церковно-приходских школах, с помощью которых создавались новые законодательные основания для открытия и функционирования данных образовательных учреждений. В тот же год был выпущен циркуляр Министерства за № 9, в котором указывалось на необходимость «предварительного разрешения на открытие... как образцовых министерских начальных училищ, так и школ, находящихся в ведении училищных советов и содержимых на средства обществ, земств или частных лиц...»⁴ путем сношения с местными преосвященными.

¹ Там же. С. 22-24.

² Тверской вестник. 1881. 22 февраля.

³ Отечественная церковь по статистическим данным с 1840-41 по 1890-91 гг. СПб, 1897. С. 42-44.

⁴ Пругавин А.С. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. СПб.: Издание О.Н. Поповой, 1898. С. 67.

Родичев объяснял данные шаги правительства следующим образом: «Вопрос возник по почину мракобесов, желавших не столько обучения в церковно-приходских школах, сколько изъятия земских школ из рук земских людей». По свидетельству Б.Б. Веселовского, в ту пору ходили упорные «слухи о намерении правительства преобразовать все земские школы в церковные»¹.

Вполне естественно, что эти проблемы не могли не волновать либеральных земцев, которые стремились вести дело народного образования самостоятельно. Кроме того, общее состояние церковно-приходских школ по сравнению с земскими и школами, находившимися в ведении министерства народного просвещения, оставляло желать лучшего. Для них не было достаточного количества специально подготовленных кадров, священники демонстрировали формальный подход к педагогическому руководству, без того скупые программы были сужены еще больше².

Тверское земство на эти процессы реагировало неоднозначно. На сессиях губернского собрания 1882-83-гг. в обстановке горячих прений гласные П.П. Максимович, Е.В. Де-Роберти и М.И. Петрункевич предлагали полностью прекратить субсидирование церковных школ «в виду устранения земства от участия в ведении дела»³. Противоположной позиции придерживалась группа гласных во главе с А.Н. Татищевым, который, напротив, горячо защищал эти школы, мотивируя такое отношение «соответствием их народному духу». Большинство собрания, следуя мнению Родичева, Корсакова и А.А. Бакунина, встало на платформу так называемого третьего пути. Конечно, Родичев, в силу характера своей мировоззренческой установки, не мог представить, чтобы земство в области народного просвещения уступило место представителям духовенства. «Религии и нравственности не нужны предписания, они могут развиваться только на почве свободных убеждений. Все, кто старается устранить земство от народного образования, под видом ограждения религии и нравственности, не могут быть названы иначе, как лицемерами и врагами России», – эти слова из доклада Федора Измайловича легли в основу ходатайства Тверского земства в декабре 1882 г.⁴ Однако полностью отказываться от услуг духовенства в деле просвещения он не собирался. Это выразилось в его стремлении убедить собрание вы-

¹ Веселовский Б.Б. Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии (1864-1913). Тверь, 1914. С. 212-213.

² Тыркова-Вильямс А.В. Указ. соч. С. 210.

³ Веселовский Б.Б. Указ. соч. С. 210.

⁴ Протоколы Тверского очередного земского собрания 9-17 декабря 1882 г. Тверь, 1883. С. 11.

нести решение о субсидировании существующих церковных школ, а так же пожелании не устранять «грамотных священников» от преподавания в земских школах. Родичев, очевидно, защищал тех представителей поколения 60-х гг., выходцев из среды духовенства, которые были бескорыстными поборниками народного образования, а не «попов полицейского направления». Эти люди в 80-е гг. принимали участие в земской работе в качестве членов училищного совета, преподавателей закона Божьего, иногда просто учителей¹. Иллюстрируя свои мысли, Родичев переиначил знаменитую формулу итальянского единства: «сделать Италию хотя бы в союзе с дьяволом» и предложил ценой «союза с дьяволом» уничтожить невежество местного населения. «Пусть открывают новые школы, пусть открывают новые средства, – доброе дело! Но да пусть не будут церковно-приходские школы средством борьбы с земством», – восклицал он².

В 1885 г. Родичев проводил в Петербург на службу в финансовое ведомство своего близкого друга и единомышленника Корсакова, однако работу в области образования он продолжил со вскоре появившимся у него единомышленником – князем Д.И. Шаховским, с которым Федор Измайлович познакомился в Петербурге на квартире К.Д. Кавелина³. Вспоминая об этой встрече, Родичев писал: «Молодой, застенчивый, с наивным внимательным взглядом, Шаховской проповедовал учение Льва Толстого, аскетизм, самопожертвование, любовь. К политике он был равнодушен и собирался идти в учителя русского языка. Он горел жадной подвига, ... я был поражен новым для меня явлением»⁴.

Молодому толстовцу не пришлось поработать простым учителем русской словесности. Подобно тому, как в свое время Корсаков повлиял на судьбу Родичева, склонив его к земской работе, так и теперь при участии Родичева изменилась жизнь Шаховского. «Я соблазнил его: "Вместо учительства в гимназии поезжайте заведовать народными школами, ваше дело будет и административным, и педагогическим. Вы будете помогать нам заводить новые школы. Вы будете помогать учителям в преподавании, вы будете связью между ними. Это подлинное дело в пользу народа, то непосредственное знакомство с его нуждами, о котором вы мечтаете"», – вспоминал Родичев⁵. В учреждении училищных советов, где председателем являлся предводитель дворянства, предусматрива-

¹ Родичев Ф.И. Указ. соч. С. 61.

² Там же.

³ Шелохаев В.В. Дмитрий Иванович Шаховской // Отечественная история. 2001. № 5; Вернадский Г.В. Братство «Приютино» // Новый журнал. Т. 93. Нью-Йорк, 1968. С. 153.

⁴ Родичев Ф.И. Указ. соч. С. 59.

⁵ Родичев Ф.И. Указ. соч. С. 60.

лась должность помощника предводителя, на которую Родичев представил Шаховского. Весьма кстати Дмитрий Иванович оказался весьегонским землевладельцем, поэтому немедленно последовавшее утверждение его носило все признаки дворянской благонадежности. В то же время, благодаря стараниям Родичева, гласные земского собрания провели учреждение должности уполномоченного по заведованию хозяйственной частью училищ, которая также предназначалась молодому князю. Эта его работа продолжалась недолго, но, по словам Родичева, «оставила глубокий след, проведя черту, с которой начиналась новая эра»¹.

Появление в уезде Шаховского внесло невероятное оживление в местную жизнь. Работая в земской управе, князь успевал посещать уроки и экзамены, работать в качестве помощника по надзору за училищами, сумел организовать методическую взаимопомощь учителей, создал публичную Весьегонскую библиотеку, добываясь субсидий на пополнение книг в ней. В условиях недостаточного финансирования Шаховской нашел способ поддержки лучших школ грамотности в уезде – по его инициативе было принято за правило выдавать таким школам от земства в среднем по 20 рублей.

Косвенным средством просвещения и образования как Шаховской, так и Родичев видели устройство совместных чтений, домашних спектаклей: первый их организовывал в Весьегонске, второй – в своем имении Вятка, привлекая учителей и священников. Однако подобного рода деятельность вызывала явное недовольство и Министерства народного просвещения, и ГЖУ. В частности, в донесении в департамент полиции начальника ГЖУ по поводу Родичева сообщалось, что «состоящий под негласным надзором полиции землевладелец Родичев 9 февраля (1887 г. – авт.) устроил спектакль, в котором принимали участие сельские учителя. По мнению даже родственников Родичева, называвших его реформатором, устройство такого спектакля под видом нравственного образования крестьян, представляло уже не первую его попытку сгруппировать вокруг себя народных наставников, чтобы, влияя на них, преобразовать взгляды низшего класса населения»², а в отношении Шаховского И.Д. Делянов, министр народного просвещения, писал в МВД, что, занимающий должность помощника предводителя дворянства Весьегонского уезда по училищной части князь Шаховской «...распространяет среди учителей начальных народных училищ, которые собираются у него по вечерам для совместных чтений, учение графа Льва Толстого и раздает им брошюры сочинения последнего, не

¹ Там же.

²ГА РФ. Ф. 102. ДП III. Д. 672. Л. 26б.

одобренные учебным ведомством»¹. Подтверждение данных фактов тверским губернатором запустило серию вынужденных встреч Шаховского с губернатором, Деляновым, обер-прокурором Священного Синода К.П. Победоносцевым, которым он обещал в дальнейшем «в точности сообразовываться с требованиями директора и инспектора народных училищ по учебной части»². Однако за укреплением положения Шаховского последовали негативные последствия для рядовых неугодных учителей, которых стали переводить в отдаленные места. Ради спасения последних, Шаховской уходит с должности, но солидарное тверское земство выбирает его членом уездного училищного Совета на три года. По достоинству оценив деятельность Шаховского в Весьегонске, Родичев впоследствии напишет: «Ему (*Д.И. Шаховскому – авт.*) мы обязаны в значительной мере постановкой нового идеала в деле народного образования: всеобщего обучения»³. Целью этой работы являлось не только преодоление неграмотности и невежества, но и стремление помочь крестьянам осознать себя людьми с полным набором гражданских прав и обязанностей. Земским либералам была нужна именно такая школа, которая обеспечивала бы их влияние в идеологической области. Чем шире было бы охвачено население образованием, тем шире была бы и база их воздействия. Так, наряду с практической нуждой в грамотном крестьянине, требование всеобщего обучения, отстаиваемое в Весьегонске Родичевым и Шаховским, обуславливалось политическими тенденциями.

Над реализацией идеи всеобщего обучения, которая в ту пору иначе как дерзкая выдумка не трактовалась, они работали несколько лет. Работа эта, особенно в первые годы, не была легкой. В земстве она встречала возражения со стороны гласных, считавших лишним учить мужиков грамоте, которая усилит «вредную» тягу в город. Кроме того, доказывая бесполезность обучения неспособных детей, некоторые земцы требовали небольшого количества школ для обучения крестьянских детей на основании решения сельского схода, который, якобы, безошибочно может определить, «что из мальчика выйдет: Гладстон или дурак?»⁴. Однако нейтрализовать гласных, придерживающихся подобного мнения, авторитетному и красноречивому Родичеву не составляло большого труда, и к концу 80-х гг. противники народного образования, по его выражению, все реже выступали «с открытым забралом»⁵.

¹ РГИА СПб. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 345. Л. 29.

² Там же.

³ Родичев Ф.И. Указ. соч. С. 61.

⁴ Родичев Ф.И. Указ. соч. С. 61.

⁵ Там же.

Гораздо сложнее решался вопрос «об ассигновке и окладном листе». Если крестьяне-гласные почти всегда поддерживали ассигновки на народное образование, то губернатор чаще всего накладывал на них вето. Кроме того, дополнительной трудностью для поборников идеи всеобщего обучения становились различные воззрения гласных собрания на вопрос о возможности увеличения расходов на образование. Оптимисты считали, что существует прямая возможность для формирования денежного фонда на нужды образования: рост недоимок земского налога при увеличении обложения, и что никогда ни одна страна не разорялась от увеличения расходов на образование. Прагматики возражали им, что страны, может быть, и не разорялись, а земская касса может опустеть, в результате чего учителя, не получая жалованья, разбегутся, и «школы останутся на бумаге»¹.

Родичев и его помощники, лавируя между этими воззрениями и вооружившись лозунгом момента: «дайте только денег!», год от года увеличивали как расходы на народное образование, так и общее количество школ в уезде. Через ходатайства Весьегонского земства Родичев провел предложение о предоставлении в распоряжение земства 15 тысяч десятин казенных земель с правом использования дохода от них на образование особого фонда для церковно-приходских школ. Было получено также добро собрания на ссуды для школ грамотности и сельские библиотеки, разрешение и субсидии на строительство образцовой школы, причем в том месте, где сочтет нужным учительский совет². Вопрос о церковно-приходских школах был вынесен Родичевым и его сподвижниками за рамки губернии. На московском земском съезде 1893 г. он снова повторял, что для достижения всеобщего обучения необходимо использовать все имеющиеся средства, в том числе и данные школы.

Необходимость использования земством дополнительных финансовых ресурсов для поддержания уже существующих и строительства новых школ неустанно доказывалась Родичевым в конце 80-х-начале 90-х гг. на губернском уровне. При этом можно смело говорить о реальных результатах его работы. В 1892-93-х гг., благодаря его стараниям весьегонским земством были получены кредиты акционерных банков и выделены средства губернского земства на содержание популярной в губернии школы М.М. Максимовича, на организацию учительских курсов и педагогических бюро, обедов для учеников, на строительство каменных

¹ Там же. С. 62.

² Протоколы очередного Весьегонского уездного земского собрания 19-21 сентября 1886 г. Рыбинск, 1887. С. 16.

школьных зданий¹. Важно подчеркнуть, что Родичев не только занимался изысканием земских финансовых ресурсов для постройки школьных зданий, а часто действовал собственным примером. Так, по предложению его жены, Е.А. Родичевой, он на личные средства выстроил два больших каменных здания: одно для Монаковской школы в самой бедной в уезде Михайловской волости, другое – в деревне Костыгово².

Кульминацией деятельности весьегонских земцев в области народного просвещения стал принятый уездным собранием осенью 1894 г. доклад Шаховского, написанный им вместе с Родичевым и членом училищного совета от земства, будущим парламентарием А.С. Медведевым, о введении всеобщего обучения³. Федор Измайлович дополнил общие положения доклада требованием выделения пособия казны на содержание сорока школ уезда, которое было единогласно поддержано собранием⁴. По этому поводу он писал: «Дело было сделано. В основу школьного дела было положено новое начало. Всеобщее обучение признано было непосредственной целью... и фактом в жизни Весьегонского уезда»⁵. Позже, на одном из заседаний IV Государственной думы, депутат крайне правого крыла Г.Г. Замысловский, развязно упрекая Родичева в красноречии и погоне за дешевой популярностью, задаст ему вызывающий вопрос: «Что у вас на деле?». Родичев ответит ему: «На деле – у меня есть заслуги перед русским народом, которые не в состоянии выкинуть никто: первое постановление о введении всеобщего образования в русском уездном земстве сделано по моему почину. Мы в Весьегонске провозгласили его в 1891 г. и осуществили в 1906 г.»⁶.

Весьегонский эксперимент стал примером для других уездов губернии. К 1914 г. идея всеобщего обучения была реализована в Тверском и Новоторжском уездах, а позже и во всей России.

¹ Протоколы очередного Тверского губернского земского собрания 9-15 декабря 1889 г. Тверь, 1890. С. 11-12; Протоколы очередного Тверского губернского земского собрания 10-17 декабря 1891 г. Тверь, 1892. С. 20-22; Протоколы очередного Тверского губернского земского собрания 8-13 января 1894 г. Тверь, 1894. С.13-15.

² Родичев Ф.И. Указ. соч. С. 65.

³ Богданов И. Итоги последних очередных земств Тверской губернии // Земское дело. 1913. № 7. С. 589.

⁴ Протоколы очередного Весьегонского уездного земского собрания 4-11 сентября 1894 г. Рыбинск, 1895. С. 11-12.

⁵ Родичев Ф.И. Указ. соч. С. 65.

⁶ Тыркова-Вильямс А.В. Указ. соч. С. 212.

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ В ОЦЕНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX в.²

История возникновения либерализма как особого направления в отечественной общественной мысли и общественном движении продолжает оставаться одной из «вечных тем» современной историографии. Истоки и причины подобного положения достаточно подробно охарактеризованы в известной работе В.В. Шелохаева, основные выводы которой сохраняют свою актуальность и в настоящее время³. Среди них привлекает внимание положение о том, что «либерализм, будучи общемировым явлением, по-разному проявляет себя в той или иной конкретно-исторической и социокультурной среде», что, в частности, нашло свое выражение в факте существования в отечественной и зарубежной обществоведческой литературе около ста определений понятия «либерализм»⁴, при том, что в дополнение к ним едва ли не каждый исследователь данной проблемы готов предложить и собственный вариант. В настоящей статье мы будем исходить из определения Шелохаева, согласно которому русский либерализм представляет «особый тип интеллектуального либерализма, возникший и формировавшийся на теоретическом уровне в неадекватной среде»⁵.

При такой постановке вопроса представляется целесообразной попытка выявления особенных черт русского либерализма в контексте исследования более общего процесса становления и «взросления» отечественной общественной мысли, выявления закономерностей ее развития. В отечественной историографии XIX в. внимание этому сюжету уделялось в контексте исследования транзита представителей общества от всеобщего и некритического заимствования положений европейской теории к попыткам самостоятельного анализа положения дел в стране.

¹ Нарезный Анатолий Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета, главный научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук.

² Публикация подготовлена в рамках реализации проекта Российского научного фонда 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

³ Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3–16.

⁴ Там же. С. 4, 5.

⁵ Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 36.

Определяя исходное состояние дел в данной сфере, М.О. Гершензон указывал, что еще в XVIII в. и в начале XIX в. молодое русское общество «жило готовым», некритично воспринимая все новое, что вносилось в отечественное традиционное мировоззрение из арсенала западной мысли. В результате подобного отношения, «как облако из морских испарений... рождалось мировоззрение, в общем одинаковое у всех и никем не выстраданное»¹. Степень самостоятельности мышления и, одновременно, характер заимствования подчеркивались при этом ироничным предложением Гершензона делить отечественную мысль «не на этапы внутреннего развития, а на периоды господства той или иной иноземной доктрины»².

Представляется интересным тот факт, что в литературе такое мнение особых возражений не вызывало. В частности, П.Я. Чаадаев, характеризуя в письме И.Д. Якушкину русское образованное общество, признавал, что «мы прожили века так, или почти так, как и другие, но мы никогда не размышляли, никогда не были движимы какой-либо идеей»³. Столь же расширительно трактовал ситуацию и А.Н. Пыпин, который в семидесятые годы XIX в. признавал, что у нас в различных сторонах жизни «с Петра Великого и до сих пор не прерывается ряд заимствований и подражаний»⁴. В результате, «умственные интересы нашего образованного общества примыкали к тому, что делалось в Европе», причем такое положение было, по его мнению, свойственно даже эпохе, «когда наконец приобретена была лучшими умами сороковых годов известная самостоятельность литературных и общественных идей»⁵.

Наряду с этим, была представлена и другая точка зрения, согласно которой эпоха некритического заимствования ограничивалась более четкими временными рамками. Н.А. Бердяев, признавая, что в России XVIII в. «самостоятельная мысль еще не пробудилась», а в тогдашнем обществе «была усвоена поверхностная просветительная философия», одновременно указывал, что в XIX в. в нем «появились уже более самостоятельные и глубокие направления мысли»⁶. Гершензон заявлением о том, что «кровных нравственных исканий, трагедии духа, мы не встретим в нашем передовом обществе ни разу на всем протяжении XVIII и пер-

¹ Гершензон М.О. История молодой России. М.; Пг.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1923. С. 5.

² Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Тип. В.М. Саблина, 1909. С. 81.

³ Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избранные письма. В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1991. С. 106.

⁴ Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов: Ист. очерки А.Н. Пыпина. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1873. С. 10.

⁵ Там же. С. 15–16.

⁶ Бердяев Н.А. Русская идея. М.-СПб.: Эксмо, 2005. С. 554.

вой четверти XIX века»¹, уточнял и, одновременно, конкретизировал эту мысль указанием более точных границ наступления нового этапа в развитии русской мысли.

Заметим при этом, что параллельно исследователи пытались разобраться в вопросах о причинах и последствиях подобной творческой несамоостоятельности представителей русского образованного общества. И если у Чаадаева в качестве таковых приводится соображение, что «народу нашему не хватает прежде всего – глубины»², то К.Д. Кавелин выделяет другой аспект проблемы. По его мнению, «принимая из Европы, без критической проверки, выводы, сделанные ею для себя из своей жизни, наблюдений и опытов, мы воображаем, будто имеем перед собою чистую, безпримесную научную истину, всеобщую, объективную и неизменную...»³.

В этом заявлении привлекает внимание убежденность историка в том, что подобным некритическим восприятием чужого знания мы «парализуем собственную свою деятельность в самом корне, прежде чем она успела начаться»⁴. Развивая эту мысль, Гершензон указывал, что заимствованное мировоззрение, «александровское» по его определению, было для общества «как бы плотиной, запрудившей духовную энергию, которая рвалась наружу – перестраивать жизнь»⁵. Прорыв этой плотины означал, по мнению автора, появление новой возможности, суть которой в том, что «искусственно оторванная от всякого дела, мысль обращается теперь на самое себя»⁶. В результате, заключает он, «старое мировоззрение рухнуло – начался великий ледоход русской мысли»⁷.

При характеристике нового этапа в истории отечественной общественной мысли в историографии XIX в. прослеживаются две линии. В рамках одной из них авторы исследовали состояние и тенденции развития общества после поражения декабристов. Весьма определенную точку зрения высказал по этому поводу А.И. Герцен, по оценке которого, «после перелома в 1825 году... нравственный уровень общества пал, развитие был перервано, все передовое, энергическое вычеркнуто из жизни...». Из дальнейшего анализа становится ясно, что события 1825 г. подвели черту не только прежним теориям, но и всему бывшему поколе-

¹ Гершензон М.О. История молодой России. С. 5.

² Чаадаев П.Я. Указ. соч. С. 106.

³ Кавелин К.Д. Наш умственный строй // Кавелин К.Д. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Стлб. 883.

⁴ Там же.

⁵ Гершензон М.О. Указ. соч. С. 6.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

нию. В этой связи привлекает внимание его замечание о детях, которые после этого «первые приподняли голову» и посредством которых «ошеломленная Россия начала приходить в себя»¹.

Отметим, что такая точка зрения является практически общепринятой в историографии XIX в., а попытки проследить связь поколений в обществе, разделенном 1825 г., лишь подтверждают правомерность выводов Герцена. Возможно, по этой причине, развитие общества в новых условиях многие авторы рассматривают в логике процесса взросления нового поколения. Отсюда следует подчеркнутое внимание к состоянию в стране возможностей образования молодежи и, одновременно, оценивается влияние неформальных структур, в ряду которых выделяются литературные кружки. В первом случае, отмечается роль философского образования, которое, по мнению В.В. Зеньковского, «не только приучало к терминологии, не только сообщало материал по истории философии, но и пробуждало философские запросы»². Последнему способствовало и то обстоятельство, что с 1835 г. приезд молодых университетских профессоров, получивших образование в Дерпте и за границей, в немецких университетах, «влил в зачинавшееся умственное и литературное движение Москвы новую жизнь и придал ему новую силу»³. Определяя значимость и масштаб образовательной деятельности, Герцен признавал, что хотя «число воспитывающихся у нас всегда было чрезвычайно мало», однако те, которые воспитывались, «получали не то чтоб объемистое воспитание, но довольно общее и гуманное», которое «очеловечивало учеников всякий раз, когда принималось»⁴.

При характеристике деятельности литературных кружков, в литературе отмечается особая роль Москвы, где «с самого начала тридцатых годов, ... сосредоточились лучшие литературные силы и вновь начала развиваться научная и литературная деятельность»⁵. В интересующем нас контексте выделим оценку Кавелина, согласно которой «взгляды, появившиеся во время этого литературного и научного движения, представляют первые попытки самостоятельного критического отношения к нашему прошедшему и настоящему; они многозначительны не как твердые результаты науки, а как признаки пробуждения у нас литературных

¹ Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. Т. 9. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. С. 38.

² Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Л.: МП «Эго», 1991. С. 115.

³ Кавелин К.Д. Московские славянофилы сороковых годов // Кавелин К.Д. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Стлб. 1159.

⁴ Герцен А.И. Былое и думы. С. 39.

⁵ Кавелин К.Д. Московские славянофилы сороковых годов. Стлб. 1159.

и научных интересов»¹. В теоретическом отношении, «блестящие московские салоны и кружки того времени» служили, по мнению автора, «выражением господствующих в русской интеллигенции литературных направлений, научных и философских взглядов»², причем, замечает он, занимались эти люди не только литературой и искусствами, «между ними немало было и таких, которые имели большое политическое образование, были искренними поборниками свободных учреждений, мечтали для своего отечества об освобождении крепостных, о финансовой реформе, о коренном преобразовании школы, суда и администрации, о свободе веры, слова и печати»³.

Несколько иную позицию занимает Р.В. Иванов-Разумник, который предлагает обратить внимание «на ту мысль, которая одухотворяла собою все кружки тридцатых годов». Таковой являлась, по его мнению, «выработка цельного мировоззрения, «единой всеобнимающей идеи», принципа, объемлющего собою весь мир», представляющего собой внутреннюю пружину, «которая скрыта и в шеллингианстве «любомудров» и Станкевича, и в сен-симонизме кружка Герцена, и в гегельянстве Бакунина и Белинского»⁴. Проявления этой идеи он находит в тридцатых годах в разных формах философского романтизма и утопического социализма, но внутренняя сущность ее была, по утверждению Иванова-Разумника, неизменной. «Соединить интересы отечества с судьбами человечества, стремление к политической свободе – с борьбой за социальное освобождение; сохранить широкое и общее мировоззрение и дать в нем видное место отдельному единичному человеку – вот требования, которые непосредственно появились в результате общественных и умственных течений двадцатых и тридцатых годов»⁵.

Таким образом, можно согласиться с утверждением Гершензона о том, что 30-е гг. XIX в. открывают качественно новый этап в развитии русской общественной мысли. Отныне, полагает он, «уже ни один человек, претендующий на образованность, не мог уклониться от обязанности осмыслить свою и общую жизнь с точки зрения истины», и заключает, что «это была настоящая революция, впервые пробудившая к духовной жизни всю массу образованного общества»⁶. Добавим к этому, что

¹ Кавелин К.Д. Т.Н. Грановский // Кавелин К.Д. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Стлб. 1077.

² Кавелин К.Д. Авдотья Петровна Елагина // Кавелин К.Д. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Стлб. 1121.

³ Там же. Стлб. 1129.

⁴ Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. В 3 т. Т. 1. М.: Терра: Республика, 1997. С. 305.

⁵ Там же. С. 306.

⁶ Гершензон М.О. Ответ П.Б. Струве // Русская мысль. 1910. Кн. 2. С. 175–176.

речь идет о новом поколении образованных людей, сформировавшемся на современных им европейских теориях и идеях и попытавшихся применить эти положения к осмыслению состояния и перспектив общественной жизни в России.

В развитие этой темы Бердяев констатирует, что «русская самобытная мысль пробудилась на проблеме историософической. Она глубоко задумалась над тем, что замыслил Творец о России, что есть Россия и какова ее судьба»¹. Кавелин уточняет эту мысль заявлением, что «работа русской мысли и русского сознания, естественно, началась в то время, когда, после долгого периода европеизма, наполнившего царствование Екатерины и Александра, начался у нас возврат на самих себя, родилось чувство национальности, чувство государственной народной самостоятельности»². Одним из первых обратил внимание на это обстоятельство будущий редактор журнала «Отечественные записки» А.А. Краевский, который отмечал в 1837 г., что «никогда, может быть, не говорили и не писали у нас так много и так основательно о народности, о русизме, о необходимости отвыкнуть от привычки к подражанию и стряхнуть с себя иго чужеземных, несвойственных нам обычаев и мнений, – как в настоящее время»³.

Таким образом, в рамках выделенного периода в историографии исследуются условия и предпосылки становления самостоятельной отечественной общественной мысли. Будучи соединенными с поисками места России в системе европейской цивилизации, они неизбежно фокусировались на болезненном для российского общества вопросе о статусе и роли личности в стране. В новых условиях такая позиция, естественно, основывалась на влияниях эпохи Великой французской революции, а также теории классического французского либерализма начала XIX в., выдвинувших проблему взаимоотношений личности, общества и государства в качестве центральной.

Исторический контекст формирования личностного фактора в России был представлен в работе Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России», которая предназначалась для альманаха В.Г. Белинского «Левифан», но в связи с изменением планов издателей, была опубликована в первом номере журнала «Современник» в 1847 г. Здесь необходимо обратить внимание на тот факт, что требование безусловного достоинства человека и личности ученый определял как важнейшее христианское начало, которое «вместе с христианством,

¹ Бердяев Н.А. Русская идея. С. 567.

² Кавелин К.Д. Московские славянофилы сороковых годов. Стлб. 1159.

³ Краевский А. Мысли о России // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» или Литературная газета. 1837. № 1 (2 янв.). С. 1.

рано или поздно, должно было перейти в мир гражданский». Принципиально звучит, в этой связи, утверждение автора о том, что «признание этого достоинства, возможное нравственное и умственное развитие человека, сделались лозунгами всей новой истории, главными точками или центрами, около которых она вертится»¹. Отметим также заявление автора о всеобщем характере указанного требования не только во времени, но и в пространстве, поскольку оно определялось целью «для всех народов нового, христианского мира»².

Впрочем, заявленный принцип всеобщности корректировался оговоркой автора, что народы идут к этой цели «разными путями, бесконечно разнообразными, как сама природа и исторические условия народов»³. Поясняя ее смысл, историк отмечал, что в этом смысле задача истории русско-славянского племени и, например, германских племен была различна. Если последним «предстояло развить историческую личность, которую они принесли с собою, в личность человеческую», то нам «предстояло создать личность»⁴. Для отечественной общественной мысли актуальность этого заявления подчеркивалась тем обстоятельством, что «пассивность, стертость нравственной личности», представляли, по мнению Кавелина, «наше больное место» и, соответственно, нам еще «предстоит выработать теорию личного, индивидуального, личной самодеятельности и воли»⁵.

Автор объяснял это положение вступлением восточных славян в историю в тот момент, когда по своему общественному уровню они находились лишь на стадии родового быта. Рассматривая возможности, возникающие в ходе исторического развития, Кавелин выделял попытку варяжской дружины привнесения извне «лично-государственной стихии в родовые отношения славян», в результате чего «образуется сильное, обширное государство», однако в силу того, что стадия личностного развития еще не была подготовлена со стороны действия внутренних закономерностей социального развития, попытка эта оказалась безуспешной. В результате, «перерванная нить нашего национального развития подымается опять, с той точки, на которой оно остановилось перед пришествием дружины», с тем лишь отличием, что теперь оно «не ограничивается одним общинным, частным, домашним бытом: оно об-

¹ Кавелин К.Д. Юридический быт древней России // // Кавелин К.Д. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. Стлб. 15

² Там же. Стлб. 16.

³ Там же.

⁴ Там же. Стлб. 19.

⁵ Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Стлб. 885.

хватывает собою и государственный быт, созданный чужеземцами и вместе с ними подчинившийся влиянию туземного элемента»¹.

С этого момента русская история становится как бы историей правящего рода на фоне все еще доисторического существования простого народа, хотя, замечает Кавелин, до Петра I государь-правитель как носитель исторического начала в русской жизни выступал в неисторических образах государя-родоначальника или государя-вотчинника. И только затем он впервые становится государем-личностью, что выражается в его свободном, инициативном поведении, определяемом не патриархальными устоями, а идеями и сознанием. Таким образом, заявляет Кавелин, «в Петре Великом личность на русской почве вступила в свои безусловные права, отрешилась от непосредственных и природных, исключительно-национальных определений, победила их и подчинила себе. Вся частная жизнь Петра, вся его государственная деятельность есть первая фаза осуществления начала личности в русской истории»². При этом историк особо подчеркивает контраст этого положения с неисторизмом и неполитизмом народа, составляющего с государственной властью единый общественный организм. Попыткой разрешения этого противоречия он называет политику преобразований, начатую Петром I и получившую новый импульс в эпоху Екатерины II.

Из сказанного следует, что смысл этих преобразований, по Кавелину, заключается в создании в России адекватной характеру государственной власти, а значит лично выраженной, общественной среды. В глобальном масштабе решение этой задачи связывалось историком с отменой в стране крепостного состояния крестьян. Вместе с тем, существовал и другой уровень обеспечения прав и личного достоинства граждан, который Кавелин обозначает замечанием, что свободные сословия в России обладали гражданскими, но не политическими правами. Такое всеобщее «поражение в правах» населения страны объясняет, на наш взгляд, выдвигание либерального принципа обеспечения личных прав и свобод граждан России в качестве единой общей задачи представителями разных оттенков и направлений общественной мысли.

Весьма определенно высказывается по этому поводу Иванов-Разумник, утверждая, что именно в эту эпоху передовые люди страны, в ряду которых находились Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Белинский, наконец, Герцен и Бакунин «выставили вперед принцип права личности и всю жизнь с ужасом отчаяния боролись с мещанством»³. В интересу-

¹ Кавелин К.Д. Юридический быт древней России. Стлб. 24, 26.

² Там же. Стлб. 58.

³ Иванов-Разумник Р.В. Указ. соч. С. 201.

в котором нас контексте отметим принципиальное утверждение автора, что «именно в эту эпоху формулируется учение славянофилов и западников, характерное по своему резкому антимещанству, по своему этическому и социологическому индивидуализму», а также «антимещанское мировоззрение Герцена» и «безудержный государственный анархизм и неистовый социологический крайний индивидуализм Бакунина», которые публицист определяет «наиболее резким ответом индивидуализма на теорию и систему эпохи официального мещанства»¹. Сформулированные Ивановым-Разумником общие положения дополняются в историографии попытками выяснить роль личности в триаде: «личность, общество, государство». Кавелин утверждает в этой связи, что «личность, создающая сама по себе свое бесконечное, безусловное достоинство, есть необходимое условие всякого духовного развития народа»², а Белинский в известном письме В.П. Боткину заявляет, что для него «судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб всего мира...»³.

Подобное отношение к личности прослеживается и в ходе развития общественной мысли, поскольку в историографии бытовало представление, что «изучить смену общественных идей в их сущности», в чем, по мнению Гершензона, состоит цель истории общественной мысли, «значит изучить эти идеи в их индивидуальной углубленности, в лице их типичнейших представителей»⁴. Кавелин раскрывает смысл этого заявления на примере деятельности Белинского, в воззрениях которого, «сначала чисто и строго литературных и эстетических, постепенно начал преобладать элемент общественный, публицистический...». Этот процесс, поясняет историк, «пришелся как раз по времени и совпал с полусознательным – чтоб не сказать бессознательным – движением в том же направлении самого русского общества». Отсюда, личную заслугу публициста автор находил в том, что тот «живо чувствовал и предугадывал новое направление, к которому исподволь склонялась русская общественная мысль..., в нем выразились, сосредоточившись как в фокусе, мотивы, бродившие в мыслящих слоях тогдашнего русского общества»⁵.

Выявление роли и значения личности в русской общественной жизни и в развитии общественной мысли 1830–50-х гг. характеризуется в историографии XIX в. как наиболее явное свидетельство либеральных настроений в обществе. Оно подкрепляется выводами о формировании

¹ Там же.

² Кавелин К.Д. Юридический быт древней России. Стлб. 8.

³ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 12. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. С. 22–23.

⁴ Гершензон М.О. История молодой России. С. 2–3.

⁵ Кавелин К.Д. Белинский и последующее движение нашей критики. (Письмо А.Н. Пыпину) // Кавелин К.Д. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Стлб. 1100, 1101, 1102.

в России в период после 1825 г. нового поколения образованных граждан, проявляющего склонности к постановке и попыткам самостоятельного разрешения вопроса о цивилизационном статусе России и определению программы общественного развития, что объясняется влиянием европейских теорий и идей, а также собственными выводами о наличии в России исторических оснований реализации либеральной программы действий. В результате, принцип свободы определяется объединяющим фактором разных направлений и оттенков отечественной мысли в указанный период, а требование обеспечения личных прав и свобод граждан, становится базовым в программе российского либерализма в XIX–начале XX вв.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИЙСКОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ НАЧАЛА XX В.: ОБЗОР СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ²

Формулируя концептуальные положения своей программы по переустройству российского государства, отечественные либералы не ставили под сомнение необходимость сохранения его уникальной полиэтнической сущности. Наличие в современных многонациональных государствах проблем, связанных с сохранением территориальной целостности и распределением властных полномочий между центром и регионами, обуславливает обращение исследователей к идеям и политическим практикам представителей отечественного либерализма начала XX в. в области решения национального вопроса. Национальная проблематика непосредственно связана с интенсивной разработкой в историографии проблем истории либерализма как отдельного направления отечественной общественно-политической мысли, вопросов становления либерального общественного движения в России, а также характеристикой и оценкой этапов его развития.

К 1990-м гг. относится начало становления постсоветской историографии, характеризующейся методологическим плюрализмом и тематическим разнообразием в исследованиях либерализма в России начала XX в. В обстоятельных работах В.В. Шелохаева³, А.Н. Медушевского⁴, В.Ф. Пустарнакова⁵, С.С. Секиринского⁶ и других историков анализируются проблемы, которые не получили освещение в советских исследованиях: периодизация развития либерального движения в России, конституционализм как составная часть либерализма, влияние исторической повседневности на формирование взглядов отечественных либе-

¹ *Дмитриева Наталья Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории средних веков и нового времени Южного федерального университета, научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук.*

² Публикация подготовлена в рамках реализации проекта Российского научного фонда 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

³ Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996; Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26–41.

⁴ Медушевский А.Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 3–23; Медушевский А.Н. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 30–46.

⁵ Либерализм в России / под ред. В.Ф. Пустарнакова. М., 1996.

⁶ Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX–начало XX в.). М., 1995.

ралов и другие. Этими исследователями были заложены концептуальные основы изучения российского либерализма в постсоветский период.

Основные пункты программ либеральных партий начала XX в. по национальной проблематике проанализированы в работах Шелохаева. В 1993 г. вышла отдельная статья исследователя о либеральном варианте решения национального вопроса, впоследствии этот сюжет стал частью монографии, а также был затронут в обобщающей статье 2001 г.¹ В этих работах показаны и проанализированы ключевые расхождения между кадетами, с одной стороны, и октябристами (а также прогрессистами), с другой. Исследователь отмечает, что концепция гражданского равноправия стала составной частью кадетской программы. Характеризуя позицию либералов по национальному вопросу, автор указывает, что «будучи по своему миросозерцанию унитаристами, кадеты, прогрессисты и октябристы не признавали право наций на политическое отделение от Российской империи, выступали против федеративного устройства государства. По их мнению, предоставление личности гражданских и политических прав, распространение местного самоуправления на всю территорию России является вполне достаточным для защиты прав национальных меньшинств»². В целом, научные труды Шелохаева дают целостное представление о предложениях по решению национального вопроса в рамках либеральной модели общественного устройства с момента создания кадетской партии до октября 1917 г., особенно в рамках думского периода деятельности кадетской фракции.

В качестве отдельного направления в современной отечественной историографии российского либерализма конца XIX–начала XX вв. можно выделить изучение правовой составляющей выработанной либералами модели переустройства России. Комплексный научный анализ вопросов законотворческой деятельности представителей отечественного либерального движения осуществлен в работах Д.В. Аронова³. Вопрос о сочетании имперского концепта с либеральной идеологией в России начала XX в. рассматривается автором на основе либеральных проектов Основного закона, разработанных в предпарламентский период. Данный подход позволил автору прийти к обоснованному заключению «о

¹ Шелохаев В.В. Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения // Кентавр. 1993. № 2. С. 45–59, № 3. С. 100–115; Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

² Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 112.

³ Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.). М., 2005; Аронов Д.В., Садков В.Г. Либеральные проекты Основного закона России (историческая эволюция, опыт и перспективы построения модели). Орел, 2004; Аронов Д.В. Права человека в теории и политико-правовой практике российского либерализма в конце XIX–начале XX в. М., 2007.

наличии в либеральной идеологии имперского концепта нового типа, освобождающего старую форму от личностно монархической составляющей и наполняющей ее новым содержанием, отражающим либеральное видение модели реформирования страны в формате новой либеральной империи». По мнению автора, на смену верховной власти монарха в либеральном конструкте либерального типа империи должно было прийти верховенство закона¹.

В рамках этого же направления Н.Г. Карнишиной рассмотрены теоретические основания российского либерализма по национальной проблематике в конце XIX–начале XX вв. Историк приходит к выводу, что «предметом исследования представителей либерального направления являлось, в первую очередь, определение государственно-правового статуса присоединенных территорий и возможность его изменения»². Не менее существенным является и вывод о том, что разграничение понятий «федерализм» и «федерация», «союзное государство» и «федеративное государство» происходит в либеральной политико-правовой мысли только на рубеже XIX–XX вв.³ Анализ разработки понятийного аппарата, а также расхождений в определении и содержательном наполнении таких форм административно-территориального устройства как административная и политическая автономия проводит В.В. Вострикова. На основе сопоставительного анализа трудов ключевых либеральных теоретиков по данной проблеме (Кокошкина Ф.Ф., Котляревского С.А., Гессена В.М. и др.) автор констатирует, что особое внимание либералами уделялось различным формам децентрализации, т.к. они более всего соответствовали основным принципам конституционализма⁴.

В рамках изучения ранних этапов формирования либеральной программы переустройства страны исследователи реже обращаются к национальной проблематике протопартийных либеральных организа-

¹ Аронов Д.В. Имперский концепт в либеральных проектах Основного закона России начала XX в. // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии. Сборник материалов всероссийской научной конференции. 24–26 сентября 2014 г. Орел, 2014. С. 129–130.

² Карнишина Н.Г. Национальный вопрос в теории российского либерализма конца XIX–начала XX в. // Сергей Андреевич Муромцев – председатель первой Государственной Думы: политик, ученый, педагог. Сборник научных статей. Орел, 2010. С. 128–138.

³ Карнишина Н.Г. Проблемы государственного устройства и решения национального вопроса в России в либеральных проектах русских государствоведов второй половины XIX–начала XX в. // Конституция 1993 года и российский либерализм: к 20-летию российской конституции. Сборник научных статей. Орел, 2013. С. 273.

⁴ Вострикова В.В. Административно-территориальное устройство в теории и программатике российского либерализма начала XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (59): в 2-х ч. Ч. II. С. 53.

ций. Среди публикаций, которые охватывают данный этап истории русского либерализма и момент его перехода в партийную эпоху, следует выделить статью А.Ю. Бахтуриной «П.Н. Милюков и польский вопрос». Автор показывает на примере вопроса о польской автономии расхождение взглядов Милюкова и А.И. Гучкова, что привело к последующему разрыву между кадетами и октябристами¹. Схожей проблематике был посвящен доклад А.В. Щербины в рамках конференции «Либеральный консерватизм: история и современность»². Исследователь приходит к выводу, что имперское сознание проявлялось в либеральной программе русского либерализма именно через выработанный в его среде вариант решения национального вопроса. Проблема взаимодействия украинского национального движения и российских либералов освещена в статье В.С. Горякиной. Автор констатирует, что радикализация требований представителей «Союза освобождения» по национальному вопросу происходит под давлением региональных националистов, чьей поддержки на начальном этапе Первой русской революции искали левые либералы³.

Среди современных тенденций в изучении национально-государственной проблематики необходимо отметить и междисциплинарность подходов. В рамках философских исследований детальной разработке подвергся вопрос соотношения понятий либерализма и национализма. Ведущая роль в развитие данного направления принадлежит О.Ю. Малиновой. Ее исследование посвящено уточнению содержания понятия «либеральный национализм», сравнительному анализу либерально-националистических концепций, российских и зарубежных мыслителей второй половины XIX–начала XX вв.⁴ Под определение «либерального национализма, по мнению автора, попадают «концепции, сочетающие приверженность идее нации и защиту ее политических и/или культурных прав с защитой либеральных ценностей свободы, равенства прав, терпимости, управления с согласия управляемых и др.»⁵.

¹ Бахтурина А.Ю. П.Н. Милюков и польский вопрос // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 335.

² Щербина А.В. Имперское сознание и либеральное движение в России в начале XX века // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы всероссийской научно-практической конференции. М., 2001. С. 227–228.

³ Горякина В.С. Партия кадетов и национальный вопрос в период буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. М., 1992. С. 144.

⁴ Малинова О.Ю. Либеральный национализм (середина XIX–начало XX века). М.: РИК Русанова, 2000; Малинова О.Ю. Либерализм и концепт нации // Полис. 2003. № 2. С. 96–111.

⁵ Малинова О.Ю. Либеральный национализм (середина XIX–начало XX века). М.: РИК Русанова, 2000. С. 8–10.

Среди таковых Малинова проанализировала содержание национальной составляющей концепций Б.Н. Чичерина, П.Б. Струве, Милюкова.

В конце XX в. началось подробное исследование генезиса и развития программ местных отделений либеральных организаций по национальному вопросу. С начала 90-х гг. появилось несколько публикаций, посвященных национально-либеральным течениям среди мусульманских народов¹. С 1996 г. в Казани проводятся комплексные исследования истории татарского либерально-демократического движения конца XIX–начала XX вв.² С конца XX в. началась активная публикация программных документов национальных партий Российской империи³, что значительно расширило поле для научных изысканий в области национальной составляющей либеральной модели переустройства страны. Большинство исследователей приходит к единому мнению о том, что, несмотря на общую цель общероссийского и национальных либеральных движений по созданию равных возможностей для всестороннего развития народов, населяющих Российскую империю, для региональных либералов национальный вопрос был основополагающим, а для русских он являлся скорее тактическим шагом, нежели стратегической целью. С другой стороны, наработки либералов регионального уровня были ограничены интересами отдельно взятых национально-территориальных образований и, в меньшей степени, затрагивали вопросы формы государственного устройства России в целом.

Широкое распространение в современной исторической науке получило направление по исследованию политических биографий, особенностей эволюции идеологических воззрений лидеров российского либерального движения. Подобная тенденция объясняется открытием в конце XX в. их личных архивных фондов. Статьи с жизнеописаниями в сборниках разбиты в соответствии с основными научными и политическими интересами либералов. Среди них присутствуют и разделы, связанные с разработками по национальной проблематике таких политических деятелей как Милюков, Струве, Ф.Ф. Коккошкин, С.А. Муромцев и

¹ Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. Казань: Фэн, 2005; Хэфнер Л. «Конституционно-демократическая партия не менее твердо держится принципа единства и неразделимости России»: либерализм и национализм в российской провинции. 1905–1914 гг. // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. С. 91–126.

² Циунчук Р.А. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. Казань, 2004; Айнутдинова Л.М. Казанские либералы о национально-государственном устройстве России (начало XX в.) // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. Сб. материалов Международной научной конференции / науч. ред. А.О. Чубарьян. М., 2007. С. 360–371.

³ Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX в.: Документы и материалы. Томск: Изд-во НТЛ, 1998.

др.¹ Ценность подобных исследований заключается в анализе политических воззрений российских либералов в контексте их повседневной жизни. Учитываются практически все факторы, оказавшие влияние на разработку моделей общественного развития России отдельными представителями либерального движения.

Значительными представляются энциклопедические издания по истории российского либерализма. Они носят как общий характер, так и более частный (например, по истории политических партий России начала XX в. и российского парламентаризма). В обобщенном виде наработанный исследователями материал по истории либерального течения общественной мысли в России представлен в научно-справочном издании «Российский либерализм середины XVIII–начала XX в. Энциклопедия». Усилиями ведущих специалистов на страницах энциклопедии предстает сложный процесс формирования и развития дореволюционного либерализма. В работе содержится биографическая информация об основных представителях отечественного либерализма, либеральных организациях и партиях, программных документах, значимых событиях и т.п. Отдельно следует отметить концептуальные статьи, посвященные истории таких ключевых понятий, как «либерализм», «национальный вопрос», «автономизм»².

Об актуальности изучения национальной составляющей отечественного либерализма свидетельствует выбор этноконфессиональных и национальных проблем развития отечественной государственности в теории, программатике и политико-правовой практике российского либерализма в качестве темы X Муромцевских чтений в 2015 г. В опубликованных в сборнике докладах раскрываются подходы к разрешению обозначенных проблем представителями как центральных, так и региональных отделений российских либеральных партий, анализируются объективные и субъективные причины не востребованости эволюционного пути решения национального и конфессионального вопросов, предложенного представителями отечественного либерализма. В предисловии к сборнику материалов по итогам конференции Шелохаев выделил че-

¹ Российские либералы: Сб. статей / под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева. М., 2001; Медушевский А.Н. Диалог со временем: российские конституционалисты конца XIX–начала XX вв. М., 2010; Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992.; Соловьев К.А. Империя после империи: проект Ф.Ф. Кокошкина // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 24–26 сентября 2014 г. Орел, 2014. С. 115–122; Шелохаев В.В. Дмитрий Иванович Шаховской // Отечественная история. 2001. № 5. С. 107–120; Шелохаев В.В., Канищева Н.И. Исторические портреты. Петр Дмитриевич Долгоруков // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 68–79.

² Российский либерализм середины XVIII–начала XX века. Энциклопедия / под ред. В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2010.

тыре ключевые трудности, с которыми столкнулись либералы начала XX в. при теоретическом осмыслении и практических попытках разрешения национальной и конфессиональной проблем: многонациональный состав населения государства, необходимость учета международного контекста, стремление к сохранению России единой и неделимой, неоднозначность понимания путей и методов решения национального и конфессионального вопросов внутри либерального движения¹.

На основе проведенного историографического анализа можно сделать определенные выводы о наметившихся тенденциях в современной отечественной исторической науке относительно национально-государственном устройстве России в теоретических и программных документах представителей либерализма начала XX в. Во-первых, претерпели изменения теоретические и методологические подходы в изучении обозначенной проблемы. Снятие идеологических барьеров и расширение источниковой базы позволили историкам освоить новые направления в исследовании национальной составляющей русского либерализма. Среди них следует отметить переход к изучению данной проблемы на региональном уровне, исследованию концептуальных позиций отдельных представителей либерального движения, переосмыслению проблемы соотношения либерализма и национализма. Во-вторых, приращение научного знания относительно вопросов либеральной модели государственного устройства России приобретает междисциплинарный характер. Исследования в этой области проводятся специалистами различных гуманитарных направлений: истории, философии, юриспруденции, политологии и др. В рамках данного направления уточняется понятийное содержание проблемы, изучаются мировоззренческие и философские позиции представителей либерального движения по национальной проблематике. В-третьих, несмотря на значительный прирост научных исследований, национальный вопрос в либеральной модели переустройства России продолжает привлекать внимание исследователей. Разрабатываются вопросы истории либерального движения до образования политических партий, взаимосвязь теоретических разработок и политической практики ведущих представителей отечественного либерального движения начала XX в.

¹ Шелохаев В.В. Предисловие // Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, программатике и политико-правовой практике российского либерализма: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 1–3 октября 2015. Орел, 2015. С. 7–8.

ПУБЛИЦИСТИКА М.С. ГРУШЕВСКОГО И «УКРАИНСКИЙ ВОПРОС»

«Украинский вопрос» в начале XX в. стал одной из острых проблем общественно-политической жизни в губерниях Малороссии, что отразилось на страницах периодической печати различных направлений. Особое внимание к этому сюжету проявилось в деятельности известного ученого и общественного деятеля М.С. Грушевского. На протяжении тридцати лет становления украинской государственности в научной жизни Украины обращение к интеллектуальному наследию Грушевского стало важной составляющей осмысления исторического прошлого Украины². Политические метаморфозы в биографии известного ученого и общественного деятеля отразились в его исканиях в политическом процессе начала XX в.

¹ Карнишина Наталья Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История Отечества, государства и права» Пензенского государственного университета.

Карнишин Валерий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История Отечества, государства и права» Пензенского государственного университета.

² Кріп'якевич, І. Михайло Грушевський. Життя та діяльність / І. Кріп'якевич // URL: <http://litopis.org.ua>; Кутилова Л.А. Проблемы украинского национального движения в творчестве и политической практике М.С. Грушевского: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.09. Томск, 1993. 21 с.; Верстюк В.Ф. М.С. Грушевський. Коротка хроніка життя та діяльності. Р. Пиріг. - Київ : Либідь, 1996. Гирич, І. Політична публіцистика Михайла Грушевського // М.С. Грушевський. Твори у 50 т. Львів : Світ, 2002. Т. 1.; Овдієнко П. М.С. Грушевський як політичний діяч // Матеріали міжнародної научної конференції «М. Грушевський – историк, общественный и политический деятель, человек». Уфа: Изд. Центр Филиала МГОПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе, 2005. С. 40-46; Пиріг Р. Михайло Грушевський в об'єктиві реальності: до 140-річчя з дня народження // Наука і суспільство. 2006. № 11-12. С. 12-15; Корольов Г. Дихотомія української ідеї як основа автономістсько-федералістичних поглядів М. Грушевського // Український історичний збірник 2008. Вип. 11. С. 369-382; Плохій С. Великий переділ: незвичайна історія Михайла Грушевського / авт. переклад з англ. М. Климчука. Київ: Критика, 2011. 600 с.; Ткаченко І. В. Науково-видавнича діяльність М. Грушевського під наглядом органів влади Російської імперії (1907-1914 рр.) // Український історичний журнал. 2011. № 6. С. 55-67.; Корольов Г.А. Федералізм Михайла Грушевського: міфи, уявлення, проекти. К.: Інститут історії України НАНУ, 2012. 250 с.; Романцова Н.І. Історичні погляди М. Грушевського. Проблема в українській історіографії ХХ ст. // Вісник Маріупольського державного університету. Серія.: Історія. Політологія. 2013. Вип. 6. С. 47-53; Гула Р.В. Аналіз і критика поглядів М.С. Грушевського на сторінках видання "Киевлянин" у 1906–1907 рр. // Архіви України. 2014. № 1. С. 38-43; Romanitsova N.M. Grushevskyi's scientific activities (1907–1914): highlight of the problem in the works by historians in the early 20th century // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: Історія. Політологія. 2015. Вип. 12. С. 95-101; Феномен Михайла Грушевського як державного діяча, науковця, громадянина (до 150-річчя від дня народження): збірник наукових праць (за матеріалами Міжнародної науково-практичної конференції, Київ, 19 травня 2016 р.). К.: «Міленіум», 2016. 207 с.

Политические взгляды Грушевского формировались с учетом особенностей его жизненного пути. Напомним, что приобщение Грушевского к либерально-демократическим традициям произошло еще в студенческие годы. Защита им кандидатской диссертации «Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV в.». стала важным этапом в его жизни. Воззрения Грушевского формировались под влиянием исторических работ Н. Костомарова, П. Кулиша, фольклорных изысканий М. Максимовича и А. Метлинского. Уместно отметить значение его публикаций на страницах научного журнала «Киевская старина»¹.

Впоследствии Грушевский сформулировал свою концепцию истории Украины в фундаментальной монографии. Ее положения можно свести к ряду выводов. Во-первых, Киевская Русь, по его утверждению, являлась первой и древней формой украинской жизни. При этом анты были объявлены им предками украинцев. Во-вторых, вступая в полемику с русскими историками, Грушевский, по словам львовского историка И. Крильяневича, заключал, что «киевский период истории – это наш украинский, а москалям надо начинать свою историю с основания московского княжества»². Данная точка зрения стала отправной для многочисленных работ современных украинских историков, склонных к использованию наработок Грушевского для попыток формирования украинской политической и национальной идентичности в 1990-2010-х гг. В этой связи заслуживают внимания выводы современного украинского историка Касьянова, отмечающего, что смысловым ядром национально-националистического нарратива на Украине является идея уникальности, самобытности и независимости сообщества, именуемого нацией. В данном нарративе достаточно ярко проявляется тяготение к архаичным, антикварным культурным формам и репрезентациям исторического опыта³. Выводы Грушевского оказались востребованы как в процессе «коренизации», основой которой была настойчивая замена понятий «Русь» на «Украину» в начальный период ее советской истории, так и в условиях формирования «украинской политической нации» – после событий 2014 г.⁴

Двадцатилетие, проведенное Грушевским во Львове, где он в 1894 г. возглавил кафедру всеобщей истории, было плодотворным для научной деятельности ученого: активная работа по изданию документов,

¹ Кріп'якевич, І. Михайло Грушевський: життя та діяльність / І. Кріп'якевич // Іван Кріп'якевич у родинній традиції, науці, суспільстві. Львів, 2001. С. 234.

² Там же. С. 234, 239.

³ Касьянов Г. Украина и соседи. Историческая политика. 1987-2018. М., 2019. С. 38-39.

⁴ Храпачевский Р. Русь, Малая Русь и Украина // Российские и славянские исследования: сб. науч. ст. Минск: Изд-во БГУ, 2004. Вып. 1. С. 36.

публикация магистерской диссертации вызвали резонанс не только среди украинской интеллигенции Галичины, но и в Киеве.

Общественно-политический подъем на Украине в период революции 1905-1907 гг. стимулировал публицистическую деятельность Грушевского. Его статья «Украинство и вопрос дня в России», опубликованная в марте 1905 г., представляет интерес с точки зрения восприятия событий в России из австро-венгерского города Львова. Автор оценивал события 1905 г. как шанс для придания «украинскому вопросу» четко выраженного политического концепта, который ранее был маркирован в контексте историко-филологических, фольклорно-этнографических студий. Небезынтересно наблюдение о том, что до 1905 г. сохранялась надежда на возможность «договориться на основе национальной или просто человеческой справедливости» с представителями российской интеллигенции как ведущей силы в конституционном движении имперской России. В новых реалиях, как весьма оптимистично утверждал Грушевский, «фактически хозяевами ситуации могут очень скоро стать буржуазные классы, наиболее сконсолидированные, наиболее кристаллизованные и наиболее подготовленные к политической деятельности – великорусские, польские, армянские и других народностей»¹.

Перспективы развития «украинства» автор оценивал достаточно осторожно. Он признавал прорусские симпатии дворянства и цензовых слоев населения на левом берегу Днепра и в Причерноморье. Выход усматривался только в том, чтобы «путем усиленной агитации, а не идей этнографической народности» способствовать «пониманию украинских национальных интересов». При этом Грушевский констатировал, что украинцы оказались явно неподготовленными к переломным событиям в России².

В мае 1905 г. была опубликована еще одна статья – «Конституционный вопрос и украинство в России»³. Рассматривая содержательную часть резолюций съезда журналистов и литераторов в Петербурге (5-8 апреля 1905 г.), а также съезда земских деятелей, автор был вынужден констатировать, что интересы Украины как области со своими географическими, экономическими, культурными интересами не нашли отражения в принятых документах. Грушевский упрекал представителей украинской общественности в том, что они, в отличие от поляков, не используют контакты с российскими либеральными кругами⁴.

¹ Грушевський М. Українство и питання дня в Росії. М. Твори: у 50 т. .Т. 1. Львів, 2002. С.208.

² Грушевський М. Твори: у 50 т. Т. 1. Львів, 2002. С. 209.

³ Грушевський М. Конституційне питання і українство в Росії. М. Твори: у 50 т. Т. 1. Львів, 2002. С. 301-312.

⁴ Грушевський, М. Конституційне питання і українство в Росії. С. 308.

Размышляя о перспективах развития российской государственности, Грушевский заявил о себе как о стороннике федерализма. При этом он не упомянул о необходимости предоставления независимости ни Украине, ни Польше, ни Финляндии. Грушевский исходил из необходимости расширить представительство от национальных окраин. Это потребовало бы проведение реформы административно-территориальной системы: введение автономных областей при упразднении губерний, которые «не соответствуют национальному, экономическому, историческому устройству». Использование «мелких земских единиц» всеобщей волости должно было бы укрепить традиции самоуправления, составными элементами которого должны были быть громады (общины), выборные управы более мелких округов (волостей) и управы округов; областные соймы, имевшие право избирать своих представителей в центральный парламент¹.

Рассматривая опыт реализации федеративного государственного устройства, Грушевский отмечал его преимущества: обеспечение свободы культурного и общественного самоопределения, безграничного национального развития, возможность свободно распоряжаться своими местными отношениями... – все то, что предоставляет федеративный путь или широкая автономия»². В многонациональной стране сохранение единства возможно только путем развития в ней внутреннего тяготения, которое может вырасти при убеждении, что принадлежность к государственному союзу даст ощутимые выгоды. Условием решения данной задачи, как полагал Грушевский, могли быть, с одной стороны, усиленная работа над улучшением государственного устройства и хозяйства, его культурных и экономических сил, а с другой – устранение какой-либо эксплуатации и удушение местной – областной и национальной – государственным интересом³. Таким образом, Грушевский не упоминал в своих публицистических статьях о намерении реализовать задачу провозглашения независимости Украины. Однако в современной украинской обществоведческой литературе данное утверждение трактуется как «однобокий взгляд, вырванный из контекста событий начала XX в.».

Насколько соответствует данный вывод конкретным обстоятельствам деятельности Грушевского? На наш взгляд, необходимо исходить из того, что в политических взглядах ученого не было столь четко проявленной определенности, как и в период его деятельности на Украине как

¹ Там же. С. 310-312.

² Грушевський М.С. Единство или распадение России // Украинский вестник. 1906. № 3. С. 145.

³ Там же. С. 151.

главы Центральной Рады. Уместно напомнить мнение историка В.М. Зарубы: «Михаил Сергеевич, наряду с легальными средствами, широко пользовался подпольными приемами откровенной и открытой политической борьбы – организация и создание партий, политизированных движений, организаций, прессы, изданий»¹. Впоследствии, оказавшись в ссылке в Казани, Грушевский в своей переписке с В.И. Вернадским, носившей достаточно откровенный характер, уверял своего корреспондента в том, что он призывал к примирению, к забвению национальной распри ценой элементарнейшей и необходимейшей уступки – введения преподавания на украинском языке в начальной школе². Кроме того, Грушевский доказывал, что он являлся противником австрофильского курса, дорожил тесными связями с Российской Украиной, возлагающей свои надежды на разрешение украинского вопроса в рамках российской государственности, в условиях конституционной жизни России, с отрицанием русофобства и всяких австро- и германофильских выходов³. Однако обстоятельства приглашения Грушевского на львовскую кафедру и поныне вызывают дискуссии. Речь идет об использовании «украинского вопроса» австро-венгерскими политиками в своих целях. Так, в 1909 г. прошедший в Львове «всеукраинский съезд» разработал и представил венскому правительству докладную записку, в которой излагались соображения об отделении малорусской части русского народа Российской империи при посредстве галицийских украинцев. Несколько позднее последовал акт Франца Иосифа II, в котором возвещалось о намерении открыть «украинский» университет, а русское население Галиции было впервые названо украинцами⁴.

Небезынтересно отметить мнение об «украинофильской партии», сторонником которой являлся Грушевский, посланника России в Вене князя Л.П. Урусова: «Партия эта своею деятельностью, направленной на развитие украинской национальности, поддерживает украинское сепаратистское движение в нашей Малороссии. Украинофильская партия – это социал-революционный очаг на нашей границе»⁵.

Собственно, Грушевский, кажется, не переоценивал степень влияния своих сторонников на Украине. Констатируя, что национальный вопрос вообще-то не пользовался симпатиями в прогрессивных кругах великорусского общества, он осуждал безразличие по отношению к данной

¹ Заруба В.М. Михайло Грушевський та Дмитро Багалій // Березиль. 1991. № 9. С. 141-154.

² Вернадський В.І. Листування з українськими вченими. К., 2012. Кн. 2. С. 752.

³ Там же. С. 753.

⁴ Смолін М.Б. Тайны русской истории. М., 2014. С. 297.

⁵ Дискуссия: Как поделить Гоголя? Русская, великорусская и украинская культура в XIX-XX вв. // Украина и Россия: история и образ истории: материалы российско-украинской конф. историков (г. Москва, 3-5 апреля 2008 г.) // URL: <http://www.hist.msu.ru>

проблеме¹. Размышляя о путях решения «украинского вопроса» политической элитой, Грушевский высказал свое понимание проблемы. Особое внимание было уделено аргументации в пользу предоставления правовых гарантий, обеспечения прав «национальным элементам», составлявшим меньшинство населения конкретной территории. При этом серьезную озабоченность вызывала недооценка взаимосвязи национального вопроса с политическими, социальными и экономическими процессами. Принцип национально-территориальной автономии очень остро отстаивался Грушевским: «Старый режим намеревался обеспечить единство государства силой давления; новый должен дать возможный простор развитию народов и областей в государственном единстве; в этом заключается единая гарантия крепкого сохранения этого единства»², – заключал ученый.

Политическая публицистика Грушевского отразила поиски оптимального варианта решения «украинского вопроса» в позднеимперской России. Высказываясь в пользу федеративного государственного устройства и введения культурно-национальной автономии, он не заявлял на данном этапе о необходимости борьбы за независимость Украины. Его знакомство с опытом развития государственности в Австро-Венгерской империи впоследствии стало значимым обстоятельством в продолжении научной и государственной карьеры.

¹ Грушевский М. Национальный вопрос и автономия // Украинский вестник. 1906. № 1. С. 9.

² Там же. С. 16.

ДОКУМЕНТЫ КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В АРХИВАХ ЭМИГРАЦИИ

Декрет от 28 ноября 1917 г. «Об аресте вождей гражданской войны против революции»² объявил конституционно-демократическую партию – «партией врагов народа». В тот же день были арестованы видные деятели партии – члены Учредительного собрания – А.И. Шингарев, Ф.Ф. Кокошкин, кн. П.Д. Долгоруков, гр. С.В. Панина. Террор, последовавший за декретом от 28 ноября 1917 г., в отношении не только лидеров, но и рядовых членов кадетской партии, привел к их отъезду на территории, контролируемые белыми правительствами. Членами Крымского краевого правительства стали В.Д. Набоков, С.С. Крым, М.М. Винавер. В состав Особого комитета и военно-политического центра при генерале Н.Н. Юдениче входил А.В. Карташев, в Финляндии находились П.Б.Струве, Д.Д. Гримм, М.С. Маргулиес и другие члены кадетской партии, товарищем министра внутренних дел в Особом совещании при генерале А.И. Деникине состоял П.П. Гронский, один из организаторов Парижской кадетской группы в 1920 г. После падения белых правительств кадетская партия практически прекратила свое существование в стране.

Политическая эмиграция из Советской России, начавшаяся в результате Октябрьской революции и Гражданской войны, включала в себя наряду с другими и представителей партии народной свободы. По данным, приводимым в литературе, в постреволюционной эмиграции оказалось от 10 до 15 тыс. бывших членов кадетской партии (10-15% от числа членов партии на весну 1917 г.), большая часть их не занималась политической деятельностью за границей³.

Представители кадетской партии для эмиграции выбирали преимущественно европейские страны, где сформировались, во многом и благодаря им, культурные и научные центры Русского Зарубежья – Берлин, Париж, Прага. Лидеры кадетской партии, включая П.Н. Милюкова, А.В. Тыркову-Вильямс, М.И. Ростовцева, эмигрировали в Англию, в надежде получить поддержку английского правительства в борьбе с

¹ Сабенникова Ирина Вячеславовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела архивоведения Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД).

² Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1957. С. 162.

³ Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015.

большевиками. Там же были созданы и первые международные и эмигрантские организации – «Комитет освобождения России».

Члены кадетской партии активно участвовали в создании системы эмигрантского образования, как высшего, так и среднего, в результате чего были созданы Русские народные университеты в Праге, Париже, Берлине, Софии; в деятельности общественных и международных организаций, в признании международной общественностью правового статуса для русских беженцев – Нансеновского паспорта. Во главе крупнейших периодических изданий эмиграции так же стояли лидеры конституционно-демократической партии. Ежедневная газета «Последние новости» выходила с 1920 по 1940 гг. под редакцией П.Н. Милюкова. Другая кадетская газета «Руль», занимавшая более правые позиции, издавалась в Берлине с 1920 по 1931 гг. под редакцией В.Д. Набокова, И.В. Гессена и А.И. Каминки.

Русские историки-эмигранты, члены конституционно-демократической партии (И.М. Гревс, П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер, М.И. Ростовцев и др.) внесли существенный вклад в развитие исторической науки и источниковедения, сохранив преемственность российской научной традиции – концепций, школ и методов исследования. Понимая, что в результате Октябрьской революции 1917 г. произошел разрыв исторических традиций, одну из главных своих задач историки-эмигранты видели в сохранении архивов революции, Гражданской войны и эмиграции и их критическом изучении.

Становление историографии и архивов эмиграции было тесно связано с развитием ее гуманитарной мысли: осознание истории человечества как единого процесса во времени и пространстве рассматривалось в качестве главного объекта исторического познания. У истоков создания наиболее значительного из эмигрантских архивов РЗИА так же стояли представители кадетской партии проф. Н.И. Астров, А.А. Кизеветтер, А.Ф. Изюмов, Е.Ф. Шмурло, И.В. Гессен, С.П. Мельгунов, В.А. Маклаков и др. Архив приобретал не только эмигрантские документы, но и выходившую в разных русских диаспорах периодику, книги, в том числе рукописи, принимал на хранение документы отдельных лиц, проводил необходимую научную экспертизу. В декабре 1945 г. РЗИА был передан в дар Академии Наук СССР¹ и перевезен в СССР.

После Второй мировой войны, в результате расширения социалистической политической системы, возникла повторная эмиграция из стран Восточной Европы и Дальнего Востока в США, где сформирова-

¹ Подробнее см.: Сабенникова И.В., Гентшке В.Л. Зарубежная архивная Россия: география размещения, выявление, публикация источников. М.: Новый хронограф, 2014.

лись наиболее значимые по составу документов российской эмиграции архивные хранилища – Гуверовский институт войны, революции и мира¹, Бахметевский архив², Музей русской культуры при Русском центре в Сан-Франциско.

В настоящее время документы, касающиеся деятельности конституционно-демократической партии, хранятся за рубежом в отдельных архивных фондах, в фондах общественных организаций, дипломатических представительств, а также фондах видных политических деятелей. Часть документального наследия хранится в архивах Великобритании. Отдельный фонд конституционно-демократической партии (Konstitutionno-Demokratische Partei), содержащий протоколы съездов, решения, отчеты, переписку, отражающую деятельность партии в эмиграции за 1920-1924 гг., находится в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете. В том же архиве, но в коллекции Б. Николаевского (USA NC, HIA) Серия № 11 хранятся документы конституционно-демократической партии, включающие деятельность кадетов в период Гражданской войны и эмиграции.

Среди личных фондов членов конституционно-демократической партии в Гуверовском институте можно назвать фонд *Иосифа Владимировича Гессена* – лидера партии кадетов и журналиста. Фонд включает рапорты, письма, листовки, посвященные Белой армии; английские переводы мемуаров Гессена: «В двух веках» («In Two Centuries») и «Закон против самодержавия» («Legality versus Autocracy»). Фонды русских дипломатов членов кадетской партии – В.А. Маклакова и М.Н. Гирса. Фонд *Василия Алексеевича Маклакова* включает переписку, отчеты, дневники, газетные вырезки, посвященные российско-французским отношениям, российской революции и жизни российских эмигрантов во Франции. Среди корреспондентов Маклакова: Б.А. Бахметьев, А.Ф. Керенский, Тыркова-Вильямс, Б.И. Николаевский, Струве, Мельгунов, Милюков, Е.Д. Кускова-Прокопович и др.

Фонд *Михаила Николаевича Гирса* содержит переписку, доклады, телеграммы, посвященные Гражданской войне, Парижской мирной конференции, отношениям Белого движения с союзниками. Имеются депеши дипломатов Белых правительств из различных государств. В качестве микрофильмов документы Гирса были переданы по обмену ГА РФ,

¹ Hoover Institution Archives, Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford University, Palo Alto, California. - Архив Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (Пало-Альто, штат Калифорния).

² Columbia University in the City of New York, Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture - Бахметевский архив российской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете (Нью-Йорк).

микрофильмированные версии документов можно найти в Ф. 10003. Коллекция микрофильмов Гуверовского института войны, революции и мира. (Гирс М.Н. Оп.13.)

В состав фондов Гуверовского института входит фонд *Давида Давидовича Гримма* (USA HIA. Grimm David Davidovich) – члена кадетской партии, юриста, бывшего ректора Петербургского ун-та, члена Государственного Совета, товарища министра образования во Временном правительстве. Фонд Гримма включает разнообразные по видовому составу документы – мемуары, переписку, доклады, печатные материалы, посвященные Гражданской войне и деятельности российской эмиграции в Финляндии.

В Гуверовском институте хранится фонд члена конституционно-демократической партии, известного журналиста, редактора ряда эмигрантских периодических изданий «Голос Минувшего», «Борьба за Россию», «Свободный голос», «Возрождение», автора многочисленных исторических исследований по русской революции, Гражданской войне *Сергея Петровича Мельгунова*. Фонд включает документы за 1918-1933 гг. – сочинения, переписку, доклады, газетные вырезки, посвященные революции 1917 г., Гражданской войне и деятельности советских спецслужб.

Документы Мельгунова так же хранятся и в Бахметевском архиве. 225 коробок с документами – письма, дневник за 1914-1918 гг., печатные материалы, эмигрантские периодические издания, материалы о русских студентах во Франции, письма П.А. Кропоткина и другие материалы.

В Бахметевском архиве – крупнейшем архивохранилище по русской эмиграции, находятся фонды руководителей конституционно-демократической партии, содержащие документы, освещающие ее деятельность в период революции и Гражданской войны. Среди них коллекция документов *Павла Николаевича Милюкова* (P.N. Miliukov Collection), состоящая из 4000 ед. хр., разнообразная по видовому составу входящих в нее документов: переписка с лидерами кадетской партии – В.Д. Набоковым и Н.И. Астровым, с Б.А. Бахметьевым, В.Е. Жаботинским, Ч. Крейном; мемуары Милюкова, его записные книжки. Часть документов Милюкова входит в состав коллекции Николаевского в Гуверовском институте (USA NC, HIA- SERIES NO. 48).

В Бахметевском архиве находится фонд *Михаила Михайловича Федорова* – видного представителя партии кадетов, активно участвовавшего в общественной и политической жизни эмиграции в Париже в межвоенный период, председателя Европейской секции Русского национального союза, вице-президента Русского национального комитета, основателя ряда фон-

дов и организаций в эмиграции. Фонд насчитывает около 8000 ед. хр. В его состав входит переписка, рукописи, тематические дела и печатные материалы, имеющие отношение к деятельности эмигрантских образовательных и политических групп в Европе. Большую часть бумаг составляют документы возглавляемого Федоровым Центральным комитетом по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей, Союза русских студентов во Франции за 1921-1922 гг.; Русского национального комитета, вице-президентом которого был Федоров; издававшегося им журнала «Борьба за Россию» и Комиссии по согласованию деятельности русских организаций, оказывавших помощь безработным, в которой он председательствовал. В каталоге корреспондентов Федорова в фонде представлены А.А. Кизеветтер, С.Л. Франк, С.В. Рахманинов и П.Б. Струве.

В Фонде *Софьи Владимировны Паниной* – члена кадетской партии и известного общественного деятеля, хранится около 5000 ед. хр., большая часть которых посвящена российским эмигрантам в межвоенной Европе, деятельности партии конституционных демократов во время Гражданской войны. Имеется переписка, рукописи, тематические дела, фотографии и печатные материалы. Фонд содержит письма либеральных деятелей: Астрова, Виктора Челищева, Петра Юренева, Александра Кизеветтера, Павла Милюкова, Владимира Д. Набокова, Владимира Оболенского, самой Паниной и Ивана Петрункевича. Также имеются письма Ивана Билибина, Алисы Масарик и Томаша Масарика. Рукописи в основном принадлежат перу Астрова, в том числе мемуары, стихи и лекции. Также имеются мемуары Паниной и панегирики разных людей, посвященные Астрову. Тематические дела за 1917-1920 гг. включают материалы об аресте Паниной большевиками и суде над ней, материалы конференций партии кадетов, протоколы заседаний ЦК кадетской партии и другие документы. К эмигрантскому периоду относятся документы «Русского очага» и других организаций, главным образом, в Чехословакии. Имеются фотографии Астрова, Кизеветтера, Кондакова, Алисы Масарик, Паниной и др. Среди печатных материалов – книги, газетные вырезки и гранки работ Астрова и др.

Фонд *Бориса Эммануиловича Нольде* – юриста, члена партии кадетов, товарища министра иностранных дел Временного правительства, после революции эмигрировавшего во Францию, также хранится в Бахметевском архиве. Нольде был активным участником Русского национального комитета, активно публиковался в период эмиграции, выступая по политическим и историческим вопросам. Его фонд включает авторскую рукопись «Русские вопросы», посвященную внешней политике СССР в исторической перспективе.

Документы другого члена конституционно-демократической партии *Виктора Николаевича Челищева* около 5000 ед. хр. составляют его фонд. Челищев – адвокат, член партии кадетов, входил в правительство генерала Деникина в период Гражданской войны. Фонд включает два экземпляра мемуаров, преимущественно о событиях Гражданской войны.

Интересным по составу документов является фонд *Семьи Родичевых* (RODICHEV FAMILY), содержащий около 12000 ед. хр., преимущественно лидера партии кадетов *Федора Измайловича Родичева*, его жены и дочери.

В составе фонда переписка, рукописи, документы, тематические дела, фотографии, печатные материалы, в основном посвященные послереволюционной эмиграции. Имеется много писем Родичева Ивану и Анастасии Петрункевич, дочери Наталии Герцен. Имеются также письма Родичевым от лидеров партии кадетов: Астрова, И. Гессена, Маклакова, Милюкова, Паниной, Петрункевича. Среди рукописей – мемуары и иные произведения, написанные Федором Родичевым в ссылке. Хранится написанная Александрой Родичевой биография ее отца и материалы, использованные Кермитом МакКензи при подготовке публикации мемуаров Родичева. Тематические дела посвящены Гражданской войне в России, эмиграции, семьям Родичевых и Герценов. Имеются фотографии Родичевых, их друзей и родственников.

Коллекция документов члена конституционно-демократической партии, ректора Московского университета *Михаила Михайловича Новикова* (M.M. Novikov Collection.) хранится также в Бахметевском архиве.

Там же, в Бахметевском архиве, хранится и фонд основателя данного архива, дипломата *Бориса Александровича Бахметева* (Bakhmeteff, Boris Aleksandrovich), включающий документы за 1914-1951 гг., 34000 ед. хр. Фонд содержит переписку, рукописи, документы, тематические папки и печатные материалы. Большая часть документов относится к периоду 1917-1922 гг., в значительной степени это материалы, посвященные Гуманитарному фонду. Каталогизированные материалы включают более 50 писем от Джона Спаргоу, Маклакова, Кусковой, Фредерика Кудера, Г.Е. Львова и М.М. Карповича (письма последнего в основном касались Гуманитарного фонда); также имеются несколько писем Луиса Бранде, Джона Фостера Даллеса, Самуэля Гомперса, полковника Эдварда Хауса, Чарльза Линдберга и Томаша Масарика. Большое число сгруппированных в дела документов – письма главы Русского информационного бюро в Нью-Йорке Аркадия Зака, переписка с Сергеем Угетом и официальные телеграммы за 1917-1922 гг. В фонде хранятся рукописи Бахметева, Спаргоу, Угета и Сергея Прокоповича. Тематические папки в основном содержат документы, относящиеся к периоду Гражданской войны, посвященные Парижской мирной конференции, Гуманитарному

фонду и Советской России начала 1920-х гг. Печатные материалы включают брошюры, журналы и газетные вырезки. Также имеются собранные вместе отчеты различных департаментов российского посольства и миссии с 1917 до начала 1920-х гг.

Фонд другого русского дипломата, члена конституционно-демократической партии *Евгения Васильевича Саблина* разделен – часть документов хранится в Бахметевском архиве, часть в архиве Лидса в Великобритании¹.

В Бахметевском архиве объемный фонд Саблина включает около 24000 ед. хр. В фонде среди других документов имеется официальная входящая и исходящая дипломатическая документация посольства Российской Империи в Лондоне за 1886-1890 гг. и 1919-1922 гг.; письма российских эмигрантов, копии докладов, направленных Саблиным в Совет послов в Париже, за 1922-1937 гг.; переписка, сгруппированная по тематическому принципу.

В архиве Лидса² находится Суб-коллекция семьи Саблиных (Sub-collection Sablin Family. LRA/MS 1285). Коллекция содержит разные виды документов – рукописные материалы; машинописные материалы; печатные материалы; фотографии; негативы; чертежи, объемом около 5950 линейных футов. В составе коллекции среди других хранятся документы, касающиеся деятельности российского посольства в Лондоне.

Там же, в Лидсе хранится отдельная Суб-коллекция (LRA MS 1500), включающая архив Земгора – 600 коробок с рукописями; машинописью; фотографиями. Земско-Городской Комитет помощи российским гражданам за границей (Comite des Zemstvos et Municipalites Russes de Secoure des Citoyens russes a l' etranger) – общественная организация, официально учрежденная в Париже в 1921 г. Председателями РЗГК были Г.Е. Львов, А.И. Коновалов, Н.Д. Авксентьев. Земгор имел филиалы во всех странах проживания российских эмигрантов и вел активную работу по оказанию им разного вида содействия. Значительная часть архива Земгора (Пражский Земгор) была передана в составе РЗИА в 1946 г. в СССР, оставшаяся часть до 1987 г. хранилась в русском доме престарелых на Cormeilles-en-Parisis. В архиве хранятся документы, отражающие все аспекты деятельности Земгора с 1920-х до 1970-х гг. Важную часть архива составляют официальные бумаги Маклакова и документы Совета послов.

¹ Русский архив Бразертонской библиотеки университета г. Лидса (Brotherton Library, University of Leeds).

² Russian Centre Brotherton Library University of Leeds - Русский архив Бразертонской библиотеки университета г. Лидса «Русский архив» (Leeds Russian Archive) входит в состав Бразертонской библиотеки университета г. Лидса (Brotherton Library, University of Leeds)

В Отделе рукописей Британской библиотеки¹ отложились документы корреспондента ведущих английских газет *Гарольда У. Вильямса* (Harold Whitmore Williams) – 41 ед. хр. (Add MS 54436-54476), мужа Тырковой-Вильямс. Среди документов письма и бумаги самого Вильямса и его супруги Ариадны Владимировны, в девичестве Тырковой, посвященные главным образом деятельности Комитета освобождения России (за 1918–1929 гг. и недатированные, на рус., англ., франц., нем. яз.) Часть коллекции составляют машинописные документы, часть – копии.

Документы лидера конституционно-демократической партии, известного историка, члена Российской АН, одного из основателей Комитета Освобождения России, профессора ряда американских университетов *Михаила Ивановича Ростовцева* вошли в коллекцию документов (RL.01112), хранящихся в Библиотеке редких книг и рукописей Дэвида М. Рубинштейна Университета Дьюка². Коллекция составляет 4,5 погонных метра, 2500 ед. хр. Помимо бумаг периода преподавания Ростовцева в Оксфордском университете, университете штата Висконсин и Йельском университетах, в нее входят документы о русских ученых-эмигрантах, стремившихся переехать в США в годы и после Второй мировой войны. Переписку Ростовцева с Э. Джонсоном – директором новой школы социальных исследований, с просьбой последнего помочь идентифицировать беженцев – ученых для должностей профессорско-преподавательского состава в новой школе социальных исследований (Серия «Помощь европейским ученым»). Имеются биографические материалы, фотографии, письма, вырезки из обзоров по социальной и экономической истории.

Документы, отражающие различные аспекты деятельности конституционно-демократической партии и ее активных деятелей, хранятся в различных зарубежных архивах, главным образом, в личных фондах русских эмигрантов – членов кадетской партии, включающих в себя широкий видовой состав документов. Изучение и анализ информации, полученной из разных источников, хранящихся как в личных фондах, так и в фондах эмигрантских организаций помогает дополнить не только историю самой конституционно демократической партии, но сделать более достоверной целостную картину исторической эпохи, в которой формировалась и трансформировалась кадетская партия, понять механизмы ее функционирования, а также мотивацию поведения наиболее активных ее членов. Документы политических деятелей часто оказываются

¹ Британская библиотека политических и экономических наук. Отдел рукописей (Лондон) – British Library of Political and Economic Science. Manuscript Department.

² Библиотека редких книг и рукописей Дэвида М. Рубинштейна – Университет Дьюка. (Дарем, штат Северная Каролина). Duke University. David M. Rubenstein Rare Book and Manuscript Library – Университет Дьюка.

разделенными, хранятся в различных фондах, часто в разных архивах, странах и даже на разных континентах, как правило, в государственных архивах и архивах общественных организаций, библиотеках университетов или частных архивах. Работа по выявлению и собиранию таких материалов трудоемка, но необходима. Одним из этапов данной работы стала подготовка справочника «Зарубежная Россия: Организации российской эмиграции 1917-1939»¹, позволяющего не только составить общее представление о наличии и местонахождении документов российской эмиграции, в том числе освещающих деятельность кадетской партии, но и представить структуру этих исторических источников, их взаимосвязь и видовой состав документов.

¹ Зарубежная Россия: Организации российской эмиграции 1917–1939 : материалы к межархивному справочнику / Сост. и авт. введ. статей и приложений И.В. Сабенникова, В.Л. Гентшке, А.С. Ловцов. М.; Берлин : Директ-Медиа, 2017. 405 с.

ОТ ЛИБЕРАЛИЗМА К КОНСЕРВАТИЗМУ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ А.В. КАРТАШЕВА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Антон Владимирович Карташев известен, прежде всего, как выдающийся богослов, историк русской церкви, последний обер-прокурор Святейшего Синода, министр исповеданий Временного правительства. В годы Гражданской войны он не остался в стороне от политической деятельности, был членом ЦК кадетской партии, активным участником ряда подпольных антисоветских организаций, одним из лидеров Белого движения на Северо-западе России. Эволюция его политических взглядов в этот период является ярким примером столкновения либеральных идеалов с суровой политической практикой.

Карташев вступил в кадетскую партию в июне 1917 г. по, как он сам подчеркивал, «настойчивой просьбе» ее членов «ради выборов в Учредительное собрание, как специалист по церковным вопросам»². В ПНС Карташев стал членом ЦК, войдя в группу В.А. Маклакова, А.С. Изгоева, П.И. Новгородцева, которые возглавляли правое крыло партии. В то же время его никак нельзя отнести к убежденным конституционным демократам. В письме А.В. Тырковой-Вильямс он указывал: «Для меня кадетство никогда не могло быть “мировоззрением”! Моя совесть была лишь в блоке с ним»³. Характерно, что С.Н. Булгаков назвал Карташева, как Новгородцева и П.Б. Струве, «случайными» кадетами, которые «перерастают свой кадетизм»⁴.

В ночь с 25 на 26 октября 1917 г. Карташева арестовали в Зимнем дворце как министра исповеданий вместе с другими членами Временного правительства и отправили в Петропавловскую крепость. После освобождения из заключения в конце января 1918 г. он включился в активную борьбу с большевиками, стал членом нелегального Всероссийского национального центра. О политических взглядах членов этой антибольшевистской организации говорит письмо 16 ее видных деятелей (включая Карташева и Струве) генералу М.В. Алексееву в июне 1918 г. Авто-

¹ Егоров Андрей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета.

² Карташев А.В. Временное правительство и русская церковь // Современные записки. Париж. 1933. № 52. С. 384.

³ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / Сост. Н.И. Канищева. М., 2012. С. 822.

⁴ Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России / Ред.-сост. В.Н. Акулин. Новосибирск, 1991. С. 300.

ры письма полагали, что «историческая Россия должна для своего воссоздания и воссоединения иметь монарха. Но из этого мы не строим себе кумира. Мы полагаем, что для переходного времени нужна сильная власть диктатора, но чтобы эта диктатура была приемлема для беспокорно и подозрительно настроенных масс». Диктатура должна «очистить территорию, установить порядок, подготовить население и дать ему новое основание для выборов в народное собрание, которое и должно установить окончательно форму правления»¹.

В начале 1919 г. Карташев с помощью Национального центра переправился в Финляндию, чтобы оттуда через Прибалтику перебраться на Юг, к А.И. Деникину. Однако после встреч и бесед с местными политическими деятелями и Струве он изменил свое решение и включился в активную работу по объединению русских антибольшевистских сил в Финляндии для организации похода на Петроград. 14 января 1919 г. по инициативе Струве и Карташева в Выборге прошел съезд русских торгово-промышленных деятелей, на котором формально речь шла об избрании общерусского комитета, который финское правительство должно было наделить представительскими правами и консульскими функциями. В реальности же инициаторы съезда, по словам журналиста, видного общественного деятеля Белого движения на Северо-западе России Г.Л. Кирдецова, «имели в виду образование чисто политического органа для осуществления предстоящих общерусских задач»². На съезде Карташева избрали председателем Особого комитета (известен также как Русский комитет и Национальный русский комитет).

Избрание Карташева нельзя назвать случайным – в тот момент он оказался самой значительной политической фигурой в Финляндии, приемлемой как правыми, так и левыми кругами антибольшевистской общественности. Бывший министр Временного правительства, член ЦК кадетской партии, он должен был символизировать, по словам самого Карташева, «нестарорежимный курс»³. Карташев устраивал и монархические круги, поскольку он сохранил в составе комитета некоторых правых деятелей.

Особо важными делами комитета ведали генерал Н.Н. Юденич, его начальник штаба генерал В.Н. Горбатовский и представитель флота контр-адмирал В.К. Пилкин. В их руках было военное управление и отчасти гражданская власть. При Юдениче был организован военно-политический центр во главе с Карташевым, в который вошли правые

¹ Цит. по: Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 513.

² Кирдецов Г.Л. У ворот Петрограда (1919 – 1920). М., 2016. С. 39.

³ Карташев А.В. Северо-Западный фронт ген. Юденича // Россия и славянство. Париж. 1931. 22 августа.

кадеты, представители промышленных кругов и военные. Для того, чтобы не допустить раскола в своих рядах, члены, как Особого комитета, так и военно-политического центра не ставили вопроса о политическом устройстве России после разгрома большевиков. Характерен такой эпизод. В конце марта 1919 г. П.Н. Милюков спросил у прибывшего в Лондон из Финляндии близкого к Особому комитету журналиста А.В. Руманова, как представляют себе Юденич и Карташев будущий политический строй России. Ответ был следующий: «Задания организаций *негативные* (здесь и далее курсив автора – А.Е.): борьба с большевизмом. *Позитивные* задачи не ставились»¹.

Карташев с помощью своих единомышленников в Париже (Струве и др.) и Сибири (В.Н. Пепеляев и др.) активно поддерживал кандидатуру Юденича на пост главнокомандующего Северо-Западной армией. В письме В.Н. Пепеляеву он писал: «Струве и я создали Юденичу репутацию приемлемого для Парижа и Лондона “генерала”», ориентировавшегося на Антанту и признававшего политическую платформу А.В. Колчака. Самого Юденича Карташев оценивал как «по существу правого», но «благоразумного и умеренного», отмежевавшегося от «крайних правых»². В письмах Колчаку и Пепеляеву он подчеркивал, что «по совести и убеждению всеми средствами содействовал созданию авторитета генерала Юденича»³. Карташев призывал оказать Юденичу материальную поддержку и признать его юридически. Наша политическая линия, писал Антон Владимирович, сводится «в общем, к самоутверждению здешней военной политической организации, возглавляемой Юденичем, и к созданию обстановки, логическим выводом из которой будет быстрое и прочное освобождение от ига большевиков Петрограда и всей Северной области»⁴.

Поход на Петроград с территории Финляндии требовал не только привлечения финских войск, но и кардинального решения вопроса о будущем государственном статусе этой недавно образованной страны. В Белом движении существовали различные мнения по поводу независимости Финляндии. Если оказавшиеся в этой стране российские политические деятели, видя реальную расстановку сил, признавали полностью или с оговорками государственное самоопределение Финляндии, то находившиеся в Сибири и Париже лидеры Белого дела (А.В. Колчак,

¹ Дневник П.Н. Милюкова. 1918 – 1921 / Сост. Н.И. Канищева. М., 2004. С. 392.

² Письмо Карташева мин. вн. д. прав. Колчака Пепеляеву // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 143.

³ Цит. по: Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917 – 1920 гг.). М., 1982. С. 229.

⁴ Письмо Карташева мин. вн. д. прав. Колчака Пепеляеву // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 146.

С.Д. Сазонов и др.) не были готовы пойти на «расчленение России». Позиция Карташева по этому вопросу была неоднозначна. Формально и он, и Особый комитет, и Юденич признавали независимость Финляндии, но шли на это, как на большую и несправедливую жертву. Карташев писал Пепеляеву, что купить помощь Финляндии «можно будет лишь ценой невероятно тяжелых уступок, мучительных для национального сознания и нашей совести. И в этом для нас заключается необычайный драматизм нашего положения. С одной стороны, избавление Петрограда и Севера, с другой – ужас согласия на дневной грабеж самых коренных прав России»¹.

1 мая 1919 г. Карташев в «Русской жизни» опубликовал за своей подписью декларацию Особого комитета, в которой говорилось, что «как Комитет, так и отдельные его члены неизменно стояли на принципе признания государственной самостоятельности и независимости Финляндии и невмешательства во внутренние финляндские дела»². Однако Карташев считал, что независимость Финляндии будет нуждаться в санкции Всероссийского Учредительного собрания³. При таком подходе его позиция выглядела лишь как тактический ход, необходимый для получения помощи от Финляндии.

Формально декларация Карташева от 1 мая 1919 г. о признании независимости Финляндии создавала хорошие условия для соглашения с финляндским правительством о поддержке инициатив Белого движения. 2 мая регент Финляндии К.Г. Маннергейм в беседе с В.К. Пилкиным отметил, что теперь, «когда Карташев сделал свою декларацию», положение «находящихся здесь русских» должно измениться в лучшую сторону⁴. В мае 1919 г. Юденич начал переговоры с Маннергеймом о проведении совместной операции по взятию Петрограда, что требовало создания некоего официального органа государственного управления на Северо-западе России. 20 мая Карташев составил проект декларации об образовании Совета, основанного на принципах военной диктатуры, подчиненного Колчаку и имевшего определенную самостоятельность в решении вопросов как местной, так и общегосударственной жизни. 24 мая Юденич утвердил положение о «Политическом совещании при старшем русском военном начальнике Северо-Западного фронта». В состав Политического совещания Юденич назначил 5 человек. Карташев возглавил сношения с иностранными и антибольшевистскими пра-

¹ Там же.

² Карташев А. В редакцию газеты «Русская жизнь» // Русская жизнь. Гельсингфорс, 1919. 1 мая.

³ Кирдецов Г.Л. У ворот Петрограда (1919 – 1920). М., 2016. С. 82.

⁴ Пилкин В.К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918 – 1920. М., 2005. С. 181.

вительствами и с Русским политическим совещанием в Париже. Он занимался также вопросами религии и благотворительности. Впоследствии его избрали заместителем председателя Совещания, а с 3 июля 1919 г. в его ведение перешли печать, информация и агитация¹. Юденич занимался, в основном, военными вопросами, передав решение основных политических задач Карташеву, что позволило Кирдецову с некоторой долей иронии назвать его «душой и мозгом» русского белого дела в Финляндии².

В Гражданской войне агитация и пропаганда играли огромную роль. По мнению современников, Карташев не смог должным образом наладить эту работу, прежде всего, из-за постоянного лавирования между правыми (монархическими) и левыми (демократическими) кругами антибольшевистской общественности. С одной стороны, Карташев создал комиссию по контролю информации во главе с кадетом И.В. Гесенем, неприемлемым для правых из-за своего демократизма (издавал «Речь» с Милюковым) и национальности (еврей), а с другой – поставил во главе газеты «Русская жизнь» консервативно настроенного В.Д. Кузьмина-Караваева, дав ему в помощники монархиста И.И. Тхоржевского³. Конфликты в такой ситуации были неизбежны. 22 июля 1919 г. в «Русской жизни» вышла передовица, посвященная годовщине расстрела Николая II, в которой восхвалялся характер последнего царя⁴. На следующий день на заседании у члена ЦК ПНС Е.И. Кедрина кадеты признали эту статью «крайне вредной» для Белого движения за откровенную проповедь монархических настроений и предложили Карташеву отстранить от руководства газетой Кузьмина-Караваева. Однако, Карташев с этим не согласился, так объяснив свою позицию: «Генералы в восторге от Владимира Дмитриевича и единственный способ борьбы с ним – это написание статей в другом, либеральном направлении»⁵. Буквально через несколько дней Кузьмин-Караваев на заседании Политического совещания заявил, что в освобожденном от большевиков Петрограде не нужно будет никакой печати: «Будет “Правительственный вестник” и это все». Карташев выступил против этого мнения и «замял вопрос»⁶.

Деятельность Карташева в Политическом совещании вызывала неоднозначную, часто негативную, реакцию современников. Государ-

¹ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России (1918 – 1920 гг.). СПб., 1999. С. 225.

² Кирдецов Г.Л. Указ. соч. С. 81.

³ Маргулиес М.С. Год интервенции. Т. 2. Берлин, 1923. С. 127.

⁴ Русская жизнь. Гельсингфорс. 1919. 22 июля.

⁵ Маргулиес М.С. Указ. соч. С. 125.

⁶ Там же. С. 131.

ственный контролер Северо-Западного правительства В.Л. Горн дал нелицеприятную характеристику Антону Владимировичу: «Хитрый, неискренний, он старался каждого покорить своей почти неземной кротостью и елейностью. На вид святоша, он великолепно умел ковать козни за спиной ближайших своих политических противников, но вовсе оказывался никуда не годным, когда приходилось делать практическую политическую работу, разбираться в запросах дня». Горн полагал, что «по общеполитическим вопросам Карташев вел какую-то двойную линию, и часто чрезвычайно было трудно разглядеть его подлинное политическое лицо»¹. Насколько справедливым было это утверждение? Меньшевик (плехановец) Горн представлял левое, демократическое крыло Белого движения на Северо-западе России. Для него, как и для большинства членов созданного в августе 1919 г. Северо-Западного правительства, Карташев казался слишком правым, слишком «реакционным» (хотя его не смешивали с явными черносотенцами типа Н.Е. Маркова 2-го). А для консервативного крыла Белого движения, представленного, прежде всего, Юденичем и его генералами, он казался слишком левым, слишком «либеральным». В такой ситуации фигура Карташева представляла собой политический компромисс между различными антибольшевистскими группировками и вынуждала Антона Владимировича проводить соответствующую компромиссную политику, которая со стороны действительно могла восприниматься как «двойная линия». Однако это не означает, что у Карташева не было четкой политической позиции. Она заключалась в конструировании Белой власти в лице Политического совещания на исключении «партийно-коалиционного представительства (а, следовательно, и зависимости от партий) и на принятии военной диктатуры»².

Естественно, что поддержка Карташевым принципа военной диктатуры отталкивала от него демократическое крыло антибольшевистского движения, а его стремление прописать в программных документах Политического совещания идеи народовластия вызывало неприятие офицерских кругов. В этом смысле показательна судьба составленной Карташевым в начале августа 1919 г. декларации «К населению русской территории Северо-Западного фронта». В ней провозглашался «решительный отказ от возврата к старому режиму», предлагался после разгрома большевиков созыв Всероссийского Учредительного собрания «на началах всеобщего избирательного права», давалась гарантия равенства всех перед законом и соблюдения общегражданских свобод. Внут-

¹ Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров / Под ред. П.Е. Щеголева. Л., 1927. С. 60.

² Карташев А.В. Северо-Западный фронт ген. Юденича // Россия и славянство. Париж. 1931. 22 августа.

ренное управление страной должно было опираться на органы земского и городского самоуправления, земля передавалась «трудящемуся земледельческому населению для закрепления в собственность», интересы рабочего класса защищались специальными законами. Единство России должно было сочетаться с утверждением «за всеми народностями, обитающими на ее исторической территории права развивать свою национально-культурную жизнь» в формах самостоятельности, соответствующих их вкладу в борьбу с большевизмом¹. Консервативно настроенный Юденич отказался подписать эту декларацию, предлагая ограничиться заявлением о поддержке им программы Колчака².

В частных разговорах с соратниками Карташев не раз высказывался о негативном влиянии правых кругов на политический курс Белого движения. В письме Пепеляеву он отмечал, что «за истекшие пять месяцев пришлось пережить немало волнений и вынести борьбу с крайними правыми, с германофилами и просто интриганам»³. Правые постоянно блокировали попытки Карташева включить в состав Политического совещания демократически настроенных членов кадетской партии, допускали неприемлемые антидемократические и антисемитские высказывания и действия. Карташев в частных разговорах не раз жаловался на самоуправство офицерства, но воздерживался от какой-либо публичной критики в адрес белых генералов.

29 июля 1919 г. находившиеся в Финляндии кадеты провели совещание по вопросу: «работать ли с Юденичем, принимая на себя, таким образом, ответственность за кровопролитие, которое неизбежно последует за взятием Петрограда, или отойти в сторону и даже бороться с черносотенством, окружающим Юденича, а, следовательно, и с ним самим». И.В. Гессен предложил «отмежеваться от Юденича теперь же, чтобы не нести ответственности за неизбежные неистовства военных». Однако под воздействием Карташева было признано «необходимым работать, ибо борьба с реакцией, после взятия Петрограда, будет легче, если она будет исходить из круга ближайших сотрудников Юденича»⁴. Позднее, в эмиграции, Карташев так охарактеризовал свою позицию: «Я сам, будучи политическим сотрудником ген. Юденича, при разности моего политического воспитания и политической идеологии, был своего рода оппозицией ген. Юденичу. Но это была «оппозиция Его Величе-

¹ Образование Северо-Западного правительства. Объяснения членов Политического совещания при главнокомандующем Северо-Западного фронта В.Д. Кузьмина-Караваева, А.В. Карташева и М.Н. Суворова. Гельсингфорс, 1919. С. 45-46.

² Маргулиес М.С. Указ. соч. С. 186.

³ Письмо Карташева мин. вн. д. прав. Колчака Пепеляеву // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 143.

⁴ Маргулиес М.С. Указ. соч. С. 142-143.

ства», оппозиция дружеская и спасающая, а не враждебная и низвергающая»¹.

В условиях Гражданской войны для политического лидера были очень важны твердость характера, волевые, бойцовские качества, чем Карташев не отличался. Показательны его слова, сказанные в конце июля 1919 г. своим соратникам о том, что «он человек слабый, бороться не умеет (лимфатик, плохое кровообращение, резко выраженный артрит), а в Совещании ему приходится бороться совершенно одному, без поддержки с чьей бы то ни было стороны. У него, Карташева, уже два раза было поползновение убежать под предлогом привоза из Парижа новых людей, но сегодня он чувствует себя бодрее и как будто готов продолжать борьбу»². Кадеты настаивали на том, что он не имеет права уезжать, поскольку «на нем одном покоятся все надежды умеренных элементов», и Карташев это обещал. В.К. Пилкин охарактеризовал Карташева: «благороднейший человек, но “трость ветром колеблемая”»³.

Отсутствие волевых качеств дополнялось религиозным мирозерцанием Карташева, которое зачастую играло с ним злую шутку – вместо решения конкретных дел, он углублялся в отвлеченные размышления историсофского толка. Представительница русской общественности в Финляндии М.К. Рейтерн жаловалась Пилкину, что Карташев, «когда бывает по делам русских у Маннергейма, забывает об этих делах и говорит Маннергейму об образах, соборах и т.п.»⁴. Струве в письмах Тырковой-Вильямс с сожалением отмечал сумбурность Карташева в решении практических дел⁵.

В августе 1919 г. наступление Юденича на Петроград было остановлено. Тогда англичане решили заменить слишком откровенную диктатуру Юденича новым демократическим правительством. 9 августа заместитель начальника британской военной миссии на Балтике бригадный генерал Ф.Г. Марш через корреспондента газеты «Times» Поллока сообщил влиятельному общественному деятелю М.С. Маргулиесу о своем желании сформировать вместо Политического совещания новое правительство во главе с Карташевым. Такой выбор, по всей видимости, объяснялся тем, что Антон Владимирович являлся самым «либеральным» деятелем из окружения Юденича, как компромиссная фигура он мог устроить и монархистов, и социалистов. Однако Маргулиес выступил

¹ Карташев А.В. Северо-Западный фронт ген. Юденича // Россия и славянство. Париж. 1931. 22 августа.

² Маргулиес М.С. Указ. соч. С. 142.

³ Пилкин В.К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918 – 1920. М., 2005. С. 146.

⁴ Там же. С. 158.

⁵ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 804.

категорически против такой комбинации, ссылаясь на отсутствие у Карташева волевых качеств и административного опыта, необходимых премьер-министру. Марш согласился с этими доводами – на должность премьера наметили представителя деловых кругов, крупнейшего нефтяного магната России, толкового организатора С.Г. Лианозова, а Карташеву решили предложить явно второстепенный портфель министра культуры¹.

10 августа 1919 г. большинство членов Политического совещания были вызваны в Ревель в английскую военную миссию, где их ждали представители Антанты. Марш произнес короткую речь, в которой указывал на катастрофическое положение на фронте и на необходимость его немедленного изменения. Выход он видел в поддержке со стороны эстонских войск, для чего требовалось признание независимости Эстонии, которое должно было исходить от нового русского правительства. «Русские, – говорил он, – сами ни на чем между собой сговориться не могут. Русские только говорят и спорят. Довольно слов – нужно дело». Марш вручил приглашенным составленный заранее список будущего кабинета и дал им срок – 40 минут – на то, чтобы, не выходя из комнаты, сформировать правительство. В противном случае, заявил он, «мы вас будем бросать»². Оценив подобные действия как «незаслуженный удар по национальному самолюбию и по национальному достоинству», и не соглашаясь с признанием независимости Эстонии, Карташев и ряд его соратников отказались войти в состав сформированного англичанами кабинета³.

Новое Северо-Западное правительство создавалось как коалиционное – с участием эсеров и меньшевиков. Карташев, который своими руками создавал диктатуру Юденича, считал, что «устраивать власть на основах партийной коалиции в период анархии и революции – это государственное преступление». Поэтому он выступал категорически против Северо-Западного правительства, полагая, что оно «должно умереть у ворот Петрограда», а «ошибочное» заявление о признании независимости Эстонии рассматривал как «прямое предательство России»⁴. В Финляндии Карташев организовал «Отделение русского национально-государственного объединения (блока) для Северо-Западного фронта». Программа блока сводилась к непримиримой борьбе с большевизмом,

¹ Маргулиес М.С. Указ. соч. С. 200.

² Образование Северо-Западного правительства. Объяснения членов Политического совещания при главнокомандующем Северо-Западного фронта В.Д. Кузьмина-Караваева, А.В. Карташева и М.Н. Суворова. Гельсингфорс, 1919. С. 5.

³ Там же. С. 10.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 221. Л. 1-2.

признанию военной диктатуры как единственного пути восстановления порядка до Учредительного (Национального) собрания. Такая позиция вызвала как резкую критику Карташева со стороны левого крыла антибольшевистского движения, так и его поддержку со стороны Юденича и всех сторонников военной диктатуры.

Об обострении противоречий между различными кругами антибольшевистского лагеря говорит показательный факт. 22 октября 1919 г. Юденич по представлению Карташева назначил генерала А.А. Гулевича представителем Северо-Западной армии в Финляндии. Вскоре после этого Лианозов и член его правительства Маргулиес организовали раут для финляндского правительства, стремясь заручиться его поддержкой в походе на Петроград. На раут были приглашены и сторонники Юденича, включая его официального представителя. Однако Гулевич и его сторонники не только не пришли на раут, но демонстративно отправились на обед к великому князю Кириллу Владимировичу, явно показывая свои политические симпатии. Это вызвало скандал. Как финны, так и члены Северо-Западного правительства сделали однозначный вывод – в случае победы Юденича «хозяином области, освобожденной от большевиков» окажутся не «демократические слои общества, а реакционное офицерство»¹. В этой связи неудивительна запись в дневнике Маргулиеса: «Карташев – синоним черносотенной диктатуры»².

Осенью 1919 г. Карташев и его соратники делали все возможное, чтобы «упразднить» Северо-Западное правительство до вступления белых в Петроград³, в чем находили полное понимание у Юденича, Сазонова, Колчака. Верховный правитель России не признал коалиционное правительство Лианозова и поддерживал отношения только с Юденичем, который не раз высказывался о необходимости «ликвидировать» правительство и ввести в новый орган власти Карташева. В октябре 1919 г. в письме Колчаку Сазонов предложил отстранить Северо-Западное правительство, передать всю власть Юденичу, придав ему «помощника по гражданской части», на должность которого намечался Карташев. Колчак ответил: «совершенно согласен»⁴. Карташев, получив эти известия, даже стал формировать будущее новое правительство⁵.

¹ Пилкин В.К. Указ. соч. С. 208.

² Маргулиес М.С. Год интервенции. Берлин, 1923. Т. 3. С. 87.

³ П.Н. Милюков подчеркивал, что группа А.В. Карташева «сыграла роковую роль, пытаясь парализовать деятельность левого правительства Юденича» (Милюков П.Н. При свете двух революций // Исторический архив. 1993. № 2. С. 133.).

⁴ Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России // Исторический архив. 1961. № 6. С. 97-98.

⁵ Маргулиес М.С. Год интервенции. Берлин, 1923. Т. 3. С. 67.

Однако все эти планы так и остались нереализованными – им помешала Красная армия.

В середине 1920 г. Карташев перебрался в Париж и активно включился в политическую деятельность по консолидации различных антибольшевистских сил. На заседаниях Парижского комитета ПНС он выступал за продолжение вооруженной борьбы и военную диктатуру, так как считал, что в условиях Гражданской войны «иная власть невозможна»¹.

В годы Гражданской войны многие современники, а за ними и историки, воспринимали Карташева в политическом отношении как типичного кадета, что вполне естественно – он был членом ЦК ПНС. В то же время, его нельзя назвать типичным кадетом. Милюков писал, что демократическая традиция партии народной свободы была «конечно, не такой, как представлял ее себе Карташев»². Пилкин зафиксировал в своем дневнике негативные оценки Карташевым кадетской партии: «Он винит тех, кто очистил поле для генералов, ничего не делает и только критикует. Такова, по его мнению, кадетская партия». Из этих слов Антона Владимировича Пилкин сделал характерное заключение: «Он сам не кадет, хотя и числится в партии»³. Тем не менее, в годы Гражданской войны Карташев прошел путь типичный для многих правых кадетов. В своих взглядах он сдвигался вправо, эволюционируя от христиански окрашенного либерализма к православно-консервативным убеждениям. На встрече в Ревеле 6 июня 1919 г. с представителями русской общественности Антон Владимирович заявил: «Мы уже не те кадеты, которые раз выпустили власть, мы теперь сумеем быть жестокими»⁴. Пилкин так охарактеризовал политические взгляды Карташева в октябре 1919 г.: «Он за военную диктатуру... Он умный человек, но демократ по недоразумению, т.е., в сущности, вовсе не демократ»⁵. В своем дневнике за октябрь 1920 г. Пилкин привел характерный разговор с Карташевым: «“Да ведь вы идеи Победоносцева пропагандируете, Антон Владимирович”, – говорю я ему, когда он начинает утверждать, что народ не может сам решать свою судьбу, а судьбу эту решают за него образованные люди. “А что же такого? – отвечает Антон Владимирович, – все дело в том, как будет решаться эта судьба”. Да, но кто может сказать, что владеет исти-

¹ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: В 6 т. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1996. Т. 4. С. 45.

² Милюков П.Н. При свете двух революций // Исторический архив. 1993. № 2. С. 153.

³ Пилкин В.К. Указ. соч. С. 378.

⁴ Юденич под Петроградом. С. 39.

⁵ Пилкин В.К. Указ. соч. С. 198.

ной! Ведь и Победоносцев, вероятно, считал, что он решает судьбу России наилучшим образом»¹.

Кадетская партия являлась одним из оплотов демократических ценностей, но Карташева в годы Гражданской войны никак нельзя отнести к защитникам этих ценностей. Характерно его выступление 23 июля 1919 г. на кадетском совещании по обсуждению взаимоотношений Белого движения с Антантой. Карташев считал «необходимым “угодить” еще раз Европе принятием ее требований демократических реформ». И.В. Гессен с недоумением спросил, «почему Карташев считает, что демократическая окраска наших попыток возродить Россию есть “угождение” Европе?». Антон Владимирович ответил длинной речью: «Большевизм показатель мучительных исканий народной души; от него не спасут нас ни генералы, ни Европа; нужны какие-то более сильные, новые слова, может быть, более сильные, более разрушительные, чем те, что провозглашали большевики... Ни Колчак, ни Деникин, которого, может быть, ждет та же неудача, что и Колчака, не оздоровят русской души... Нужно что-то новое, что-то сильное, что чувствуется интуицией, но до чего разумом трудно дойти. И потому мелочные требования Запада о представлении нами демократического паспорта, он, Карташев, демократ, считает и глупыми и пошлыми, ибо эти требования непропорциональны тому огромному процессу, что совершается в народной душе»². Неудивительно, что при таких взглядах Карташев воспринимался современниками как «демократ по недоразумению».

Связав свою судьбу с Белым движением, Карташев закрыл глаза на многие его жестокости и антидемократические тенденции, так объяснив свою позицию: «Другой армии, других военных, кроме старорежимных, в природе вещей не было. Нужно было брать их в их реальном существовании, или малодушно, из боязни реакции, отказываться от белой борьбы, к чему последовательно и пришли наши социалисты и “учредители”. “Волков бояться – в лес не ходить”, бояться офицерской правизны – значило просто бояться успеха их оружия... Или надо отринуть вообще принцип вооруженной фронтовой борьбы, или принять ее со всеми ее грубыми и диктаторскими неудобствами и последствиями, лишь бы достичь главной цели»³. Подобная позиция вполне естественно сделала Карташева в эмиграции одним из идеологов принципа «неприимчивости» по отношению к советскому строю.

¹ Там же. С. 381.

² Маргулиес М.С. Год интервенции. Берлин, 1923. Т. 2. С. 123-124.

³ Карташев А.В. Северо-Западный фронт ген. Юденича // Россия и славянство. Париж. 1931. 22 августа.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е.Н. ТРУБЕЦКОГО: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Пристальное внимание к фигуре князя Е.Н. Трубецкого-политика – сравнительно недавнее явление в науке. Классовый подход и антирелигиозные установки, господствовавшие в гуманитарной сфере в советский период, создавали преграды для объективной оценки места ученого в либеральном движении начала XX в.²

Что касается зарубежных исследователей, то Трубецкой интересовал их прежде всего как религиозный философ. Первым, кто в 1990-е гг. вывел «из тени» фигуру Трубецкого-политика, стал швейцарский славист Ж. Нива³. Он предложил при изучении русской литературы не ограничиваться узко-филологическим подходом, а его обращение к опыту Трубецкого как политического активиста, издателя и публициста было глубоко закономерно. Среди «различных умеренных доктрин», влияние которых испытали на себе символисты, профессор Женевского университета выделил разновидность «христианской демократии», душой которой, по утверждению слависта, и был как раз Трубецкой: «Он стоял в "центре" – в России это было ново и смело»⁴. Ж. Нива увидел незаурядность позиции Трубецкого в том, что, отвергая деспотический гнет «формулы», ученый «пытался вдохнуть в русскую политическую жизнь "христианский дух сво-

¹ Хайлова Нина Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

² Тем не менее, о признании масштаба личности Трубецкого свидетельствовало включение статьи о нем в Большую советскую энциклопедию. Трубецкой упоминается в работах советских историков (В.Я. Лаврычев, А.М. Давидович, Н.М. Пирумова, В.И. Старцев, К.Ф. Шацкило и др.), изучавших земско-либеральное движение начала 1900-х гг., а также участие либералов в событиях революции 1905-1907 гг. Среди публикаций советского периода следует особо выделить две работы. Речь идет, прежде всего, о кандидатской диссертации В.М. Шевырина, в которой впервые представлена история Партии мирного обновления (ПМО), одним из лидеров которой был Трубецкой (Шевырин В.М. Партия мирного обновления. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М.: МГУ, 1973). Как редактор главного печатного органа ПМО Е.Н. Трубецкой стал центральным персонажем монографии Н.А. Балашовой, где впервые прослежена судьба «Московского еженедельника» (Балашова Н.А. Российский либерализм начала XX века: крах идей «Московского еженедельника». М.: Изд-во МГУ, 1981).

³ По словам Ж. Нивы, показателем историографической ситуации служили, в частности, следующие факты: «Так, Виктор Леонтович в исследовании о русском либерализме путает братьев Трубецких; историк Ричард Пайпс в замечательной книге о П.Б. Струве, к сожалению, также допускает ошибку, необоснованно приписывая создание «Московского еженедельника» Г.Н. Трубецкому» // Нива Ж. Русский «Ренессанс» и христианский либерализм // Нива Ж. Возвращение в Европу: Статьи о русской литературе / Пер. с фр. Е.Э. Ляминой; предисл. А.Н. Архангельского. М.: Высшая школа, 1999. С. 163-164.

⁴ Нива Ж. Русский «Ренессанс» и христианский либерализм. С. 162.

боды"»¹. Исследуя предпосылки перехода Трубецкого на позицию христианского социального реформаторства («в России необычайно редкую»), европейский исследователь обратился к «Воспоминаниям» своего героя. В результате были определены важнейшие вехи упомянутого процесса: чтение А. Шопенгауэра и Вл. Соловьева; переживания Трубецкого, связанные с Балканской войной 1877-1878 гг.; воздействие В.О. Ключевского и «"великого спора" Ивана Аксакова и Владимира Соловьева», а также изучение «социального учения Платона»².

По словам Ж. Нива, «Московский еженедельник» был «одним из самых ярких явлений, где русская мысль пыталась выработать нечто, что можно назвать либерализмом или либеральным образом мышления». Издание последовательно («бесконечно, из одного номера в другой») боролось с идеей максимализма. Это же настроение, как пишет зарубежный исследователь, объединяло и авторов «Вех» (в том числе сотрудничавших в журнале), которые «хотели изменить направление мысли и жизни»³.

Анализируя своеобразие общественно-политической позиции «Московского еженедельника», Ж. Нива пришел к выводу о том, что «наперекор стихиям, "Московский еженедельник" всеми силами старался удержаться на курсе умеренного реформаторства, вдохновляемого обновленным христианством. ... Примат свободы в политическом устройстве, примат веры в философской системе – вот на что держал курс русский либерал-христианин»⁴.

Возвращаясь к ситуации в отечественной историографии, отметим, что флагманскую роль в открытии Трубецкого-политика для постсоветского читателя сыграл журнал «Новый мир». Под руководством писателя С.П. Залыгина издание выступило в роли одного из форпостов политики гласности. В 1990 г. редакция посчитала статью Трубецкого «О христианском отношении к современным событиям» (1917) созвучной очередному судьбоносному этапу в истории России⁵. Это была «первая ласточка» в возвращении публицистического наследия мыслителя⁶. В 1993

¹ Там же. С. 163.

² Там же. С. 164-166.

³ Нива Ж. Либерализм и русская литература «серебряного века» // Вестник Европы. 2001. Т. 1. С. 199- 200.

⁴ Нива Ж. Русский «Ренессанс» и христианский либерализм С. 168.

⁵ Трубецкой Е.Н. О христианском отношении к современным событиям / вступ. ст. А.А. Носова // Новый мир. 1990. № 7. С 195-198.

⁶ В 1994 г. был переиздан труд Трубецкого «Смысл жизни». В книгу, вышедшую в московском издательстве «Республика», вошли избранные статьи из «Московского еженедельника» и публицистика автора периода Первой мировой войны. Благодаря этой републикации впервые в новейшей истории России были представлены (причем - «из первых уст») политические взгляды Трубецкого.

г. журнал обратился к архивному наследию Трубецкого – его переписке с возлюбленной, меценаткой М.К. Морозовой, которая финансировала деятельность издательства «Путь» и Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева¹. В 1996 г. на страницах «Нового мира» появился отклик на переиздание труда Трубецкого «Мирозозерцание В.С. Соловьева»², важной вехи в разработке концепции «христианской политики». Автором «новомирской» рецензии (А.П. Козыревым) и составителем упомянутого двухтомника (А.А. Носовым) впервые поставлена проблема, вряд ли имеющая однозначное решение: был ли Трубецкой «философом в политике» или «политиком в философии»³. Соглашаясь с мнением О.В. Волобуева, можно признать лишь следующее: Трубецкой по профессии/специальности и призванию был религиозным философом, и только по общественному долгу, ставшему тоже призванием, он стал политиком.

Тогда же, в 1990-е гг., на волне общественного интереса к Трубецкому как видному мыслителю XX в., книжные издательства масштабировали публикацию его научного наследия. В 2000 г. заинтересованному российскому читателю стали доступны воспоминания Трубецкого, ранее вышедшие за границу⁴. Благодаря беспрецедентному публикаторскому проекту «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие» (руководитель проекта – В.В. Шелохаев) появилась возможность рассматривать опыт Трубецкого-политика в широком историческом контексте⁵.

¹ «Наша любовь нужна России...»: Переписка Е.Н. Трубецкого и М.К. Морозовой / сост., публ. и коммент. А.А. Носова // Новый мир. 1993. №№ 9, 10. В публикацию были включены письма 1910-1911 гг. из личного фонда М.К. Морозовой, хранящегося в Отделе рукописей РГБ. В более позднем издании этого источника хронологические рамки переписки были расширены. См.: Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрн и др. / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.И. Кейдана. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

² Трубецкой Е.Н. Мирозозерцание В.С. Соловьева. Т. 1-2. М.: Московский философский фонд; «Медиум», 1995.

³ Козырев Алексей. Философ в политике // Новый мир. 1996. № 3. С. 228-232.

⁴ Трубецкой Е.Н. Из прошлого: Воспоминания. Из путевых заметок беженца / сост. и предисл. С.М. Половинкина. Томск: Водолей, 2000.

⁵ Еще в 1990-е гг. благодаря упомянутым документальным публикациям расширились возможности изучения политической позиции Трубецкого, эволюции его взглядов. См.: Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии, 1905 – середина 1930-х гг.: В 6-ти т. Т. 1: Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии, 1905-1911 гг. / сост., автор предисл. и коммент. Д.Б. Павлов. М.: Прогресс-Академия, 1994; Т. 2. [То же, 1912-1914 гг.]. М.: Там же, 1997; Т. 3. [То же, 1915-1920 гг.]. М.: Там же, 1998; Съезды и конференции Конституционно-демократической партии, 1905-1920 гг. В 3-х т. Т. 1: 1905-1907 гг. / ред.-сост. О.Н. Лежнева. М.: РОССПЭН, 1997; Т. 2: 1908-1914 гг. / сост. Н.И. Канищева. М.: Там же, 2000; Т. 3. Кн. 1: 1915-1917 гг. / сост. О.Н. Лежнева. М.: Там же, 2000; Т. 3. Кн. 2: 1918-1920 гг. / сост. Н.И. Канищева. М.: Там же, 2000;

Новые источники и снятие идеологических барьеров обусловили уже в 1990-е гг. появление еще одного подхода к пониманию места и роли Трубецкого в общественно-политической жизни. Это было связано с обоснованием вывода об особом («срединном») течении в российском либерализме начала XX в., одним из идеологов которого был князь¹. Таким образом, «центристское» положение Трубецкого в «системе координат» российской политической жизни начала XX в. было не только уточнено, но и осмыслено в контексте особого направления в политическом движении – либерального центризма.

«Наброски» к портрету Трубецкого-либерала содержались практически во всех посвященных ученому научных статьях, монографиях, диссертациях², а также текстах, сопровождавших публикацию его трудов³. Среди изданий последнего типа обратим внимание на том, вы-

Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2-х томах. Т. 1: Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905-1907 гг. / сост., автор предисл., введ. и коммент. Д.Б. Павлов. М.: РОССПЭН, 1996. В 2000-е гг. появились новые сборники документов, стимулировавшие исследовательскую мысль. См.: Либеральное движение в России. 1902-1905 гг. / сост. Д.Б. Павлов. М.: РОССПЭН, 2001; Партии демократических реформ, мирного обновления и прогрессистов. Документы и материалы. 1906-1916 гг. / сост., авт. предисл. и коммент. Н.Б. Хайлова. М.: РОССПЭН, 2002; Партии российских промышленников и предпринимателей. Документы и материалы. 1905-1906 гг. / сост. и авт. коммент. В.Ю. Карнишин. М.: РОССПЭН, 2004.

¹ См.: Хайлова Н.Б. Партия демократических реформ. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М.: МГУ, 1994; Она же. Проблема центризма в русском либерализме в начале XX века // Русский либерализм: исторический судьбы и перспективы. Материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1999. С. 293-305.

² См.: Абрамова Л.В. Социально-этическая концепция Е.Н. Трубецкого: Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева, 1997; Бабинина Т.Л. Социально-философские воззрения Е.Н. Трубецкого: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: Рос. гуманитарный ин-т, 1998; Рябова Т.И. Отечественные либералы о самоопределении России в контексте религиозной идеи // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. С. 503-512; Бернацкий Г.Г. Е.Н. Трубецкий: естественное право и религия. СПб.: Изд-во Сев.-Зап. академии гос. службы (СЗАГС), 1999; Амелина Е.М. Общественный идеал в философии всеединства (от Вл.С. Соловьева к С.Л. Франку). М.: К. Разумова, 2000; Голлербах Е.А. К незримому граду: Религ.-филос. группа «Путь» (1910-1919) в поисках новой русской идентичности. СПб.: Алетейя, 2000; Пелевин И.Б. Проблема смысла жизни в философии Е.Н. Трубецкого: Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. М.: МПГУ, 2001; Морозова Я.В. Религиозно-общественные проекты М.К. Морозовой и Е.Н. Трубецкого: историко-философский анализ. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. М.: МГУ, 2008; Половинкин С.М. Князь Е.Н. Трубецкий. Жизненный и творческий путь. М.: Синтаксис, 2010; Идеи Е.Н. Трубецкого и современность: материалы конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Е.Н. Трубецкого, 7-8 октября 2013 года. Новороссийск: ГМУ [Морской гос. ун-т] имени адм. Ф.Ф. Ушакова, 2014 и др.

³ См.: Трубецкой Е.Н. Избранное / авт. послесл. и коммент. В.В. Сапов. М.: Канон+, 1995; Он же. Избранные произведения / авт. вступ. ст. Т.П. Матяш. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998; Он же. Энциклопедия права / авт. вступ. ст. Г.Г. Бернацкий. СПб.: Лань; Сев.-Зап. акад. гос. службы 1998; Половинкин С.М. «Пора начинать Великую Литургию» // Трубецкой Е.Н. Из прошлого: Воспоминания. Из путевых заметок беженца / сост. С.М. Половинкин. Томск: Водолей, 2000; Евлампиев И.И. Философские и правовые воззрения Евгения Трубецкого //

шедший в серии «Библиотека общественной мысли» и включающий в себя основные философские сочинения братьев Трубецких – Евгения и Сергея¹. Самостоятельное научное значение имеет вступительная статья к сборнику. Ее авторы, историки О.В. Волобуев и А.Ю. Морозов, предложили новый, перспективный (достойный монографического воплощения) подход к созданию научно-общественной биографии Трубецкого – путем одновременной «прорисовки» становления и развития двух Личностей, связанных не только родственными, но и духовно-идейными узами. Исследователи акцентируют влияние творческой атмосферы семьи и особенно матери, Софьи Алексеевны, на «кристаллизацию» их базовых ценностей и жизненных установок. Подчеркивается актуальность этого опыта: «Пример братьев Трубецких, в основу которых был заложен прежде всего прочный нравственный фундамент, а уж на его основе осуществлялось (и очень успешно!) умственное развитие, свидетельствует о продуктивности совершенно иной, чем принято сегодня, воспитательной стратегии»².

Авторы статьи, характеризуя источники научных взглядов Евгения и Сергея Трубецких, подспудно дают представление и о путях формирования их политической позиции. Читатель узнает, что в основном интересы юношей лежали в русле немецкой и древнегреческой философских традиций («братья штудировали И. Канта, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, А. Шопенгауэра, а также Платона и Аристотеля»). Б.Н. Чичерин стал для них примером «исключительного душевного благородства», прямоты мысли и слова. Подчеркивается, что самое мощное интеллектуальное и духовное влияние на братьев оказал Вл.С. Соловьев³.

Что касается Е.Н. Трубецкого, то результатом его жизненных впечатлений и научных штудий стало определение понятия «смысл жизни» («смысл как цель»). Это – «поиск Абсолютного смысла (смысла-истины), приобщение к нему». «Каково же содержание этого смысла, то есть в чем истина? Ответ Е.Н. Трубецкого звучит достаточно четко и ясно – в христианском учении», – подчеркивается во вступительной статье⁴. По словам ее авторов, глубокую христианскую интерпретацию получила у Трубецкого и теория государства Платона. «Становится также понятно,

Трубецкой Е.Н. Труды по философии права / сост. И.И. Евлампиев. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та, 2001; и др.

¹ Трубецкой С.Н., Трубецкой Е.Н. Избранное / сост., авторы вступ.ст. и коммент. О.В. Волобуев, А.Ю. Морозов. М.: РОССПЭН, 2010.

² Волобуев О.В., Морозов А.Ю. Сергей Николаевич и Евгений Николаевич Трубецкие // Трубецкой С.Н., Трубецкой Е.Н. Избранное / сост., авторы вступ. ст. и коммент. О.В. Волобуев, А.Ю. Морозов. М.: РОССПЭН, 2010. С. 7.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 37.

почему Е.Н. Трубецкой, при всех его активных занятиях политической деятельностью, не создал собственной политической теории»¹, - резюмируют О.В. Волобуев и А.Ю. Морозов.

Перекидывая «мост» от науки к политике, авторы устанавливают прямую связь между философскими построениями Трубецкого и его государственно-правовыми идеями². При этом в статье содержится уточнение: «Несмотря на столь глубокое влияние христианства на политико-правовые взгляды Е.Н. Трубецкого, он не был, подобно Вл.С. Соловьеву, сторонником теократии и выступал за разграничение социально-политической и религиозно-нравственной сфер общественной жизни»³.

Определяя общественно-политические воззрения братьев Трубецких как консервативный либерализм, Волобуев и Морозов дают собственную трактовку этого понятия – как явления, которое «ориентировано на изменение существующего строя, содержит в своей основе требование глубоких преобразований, но полагает, что проводить их необходимо медленно и постепенно, с учетом складывающейся обстановки»⁴. Авторы предисловия отмечают, что политический идеал Трубецких (конституционная монархия) имел «отчетливо выраженный западнический характер», но в тактическом плане братья занимали «весьма умеренную, консервативную позицию»⁵.

В статье отмечается закономерность «втягивания» Е.Н. Трубецкого в общественно-политическую жизнь в самом начале 1900-х гг. (хотя, в отличие от брата, ему «в силу некоторых особенностей своего характера, видимо, было труднее встать на эту стезю»). Первая публицистическая статья (1904 г.), близость к кружку «Беседа», сотрудничество в газете С.Н. Трубецкого «Московская неделя» («впоследствии Евгений воплотил этот неудавшийся замысел брата в "Московском еженедельнике"») – политическая жизнь Е.Н. Трубецкого, развиваясь крещендо, набрала значительные обороты в период революции 1905-1907 гг. Тогда же состоялось и его партийное самоопределение: ненадолго задержав-

¹ Там же. С. 39.

² По словам О.В. Волобуева и А.Ю. Морозова, в основу правовой теории Трубецкого легли «два основополагающих принципа, которые, по мнению мыслителя, обуславливали развитие права в истории человечества: 1) стремление к максимально возможному воплощению свободы человека; 2) желание реализовать в общественной действительности высший идеал добра. Считая право проявлением Абсолютного на несовершенной ступени человеческого развития, Трубецкой внес заметный вклад в возрождение естественного права в России, в теоретическое обоснование концепции правового государства, прав и свобод личности в государстве» // Там же. С. 39.

³ Там же. С. 39.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ Там же. С. 42-43.

шись в кадетских рядах, «разочарованный стремлением руководства кадетов создать жестко централизованную организацию и недовольный "поклонами влево"», Трубецкой «нашел себя» в Партии мирного обновления (ПМО) и в качестве издателя и редактора «Московского еженедельника», неофициального органа этой партии.

Неудовлетворенный своим первым опытом членства в верхней палате российского парламента, Трубецкой продолжил «мирнообновленческую» линию, участвуя в «экономических беседах», «в ходе которых интеллектуальная и деловая элиты России нащупывали точки соприкосновения и складывалось новое политическое течение – прогрессизм». Одной из значимых площадок, на которых шел этот процесс, являлось и религиозно-философское издательство «Путь», выступавшее под знаменем «религиозности, либерализма и русского национализма». Его идеологом был Трубецкой¹.

Характеризуя всплеск политической деятельности Трубецкого в период Первой мировой войны, Волобуев и Морозов пришли к выводу о том, что, в целом выступления «путейцев» и, прежде всего, эмоциональные речи Трубецкого в Государственном совете, «несомненно, революционизировали общество». Однако и горячо приветствуя Февральскую революцию 1917 г., он (уже в рядах кадетской партии) не изменял «мирнообновленческим» убеждениям². Отсюда – его активное участие в создании Лиги русской культуры, а также в деле возрождения православной церкви. Как показано в статье, верность своим принципам Трубецкой демонстрировал и после Октября 1917 г.

Среди исследователей, целенаправленно занимавшихся в 2000-е гг. воссозданием политической биографии Трубецкого, выделим Н.В. Нехамкину («первопроходца» в этом деле) и Е.С. Досекина³. Если

¹ Там же. С. 24-26.

² О.В. Волобуев и А.Ю. Морозов, отмечая поддержку Трубецким перехода к республиканской форме правления в России после отречения Николая II, подчеркивают, что при этом ученый «не отрекся от своих бывших взглядов на монархию и по-прежнему видел ее существенное преимущество в надклассовости и надпартийности, а также в том, что монархия является носителем идеи государственного единства. Однако это верно лишь относительно "монархии Божьей милостью". В России же рухнула не просто монархия – рухнула идея монархии, и новая монархия, которая может возникнуть в будущем, будет уже не монархией "Божьей милостью", а "монархией волею народа", что неизбежно приведет Россию к "демагогическому цезаризму" и катастрофе. Впрочем, и для республиканской России Е.Н. Трубецкой видел ту же угрозу» // Там же. С. 43.

³ Нехамкина Н.В. Общественно-политическая деятельность и взгляды Е.Н. Трубецкого (1863-1920): Дис. ... канд. ист. наук. Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та (БГУ), 2006; Досекин Е.С. Евгений Николаевич Трубецкой – общественный и политический деятель: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов: Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2013; Он же. Евгений Николаевич Трубецкой – общественный и политический деятель: монография. Самара: Самар. гос. ин-т культуры (СГАКИ), 2014.

Нехамкина сосредоточила внимание, в основном, на взглядах Трубецкого по ряду актуальных вопросов российской «повестки дня», то Досекин заметно продвинулся в изучении темы. Расширив источниковую базу за счет привлечения новых архивных фондов, региональной прессы, он впервые подробно проанализировал ряд сюжетов (в частности, роль Трубецкого в создании партий – кадетской и мирного обновления, его деятельность в Государственном совете и на Всероссийском Поместном Соборе Русской Православной Церкви, политическую позицию в 1917 г. и в период Гражданской войны). Специальное внимание историк уделил публицистике Трубецкого.

И Нехамкина, и Досекин акцентировали «промежуточное» положение в либеральном лагере центрального персонажа своих исследований. Они также отмечают сущностную черту Трубецкого и его соратников-«мирнообновленцев» как либералов-центристов, подчеркивая, что ПМО «твердо стояла на позициях христианской морали и нравственности в политике и не признавала в этом отношении никаких компромиссов, осуждала всякий радикализм»¹. Обращено внимание на консолидаторскую направленность политической деятельности Трубецкого, его роль «миротворца» в либеральном лагере.

Вместе с тем и в работах упомянутых авторов обнаруживаются «отзвуки» традиционных оценочных клише, затрудняющих понимание преимуществ и значимости особого типа публичных деятелей, к которому принадлежал Трубецкий. Это, в частности, касается распространенного мнения о том, что он и его единомышленники не соответствуют параметрам «настоящего политика», а также укоренившегося представления об отсутствии их влияния в обществе и «политическом банкротстве» ПМО, якобы уже к началу работы II Думы². По поводу последнего заметим, что все обстояло «с точностью до наоборот»: развитие ситуации к середине 1907 г. свидетельствовало об отчетливом сохранении тенденции роста активности соратников «мирнообновленцев» на местах, а также упрочении позиций либерального центризма в III и IV Думе, весомой роли лидеров этого течения (в том числе Трубецкого, И.Н. Ефремова и др.) в эволюции прогрессизма³.

В то же время необходимо отдать должное Нехамкиной и Досекину, поскольку, следуя источникам, они сами же в ряде случаев и опроверга-

¹ Нехамкина Н.В. Общественно-политическая деятельность и взгляды Е.Н.Трубецкого. С. 72.

² Там же. С. 73; Досекин Е.С. Евгений Николаевич Трубецкий – общественный и политический деятель: Автореф. ... канд. ист. наук. С. 15.

³ Хайлова Н.Б. Центризм в идеологии и практике российского либерализма в начале XX века. Автореф. дис. ... доктора ист. наук. М.: Издат. центр Ин-та рос. истории РАН, 2021. С. 26-33.

ют некоторые из воспроизводимых ими историографических «штампов». Так, например, Нехамкина приводит факт, противоречащий трактовке Трубецкого как «слабого политика». Она отмечает, что «Московский еженедельник» «был довольно популярен в либеральных кругах и даже идейные противники оценили его влияние»¹. О ценности и востребованности в обществе редкой «породы» политиков, к которой принадлежал Трубецкой, свидетельствует Досекин. В связи с этим он указывает на органичное соединение в личности героя своего исследования религиозного мыслителя и общественно-политического деятеля. Уникальность Трубецкого историк видит «именно в кристальной чистоте помыслов и следовании высшим ценностям». При этом «не отказываясь от убеждений и принципов, Трубецкой как гражданин и политик был готов идти в разных условиях как на открытое противостояние, так и на существенные компромиссы»², – подчеркивает Досекин.

Одним из подтверждений этого заключения может служить отношение Трубецкого и его соратников по ПМО к аграрной реформе П.А. Столыпина. С одной стороны, они поддерживали курс на модернизацию российской деревни, интенсификацию крестьянского хозяйства, образование «могущественного класса крестьян-земледельцев, привязанных к личной земельной собственности». С другой стороны, практическая реализация правительственной политики неизменно вызывала их острую критику. Для «мирнообновленцев» (и других либералов-центристов) был безусловно неприемлем путь насилия, на который встала власть. Странники мирного, правового развития Российского государства, они не могли разделять «антиправовые, революционные» средства преобразований, оправдать их форсированный характер, выступали с предупреждением о недопустимости проведения реформы по одному «шаблону».

«Как бы ни была нам антипатична община, мы все-таки не считаем дозволительным отдать ее на экспроприацию кулакам, ни растаскивать ее крючьями подобно горящему зданию», – разъяснял Трубецкой. Он указывал на «единственно правовой путь ликвидации общины». Это – устранение препятствий к ее естественному саморазложению. При этом Трубецкой подчеркивал, что «упразднение общинной собственности

¹ Нехамкина Н.В. Общественно-политическая деятельность и взгляды Е.Н. Трубецкого. С. 73.

² Досекин Е.С. Евгений Николаевич Трубецкой – общественный и политический деятель: Автореф. ... канд. ист. наук. С. 16, 23.

должно быть предоставлено доброй воле самого собственника, т.е. общины, а не отдельных ее членов»¹.

«Лихорадочная поспешность» издания и реализации указа 9 ноября 1906 г. о разрушении общины трактовалась ими как часть «адского плана»: «Бедное сельское население просто-напросто предоставлено на съедение кулаку; последнему дается взятка с целью расположить его в пользу министерства. Этим министерство пытается нанести удар народному представительству»². Обращая внимание на политическую подоплеку земельной реформы, либералы-центристы зывали к совести творцов и вершителей реформы, заявляли, что «натравливание крестьян друг против друга столь же возмутительно, как и натравливание крестьян против помещиков». Трубецкой не сомневался в том, что если с этой точки зрения сопоставить «русскую реакцию с русской революцией», то вывод будет очевиден: «противники стоят друг друга: людям совести невозможно идти ни с теми, ни с другими»³.

Прогрессисты предрекали неизбежное нарастание «раздражения и смуты» в стране. Трубецкой подверг критике идею Столыпина о том, что «создать гражданина и индивидуального собственника – одно и то же»: «Опасно связывать возрождение русского патриотизма исключительно с ростом класса мелких земельных собственников, который в настоящее время представляется гадательной проблематичной величиной. Патриотизм должен опираться на более широкий фундамент. Нужно признать гражданами не одних только собственников, а всех русских подданных»⁴.

Трубецкой был солидарен с М.М. Ковалевским: для обоих была категорически неприемлема мысль «положить в основу нашего обновления принцип "помогай сильному, оставляй слабого на произвол судьбы"»⁵. Либералы-центристы выступали за справедливое решение аграрного вопроса с учетом позиций и потребностей всех заинтересованных сторон, при верховенстве государственного интереса.

Начиная с середины 1990-х гг., динамика приращения научного знания о Трубецком-политике отражалась в энциклопедиях⁶. В 2014 г. в

¹ Трубецкой Е.Н. К аграрному вопросу // Московский еженедельник. 1908. 16 августа. № 32. Стб. 3–6.

² Трубецкой Е.Н. К вопросу о выборах в Думу // Московский еженедельник. 1906. 2 декабря. № 37. Стб. 10–11.

³ Трубецкой Е.Н. К аграрному вопросу // Московский еженедельник. 1908. 16 августа. № 32. Стб. 6–7.

⁴ Трубецкой Е.Н. Я сам помещик // Московский еженедельник. 1909. 10 октября. № 40. Стб. 1–8.

⁵ Ковалевский М.М. Итоги // Русские ведомости. 1911. 1 января. № 1.

⁶ Политические партии России. Кон. XIX – первая треть XX в.: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1996 (автор статьи о Е.Н. Трубецком – Казакова Н.); Общественная мысль

сборнике статей, посвященном его философскому творчеству, был обобщен в том числе опыт «нравственной политики» ученого¹. Приоритетное значение нравственности в общественно-политических взглядах Трубецкого было подтверждено не только историками и философами, но также юристами. В конце 1990-х гг. на это указал Г.Г. Бернацкий². В 2009 г. первым комплексным историко-теоретическим исследованием правовых и политических взглядов Трубецкого стала кандидатская диссертация Н.А. Овчинниковой³. Был оценен вклад Трубецкого в развитие политико-правовой мысли, обоснован вывод о том, что «беспрецедентное по масштабам и глубине философского осмысления исследование ученым мировоззренческих истоков национального самосознания позволило ему выявить специфику отечественной правовой и политической культуры и обосновать необходимость учета этих особенностей при осуществлении правовых и политических реформ»⁴.

В монографии 2014 г. Овчинникова подчеркнула актуальность философско-правовой концепции Трубецкого для современной науки. В фокусе внимания исследовательницы оказался предложенный им интегральный подход к правопониманию, предполагающий создание новых концепций «на основе диалога всех школ и направлений»⁵. Отметим, что подобный методологический прием осмысления общественных процессов был характерен и для других идеологов либерального центризма (например, Ковалевского).

России XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2005 (авт. ст. – Соловьев К.А.); Государственный совет Российской империи, 1906-1917: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2008 (авт. ст. – А.П. Бородин); Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010 (авт. ст. – Соловьев К.А.); Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2011 (авт. ст. – Хайлова Н.Б.); Россия в 1905-1907 гг.: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2016 (авт. ст. – Соловьев К.А.); Россия в 1917 году: Энциклопедия / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2017 (авт. ст. – Гайда Ф.А.).

¹ В сборник включены как ранее опубликованные, так и новые статьи о Е.Н. Трубецком-политике. См.: Носов А.А. Политик в философии // Евгений Николаевич Трубецкой / под ред. С.М. Половинкина, Т.Г. Щедринной. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 149-162; Половинкин С.М. Нравственная политика кн. Е.Н. Трубецкого // Там же. С. 163-175; Кантор В.К. Евгений Трубецкой: совместимы ли христианская демократия и русская идея равенства? // Там же. С. 176-188; Михайловский А.В. Пещера Фафнира и чудо Пятидесятницы: идея русского мессианизма в политической публицистике кн. Евгения Трубецкого // Там же. С. 189-208.

² См.: Бернацкий Г.Г. Е.Н. Трубецкой: естественное право и религия. СПб.: Изд-во СЗАГС, 1999.

³ Овчинникова Н.А. Правовые и политические взгляды Е.Н. Трубецкого: Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. СПб.: СПб. гос. ун-т, 2009.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ Овчинникова Н.А. Философско-правовая концепция Е.Н. Трубецкого: у истоков интегрального правопонимания: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 4.

Овчинникова оценивает как «поистине парадигмальный» вывод ученого «о праве как догосударственном образовании, имеющем автономные источники своего возникновения и развития»: «Трубецкой предельно ясно демонстрирует то, что право возникает и существует как феномен, ... автономно регулирующий поведение членов социума независимо от наличия внешнего принудительного авторитета», а «государственная власть является производным по отношению к праву социальным феноменом, в то время как право с древнейших времен формируется как универсальная форма социального взаимодействия»¹.

Овчинникова обращает внимание на еще один принципиальный вывод ученого, определивший его общественно-политическую позицию: «В качестве системообразующего начала иерархии правовых ценностей Е.Н. Трубецкой рассматривает человеческую личность, атрибутом которой является разумная свободная целеполагающая воля, выступающая всеобщим масштабом и универсальным критерием расстановки правовых приоритетов... Трубецкой убедительно доказывает, что право является далеко не единственной формой бытия свободы, но представляет собой универсальное средство реализации внутренней духовной сферы свободы личности – в частности, таких ее важнейших аспектов, как религия и нравственность»².

В 2016 г. проблеме нравственности в восприятии российских либералов начала XX в. были посвящены Восьмые «Муромцевские чтения», ежегодно собирающие в Орле специалистов по истории либерализма. Авторы сборника материалов конференции, конечно, не смогли пройти мимо фигуры Трубецкого. Ему уделено внимание в статье Л.Г. Березовой³. Взгляд «мирнообновленца» на проблему соотношения религии и политики представлен В.В. Востриковой⁴. Критикуя идею С.Н. Булгакова о создании партии «Союз христианской политики», Трубецкой подчеркивал «сверхпартийную» сущность религии («на чем могут сойтись различные партии и что должно служить основанием для объединения их

¹ Там же. С. 179. Как отмечает автор, «теоретические выводы Трубецкого относительно природы права и специфики его бытия в социуме подкрепляются солидной аргументацией, представленной в современных исследованиях по юридической антропологии, герменевтике, феноменологии» // Там же. С. 180.

² Там же. С. 181-182.

³ Березовая Л.Г. Этика «любви к дальнему» в либерализме // Нравственные аспекты политической деятельности в теории, программатике, партийной практике и законотворчестве российского либерализма: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 6-8 октября 2016 г. Орел, Орловский гос. Ун-т имени И.С. Тургенева. Орел: Издательский дом «Орлик», 2016. С. 83-92.

⁴ Вострикова В.В. «Есть нравственный уровень, ниже которого цивилизованное правительство не опускается»: либералы начала XX в. о соотношении политики и морали // Нравственные аспекты политической деятельности в теории, программатике, партийной практике и законотворчестве российского либерализма. С. 92-101.

деятельности»). Что же касается тактики, Трубецкой признавал вариативность средств достижения какой-либо политической цели, при том, что эти средства не должны утрачивать своего нравственного характера¹.

Дополнительные «краски» в политический портрет Трубецкого внес протоиерей Ю.И. Митрофанов, исследовавший религиозно-философское мировоззрение ученого². Так, в его деятельности автор видит проявления «своеобразного церковно-общественного культуртрегерства». Это – не только труды Трубецкого по ознакомлению русского («во многом секуляризованного») образованного общества с духовным наследием русской православной культуры, но и участие философа в основании и деятельности в Москве Религиозно-философского общества имени Владимира Соловьева и издательства «Путь», которые стали впоследствии «главными научными центрами по изучению русской и мировой религиозно-философской культуры»³.

В монографии Митрофанова Трубецкой показан как политик, стремившийся к утверждению в политической жизни России «столь не достававшей ей традиции мыслящего и деятельного консерватизма»⁴. Интерес представляет и высокая оценка современным церковным деятелем усилий Трубецкого, направленных на «преодоление различных церковно-канонических несообразностей и религиозно-нравственных недостатков, во многом парализовавших деятельной Русской Православной Церкви в начале XX века»⁵.

¹ Там же. С. 99-100.

² Митрофанов Ю.Н., прот. Князь Евгений Николаевич Трубецкой – философ, богослов, христианин: монография. СПб.: Изд-во СПбПДА, 2018.

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же. С. 8. Представляется, что автору удалось приблизиться к адекватному отражению своеобразия общественно-политической позиции Е.Н. Трубецкого. Заслуживает серьезного внимания также реконструкция христианско-либеральной (либерально-консервативной) традиции в интеллектуальном и политическом пространстве России начала XX в., предпринятая известными российскими учеными-философами А.А. Кара-Мурзой и О.А. Жуковой. На примере героев своего исследования (И.С. Аксаков, М.А. Стахович, В.А. Караулов, П.Б. Струве) они анализируют опыт тех деятелей, для которых, как и для Е.Н. Трубецкого, «эволюционный путь развития России был связан с синтезом русской "самобытности" и европейской "универсальности" в логике обретения свободы лица как основания правового порядка» (Кара-Мурза А.А., Жукова О.А. Свобода и Вера. Христианский либерализм в российской политической культуре. М.: ИФ РАН, 2011. С. 2). В связи с этим отметим излишне категоричные, на наш взгляд, утверждения Е.С. Досекина о том, что Е.Н. Трубецкой выступал за «коренной пересмотр и обновление православной традиции в пользу западного опыта», а «в своей общественно-политической деятельности оказался последовательным сторонником европейского либерализма» // Досекин Е.С. Евгений Николаевич Трубецкой – общественный и политический деятель: Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. С. 23.

⁵ Ю.Н. Митрофанов объясняет активность Е.Н. Трубецкого в этой сфере его убежденностью в том, что для России не существует «возможности духовного развития,

Анализируя обращение Трубецкого в последний период жизни к теме эсхатологического понимания истории, Митрофанов подчеркивает, что «утверждение "близости конца вселенной" звучит у философа как глубоко верующего человека не как "призыв к неделанию"», а, напротив, как призыв "созидать непреходящее и существенное"». Добавим: пример Трубецкого важен еще и тем, что объясняет исток неизбывного исторического оптимизма и ряда других лидеров либерального центризма. В разной степени воцерковленные, некоторые из них, возможно, не осознавая весомой роли религиозных мотивов в своем мировоззрении, непосредственно воплотили эти мотивы в жизни, в том числе общественно-политической деятельности.

Подводя итог обзору мнений исследователей о Трубецком-политике, подчеркнем, что тему никак нельзя считать исчерпанной. Продолжение изучения идей и деятельности Трубецкого (равно как и других либералов-центристов) актуально в контексте дискуссий о путях российской модернизации в XXI в. и утверждения представления об историческом опыте российского либерализма начала XX столетия как ценном наследии отечественной истории и культуры. Среди перспективных научных направлений – изучение регионального аспекта темы; пополнение персональной базы данных представителей «срединного» течения в российском либерализме с целью воссоздания достоверной картины их вклада в разные сферы российской жизни и осмысления реакции современников на их труды; выяснение механизмов политических коммуникаций прогрессистов; анализ опыта либералов-центристов в области заимствования достижений зарубежной науки и практики.

а значит, и исторического спасения за пределами конкретно осуществляющей на земле свое служение Русской православной Церкви». Обращая внимание на впечатляющие внешние проявления его включенности в реформаторский процесс («плодотворная творческая деятельность в Предсоборном Совете, разрабатывавшем проекты решений важнейших вопросов русской церковной жизни для рассмотрения их на Поместном Соборе 1917-18 гг.; участие в руководстве Поместным Собором в должности Товарища Председателя от мирян; многократные, вошедшие в число наиболее выдающихся выступления на Соборе, особенно по вопросам высшего церковного управления; наконец, поистине историческое заявление на Поместном Соборе в феврале 1918 г. о необходимости установления в Русской Церкви института Патриаршего Местоблюстительства, позволившего впоследствии, в условиях многолетней церковной смуты, сохранить в России каноническую церковную иерархию»), автор монографии констатирует: «Так исторически зримо и практически конкретно церковный традиционалист Е.Н. Трубецкой утверждал тот самый апостолат мирян, о котором не переставали размышлять богословствовавшие модернисты XX века, боязливо сторонившиеся "консисторско-приходской прозы" церковно-исторической жизни» // Митрофанов Ю.Н., прот. Князь Евгений Николаевич Трубецкой – философ, богослов, христианин. С. 9.

ЛУКЬЯН МИХАЙЛОВИЧ СОЛОНЕВИЧ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЛИБЕРАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ЗАПАДНОРУССИЗМЕ НАЧАЛА XX в.

Западнорусизм не являлся однородным течением. К его либеральному крылу относились ученые-краеведы, заложившие основы научного изучения истории, языка, литературы и географии белорусских земель (А.П. Сапунов, Е.Ф. Карский, А.И. Миловидов, Д.И. Довгялло и др.). Исследование деятельности Л.М. Солоневича позволяет рассматривать его как одного из самых значимых и влиятельных представителей умеренно либерального направления в западнорусском движении конца XIX – начала XX вв.

В историографии личность Солоневича получила противоречивые оценки. Для его оппонента А.И. Цвикевича, написавшего политически мотивированные очерки ««Западно-русизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в.», Лукьян Михайлович являлся идейным вождем кулацкой прослойки в белорусской деревне, монархически настроенной, противопоставлявший «борцам» за белорусский народ в лице деятелей круга «Нашай Нівы»². Точка зрения Цвикевича затем перекочевала в советскую историографию. В постсоветский период для значительной части белорусских историков Солоневич так и остался, по сути, врагом «настоящего» белорусского национального движения, представленного только одной его линией, связанной с деятельностью Белорусской социалистической громады, «Нашай Нівы», партий и организаций наследовавшим им после 1917 г.³ Только в немногих работах дается скорее положительная оценка деятельности Солоневича, как одного из наиболее значимых представителей белорусской исторической мысли, общественного деятеля, сделавшего очень много для политического пробуждения белорусского общества, одного из влиятельнейших деятелей западнорусизма⁴. Для российских и зарубежных исследователей Солоневич интересен, как правило, в

¹ Лавринович Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, первый проректор УО «МГУ им. А.А. Кулешова» (Могилев, Республика Беларусь).

² Цвікевіч А. «Западно-русизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. Мінск, 1993. 352 с.

³ Забаўскі М.М. Беларускае таварыства // Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Мінск, 1993. Т. 1. С. 359.

⁴ Черепица В. Н. «Да будет услышан на Родине...» // Черепица В. Н. Преодоление времени: Исторические очерки и миниатюры. Минск, 1996. С. 37-73; Метелица К. Протеже Столыпина. Жизнь Лукьяна Солоневича // Вместе с Россией. Сайт общественных организаций российских соотечественников в Республике Беларусь [Электронный ресурс] 2021 // URL: http://ross-bel.ru/analitika-portala-vmeste-s-rossiey/news_post/killir-metelitsa-protezhe-stolypina-zhizn-lukyana-solonevicha (Дата обращения: 14.07.2021).

качестве отца двух известных деятелей российской эмиграции Ивана и Бориса Солоневичей⁵.

Лукьян Михайлович Солоневич родился в крестьянской семье православного вероисповедания в деревне Новоселки Гродненской губернии 8 (24) октября 1866 г. Отец его, Михаил Солоневич, выбился в сельские священники, но материальных достаток семьи был небольшим. С детства его сыну приходилось помогать семье, подрабатывая свинопасом. Способный и трудолюбивый мальчик смог поступить и окончить в 1886 г. Свислочскую учительскую семинарию. После этого Солоневич работал учителем в Цехановецком народном училище Бельского уезда, в Кабанском и Байковском народных училищах Пружанского уезда⁶. Лукьян Михайлович занимался самообразованием, мог говорить на 3 – 4 иностранных языках. С 1890 г. он занялся журналистикой, сотрудничал с газетой «Гродненские губернские ведомости», публикуя очерки о проблемах народного образования, сельского хозяйства, здравоохранения. Стал одним из инициаторов движения за трезвость в Гродненской губернии⁷. В марте 1899 г. Солоневич переходит на государственную службу, будучи назначен на должность бухгалтера Гродненской губернской комиссии народного продовольствия⁸.

Лукьян Михайлович обзавелся семьей. В первый раз он женился еще будучи учителем. Его избранницей стала дочь священника Юлия Викентьевна Ярушевич. В браке родилось дети: Иван (1891 – 1953), Всеволод (1895 – 1920), Борис (1898 - 1989). Но в скором времени семья распалась, хотя Солоневич не стал оформлять развод до смерти Ярушевич в 1915 г. Второй раз он фактически женился в возрасте около 40 лет. Его жену звали Надежда Александровна (к сожалению, ее девичья фамилия неизвестна). Во втором браке родилось четверо детей: Евгений (1905 – 1938), Софья (1909 – 1973), Зинаида (1915 – 2007), Любовь (1920 – 1996)⁹. Большая семья подталкивала Солоневича к активной деятельности, продвижению по карьерной лестнице. Со временем старшие сыновья Лукьяна Михайловича стали его помощниками в его журналистской и общественной работе.

⁵ Воронин И.П. Гражданин империи. Очерк жизни и творчества Ивана Лукьяновича Солоневича / Под ред. М.Б. Смолина. М., 2013. 495 с.; Никандров Н. Иван Солоневич: народный монархист / Под ред. В.Г. Манягина. М., 2007. 672 с.

⁶ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) в Гродно. Фонд 2. Оп. 37. Д. 1455. Л. 1, 2.

⁷ Черепица В.Н. Указ. соч.

⁸ НИАБ в Гродно. Фонд 2. Оп. 37. Д. 1455. Л. 1, 2.

⁹ Воронин И.П. Указ. соч.; Солоневич, В. Судьба Солоневичей / В. Солоневич // «Наша страна». – 2000. – 23 декабря. – С. 3 [Электронный ресурс] – 2021 – Режим доступа: // <http://bespredelbel.narod.ru/vlad.htm> – (Дата обращения: 14.07.2021).

В 1901 г. Лукьян Михайлович подготовил крупное исследование по истории Гродненской губернии¹⁰. По сути, он разработал собственную концепцию истории белорусских земель, которая, затем легла в основу его политической деятельности. В древнерусский период, по его мнению, белорусы подобно другим славянским племенам развивались самостоятельно и независимо¹¹. В XIII в. западнорусские земли были включены в состав Великого княжества Литовского (ВКЛ). Однако поскольку древнерусское население превосходило литовцев не только численностью, но и культурой, оно сохранило полную свободу вероисповедания и традиции общественной жизни, древнерусский же язык (старобелорусский) стал государственным языком ВКЛ. Крайне негативно Солоневич оценивал Кревскую унию 1385 г. Польша рассматривалась как государство враждебное восточным славянам, откуда вышли социальные институты, значительно ухудшившие положение населения ВКЛ. «Особенности общественно-политического строя польского государства – латинство, крепостничество, шляхетство, самовластие и бесчинства вельмож – были чужды русскому человеку, тогда еще не знавшему ни крепостничества, ни шляхетства, ни бесправия, в котором находились низшие классы общества в Польше», – считал Солоневич¹². Он отказывал польской культуре в почвенности, рассматривая ее в качестве кальки феодального строя соседних западноевропейских государств. «...Усвоив верхушки европейской цивилизации поляки не сумели пойти дальше... согласить усвоенного с теми славянскими началами, которые выработаны были собственным народом», – писал Солоневич¹³. По его мнению, князь ВКЛ приняв католицизм, усваивали польскую культуру и язык. Их примеру последовало и дворянство, постепенно терявшее связь с народом, и более того, становящееся во враждебное отношение ко всему русскому, православному. Кроме того, после унии на территории ВКЛ появились и собственно польская помещицья «олигархия». «Она захватила в свои руки все белорусские земли и водворилась на них в качестве правящего рабовладельческого класса, она постепенно привила рабовладельческие инстинкты и передовым слоям белорусской и литовской народностей и эти слои... оказались навсегда отрезанными от своего народа», – писал позднее Солоневич в статье «К белорусской интеллигенции», опубликованной в газете «Белорусская жизнь» в 1909 г.¹⁴

¹⁰ Солоневич Л.М. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования, 1802 – 1902. Гродно, 1901. 106 с.

¹¹ К белорусской интеллигенции // «Белорусская жизнь». 1909. 9 февраля. С. 1.

¹² Солоневич Л.М. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования, 1802 – 1902. С. 8.

¹³ Там же. С. 10.

¹⁴ К белорусской интеллигенции // «Белорусская жизнь». 1909. 9 февраля. С. 1.

Лукьян Михайлович считал, что белорусы лишились своей социальной верхушки, сделавшись сугубо крестьянским народом. Он весьма мрачными красками рисовал жизнь простых белорусов во времена Речи Посполитой, изображал их забитыми и угнетаемыми, с одной стороны, шляхтой, с другой, – евреями-предпринимателями. «Буйное и своевольное шляхетство в союзе с еврейской народностью, задавило свой народ еще в колыбели его развития и довело его до такой нищеты и умственного убожества, при которых он во все время существования Польши [*Речи Посполитой*. – Д.Л.] не принимал и не мог принимать активного участия в ее исторической жизни...», – утверждал Л.М. Солоневич¹⁵. Очень резко он отзывался и о Брестской церковной унии 1595 г., оценивая униатскую церковь в качестве переходного звена от православия к католицизму. Последний же рассматривался как главный инструмент ополячивания белорусов. «Польская культура и польское национальное самосознание могло двигаться только за католицизмом. Вне католичества, в обход католичества не было путей для полонизации», – считал Солоневич¹⁶.

По его мнению, не улучшилось положение белорусов и после разделов Речи Посполитой, т.к. сохранили силу законы и обычаи предшествующего времени. Солоневич полагал, что вначале условия жизни белорусского населения даже ухудшились. В частности, он писал: «...русское законодательство никогда не создавало для крепостных великорусских губерний такого положения, какое создано было для крепостных западной окраины литовским статутom, польским законодательством и шляхетскими привилегиями»¹⁷. К полонизации добавилась политика обрусительства, которую проводили русские чиновники и дворяне, направлявшиеся царским правительством в западные губернии защищать «русское дело». «Русским панам хотелось выжить отсюда панов польских, но не для того, чтобы облегчить положение нашего народа, а для того, чтобы самим сесть на место своих предшественников и владеть и править белорусами на прежних основаниях», – позже утверждал Солоневич в передовой статье «Белорусской жизни»¹⁸. Он резко критиковал крепостничество.

¹⁵ Солоневич Л.М. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования, 1802 – 1902. С. 14.

¹⁶ Солоневич Л. Новая роль польской женщины в Белоруссии и Литве. б/м, 1910. С. 28.

¹⁷ Солоневич Л.М. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования, 1802 – 1902. С. 58.

¹⁸ К белорусской интеллигенции // «Белорусская жизнь». 1909. 9 февраля. С. 1.

Постепенное изменение политики царского правительства к бывшим землям Речи Посполитой Солоневич связывал с реакцией на польское восстание 1830 – 1831 гг. Правда, не все действия властей получили положительную оценку. Лукьян Михайлович негативно относился к передаче конфискованных повстанцев земель, населенных белорусскими крестьянами, в руки других помещиков. «Когда во время польских восстаний конфисковались имения польских помещиков, то их отдавали не белорусским крестьянам, которым земли эти принадлежали по исконному праву коренных жителей страны, а отдавали русским чиновникам, немцам, французам, татарам и вообще всякому сброду, но только не тем, чьи предки жили на этой земле и работали на ней», – сокрушался он на страницах «Белорусской жизни» по поводу «расхищения» национального достояния белорусов¹⁹.

Решительный поворот в политике царских властей по отношению к Северо-Западному краю Солоневич связывал с отменой крепостного права и подавлением польского восстания 1863 – 1864 гг. Последнее рассматривалось как чисто шляхетское, хотя Солоневич считал К. Калиновского демократом, подчеркивал, что тот выступал за бесплатное наделение крестьян помещичьими землями. В то же время, Солоневич справедливо полагал, что позиция Калиновского была исключительным явлением, не характерным в целом для шляхетского лагеря. В частности, он писал: «Мечтания красных о наделении крестьян землею и общем равеннии было исключением и не разделялось большинством польского дворянства, которое держалось своих взглядов на крестьян»²⁰. В целом действия правительства после восстания на территории белорусских земель оценивались как положительные, и, прежде всего, за борьбу с полонизацией.

После издания книги «Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования. 1802 – 1902», во время управления губернией П.А. Столыпина карьера Солоневича пошла вверх. В 1902 г. Солоневич исполнял обязанности секретаря губернского статистического комитета, в 1903 г. был зачислен в штат губернского правления, а в 1904 г. назначен временным исполняющим обязанности секретаря Гродненского губернского по городским делам присутствия. 16 сентября 1907 года за выслугу лет он был произведен в коллежские регистраторы²¹.

Столыпин ценил Солоневича как опытного сотрудника, выходца из крестьянской среды, хорошо знавшего жизнь простого народа.

¹⁹ Там же.

²⁰ Солоневич Л.М. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования, 1802 – 1902. С. 72.

²¹ НИАБ в Гродно. Ф. 2. Оп. 37. Д. 1455. Л. 2, 3.

Лукьян Михайлович поддерживал действия гродненского губернатора, направленные на улучшение положения сельского населения. Но по своим убеждениям он был умеренным либералом и позволял себе иногда критику власти, особенно когда дело касалось нерасторопности и бездарности местных чиновников²².

Помимо государственной, журналистской и литературной работы, Солоневич занимался активной общественной деятельностью, будучи членом и секретарем Общества взаимного вспомоществования учащихся и учителей народных училищ, членом ревизионной комиссии собрания гродненских чиновников, членом Гродненского церковно-археологического комитета и местного православного Софийского братства²³.

С началом Первой российской революции общественная деятельность Солоневича становится еще активнее. В начале 1905 г. он был на стороне бастовавших гродненских гимназистов, среди которых был и его старший сын Иван. Последнего даже пришлось забрать из гимназии. Но, как вспоминал позднее И.Л. Солоневич, причины данного поступка были чисто финансовые: «Я вышел из третьего класса гимназии отчасти потому, что финансовые дела моего отца были в те времена совсем окаянными, а главным образом потому, что гимназической рутины я переварить не мог. Это стоило больших семейных драм»²⁴.

Солоневич резко критиковал гродненских чиновников за антисемитские настроения. Черносотенцы угрожали ему смертью. На почве отношения к «еврейскому вопросу» Солоневич даже конфликтовал с другим известным деятелем западнорусизма В.К. Стукаличем²⁵. Лукьян Михайлович не вступил в проправительственные «Союз 17 октября» и Партию правового порядка, в которые записалось большинство местных чиновников²⁶. По своим политическим взглядам в 1905 – 1907 гг. он был левее октябристов, но и к конституционным демократам он не примкнул.

В 1907 г. Солоневича переводят в Ковно, где несколько месяцев он служит младшим помощником правителя канцелярии ковенского губернатора²⁷. В 1908 г. Лукьян Михайлович переезжает в Вильно и попадает под влияние близкого по духу октябристам местного общества «Крестьянин», созданного в начале 1906 г. и издававшего одноименный журнал. «Крестьянин» поддерживали зажиточные крестьяне, чиновники, православное духовенство, часть интеллигенции.

²² Там же. Л. 2.

²³ Черепица В.Н. Указ. соч.

²⁴ Воронин И.П. Указ. соч. С. 21.

²⁵ Отдел рукописей РНБ. Ф. 1072. Том 3. Л. 12 об.

²⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 115. Оп. 1. Д. 63. Л. 2 об.; Государственный архив Витебской области. Ф. 967. Оп. 2. Д. 1. Л. 7 об., 8.

²⁷ Воронин И.П. Указ. соч. С. 20.

Численность организации составляла около тысячи человек. Делами «Крестьянина» заведовал Центральный комитет. Его председателем был преподаватель Виленской первой гимназии С.А. Ковалюк, выходец из крестьянского сословия, заместителем председателя – преподаватель местного реального училища А.С. Вруцевич, бывший сыном священника. Вначале они планировали распространить деятельность организации на все губернии Северо-Западного края²⁸, но фактически вся работа сосредоточилась в Вильно.

Главными в деятельности «Крестьянина» были аграрный и национальный вопросы. Общество выступало против социалистических идей, все надежды по решению земельных проблем связывались с монархом. Редакция журнала от имени крестьян заявляла, что они желают только земли, а не воли. В то же время допускалось увеличение крестьянского землевладения за счет принудительного отчуждения части земель польских помещиков, предполагалось ликвидировать сервитуты, уравнивать натуральные и государственные повинности крестьян и помещиков, ввести всеобщее бесплатное начальное образование, организовать мелкий кредит для крестьян и ссудо-сберегательные товарищества²⁹. В национальном вопросе Ковалюк, Вруцевич и их сторонники сосредоточили свои усилия на борьбе с польским и еврейским «засильем» в крае.

В течение 1906–1911 гг. происходит эволюция «Крестьянина» вправо. В конечном итоге данное общество стало филиалом Всероссийского национального союза, а Ковалюк возглавил его отдел в Вильно³⁰.

Либерально настроенная часть членов организации, в основном из демократических городских слоев, решила создать собственное объединение – «Белорусское общество». Одним из инициаторов образования новой организации, а затем и ее лидером стал Солоневич. Главными органами «Белорусского общества» были общее собрание и Правление. Председателем последнего стал Солоневич, его заместителем – П.В. Коронкевич, секретарем – П.И. Корневский. Все трое на тот момент работали в управлении Полесских железных дорог в Вильно. Политическая платформа «Белорусского общества» была утверждена 21 декабря 1908 г. и опубликована 9 февраля следующего года в пробном номере газеты «Белорусская жизнь». Редакторами номера были Солоневич и Коронкевич, издателем – чиновник контроля Полесских железных дорог А.С. Кудерский.

28 Лавринович Д.С. Деятельность общероссийских либеральных партий на территории Беларуси (1905 – 1918 гг.). Могилев, 2015. С. 202.

29 В обществе «Крестьянин» // Крестьянин. 1907. 3 декабря. С. 735.

30 Библиотека Литовской Академии наук. Ф. 21. Д. 2231. Л. 151.

«Белорусское общество» считало белорусов неотъемлемой частью русского народа: без единения с великороссами в рамках Российского государства, их ждало полное историческое забвение и утрата самоидентификации. Все различия между великороссами и белорусами были различиями внутри одной нации. В частности, Солоневич писал: «...белорусское племя в огромной своей массе – это составная и нераздельная часть русского народа... белорусы, вместе с великороссами и малороссами, составляют один народ, и что народ этот, не смотря на некоторую незначительную разницу в этнографических особенностях составляющих его племен, живет одною жизнью, стремится к одним и тем же национальным целям и, несомненно, пойдет вперед одним и тем же историческим путем»³¹.

Главным препятствием для нормального развития белорусского народа было наличие польского помещного землевладения, проведение со стороны польской земельной и церковной элиты линии на ополячивание белорусов-католиков. Особенную заботу Солоневича вызывали польские «краевцы», продвигавшие принцип политической нации, согласно которому все сознательные «граждане» края составляли одну нацию независимо от своего национального происхождения и вероисповедания. Белорусско-литовский регион (бывшее ВКЛ), по их мнению, должен был получить автономный статус. В его рамках «краевцы» предполагали играть ведущую роль в управлении. В своей деятельности они сотрудничали с российскими либералами, главным образом, Конституционно-демократической партией. Солоневич резко осуждал российских либералов, пытавшихся заигрывать с «краевцами», считая «демократизм» последних наигранным. Он считал, что только ненависть к России приводит польских помещиков в оппозиционный лагерь. Если бы полякам удалось сформировать свое правительство, то тогда, по мнению Солоневича, «в лице польских панов и польского духовенства нашего края мы встретили бы самых непримиримых реакционеров, самых непримиримых врагов всякого прогресса»³². Таким образом, польские помещики и костел, проводившие полонизаторскую политику, выступали главными врагами белорусов. В программе «Белорусского общества» прямо было отмечено, что «национальная борьба в Белоруссии является в то же время и борьбой классовою»³³. В итоге улучшение положения народных масс связывалось с решением польского вопроса – сокращения

31 Солоневич Л. Наше национальное самоопределение и наша позиция в польско-русском вопросе // Белорусская жизнь. 1909. 9 февраля. С. 2.

32 Там же. С. 3.

33 Платформа «Белорусского О-ва» // Белорусская жизнь. 1909. 9 февраля. С. 3.

польского землевладения и расползчиванием костела на территории белорусских земель.

Крайне негативно относясь к полякам в Северо-Западном крае, «Белорусское общество» в то же самое время признавало национальные права поляков в этнографической Польше. Так, Солоневич считал: «Какова бы ни была польская государственность с общей точки зрения, но для поляков она была во всяком случае своею, и польский народ в праве ее оплакивать, вправе желать ее восстановления в будущем»³⁴.

Особое значение «Белорусское общество» придавало реформам в сфере народного образования. Оценивая состояние школьного дела в Беларуси, Солоневич писал: «Возникшая после освобождения [*крестьян*. – Д.Л.] сельская школа приноровлена преимущественно к политическим и общеобразовательным целям и не могла дать крестьянам тех практических знаний, которые так необходимы в сельском хозяйстве»³⁵. Низкий же уровень сельскохозяйственной культуры приводил к бедности населения. Лукьян Михайлович полагал, что начальные школы (народные училища) должны быть приближены к жизни, к реальным потребностям крестьян, давать детям практические навыки. Предполагалось расширить и сеть средних специальных учебных заведений, которые давали подготовку по ведению сельского хозяйства, занятию ремеслами, организации промышленных предприятий и т.п. Городские училища, по его замыслу, необходимо было преобразовать в ремесленные или сельскохозяйственные. «...Они создали бы кадры молодых людей, подготовленных к какому-нибудь практическому делу и весьма возможно, что часть их направилась бы в деревню, где они могли бы поднять сельскохозяйственную культуру и научить нашу деревню обрабатывать землю более усовершенствованными способами», – писала «Белорусская жизнь»³⁶. Ее редакторы предлагали также перенести часть городских учебных заведений в сельскую местность, чтобы сделать среднее и профессиональное образование доступней для основной массы белорусов.

Характерно, что Департамент полиции МВД рассматривал «Белорусское общество» как часть белорусского национального лагеря. Организации типа «Крестьянина», по мнению полицейских аналитиков, относились к русскому лагерю в Вильно, в белорусскую же «партию» включались и «Белорусское общество», и «Наша Ніва», в качестве ее левого крыла. К приверженцам белорусской «партии» относилась «тутэйшая» интеллигенция, мелкое чиновничество, сельские учителя,

34 Солоневич Л. Наше национальное самоопределение и наша позиция в польско-русском вопросе // Белорусская жизнь. 1909. 9 февраля. С. 2.

35 Солоневич Л.М. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования, 1802 – 1902. С. 95.

36 Вильна, 1 апреля // Белорусская жизнь. 1911. 1 апреля. С. 1.

фельдшера, многие волостные писари. «Наружно партия признается национальной (в виду враждебных отношений к полякам и евреям), но по коренным убеждениям она не может быть признана правою, по своим убеждениям это кадеты и трудовики... Партия эта пользуется сочувствием крестьян и по существу имеет характер сепаратистский», – такую обобщенную характеристику давали в МВД и «Белорусскому обществу» и «Нашей Ниве»³⁷. В отличии от «Крестьянина» к «Белорусскому обществу» предпринимались меры репрессивного характера. Так, определением Виленской судебной палаты от 28 апреля 1910 г. было постановлено уничтожить программный номер «Белорусской жизни»³⁸, чтобы воспрепятствовать ее распространению среди белорусского населения.

На политической арене «Белорусское общество» примыкало к партии октябристов. В 1909 г. ЦК «Союза 17 октября» предложил Правлению общества оформить взаимоотношения путем принятия политической платформы октябристов с сохранением полной автономии по белорусским вопросам. 20 сентября общее собрание «Белорусского общества» приняло это предложение и избрало трех делегатов на октябристский съезд³⁹. На съезде, состоявшемся в октябре того же года, Солоневич охарактеризовал царивший, по его мнению, в западных губерниях антагонизм между белорусами, поляками и евреями, и подчеркнул, что только от «Союза 17 октября» население края ждет защиты своих интересов. Он указал, что в задачу октябристов должны войти заботы о поддержке национальных, религиозных и экономических интересов белорусов, т.к. правительственных мероприятий «уже недостаточно». Лишь развитие культуры, с точки зрения Солоневича, могло пробудить национальное самосознание в миллионах белорусского населения⁴⁰.

Для экономического и культурного развития крестьян, по мнению Солоневича, необходимо было ввести на территории белорусских земель выборные земства. В 1909 г. «Белорусским обществом» был разработан собственный проект земской реформы, представленный в Совет министров. В основу земских выборов авторы проекта положили принципы всеобщности и распределения избирателей по куриям в соответствии с имущественным цензом: крупных землевладельцев, мелких землевладельцев и крестьян. При этом предполагалось, что по

37 Лавринович Д.С. Указ. соч. С. 222, 223.

38 НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7966. Л. 80.

39 Что такое «Белорусское Общество?» // Белорусский вестник. 1912. 9 декабря. С. 1.

40 Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: В 2 т. М.: РОССПЭН, 1996 – 2000. Т. 2: Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. 1907 – 1915 гг. 2000. С. 112.

сравнению с нормами 1864 и 1890 гг. избирательный ценз для крупных землевладельцев должен быть понижен в два раза, а крестьянам, имевшим помимо общинной земли собственную, предоставлено право голосовать по всем трем куриям в соответствии с размерами их владений⁴¹. В целом проект отвечал интересам зажиточных слоев белорусской деревни.

Однако правительство Столыпина решило вместо имущественного ценза при распределении избирателей по куриям применить национальный принцип, чтобы закрепить русское (православное) большинство в составе управ и среди вольнонаемных служащих, а также определить ряд должностей, которые могли бы заниматься исключительно русскими (православными). Первоначально правительственный проект «Белорусское общество» восприняло в штыки. Так, Солоневич считал, что система выборов, основанная на национальных куриях, имеет существенные недостатки. «Первенство в подобных случаях всегда достается наиболее непримиримым националистам», – отмечал лидер «Белорусского общества». – «Из поляков пройдут заядливые полонизаторы, из русских – крайние шовинисты-русификаторы». В результате, делал вывод Солоневич, национальная рознь в крае еще более обострится. По его мнению, земство, поддавшись узконациональным тенденциям, повлияет и на начальную школу, т.к. «слишком низок уровень образования в белорусском населении»⁴².

Тем не менее, в марте 1911 г. выборные земские учреждения, в соответствии с проектом Столыпина, были введены в Витебской, Минской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской губерниях. «Белорусское общество» протестовало против решения правительства не создавать выборные земства в Гродненской губернии. «В Западном крае, наконец, вводится долгожданное земство. Но по какому-то странному стечению обстоятельств, Гродненская губерния выделена из этого края и лишена опять на долгие годы тех благ, которые следует ожидать от земства. В Петербурге, да и в центре России, считают эту губернию не то польской, не то литовской», – писалось в открытом письме депутатам III Государственной думы от имени крестьян Гродненской губернии в передовице «Белорусской жизни»⁴³. Солоневич доказывал столичным властям, что называть Гродненскую губернию литовской можно только в историческом смысле, как часть бывшего ВКЛ, население же ее в основном

41 Что такое «Белорусское Общество?» // «Белорусский вестник». 1912. 9 декабря. С. 1.

42 Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: В 2 т. М.: РОССПЭН, 1996 – 2000. Т. 2: Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. 1907 – 1915 гг. С. 112.

43 Открытое письмо членам Государственной думы // Белорусская жизнь. 1911. 22 марта. С. 1.

белорусское, большей частью православное. Лукьян Михайлович убеждал правительство в благонадежности местных жителей, ссылаясь, в том числе, и на историю края: «В Гродненской губернии нет ни одного города, местечка, села, которые не хранили бы какого-нибудь памятника глубокой старины, крепко связывающего этот край с коренной Россией. В пределах Гродненской губернии живет вся «Черная Русь». Крестьянское население, несмотря на близость к Польше, несмотря на столь недавний гнет «панщины», как нигде предано всему русскому»⁴⁴. Письмо заканчивалось просьбой к депутатам Государственной думы распространить закон о выборном земстве и на Гродненскую губернию.

Большое внимание Солоневич уделял подготовительной работе по выборам земских учреждений. Он видел слабость национальных белорусских сил и ставил вопрос о развитии «культурного земского элемента» из местного населения, привязанного к краю и хорошо его знающего. В этом отношении, он большое значение придавал народным учителям и чиновникам, выходцам из белорусского крестьянства, каким был и сам.

Но уже летом 1911 г. в «Белорусском обществе» наметился раскол. К этому времени стало ясно, что в выборные земства, благодаря поддержке царского правительства, пройдут в основном русские помещики, а не крестьяне. Солоневича это вполне устраивало. На первых порах он допускал доминирование в земствах русских землевладельцев. «Не пристрастие к поместному сословию заставляет нас радоваться преобладанию в наших западных земствах русских помещиков», – писала он на страницах «Белорусской жизни», – «а твердая уверенность, что это единственный путь к подготовке земского элемента из народа... Под руководством русского помещика-земца открывается широкий простор и для деятельности в земствах нашей, демократически настроенной белорусской интеллигенции, которая, мы твердо в этом уверены, была бы отрезана от народа, если бы земства нашего края очутились в руках инородцев, хотя бы и самого прогрессивного направления...»⁴⁵. Позиция Солоневича, однако, не нашла понимания со стороны Коронкевича, которого поддержало большинство членов организации. В итоге, Лукьян Михайлович предпочел выйти из «Белорусского общества» и снова сблизиться с «Крестьянином».

9 августа 1911 г. вышел последний номер «Белорусской жизни», а спустя два дня Солоневич начал издавать собственную газету – «Северо-Западную жизнь», которую иногда ошибочно также считают органом «Белорусского общества». На самом же деле последнее почти на год

44 Там же.

45 Вильна, 31 июля // Белорусская жизнь. 1911. 31 июля. С. 1.

осталось без своей газеты. Впоследствии Солоневич полностью отошел от дел «Белорусского общества» и вступил в партию Всероссийский национальный союз, активным членом которой он оставался и после возвращения в Гродно, а затем и переезда в Минск⁴⁶.

Газета «Северо-Западная жизнь» издавалась в 1911 – 1915 гг. Солоневич, как ее редактор, по-прежнему свою цель видел в защите интересов белорусского населения как самого «слабого в культурном и экономическом отношении» среди народностей края. При этом он оставался убежденным монархистом, сторонником того курса, который ассоциировался с именем Столыпина. Лукьян Михайлович не видел будущего для белорусов вне сильной и неделимой России, полагая, что только целенаправленная государственная поддержка приведет к культурному и экономическому подъему белорусский народ. С этих позиций редактор «Северо-Западной жизни» часто вступал в полемику как с леволиберальной белорусской газетой «Наша Ніва», в том числе и с одним из ее редакторов И.Д. Луцевичем (будущим классиком белорусской литературы Я. Купалой), так и с более умеренной газетой «Белорусский вестник», которую в 1912 – 1913 гг. издавало «Белорусское общество» во главе с бывшим соратником Солоневича –Коронкевичем⁴⁷. Защищая интересы белорусских крестьян, Лукьян Михайлович, как и ранее не стеснялся критиковать чиновников, за что попадал под удары со стороны местных властей. Так, в ноябре 1913 г. он был приговорен к двум месяцам тюремного заключения за «опозорение в печати» деятельности полицейского исправника Симановича. Всего же Солоневич привлекался к судебной ответственности по подобным поводам более десяти раз⁴⁸.

На страницах «Северо-Западной жизни» начал свою журналистскую деятельность и старший сын Лукьяна Михайловича, Иван Солоневич. В 1912 г. при редакции газеты Солоневич совместно с братом Семеном и сыном Иваном основали «Белорусскую историческую библиотеку», предоставив местным белорусам возможность ознакомиться с литературой о прошлом родного края⁴⁹.

В 1915 г. условия Первой мировой войны и превращение Минска в прифронтовой город заставили Солоневича остановить свою издательскую работу. В следующем год он со второй женой и младшими детьми переезжает на Кубань в Екатеринодар. Там его застали события 1917 г. и Гражданская война, связанные с ними голод и разруха. Старшие

46 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 564. Л. 823; Ф. 1719. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

47 Вильна, 9 сентября // Белорусский вестник. 1912. 9 сентября. С. 1; Метелица К. Указ. соч.

48 Метелица К. Указ. соч.

49 Черепица В.Н. Указ. соч.

сыновья от первого брака уже были самостоятельными. Они участвовали в «белом» движении. Всеволода Солоневича, служившего в войсках П.Н. Врангеля, не стало в 1920 г. В том же году от тифа умирает Надежда Александровна Солоневич⁵⁰. Спасаясь от голода и эпидемий, Лукьян Михайлович с младшими детьми перебирается в станицу Лабинскую, где обосновался его брат Степан. Чуть позже он с семьей пешком через перевалы Кавказа перешел в Сочи, где обосновался на некоторое время. В дальнейшем семья Солоневичей еще много раз переезжала, жила Гудауте, Поти, Сухуме и, наконец, Ялте⁵¹.

Солоневич не сидел без дела. Один воспитывая детей, он увлекся научными разработками И.И. Мечникова, посвященными исследованию молочнокислых бактерий. В голодные годы Лукьян Михайлович в домашних условиях смог наладить изготовление молочных продуктов, чем, возможно, спас свою семью от смерти.

После бегства старших сыновей, Ивана и Бориса, принимавших активное участие в гражданской войне на стороне противников большевиков и преследовавшихся советской властью, в 1934 г. за границу, Солоневич как отец «врагов народа» был арестован вместе с младшим сыном Евгением и дочерью Зинаидой. Вначале они полгода находились в тюрьме Симферополя, затем их выслали на 5 лет в Красноярский край в село Балахта. Летом 1936 г. Солоневичей перевели Северо-Енисейский район, где Лукьян Михайлович, несмотря на преклонный возраст, работал мастером эфирного производства в Енисейзолотопродснабе в поселке Соврудник. Немного позже в Восточную Сибирь была сослана и Софья Солоневич⁵². 11 февраля 1938 г. Солоневич был арестован второй раз и обвинен в участии в контрреволюционной повстанческой группе, проведении антисоветской агитации и поддержке связей сыновьями, находившимися за границей. Днем ранее был арестован и Евгений Солоневич. Постановлением тройки УНКВД Красноярского края от 7 мая 1938 г. Солоневичи были приговорены к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 25 мая того же года в Енисейске⁵³.

Л.М. Солоневич был реабилитирован постановлением Президиума Красноярского краевого суда 22 сентября 1956 г., а Е.Л. Солоневич – 22 марта 1958 г.⁵⁴

Лукьян Михайлович Солоневич – выдающийся представитель либерального направления в западной русизме. Выходец из семьи небогатого

50 Солоневич В. Указ. соч.

51 Там же.

52 Солоневич В. Указ. соч.

53 Архивная справка о Солоневиче Л.М. // Красноярское общество «Мемориал» [Электронный ресурс] – 2021 // URL: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/People/Solonevich.htm> (Дата обращения: 14.07.2021).

54 Там же.

сельского священника благодаря своим способностям, упорству и трудолюбию он смог заявить о себе как об одном из лучших исследователей Гродненского края. Его научная и журналистская деятельность были замечены Столыпиным, открывшим перед Солоневичем возможности строительства административной карьеры. Но для Лукьяна Михайловича важнее были интересы простого белорусского народа (крестьян, духовенства, народных учителей и др.), на защиту интересов которого он направил свою активность, став во главе «Белорусского общества» в Вильно. Последнее даже Департаментом полиции МВД рассматривалось как умеренно либеральная часть белорусского национального лагеря, противоположная его радикальной части в лице редакции газеты «Наша Ніва» и ее сторонников. Деятельность «Белорусского общества» можно рассматривать как важную составную часть либерального направления в белорусском национальном движении начала XX в. Помимо активной общественно-политической, издательской и публицистической деятельности («Гродненские губернские ведомости», «Белорусская жизнь», «Северо-Западная жизнь»), Солоневич посвятил себя воспитанию детей, оказал влияние на формирование их мировоззрения, политических взглядов. Его сыновья Иван и Борис стали известными писателями, публицистами и общественными деятелями.

Д.В. Аронов,¹ Кошелева С.В.,² Иванова С.В.³

**ПРОФЕССОР И РЕВОЛЮЦИЯ. С.А. МУРОМЦЕВ И
Г.А. КОЖЕВНИКОВ – МОНЕТА, ПОВИСШАЯ В ВОЗДУХЕ**

«В своей академической деятельности, полагал и полагаю обязанностью профессора передавать предмет с полной научной объективностью, не оскорбляя достоинства кафедры внесением каких-либо тенденций, в чем и заключается подобающее профессору исполнение принятой присяги и соблюдение верности служебному долгу»

С.А. Муромцев

«В строго научной форме и с чисто научными целями в университетской кафедре могут быть высказываемы любые взгляды, и никакой опеки, никакого контроля тут быть не должно»

Г.А. Кожевников

Одной их проблем, которую с неизбежностью ставит перед каждым, хоть сколь-нибудь политически активным индивидом эпоха социальных трансформаций социально-политической жизни общества, это проблема выбора. Выбора между личной выгодой и общественным благом, выбором между долгом, обязанностью перед самыми разными людьми и обстоятельствами. В отечественной истории таких ситуаций было не мало, но действительно массовыми, переходящими на уровень вопросов, встающих перед целыми слоями общества, они становятся, полагаем, начиная со времени, которое предшествует эпохе «Великих реформ». В еще более масштабном виде проблема выбора встает в начале XX в. Именно в этот период одним из центров социальной активности становятся учебные заведения и, прежде всего, университеты. Поиск ответа на вопрос с кем вы, деятели науки, из некоей теоретической конструкции перетек в плоскость принятия решения. Причём решения личного, глубоко продуманного, диктуемого не сиюминутным настроением, а глубинными, сущностными основами личности.

От, пусть условно комфортной ситуации, которую описал И.М. Губерман в строках: «Как сладки разговоры о Голгофе / За рюмкой

¹ Аронов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева;

² Кошелева Светлана Викторовна - ст. преподаватель кафедры иностранного языка в сфере профессиональной коммуникации Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева;

³ Иванова Снежанна Васильевна – магистр кафедры теории и истории государства и права Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

коньяка и чашкой кофе»¹ преподавательский корпус российской высшей школы начала XX в. практически мгновенно оказался вовлечённым а залестнувший университетские аудитории революционный поток.

Особенно сложной становилась проблема выбора, когда он, как таковой, становился уже не столько личным решением, а был, зачастую, по сути, безальтернативен. Это случалось и в силу принимаемых государством решений, и в силу той ситуации, которая возникала в результате подобного вмешательства, в самом преподавательском сообществе.

В качестве источников для достаточно частного, никоим образом не претендующего на концептуальные обобщения, исследовательского этюда мы взяли материалы, относящиеся к творчеству двух представителей российского профессорского сообщества начала XX в. Интеллектуальная элита России той эпохи дала нам великое разнообразие личностей, каждая из которых, по своему, несомненно, уникальна и интересна. Однако и среди выдающихся членов профессорской когорты служителей науки, персоналии Сергея Андреевича Муромцева и Геннадия Александровича Кожевникова примечательны, причём каждый по-своему. Как нам представляется, взятые вместе, они помогут нам попытки проанализировать и понять ситуацию, в которой оказались представители профессуры как в связи с подъемом общественного движения в университетах, так и мерами властей по её подавлению.

Не входя в сколь-нибудь подробный анализ биографий героев нашего исследования,² отметим, что их сравнение интересно во многом в силу разницы между ними, которая сформировалась к моменту, когда они перенесли на бумагу свои мысли по вопросу о месте и роли учёного в политике и в науке.

Разница эта заключается не только, и уж, конечно же, не столько, в неких формальных характеристиках. Муромцев представитель юриспруденции, Кожевников – биологии. И не в общности – они оба представляют Московский университет. Но то, что мы говорим о представителях гуманитарных и естественных наук, уже составляет определенную характеристику анализируемого нами процесса. По части личностных характеристик они также, скорее, противоположны. За С.А. Муромцевым, особенно в период его адвокатской деятельности закрепилась слава,

¹ См. у того же автора
Я не хожу в дома разврата,
Где либералов вкусно кормят.
А между водкой и салатом,
Журчит ручей гражданской скорби.

² См.: Аронов Д.В. От Лазавки до Таврического дворца. Орел, 2010; Малахов В.В. «Пока горит свеча...» Очерки по истории кафедры зоологии беспозвоночных Московского государственного университета. / Изд. 2 е, доп.»: Товарищество научных изданий КМК; М., 2006 и др.

если и не «человека в футляре», то уж точно, защитника, по определению не пытавшегося воздействовать на чувства публики и жюри присяжных. Друзья и коллеги характеризуют его как сдержанного, скупого на эмоции человека. Единственный эпизод в мемуарах П.Н. Милюкова,¹ не подтверждается иными источниками, а с учётом специфики его отношений с С.А. Муромцевым, представляется крайне маловероятным.

Конечно и в политической карьере С.А. Муромцева не обошлось без эмоционального принятия решений. Так было, в частности, с подписанием «Выборгского воззвания», сделанное им после встречи с выборгским губернатором. Подписав воззвание С.А. Муромцев сразу же покинул собрание, отвечая на уговоры остаться, что это уже дело его чести. Позднее, отвечая на вопрос о том, как он принял решение о подписании воззвания, он кратко отвечал «Настроение».²

Если же говорить о Геннадии Александровиче Кожевникове, то он характеризуется многочисленными коллегами, учениками, как человек совершенно иного типа.³ Наверное, некоей собирательной характеристикой для Г.А. Кожевникова, стало то, что по свидетельству ряда современников именно он стал основой для М.А. Булгакова при создании им образа героя «Собачьего сердца» профессора Преображенского. Именно Г.А. Кожевникову принадлежит прообраз одной из самых известных фраз повести «И – боже вас сохрани – не читайте до обеда советских газет», сказанная во время обеда одному из коллег в столовой МГУ.

Судьба распорядилась так, что С.А. Муромцеву неоднократно пришлось испытать на себе трагедию расставания с любимым делом, университетской кафедрой, преподаванием, фактически возрождённым им научным журналом «Вестником Московского юридического общества», а впоследствии и самим обществом. Однако в большинстве случаев это было либо прямым приказанием органов власти, либо постав-

¹ Речь идёт о периоде работы Первой Государственной Думы в которой кадетское большинство надеялось на создание «министерства общественного доверия» из либералов, призванных на министерские посты. В качестве премьера называли фамилии и С.А. Муромцева и П.Н. Милюкова. По свидетельствам Милюкова во время его личного частного разговора с Муромцевым на прямой вопрос последнего о премьерстве он ответил в духе, что «Это будете Вы». На что Муромцев, якобы, отреагировал балетным па посреди кабинета Председателя Думы.

² Винавер М. В ожидании роспуска и после роспуска // В сб. К десятилетию первой государственной Думы. 27 апреля 1906 г. 27 апреля 1916 г. Сборник статей переводимцев. Петроград, 1916. С. 112.

³ См.: Кожевников Григорий Александрович / Киевский эколого-культурный центр // URL: <https://www.ecoethics.ru/old/b42/60.html>; Малахов В.В. «Пока горит свеча...» Очерки по истории кафедры зоологии беспозвоночных Московского государственного университета. / Изд. 2 е, доп.»: Товарищество научных изданий КМК; М., 2006 // URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28988071&from=508959676 и др.

ленным фактически безальтернативным выходом, как, например, в случае с решением подчинить «Вестник» предварительной цензуре.¹ По сути лишь ситуация в которой оказался он со своими коллегами в связи с требованием Министерства народного просвещения дать подписку о гарантиях невнесения в преподавание политической составляющей и непринадлежности к политическим партиям противоположительственного толка, позволили С.А. Муромцеву и его коллегам публично сформулировать и изложить свою позицию о месте профессора, университета, научной деятельности в общественной жизни и особенно в периоды её крайнего обострения.²

Речь в данном случае идёт о попытке получить обязательства у ряда профессоров и доцентов Московского университета, ранее осужденных по т.н. «выборгскому делу» об их неучастии в организациях, имеющих «антиправительственную направленность». В качестве нормативно-правовой базы был использован Указ правительствующего Сената от 30 апреля 1908 г. Согласно позиции Министра народного просвещения, «точное толкование» норм данного указа предполагало, что лицам, находящимся на государственной службе, воспрещались «не только какие-либо активные действия во исполнение программ противоположительственных партий, но и одна принадлежность к последним».³

Развернутое толкование текста Указа можно найти в тексте письма Министра народного просвещения Попечителю Московского учебного округа. В нем Министр предполагал, что по сразу же по обращении попечителя, упомянутые в письме преподаватели университета будут должны «немедленно представить ... подписку впредь ни к каким противогосударственным и противоположительственным партиям и организациям не принадлежать и в оные не вступать, а равно не дозволять себе не только таких поступков, кои наказываются уголовными законами, но и тех, которые нарушают присягу и верность служебному долгу».⁴ Также Попечителю было поручено предупредить их о том, что в случае отказа от дачи требуемых обязательств, они «должны будут оставить государ-

¹ См.: Аронов Д.В., Коновалова М.А. Московское юридическое общество в репрессивной политико-правовой практике Министерства народного просвещения: 1889 – 1892 – 1899 гг. – от предупреждения к закрытию // История государства и права. 2015. №. 14. С. 32-37.

² См. более подробно: Аронов Д.В., Бардин П.В. Нам умных не надобно, нам верные нужны // История государства и права. 2015. №. 16. С. 27-32.

³ Конфиденциальное предложение Министерства об отобрании расписок ... // ЦГАМ Ф. 459. Оп. 2. Т. 2. Д. 6436. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 1об.

ственную службу на точном основании ст. 788 и п. 3 ст. 838¹ Установления о службе по определению от правительства».²

Процесс получения письменных ответов от профессоров и доцентов Московского университета в связи с летними каникулами несколько затянулся. Однако в итоге Ректор направил Попечителю письмо (2 сентября), приложение к которому он определил как «подлинные ответы профессоров С.А. Муромцева и Г.Ф. Шершеневича, приват-доцентов Ф.Ф. Кокошкина, С.А. Котляревского, П.И. Новгородцева на предложение г-на. Министра народного просвещения от 18 августа за № 627».³

Сопровождавшие это письмо ответы сохранились в фонде Попечителя Московского учебного округа. Благодаря им мы сегодня можем увидеть все богатство правовой аргументации, использованной их авторами при указании на отсутствие законных оснований для предъявления им требований о даче соответствующих обязательств. Не лишены их ответы и весьма тонкой иронии.

Ответ С.А. Муромцев, в целом также не был лишен иронии, что, в общем-то, было не свойственно его стилю корреспонденции. В нем он полагал необходимым «...заявить, что, действуя всегда открыто, постоянно почитал государство за основную форму народного существования и это свое воззрения проводил в своих научных и публицистических работах и в общественной деятельности, чем сама собою устраняется мысль о возможной принадлежности к какой-либо направленной против государства партии или организации».⁴

Далее, стиль ответа С.А. Муромцева возвращает нас к временам первого российского парламента, и чеканным строкам разработанного под его руководством проекта Основного закона, а также к ответному слову обвиняемого на «выборгском процессе», а в чем-то и к адресу, прочитанному им на юбилее А.С. Пушкина. «В своей ученой, общественной и государственной деятельности, – пишет первый в российской истории Председатель Государственной Думы, – непременно памятовал и памятую, что государство Российское управляется «на твердых основаниях законов», почему залог крепости правительственной власти полагал в точном следовании представителей власти законам в твердом убеждении, то целям правительства не может противоречить посильное распространение того установленного самим законодателем взгляда,

¹ СЗ. Т. III. Изд. 1896 г.

² Конфиденциальное предложение Министерства об отобрании расписок ... // ЦГАМ Ф. 459. Оп. 2. Т. 2. Д. 6436. Л. 1об.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Шаховской Д. Из последних лет жизни // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С. 376.

что законы должны быть исполняемы беспристрастно, несмотря на лица и не вникая ничьим требованиям и предложениям».¹

Еще один аргумент из ответа С.А. Муромцева это признание в качестве императивного требования к университетскому преподавателю сохранять чистоту кафедры научной и педагогической работы от каких-либо политических пристрастий. «В своей академической деятельности, – особо подчеркивал Сергей Андреевич, – полагал и полагаю обязанностью профессора передавать предмет с полной научной объективностью, не оскорбляя достоинства кафедры внесением каких-либо тенденций, в чем и заключается подобающее профессору исполнение принятой присяги и соблюдение верности служебному долгу».²

Свою защиту в этом конфликте с Министерством народного просвещения С.А. Муромцев, как мы видим, построил на указании о невозможности для него как по морально-этическим основаниям, так и на основании понимания и следования служебному долгу, общественному предназначению педагога, приносить в педагогическую деятельность элементы политики. Иные же фигуранты этого дела избирали варианты, отличные от его системы аргументации, в том числе, надо отметить, весьма оригинальные, как по своему содержанию, так и по стилю.

Практически полностью совпадает с аргументацией С.А. Муромцева по части места науки и политики в университете и ответ С.А. Котляревского. Он, в частности, пишет: «Такое нарушение преподавательской обязанности, никогда мною не допускалось и, естественно, допущено не будет».³ Фактически он использовал аналогичный тезис о ненарушении долга педагога и ученого, но никак не о возможности дачи морального обязательства в отношении к правительственной власти.

Близок к ним и ответ П.И. Новгородцева. Он отвечает на поступивший запрос, начиная с общего тезиса о несовместимости политики с наукой и преподаванием. «В преподавании своем всегда охранял достоинство университетской кафедры от примеси каких бы то ни было партийных пристрастий, – писал ученый, – считая их несовместимыми с существованием науки».⁴ Далее он строит ответ в том же ключе, основываясь на аргументах морально-этического характера. «Если предположить бы, – отмечает он, – что в дальнейшей своей деятельности я должен изменить свой образ мыслей, а, следовательно, и отступить от своих убеждений, то я счел бы своим долгом обратить внимание на то, что

¹ Конфиденциальное предложение Министерства об отобрании расписок ... // ЦГАМ Ф. 459. Оп. 2. Т. 2. Д. 6436. Л. 8–8об.

² Там же. Л. 8.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 12.

высокое звание преподавателя университета предписывает мне как наставнику молодежи являть пример нравственной твердости, и что всякие колебания в этом отношении подрывают авторитет университетской кафедры и разрушают основы университетского строя».¹

Завершалась переписка между Министерством народного просвещения и Попечителем Московского учебного округа классическим образом разрешения бюрократического сюжета. Последние материалы этой переписки два письма. В первом из них Министр поставил в вину попечителю отнюдь не отсутствие расписок с соответствующим изначальному замыслу содержанием и даже не тон ответов, порою, как мы постарались показать выше, весьма ироничных. В вину Попечителю был поставлен слишком длинный, по мнению Министра, срок пересылки ему соответствующих документов.

В несколько более сложной ситуации оказался Г.А. Кожевников, когда на новом подъеме студенческих волнений в МГУ возник конфликт с Министром просвещения Л.А. Кассо в результате которого ректор и его помощники подали в отставку и к ним присоединились ведущие профессора университета. Кожевников выбрал иную позицию. Несмотря на то, что оставшиеся и пришедшие на место подавших в отставку преподавателей становились, порою «нерукопожатными», жертвами откровенных обструкций, он выступает с большой статьей в которой объясняет своё понимание взаимодействия науки и политики. В своём основном сочинении на политические темы, брошюре «Проклятый вопрос» (К современному положению Университета),² завершая текст, он пишет: «Наука — это нечто настолько великое, высокое, всеобъемлющее, что служить только ей - значит выполнить задачу целой жизни для отдельного человека, значит исполнить свое высшее и конечное назначение для любого учреждения. Люди, не работавшие научно, не могут себе представить, какой полноты напряжения всех человеческих сил требует настоящая научная работа, где же тут время, где силы заниматься чем-либо другим?»³

Сочинение Г.А. Кожевникова исключительно разнопланово. Одним из важнейших моментов в развитии ситуации он видит в том, что люди, по сути, сами не принимают решения, а подпадают под диктат демократического большинства: «При всяком коллективном решении человек

¹ Конфиденциальное предложение Министерства об отобрании расписок ... // ЦГАМ Ф. 459. Оп. 2. Т. 2. Д. 6436.

² Кожевников Г.А. «Проклятый вопрос» (К современному положению Университета) Цит. по: Шноль С.Э. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. Глава 8. Григорий Александрович Кожевников (1866-1933) // URL: http://www.xliby.ru/istorija/geroi_zlodei_konformisty_otechestvennoi_nauki/p12.php

³ Там же.

перестает быть самостоятельной личностью, а становится составной частью коллективного организма, индивидуальность тонет в волне коллективизма».¹

Приводит он и бессмертный пример Сократа, отправленного на смерть решением Афинского народного собрания. Для него автономность личности самоценна и её подавление недопустимо с любой стороны, и с любым мотивом. Так, в частности, он пишет: «Мотивы тех профессоров, которые приняли решение выйти в отставку, глубоки, нравственно высоки и несут характер громадной жертвы во имя убеждений, так что неудивительно, что не только товарищи по университету относятся к их поступку с чувством глубокого уважения, как к акту совести, но и широкая публика венчает их поступок ореолом героизма и красоты. Но когда мы квалифицируем поступок группы лиц как хороший, честный, благородный, то, вследствие легко проглядываемой логической ошибки, мы склонны поместить всех, такого именно поступка не совершивших, в категорию противоположную первой по нравственным качествам, снабдив их нелестными эпитетами».²

Ставит он и вопрос о том, что в системе ценностей, о которых идёт речь в период общественных перемен нельзя убирать науку в последние строки этого перечня. «Положим, у профессора есть долг перед товарищами, требующий ухода в отставку потому, что они ушли, пишет Г.А. Кожевников, - Но у него есть долг перед учениками, которые не могут работать без его руководства, как профессора, долг перед наукой, разрабатывать которую он не может без университетской лаборатории, долга перед самой лабораторией, кабинетом, музеем, которые требуют его неусыпных забот».³

Общий его вывод достаточно очевиден и вполне следует из всего строя приведённых аргументов. По ходу статьи он даже выводит математическую формулу принятия определённых решений, продиктованных общей политической целесообразностью. Вывод учёного состоит в том, что «С моей точки зрения, менее всего допустим уход откуда бы то ни было в виде протеста против чего бы то ни было. Наоборот, если я протестую, то я это должен делать на своем посту. Пусть мне отдадут приказание, выполнение которого я считаю нечестным. Из-за этого я не уйду, но приказания не исполню. Меня могут удалить силой, но сам я не

¹ Кожевников Г.А. «Проклятый вопрос» (К современному положению Университета) Цит. по: Шноль С.Э. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. Глава 8. Григорий Александрович Кожевников (1866-1933) // URL: http://www.xliby.ru/istorija/geroi_zlodei_konformisty_otechestvennoi_nauki/p12.php

² Там же.

³ Там же.

уйду. Обращаясь специально к профессорским обязанностям, я считаю, что пока профессор может работать в научном учреждении, и пока он может принести какую либо реальную пользу этому учреждению, он имеет полное нравственное право оставаться на своем посту, хотя бы он остался один во всем университете, ибо нравственное качество поступка совершенно не зависит от того, сколько людей поступает таким же образом».¹

И всё-таки в одном С.А. Муромцев и Г.А. Кожевников разошлись. Полностью совпадая по части разделения науки преподавания, да и университетской жизни вообще от политической деятельности они разошлись в другом. Кожевников полагал, что совмещение таких сущностей как наука и политика невозможно как в силу несовместимости самой природы этих двух вещей, о чём мы говорили выше, так и физической невозможности для индивида изыскать необходимое время для занятия и тем, и другим. Если же говорить о позиции С.А. Муромцева, то, будучи вполне солидарным с тезисом своего коллеги с биологического факультета о недопустимости превращения университета в нечто иное кроме как учебного и научного учреждения, что особенно важно в моменты социальных потрясений, лично подал пример иного рода.. Всем строем своей жизни он, как мы полагаем, дал пример того, что хотя «служенье муз не терпит суеты», но большой учёный вполне может сыграть не менее значимую роль и в политике. При этом не оставляя в стороне возможность обогатить «свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»,² но применяя их во благо общества именно в процессе служения ему уже на ниве политики.

Но, так или иначе, монета, подброшенная для того что бы сделать выбор, повисла в воздухе. И вряд ли найдётся тот, кто скажет, что знает, как надо поступить, делая выбор в подобной ситуации.

¹ Кожевников Г.А. «Проклятый вопрос» (К современному положению Университета) Цит. по: Шноль С.Э. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. Глава 8. Григорий Александрович Кожевников (1866-1933) // URL: http://www.xliby.ru/istorija/geroi_zlodei_konformisty_otechestvennoj_nauki/p12.php

² Ленин В.И. ПСС. Т. 41. С. 305.

ПОРЯДОК ИЗБРАНИЯ ГЛАСНЫХ ОТ КРЕСТЬЯН ПО ЗЕМСКОМУ ПОЛОЖЕНИЮ 1890 г. В ОЦЕНКАХ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ²

В 1890 г. было принято новое Положение о земских учреждениях, существенно изменившее порядок избрания земских гласных. Сословный характер новой избирательной системы отчетливо проявился в выборах гласных от сельских обществ. Во-первых, крестьяне не имели права участвовать в других избирательных собраниях даже при наличии личного имущественного ценза. Во-вторых, от сельских обществ могли избираться только крестьяне (в отличие от Положения 1864 г., когда от крестьянской курии могли быть избраны и представители других сословий). В-третьих, крестьяне избирали уже не самих гласных, а только кандидатов, из числа которых губернатор затем уже утверждал часть гласными³.

Наибольшей критике новый порядок избрания гласных от крестьян подвергся на страницах «Вестника Европы». По мнению обозревателя журнала К.К. Арсеньева, землевладельцы из числа крестьян и крестьяне-общинники не представляли единой группы. Поэтому оптимальной он считал схему, в рамках которой и те, и те имеют избирательное право, причем имеющие личный ценз крестьяне не участвуют в выборах гласных от сельских обществ. Кроме того, утверждение в гласные из числа избранных крестьянами кандидатов, могло сузить степень их самостоятельности: «Гласные от сельских обществ, избранные волостными сходами, но допущенные в собрание губернатором, будут чувствовать себя, в большинстве случаев, скорее доверенными администрации, чем уполномоченными крестьянского населения»⁴.

Еще одной составляющей в критике порядка избрания гласных от крестьян стало лишение последних возможности избирать представителей некрестьянских сословий. В этом отношении «Вестник Европы» пы-

¹ Сорокин Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, ст. преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ в рамках научного проекта № МК-2631.2021.2 «Институт земских выборов в общественно-политическом дискурсе Российской империи на рубеже XIX–XX вв.».

³ Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях // ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. X, ч. 1. № 6927.

⁴ [Арсеньев К.К.] Хроника. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1890. Кн. 8. С. 812–813.

тался доказать, что по Положению 1864 г. это «составляло противовес сословной исключительности и увеличивало шансы внимания земских собраний к интересам народной массы». Вместе с тем подчеркивалось, что в условиях отсутствия непосредственного избрания от крестьян по новому Положению отказ от прежней возможности даже желателен и целесообразен (в противном случае, по мнению журнала, губернские власти стали бы утверждать в гласные от сельских обществ преимущественно местное начальство, что еще больше сузило бы реальное крестьянское представительство)¹.

«Русское богатство» в критике нового порядка выборов от крестьян выделяло три составляющие. Во-первых, в большинстве уездов число гласных было меньше числа волостей. Это позволяло сделать вывод, что «на практике крестьяне почти везде лишены возможности непосредственно избирать своих представителей» (а журнал выступал за представительство каждой из волостей хотя бы одним гласным в уездных собраниях). Во-вторых, в связи особенностями оплаты за службу, в гласные от крестьян были в значительном количестве избраны «большую частью люди богатые», заранее заявившие, что примут звание гласных безвозмездно, без содержания. В-третьих, ставилась под сомнение целесообразность окончательного выбора гласных от крестьян губернатором в связи с тем, что последний «не может знать хорошо всю ту массу лиц, между которыми ему предстоит сделать выбор» (в качестве альтернативы предлагалось избирать гласных из числа кандидатов путем жребия)².

Председатель Касимовской уездной земской управы П. Оленин в своем письме, опубликованном в «Северном вестнике», прямо писал, что «гласные от крестьян в счет идти не могут, так как они являются в собрании не избранниками своих сходов, а ставленниками гг. земских начальников, нередко заинтересованных в том или другом направлении земской деятельности и нередко принципиальных его противников». Подчеркивалось, что земские начальники «не только имеют влияние на выбор сходами того или другого лица», но и могут непосредственно участвовать в утверждении этих лиц в гласные через неофициальные совещания губернатора с земскими начальниками³.

Московский земец Д.Н. Шипов также отмечал: «Установление сословного представительства могло лишь воспитывать в демократических кругах населения недовольство и отрицательное отношение к

¹ Там же. С. 813.

² Земский В.Г. Внутренняя хроника // Русское богатство. 1891. № 11. С. 178–180.

³ Оленин П. Письмо в редакцию // Северный вестник. 1898. № 6–7. Отд. II. С. 26–27.

представителям в земстве того сословия, которому новое положение стремилось предоставить руководящую роль в земском деле». Новый порядок приводил к тому, что в уездах с незначительным дворянским землевладением резко снижалось общее количество гласных, а многие местности к тому же лишались возможности иметь своих представителей (например, в Богородском уезде Московской губернии по новому Положению становилось 16 гласных, из которых 4 – от сельских обществ; в то время как по Положению 1864 г. в том же уезде было 44 гласных, 19 из которых были от сельских обществ)¹.

Схожие оценки дал и А.Н. Куломзин, отметивший, что изменение земского Положения «внесло в нашу общественную среду глубокий разлад», поскольку весь класс недворянских землевладельцев (которые «нередко не уступали дворянству в своем культурном развитии») по новому Положению был почти лишен представительства, а крестьяне стали стеснены выбором представителей непременно из своей же среды².

Эта риторика оказала влияние на процесс обсуждения возможных изменений Положения о земских учреждениях в части, касающейся выборов, согласно циркулярам министерства внутренних дел 1897 и 1902 гг. в земских собраниях. Так, Балахнинское и Нижегородское уездные собрания в 1897 г. отмечали, что «состав крестьян-гласных является случайным, зависящим не от выборщиков, а от назначения», поэтому нужно дать права гласных всем выборным от волостных сходов³. Председатель Нижегородской уездной земской управы, будущий кадет А.А. Савельев заявлял, что сам порядок избрания гласных от крестьян является неудовлетворительным, поскольку из выбранных от волостей кандидатов гласные «без ведома и согласия сельского населения назначаются по усмотрению административной власти». Это, по его мнению, приводило к уменьшению желающих баллотироваться в гласные и как следствие – к увеличению доли волостных старшин в их числе, «как бы обязанных по своей должности нести общественные тягости»⁴.

Редакционная комиссия Тверского губернского земского собрания высказалась за расширение крестьянских прав («каждая крестьянская община должна иметь право послать столько избирателей в земское избирательное собрание, сколько крупных цензов составляется из того ко-

¹ Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 101.

²Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания / сост., вступ. ст., коммент. и примеч. К.А. Соловьева. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 359–360.

³Волгарь. 1900. 10 февраля.

⁴XXXIII очередное Нижегородское губернское земское собрание. Нижний Новгород, 1898. Ч. 1. С. 319–320.

личества надельной земли, коим она пользуется»¹. При обсуждении проекта комиссии В.Д. Кузьмин-Караваев отметил, что «привлечение крестьянского населения к земской деятельности, на одинаковых правах с нами, будет крупным шагом на пути завершения дела раскрепощения крестьянского сословия»².

Затем проблема земской реформы была затронута и на июльском съезде 1903 г. «освобожденцев» в Швейцарии. В докладе С.Н. Булгакова по аграрному вопросу подчеркивалось, что развитие земской организации должно было быть «в направлении дальнейшего приближения ее к населению (создание мелкой земской единицы)» с обязательной «демократизацией ее состава», в том числе и за счет отказа от сословного принципа на выборах. Идеалом организации представительства виделось всеобщее, равное и прямое избирательное право: «Такое действительно народное представительство может блюсти нужды края и оказывать содействие аграрному прогрессу»³.

Таким образом, критика либералов порядка представительства от крестьян в земствах являлась многокомпонентной и отражала целую совокупность проблем. Во-первых, отмечалось, что способ избрания гласных от крестьян по Положению 1890 г. делает представительство от крестьян фиктивным, поскольку оно сводится к участию в земских собраниях волостных властей, зависимых от земских начальников. Во-вторых, в условиях уменьшения числа крестьянских гласных целые волости оказывались в уездных земских собраниях без представителей своих интересов. В-третьих, сочетание выборов с назначением воспринималось как сохранение дворянской опеки над крестьянами. В связи с этим к началу XX в. неоднократно возбуждались ходатайства о необходимости пересмотра земского Положения и устранения сословного характера земских выборов.

¹ Кузьмин-Караваев В.Д. Реформа земского представительства // Земство и деревня. 1898–1903. Статьи, доклады, рефераты и речи. СПб., 1904. С. 250.

² Там же. С. 258.

³ Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. С. 46.

О.Л. Протасова¹

ЛИБЕРАЛЬНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ МЕЖПАРТИЙНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА*

В сегодняшней России продолжается активный поиск оптимальных путей развития страны, наиболее эффективных методов взаимодействия государства и общества, власти и граждан. В этих условиях по-прежнему актуально значение политических идеологий, под флагом которых возникают партии и прочие политические движения, в качестве посредников способствующие осуществлению этих взаимосвязей. Идеиные доктрины, лежащие в основе партийной организационной интеграции и объединяющие партийных сторонников и последователей, выступают действенным инструментом согласования и реализации интересов различных социальных слоев и групп. Идеология помогает подобрать своим приверженцам, входящим в активную политику, арсенал адекватных их мировоззрению политических принципов, ценностей, а также методов достижения целей.

Схожие процессы переживала и Россия начала XX столетия, конечно, с поправкой на век. Все более широкие социальные круги присоединялись к активной общественной и политической деятельности, проявляя интерес к насущным проблемам и начиная поиски путей их решения. Политические партии, возникавшие и оформлявшиеся в первые годы XX в., имели то же назначение, что и современные – агрегирование и артикуляцию политических интересов, и собирали своих сторонников вокруг той или иной идеологической платформы – консервативной, либеральной, социалистической (народнической либо марксистской) и пр. Пожалуй, идеологии, заложенные в основу политических партий того времени, имели более концентрированный вид, нежели в наше время. Партии, принимавшие их в качестве «магистрального направления» своей будущей деятельности, четко отделяли одну от другой, и это было основанием их самоидентификации. Политически сведущие люди отлично знали, что кадеты и октябристы – приверженцы либерализма, а отсылка к социализму содержалась в названиях всех заметных российских партий, исповедовавших эту идеологию. В реальной деятельности партии следовали своему идеологическому выбору достаточно верно. У либералов и социалистов были возможности сотрудничества, которые в различных си-

¹ *Протасова Ольга Львовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Тамбовского государственного технического университета.*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00059А.

туациях использовались в разной степени, однако дихотомия «либерал – социалист» делила партийный спектр Российской империи начала XX в. по принципу «центрист – левый». Следует отметить, что отечественный либерализм, представленный видными учеными и политиками эпохи модернизации Н.И. Кареевым, П.Н. Милюковым, Л.И. Петражицким, С.А. Муромцевым, М.М. Ковалевским и др., точнее назвать «социал-либерализмом». Эта разновидность либерализма ориентировалась не столько на «классические» идеалы, намеченные западными философами Нового времени, сколько на российскую социально-экономическую данность, далекую от общества самостоятельных и предприимчивых индивидов, уверенно реализующих в свободной и цивилизованной конкурентной борьбе свои хозяйственные и торговые инициативы. Отечественные ученые-либералы понимали необходимость государства в регулировании экономических отношений и были большими этатистами, чем их европейские и особенно американские единомышленники. Получилось так, что российская либеральная мысль оказалась более прозорливой и в своей ориентированности на государство как важный, полезный и перспективный институт, предварила политический «тренд» второй половины XX – начала XXI вв. За сто лет в мире произошло естественное взаимопроникновение, своего рода диффузия либерализма и социализма по ряду ключевых принципов. Этому помогли и совместная борьба против фашизма/нацизма, и послевоенное кооперирование либералов и социалистов в управлении демократическими государствами на разных уровнях, от местного до высшего. Либерализм стал более социально ответственным и признал значимость в этой ответственности государства, поскольку для реализации прав человека далеко не всегда достаточно его собственных усилий¹, а социализм (часто с уточнением: «демократический социализм»), в свою очередь, «смягчился» в отношении частной собственности и перестал акцентировать свое внимание на классовой борьбе. Обе идеологии сходятся в вопросах о необходимости построения гражданского общества, правового и социального государства, и подчеркивают, что общественный строй без свободы и демократии социализмом называться не может.

Доказательством того, что по факту социалистические и либеральные ценности могут уживаться и не противоречить друг другу в ценностной ориентации одного и того же политика, может послужить пример Н.Ф. Анненского, бывшего в числе основателей народно-социалистической партии и не только активнейших, но и самых популяр-

¹ Пахомова Е.А. К вопросу о многообразии либерализма в современном мире // Вестник ВГАВТ. 2014. Вып. 36. С. 226.

ных ее деятелей. Анненский (1843 г.р.) был гораздо старше своих однопартийцев и в силу своих профессиональных и человеческих качеств пользовался в социалистических кругах не просто авторитетом, но и всеобщей любовью. С ранних лет приобщившись к народничеству (он женился на родной сестре анархиста П.Н. Ткачева, что в большой степени предопределило его политическую судьбу) и разделяя общую линию этого движения, направленную на защиту крестьянских интересов, он, однако, со временем пришел к убеждению, что в начатой прогрессивной интеллигенцией борьбе с самодержавной и бюрократической несправедливостью по-настоящему эффективными могут быть лишь легальные организации и мероприятия. В «Союзе Освобождения» (1904), ставшем стартовой площадкой в публичной политике для многих известных либералов и правых народников, Анненский был избран заместителем председателя «Союза» и, по воспоминаниям Милюкова, «своим благоразумием... выделялся даже в среде либеральных «освобожденцев»¹. Банкетная кампания, развернутая «освобожденцами», как раз отвечала духу борьбы, предпочитаемому Анненским: пропагандистскому, просветительскому, интеллигентному². Товарищеские связи и долгая редакторско-публицистическая деятельность в журнале «Русское богатство» привели Анненского в 1905-1906 гг. в число организаторов народно-социалистической партии. Думается, его твердая позиция действовать только законными методами усилила решимость лидеров будущих народных социалистов А.В. Пешехонова и В.А. Мякотина, приглашенных вместе с Анненским и П.Ф. Якубовичем на организационный съезд ПСР, бесповоротно отмежеваться от эсеров. Если Пешехонов, Мякотин и особенно Якубович (последний позже все-таки перешел к эсерам) могли допустить в крайних случаях применение в борьбе с властным произволом «крайних» мер, то Анненский органически не терпел «якобинства». Эта позиция передалась его младшим товарищам по народно-социалистической партии, которые очень скоро отказались от всяких политических форм, невозможных на открытой арене. Приняв программные идеи социалистической партии, Анненский оставался верным либеральным методам, так что этого замечательного человека справедливо назвать «социалистом с душой либерала».

Были отдельные случаи переходов от народных социалистов к кадетам и наоборот: несмотря на «формальный» показатель – разные идеологии, по многим принципиальным вопросам социального характе-

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. В 2 т. Т. 1. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 338.

² Протасова О.Л., Бикбаева Э.В. Н.Ф. Анненский – общественный и политический деятель либерального народничества // Манускрипт. 2020. № 3. С. 41.

ра эти партии были очень близки. Так, известный историк С.П. Мельгунов, в 1906 г. вступивший в Партию народной свободы, в 1907 г. перешел в народно-социалистическую, программа и характер которой, как показалось ему, точнее отвечают направленности его собственных убеждений и планов на будущее России. Интересно, что в рядах народных социалистов он развил особенную активность в тот период, когда организация находилась в плачевном состоянии из-за отсутствия доступа на открытую политическую арену и существовала скорее де-юре, чем де-факто. Мельгунов стал одним из инициаторов возрождения народно-социалистической партии. В годы Первой мировой войны он способствовал попыткам А.Ф. Керенского объединить народнические силы – энесов и эсеров, поскольку эта идея представлялась все еще не вполне утопической и даже перспективной. Осенью 1917 г. на выборах во Всероссийское Учредительное собрание (он баллотировался от ТНСП по московскому избирательному округу) в своей программе Мельгунов запланировал объединение «всех одномыслящих партийных группировок»¹, что, по его мнению, должно было стать «признаком нашей политической зрелости и величайшей победы русской демократии»². Интересно, что в указанную предвыборную кампанию Мельгунов призывал своих однопартийцев максимально отмежеваться от кадетов³, поскольку, полагал он, широкая известность Партии народной свободы и демократический характер ее программы приведет к фактическому «поглощению» ТНСП либералами и лишит энесов если не организационного, то, во всяком случае, идеологического суверенитета. Более простыми и утилитарными доводами руководствовались трудовики, в июне 1917 г. объединившиеся с народными социалистами, хотя их аргументация шла в том же направлении, что и у Мельгунова: отмежеваться от кадетов, оказавшихся теперь самой правой из реально функционировавших партий. В течение предыдущих десяти лет трудовики упорно отрекались от звания социалистов и провозглашали свой деидеологизированный, чисто фракционный характер, а в Думах охотно взаимодействовали с кадетами. Однако революционным летом 1917 г. не быть социалистом означало являться едва ли не реакционером. На объединительном съезде некоторые энесы высказывали мысли о полезности сотрудничества с кадетами в ряде предвыборных кампаний (шла подготовка к выборам в органы местного самоуправления – муниципалитеты и земства, а также во Всероссийское Учредительное собрание). Трудовики

¹Емельянов Ю.Н. С.П. Мельгунов: в России и эмиграции. М.: «Эдиториал УРСС», 1998. С. 49.

² Там же.

³ Там же.

были категорически против всякого упоминания себя в одном ряду с кадетами – настолько против, что объединение партии едва не сорвалось. Они желали, по оценке того же Мельгунова, «приблизиться к тактике левых групп революционной демократии»¹. Вот до какой степени круто влево сместился идейно-тактический вектор этой некогда умеренной крестьянской организации.

Что касается дальнейшей политической судьбы Мельгунова, то впоследствии, в эмиграции, широта его взглядов привлекала к нему как бывших кадетов, так и сподвижников-социалистов, в том числе правых эсеров. Мельгунов оказался в числе самых непримиримых антибольшевиков и заявлял о необходимости создания единого антикоммунистического фронта всего политического спектра русской эмиграции. В условиях изменения характера политической активности (невозможность настоящей самореализации как публичного политика в инокультурной среде – ведь в условиях оторванности от отечественной политической арены принадлежность к партиям уже носила номинальный характер) четкая идеологическая ориентация Мельгунова, как и ряда других демоксоциалистических деятелей, претерпела вполне закономерную эволюцию. Со временем, а точнее, в первой половине 1930-х гг., на первый план, вместо конкретно-партийных установок, стали выходить более универсальные идеалы: приверженность общедемократическим ценностям прав и свобод и отвращение к любой форме диктатуры. Все это несколько не противоречило базовым постулатам либерализма.

В демократической среде предреволюционной и революционной России были и неожиданно резкие межпартийные «передислокации». Так, один из лидеров «Народной воли», знаменитый узник Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей Н.А. Морозов, осенью 1917 г. выдвинулся во Всероссийское Учредительное собрание от кадетов. Когда его спросили, чем обусловлено его решение поддержать столь умеренную партию, Морозов ответил, что цели «Народной воли» – политические реформы и конституционный образ правления – ближе всего именно к Партии народной свободы². Не столь радикально, но все же «поправел» известный статистик, инженер и политический деятель В.М. Сумароков. Известно, что в январе 1908 г. он привлекался к суду по делу народно-социалистической партии³. В 1917 г. Сумароков уже кадет,

¹ Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. Вып. 2 (ч. 3). М.: Индрик, 2003. С. 4-5.

² Народная свобода. Тифлис. 1917. 10 декабря.

³ Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / автор-составитель Л.Г. Протасов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 419.

причем от Партии народной свободы он был избран в Учредительное собрание по Пермскому избирательному округу¹.

Были и обратные процессы – «справа влево»: например, помимо Мельгунова, от кадетов к народным социалистам перешли достаточно яркие исторические фигуры: В.Х. Даватц, Б.Л. Петерсон. Математик и журналист Даватц, потомок шведского (по другим данным – швейцарского) дворянского рода, родственник П.Н. Врангеля, в 1906 г. был арестован за оппозиционную публицистику и за время, проведенное в тюрьме в соседстве с революционерами, разочаровался в моральных качествах последних. К этому времени можно отнести момент его идейного самоопределения: левый либерализм. О политической деятельности Даватца в период «третьеиюньской монархии» сведения практически отсутствуют, зато известно, что как член Трудовой народно-социалистической партии он участвовал в избирательной кампании во Всероссийское Учредительное собрание по Харьковскому избирательному округу². Судя по всему, связей с либералами он не порывал, так как во время Гражданской войны редактировал харьковскую кадетскую газету «Новая Россия». В ноябре 1919 г. жизнь Даватца совершает крутой поворот: он, человек гражданский, вдруг избирает военную стезю, и дальнейшая его судьба – находиться рядом с военными, писать о военных и войне, быть и погибнуть на войне³.

Б.Л. Петерсон, крупный землевладелец Костромской губернии, разошелся с Партией народной свободы, в рядах которой ранее состоял, и в Государственной Думе II созыва уже входил в группу народных социалистов. Начинал с либерализма и депутат от кадетской партии в I Думе В.Т. Окунев, крестьянин с низшим образованием⁴. Выходцы из такой социальной среды для кадетов были, в общем-то, редкостью. В 1917 г. Окунев участвовал в избирательной кампании в Учредительное собрание от Трудовой народно-социалистической партии⁵, ряды которой летом 1917 г. значительно пополнились, главным образом за счет трудовиков. Н.Н. Познанский, юрист-практик из Харькова, выдвинулся во II Государственную Думу как беспартийный, что в обстоятельствах тогдашнего чрезмерного многопартийного разброса местных выборщиков помогло ему стать депутатом. В период втородумья Познанский определял свою политическую позицию «левее кадетов», симпатизировал Тру-

¹ Там же.

² Там же. С. 445.

³ Иванов И.Б. Светлой памяти профессора В.Х. Даватца // Вестник РОБС. 2005. №.10-11 // URL: <http://izput.narod.ru/vhd.html> (дата обращения 13.07.2021).

⁴ Русская национальная философия в трудах ее создателей / Хронос // URL: http://hrono.ru/biograf/bio_o/okunev_vt.html (дата обращения 14.07.2021).

⁵ Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия. С. 445.

довой группе (эта фракция, как известно, имела особый статус), однако предпочел не присоединяться и к ней. 23 февраля 1907 г. внепартийный депутат был избран первым товарищем председателя Думы. Поскольку Познанский вместе с М.Е. Березиным выдвигался от левого блока, в газете «Русское слово» появился иронический комментарий по поводу его внешней респектабельности: «Г-н Познанский – высокий, довольно плотный блондин, с красивой головой, живыми, светлыми глазами, мягкий и сдержанный в общении с оттенком добродушной иронии. Если "кадета" представлять себе в виде «буржуя», хорошо питающегося, носящего платье от хорошего портного, то г. Познанский скорее «кадет», чем левый»¹. В период спада общественных революционных настроений Познанский вернулся к адвокатской практике, выступая в том числе и на политических процессах. Февральская революция заставила его, наконец, самоопределиться в партийном плане, и он оказался в рядах Трудовой народно-социалистической партии, от которой был избран уездным земским гласным, гласным Харьковской городской думы.

Политическая траектория выходца из дворян Тамбовской губернии Л.Д. Брюхатова была еще сложнее: он начинал эсером, затем предпочел Партию народной свободы, а оттуда уже перешел к энесам. Подобные перемещения удивления не вызывают, поскольку партии как организации сформировались в России в достаточно короткий срок, но все же не одновременно, и с появлением партии, более точно отвечающей политическим запросам, человек мог перейти в нее, это выглядело естественно. К тому же политическая практика, особенно в такие бурные времена, как период российских революций, уточняла идейные ориентиры лучше всяких книг. По справедливому мнению историка М.Е. Разинькова, народно-социалистическое направление во многих отношениях «было генетически скорее связано с кадетами, нежели с эсерами»². Хотя либерализм и социализм – идеологии, принципиально различающиеся по ряду ключевых вопросов, пример народных социалистов показывает, что и близость между ними была немалая: внимательное отношение к человеческой личности, ее правам и свободам, признание приоритета права в государственном строительстве и т.п. Да и политический темперамент энесов гораздо больше походил на темперамент либеральных, нежели прочих социалистических партий: принципиальное решение действовать исключительно открыто, отрицание нелегалщины

¹ Русское слово. 1907. 9 марта (24 февраля).

² Разиньков М.Е. Трудовая народно-социалистическая партия в Воронежской губернии в 1917-1918 гг.: политический карлик или центр самоорганизации интеллигенции // Народники в истории России: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. Воронеж: Истоки, 2019. С. 181.

и тем более террора. Не последнюю роль в этом сыграл высокий общекультурный уровень большинства членов народно-социалистической партии. Выдающийся отечественный историк, философ-позитивист, социолог, педагог и общественный деятель Н.И. Кареев допускал, что, если бы партия народных социалистов образовалась раньше кадетской, он примкнул бы именно к ней¹. Самая же крутая идейная эволюция была проделана депутатом II Государственной Думы от Вятской губернии, агрономом и эконом-географом, специалистом по сельскому хозяйству русского Севера Д.И. Деларовым: кадет – энес – эсер – левый эсер. Деларов, в отличие от большинства своих бывших сподвижников, безоговорочно принял советскую власть². Такое полевение с возрастом у тех, кто изначально выбрал умеренную идеологическую ориентацию – явление нечастое, практически единичное.

Приведенные и подобные им примеры свидетельствуют о безусловной близости либерализма, представленного в России конституционно-демократической партией, и демократического социализма в его самой умеренной форме, носителем которого была Трудовая народно-социалистическая партия. Здесь межпартийная мобильность, хотя не была делом распространенным, выглядит естественно и не удивляет. Внезапные переходы от эволюционизма и реформизма к революционизму с допущением самых радикальных средств политической борьбы – случаи исключительные: взрослые и самодостаточные люди в здравом рассудке не склонны совершать столь резкие идейные кульбиты. Обратное движение – от крайней левизны к центризму – более объяснимо (переход с возрастом от «сердца» к «уму»), однако и такие случаи в российской политической среде были относительно редки. Если характеризовать демократические партии России начала XX в. с точки зрения идеологической устойчивости их состава в общем и целом, то в большинстве случаев можно сделать вывод о выборе идеологической ориентации, сделанном их активистами в молодости, как вполне осознанном и окончательном.

¹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990. С. 235.

² Жизнь, отданная Северу. К 155-летию со дня рождения Д.И. Деларова [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.molochnoe.ru/resources/files/library/vistavki/pps/delarov_di.pdf (дата обращения 27.12.2020).

**ЛИБЕРАЛЬНОЕ ВИДЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В
РОССИИ НАЧАЛА XX в.
(По материалам либеральных проектов Основного закона Рос-
сийской империи)**

Одним из нечастых источников по истории избирательного законодательства дореволюционной России выступают либеральные проекты, Основного закона России начала XX в. появившиеся в России в начале века, преимущественно в 1905 г. При этом, зачастую используется лишь наиболее известный из них, т.н. «муромцевский» проект Основного закона России.² Несколько реже встречаются упоминания о разработанном ранее соратниками С.А. Муромцева т.н. «освобожденческий» проект. В отличие от «муромцевского он создавался в целях пропаганды конституционализма в России, однако имел несколько более длинную судьбу, чем прочили ему авторы.

Что касается «муромцевского» проекта, то он создавался, говоря современным языком под конкретные условия, которые, как ожидала либерально настроенная часть российского общества в 1905-1906 гг. приведут к принятию конституционного акта. Соответственно проект и был рассчитан, на его возможно более быстрое инкорпорирование в действующее законодательство Российской империи Прилагался к Основному закону и соответствующий ему по духу и букве проект Избирательного закона. Однако при всей значимости этих двух наиболее известных разработок в либеральном конституционном законотворчестве России начала XX в. полномасштабная картина данного процесса вряд ли может быть воссоздана без обращения к иным аналогичным проектам. Следует отметить, что они были не единичны и возникали в России при участии политически активных, преимущественно либерально ориентированных, слоев т.н. «образованного» общества. Во главе данного процесса, что вполне естественно, шли российские юристы, как правило, либеральной ориентации. При их участии возник ряд документов, которые показывают степень конституционной законотворческой активности в либеральной среде. Длительное время считалось, что проект либеральной конституции содержится в фонде А.И. Гучкова в ГАРФе в деле с одноимённым названием. Однако поиски орловских историков показали,

¹ Соколов Вадим Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент, г. Орёл.

² См.: Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911.

что материалы дела представляют собой три неполные машинописные копии одного из промежуточных вариантов текста партийной программы «Союза 17 октября», разработанную силами Московского ЦК партии. Соответственно указанный документ мы исключаем из перечня используемых нами источников.

К числу же именно конституционных проектов в первую очередь следует отнести проект Харьковского юридического общества, которое в преддумский период возглавлял Н.А. Гредескул. Именно он вынес на обсуждение общества, в 1905 г. проект Основного закона Российской Империи и вкпе с ним проект Избирательного закона.¹

По замыслу авторов предлагаемый ими проект Избирательного закона регламентирующий выборы в Собрание народных представителей, должен был состоять из семи основных частей: 1. Распределение округов; 2. Срок выборов; 3. Избирательные списки; 4. Порядок выборов; 5. Издержки (*финансирование* – В.С.) выборов; 6. Проверка полномочий; 7. Общие постановления. При этом каждая из них, как показывает анализ текста законопроекта, может быть признана вполне достаточной с точки зрения возможности ее использования для практической организации избирательного процесса.

Первый раздел «Распределение избирательных округов» предлагал ввести систему одномандатных округов распределив по итогам результатов последней переписи на один избирательный округ около 200 тыс. жителей. При этом губернии с населением до 300 тыс. жителей составляли один избирательный округ, губернии с населением от 300 до 500 тыс. жителей делились на два избирательных круга, свыше 500 до 700 тысяч — на три, от 700 тыс. до 900 тысяч на четыре и т.д. В целом численность населения избирательного округа не должно было превышать больше 300 000 человек. Города, с населением свыше 125 тыс. жителей, выделялись из состава губерний и образовывали один или несколько отдельных городских избирательных округов. Указанная схема избирательных округов утверждалась в законодательном порядке.

С учетом того, что в основу государственного устройства России в предпосланном проекту Избирательного закона проекте конституции был положен принцип конституционной монархии, прерогатива назначения выборов принадлежала монарху, который своим указом должен был назначать общие и дополнительные выборы. Ожидаемой была и норма о проведении общих выборы по всей России в единый воскресный (т.е.

¹ Протокол заседания юридического общества при Императорском Харьковском Университете. 19 марта 1905 г. Харьков, 1906. С. 136-153.

изначально выходной) день, дата выборов не могла быть назначена ранее трех месяцев после даты их официального объявления.

Основаниями для назначения дополнительных выборов могли служить следующие основания: 1. отмена результатов выборов; 2. смерть депутата; 3. Сложение или утрата полномочий отдельным народным представителем. Такие дополнительные выборы назначались также на воскресный день не ранее трех и не позднее шести месяцев с момента возникновения соответствующего обстоятельства. Дополнительные выборы не проводились в том случае, если в соответствующий период распускалась сама Палата народных представителей.

В случае если выборы не определяли победителя, то повторное голосование (перебаллотировка) производилось через три недели после первоначальных выборов, также в воскресный день.

В случае, если в каких либо избирательных округах в назначенный день выборы не состоялись по местным обстоятельствам, то выборы в них переносились на следующий воскресный день.

Основой для выборов выступала система избирательных списков, ведение которых вменялось в городах городским управам, а вне городов уездным земским управам. Устанавливался общеимперский срок уточнения списков в соответствии с изменением населения соответствующей местности в январе каждого года. В списки включались все проживающие в данном городе или уезде русские граждане мужского пола, которым к 1 января текущего года исполнился 21 год и не лишенные в соответствии с действующим законодательством избирательных прав. Перечень подобных оснований также был определен в проекте основного закона и включал в себя такие основания как нахождение на действительной военной службе, служба в качестве сотрудника уездной или городской полиции (наличие соответствующего чина), нахождение под опекой, а также лишение или ограничение в правах по суду и нахождение под надзором или следствием по обвинению в преступлении, могущем повлечь за собою лишения или ограничения гражданских прав.

В список избирателей вносились такие данные как имя, отчество, фамилия, возраст, местожительство каждого избирателя, а также время его поселения в данном городе или уезде, что позволяло отслеживать ценз оседлости, традиционный механизм, применявшийся либеральными авторами применительно к местным выборам.

После назначении дня выборов, на основания: общего общеуездных или общегородских списков, составлялись новые списки по избирательным участкам, копии которых должны были быть доступны для ознакомления потенциальным избирателям не позднее чем за 4 недели до дня

выборов. Для подачи заявления о неточности в списках выделялось две недели, а за две недели до выборов списки считались сформированными. Решение по внесению конкретного человека в список принимал председатель бюро (*участковой избирательной комиссии – В.С.*) которое могло быть обжаловано у мирового судьи или в ином органе судебной власти.

Система избирательных участков значительно отличалась от современных, предполагая численность избирателей от 25 и до 500 человек, распределение на которые производилось городскими или земскими уездными управами в течение месяца после назначения дня выборов. Располагаться они должны были, по преимуществу в зданиях общественных учреждений: школах, камерах мировых судей и т.п. В состав комиссии должно было входить не менее чем из четырех человек (председатель, секретарь и не менее, чем 2 члена бюро). При этом в тексте проекта встречается интересный термин «избирательный приход», правда в скобках уточнялось, что это участок.

Следующим уровнем были окружные избирательные бюро (комиссии), формируемые городскими и губернскими земскими управами из числа избирателей того же или других избирательных округов. При этом судьи и члены судов не могли входить в состав избирательных бюро. Окружное избирательное бюро работало либо в помещении одного из участковых избирательных бюро, либо в специальном помещении. Свои обязанности члены комиссий исполняли на добровольной и безвозмездной основе. В законопроекте этому посвящена статья 22, напоминающая по формулировке скорее этическую максиму: «Обязанность членов избирательных бюро почетная и бесплатная».

Система выдвижения кандидатов значительно отличалась от современной, отражала начальный этап становления системы национальных выборов в целом. Кандидат должен был быть предложен в каждом избирательном округе, не менее чем 10 избирателями того же округа, предлагавшими за своей подписью его кандидатуру. Об этом выдвижении сообщалось председателю окружного избирательного бюро не менее, чем за неделю до дня выборов. Председатель окружного бюро общал, соответственно, имена кандидатов с именами предлагающих их лиц всем председателям участковых избирательных бюро. Список кандидатов с именами выдвинувших их лиц должен был быть выставлен в избирательном помещении каждого избирательного участка.

Голосование предлагалось проводить в те же часы в которые оно происходит сегодня - с 10 часов утра и вплоть до 8 часов вечера. Перед началом процедуры выборов председатель участкового избирательного

бюро осматривал избирательный ящик и показывал его всем присутствующим в помещении, где производились выборы.

Каждый избиратель, войдя в помещение для голосования (место производства выборов), называл себя, после чего на избирательном списке делалась пометка о его явке. Ему вручался конверт с казенной печатью, после чего он в одном из находящихся в месте выборов помещений, огороженных ширмами, с соблюдением тайны волеизъявления оформлял свою избирательную записку; которую вкладывал в конверт, и передавал ее в конверте председателю бюро. Последний на глазах его и всех присутствующих опускал запечатанный конверт с запиской в избирательный ящик (урну для голосования).

Избирательные записки могли быть написаны от руки, гектографированы (аналог ксерокопии) или напечатаны типографским способом на белой бумаге. Она в обязательном порядке должна была содержать имя одного из кандидатов, предложенных в данном избирательном округе. На записке, кроме имени могли быть данные о звании, профессии и адресе кандидата. Это обстоятельство связано во многом с тем, что предполагалось использовать заранее заготовленные записки с именами партийных кандидатов в качестве своего рода агитационных материалов, заранее раздавая их избирателям.

Вместе с тем никаких других надписей, замечаний, приписок или отметок и знаков на избирательном бюллетене (записке) не допускалось. Одно имя могло быть зачеркнуто и заменено другим, третьим и т.д.

Подсчет голосов начинался в 8 часов вечера, производился публично и продолжался до полного завершения без перерыва в присутствии не менее чем трех членов избирательной комиссии. На первом этапе производился общий подсчет конвертов и его результаты сверялись по избирательному списку с числом проголосовавших. Затем из конвертов вынимались по одной записке и подводился подсчет записанных на них имен.

Итоговый протокол подписывался всеми чинами участкового избирательного бюро. В него вносилось любое «устное или письменное заявление, сделанное избирателем по поводу замеченных им неправильностей».

По окончании подсчета голосов и после подписания протокола, последний, вместе с выборным листом, с избирательным списком, а также с заявленными письменными протестами и с теми избирательными записками, против которых также был заявлен протест, передавались в окружное избирательное бюро, прочие бюллетени уничтожались. При

этом по логике текста проекта следует, то это делалось одновременно с направлением итоговых материалов работы участковой комиссии в вышестоящую комиссию.

Общий подсчет голосов на основании данных, предоставленных участковыми избирательными бюро, производился на заседании окружного бюро либо тотчас после выборов, либо в день, ранее специально для этого назначенный председателем окружного избирательного бюро, не позже, чем через 10 дней после дня выборов.

Избранным признавался кандидат, за которого было подано больше половины всех записок (бюллетеней), признанных действительными. Если ни один из кандидатов не набирал абсолютного большинства голосов, признанных законно поданными, то назначались повторные выборы. При повторном голосовании избранным считался кандидат, получивший абсолютное или относительное большинство поданных голосов.

Результаты голосования оглашались председателем бюро публично. Протокол заседания Окружного избирательного бюро вместе со всеми документами направлялся в канцелярию Верховного Суда. Результаты выборов с указанием числа голосов, поданных за каждого кандидата в отдельности, сообщались канцелярии Палаты Народных Представителей.

Расходы по проведению выборов предполагалось распределить между бюджетами различного уровня. Так изготовление бланков для избирательных списков и протоколов относилось к обязанности Министерства Внутренних Дел, а все остальные расходы по проведению выборов предполагалось отнести на города и губернские земства.

Как уже отмечалось выше, проверка жалоб на правильность производства выборов по мысли авторов проекта, производилась Верховным судом – учреждением, отсутствовавшим в системе правоохранительных органов дореволюционной России и впервые предложенным в «освобожденческом» проекте Основного закона России, от которого в «муромцевском» проекте уже отказались. Это обстоятельство говорит не только о генетической связи «муромцевского» проекта с «освобожденческим» проектом, она четко прослеживается на совпадении с ним большей части текста «харьковского» проекта, но и о сравнительно раннем этапе работы Харьковского юридического общества над проектом избирательного закона.

Верховный Суд, по мысли авторов проекта, проверял правильность всех выборов, против результатов которых были заявлены протесты, занесенные в протокол или приложенные к протоколу участковых и окружных избирательных бюро (*комиссий* – В.С.). Депутат, избрание которого оспаривалось, а также все лица, заявившие протест против его

избрания, оповещались о времени проверки полномочий данного представителя и в случае явки в Суд должны были быть заслушаны в качестве свидетелей. Народный представитель, вплоть до отмены его избрания Верховным Судом, имел право участвовать в заседаниях Палаты Народных Представителей.

Завершающая, седьмая часть проекта (Общие постановления) при всей своей внешней формальности является значимой для определения предпочтений его авторов по такому вопросу, как рецептирование или аккультурация общедемократических принципов организации избирательного процесса, а также обязательности реализации принципа всеобщности голосования. По мнению авторов проекта, ранее уже вписавших в него наделение пассивным и активным избирательным правом лишь мужского населения страны, главным было не наличие в законодательстве формально-демократических институтов, а возможность их реализации в конкретных социально-политических условиях. Соответственно закон не предполагалось применять везде, «кроме местностей, где вследствие крайней редкости населения, производство выборов невозможно».¹ К ним был отнесён ряд уездов уезды Архангельской (4), Тобольской (2), Томской (3), Енисейской (1) губернии, Якутской (4), Приморской области (5) и Остров Сахалин. Таким образом, незначительность территорий, исключаемых из процесса голосования, распространение норм избирательного законодательства на большое количество народов, которые не вели на тот момент оседлый образ жизни.

В целом законопроект, основанный на общедемократических принципах голосования стремился учесть российские реалии начала прошлого века, сочетая вместе с тем в себе черты характерные для правой части либерального лагеря (отказ женщинам в праве голосовать и быть избранными), двухпалатный состав народного представительства, так и левого фланга российского либерализма. Полагаем, что обращение ко всему комплексу документов, составляющих либеральное наследие начала XX в, в т.ч. и регионального характера позволит реконструировать ту сложную и непростую атмосферу в которой происходило формирование, а затем и последующая трансформация правового символа российского либерализма.

Сравнительной анализ текста законопроекта с "муромцевским" убедительно показывает, что харьковский законопроект через Гредескула попавшего в Москву, более чем активно использовался создателями «муромцевского» закона. О последнем вполне можно сказать, что для

¹ Протокол заседания юридического общества при Императорском Харьковском Университете. 19 марта 1905 г. Харьков, 1906. С. 153.

российских либералов это был текст основного проекта Основного закона.

Иной подход содержался в т.н. «герценштейновском проекте» или проекте Основного закона Московской городской думы¹. Он, в отличие от ранее рассмотренных нами проектов, содержал лишь ряд общих положений, которые, тем не менее, дают представление об принципиально ином подходе его авторов к проблеме формирования общероссийских органов представительной власти.

Так, в главе, которая называется «О народном представительстве», указано, что «народное представительство осуществляется постоянным выборным государственным учреждением – Государственной Думой, состоящей из народного Собрания и Государственного Земского собрания.

По мысли авторов Народное собрание состоявшее из депутатов, избираемых на три года – на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Далее авторы проекта просто делали отсылку к подлежащему разработке новому избирательному закону.

В свою очередь Государственное земское собрание состояло, по тексту проекта, из государственных гласных, избираемых губернскими, крупными земскими и городскими думами городов, с населением от 50 тысяч жителей. Соответственно предусматривалось всеобщее введение земских учреждений из представителей, избранных из лиц, проживавших в соответствующих округах (предполагалось ввести в избирательный закон ценз оседлости). При этом процедура выборов на соответствующем собрании также предусматривала всеобщую, равную, прямую и тайную подачу голосов.

Проект конституции Екатеринославского земства² и внешне был менее всего похож на проект Основного закона, внутренне отстоял весьма далеко от либеральных идей, отмеченных в предшествующих проектах. По сути, он предлагал некоторую модернизацию правительственных предложений по формированию двухпалатного парламента.

Так, в частности, в проекте указывалось, что представляется поэтому необходимым и возможным сохранить существующий Государственный совет. Реформа последнего состояла в том, чтобы одну треть назначал глава государства, а две трети избираются соединенными коллегиями дворянских и земских собраний и городских дум.

Нижняя палата – Государственная дума – состояла по мысли авторов из представителей трудящихся социальных групп общим числом че-

¹ Московские ведомости. 1905. 12-13 мая.

² Проект Государственной Думы, составленный Екатеринославским земством «Право» // 1905 29 мая (№ 21)

тыре: земледельческое население, население городов, торгово-промышленный класс (предприниматели и рабочие), а также представители науки и просвещения.

Избирательным цензом обладал каждый совершеннолетний гражданин, имеющий земельное имущество, платящий квартирный налог (в городе) или обладающий ученой степенью. Таким образом мы видим целый ряд цензовых ограничений, находящихся, однако, в рамках одной логики – ответственности гражданина.

Система выборов в Государственную Думу в проекте предлагалась двухступенная: 2.000 избирателей выбирали первого выборщика, 100 выборщиков – одного депутата на каждые 200.000 душ населения. Каждая выделенная в проекте трудовая группа производила выбор самостоятельно. Предприниматели и рабочие подразделялись на две группы. Представители ученых коллегий производили выборы в Академии наук.

В итоге в Государственной Думе предполагалось иметь 810 депутатов. Соотношение их по социальным группам предполагалось следующее: от земледельческой группы – 617, от городского населения – 100, от предпринимателей – 24, от рабочих – 45, от ученых коллегий – 24.

Таким образом мы можем говорить о том, что спектр конституционного законотворчества был присущ всему либеральному лагерю, дав в качестве результата ряд проектов Основного закона, охвативших все оттенки либерального течения, от одноплатной Думы, избираемой на основе трёххвостки, проектов, максимально готовых к инкорпорации в действующие Основные законы и до проектов, предполагающих некоторые изменения в цензовой системе выборов.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ВЫБОРАХ В ПЕРВУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ (по материалам Костромской губернии)

Начало прошлого века стало для России временем ряда системных реформ, главные из которых относятся к социально-политической сфере. Совокупность кризисных явлений в экономике (один из первых мировых экономических кризисов), внешней политике (труднообъяснимое в общественном сознании поражение в сухопутной и морской войне с Японией), социальной сфере (борьба консолидированных социальных групп за возможность участия в политической жизни), государственном управлении (неисполнение намеченных целей и показателей в сфере социального управления) создали ту специфическую точку социально-политической бифуркации, которая в трудах В.И. Ленина получила название революционной ситуации.

Развитие событий в данном направлении подтвердило неэффективность традиционных методов управления исторической власти в т.ч. и в условиях кризисной ситуации. Сценариев выхода из сложившегося положения было сгенерировано несколько десятков,⁴ однако надежды, что удастся обойтись минимальными уступками привели к октябрьскому кризису 1905 г., когда социальный компромисс достигался крайними мерами в форме известного манифеста 17 октября.

Концептуальными следствиями этих процессов стали переход России к форме правления в виде ограниченной монархии, появление первой полноценной конституции (Основные законы в редакции от 23 апреля 1906 г.), появление в политической системе органа законодательной власти, изменение в нормативно-правовом обеспечении системы взаимодействия личности и общества принципиально новых принципов регулирования.

В рамках настоящей статьи мы предполагаем сосредоточить основное внимание на региональных аспектах реализации в России концепции введения в систему государственного управления двухпалатного

¹ Смирнов Иван Михайлович – ст. преподаватель ОрЮИ МВД РФ, к.и.н.

² Дряблов Сергей Александрович - сотрудник Академии ФСО.

³ Андросов Алексей Юрьевич - сотрудник Академии ФСО, к.т.н.

⁴ См.: Новосельский С.С. Правительственные проекты преодоления революционного кризиса 1905 г. в России. Автореф. дис. ... к.и.н. М., 2019.

законодательного органа (Государственного совета как верхней палаты и Государственной Думы, избираемой по куриальной системе, как нижней палаты).¹ В связи с фактически крайне ограниченным институтом выборов при формировании Госсовета, где лишь часть членов избиралась по корпоративно-сословной системе мы обратимся к практике нормативно-правового

Конечно в России существовали определённые традиции выборов. Однако в современном, на момент завершения XIX в., понимании электоральных традиций и практик, мы можем говорить только о выборах органы сословного представительства времён «Великих реформ» Александра II, среди которых наиболее интересны для нас Земская (1864) и Городская (1870). Иные опыты подготовки и проведения столь масштабных выборов в России не было. При этом земское самоуправление было искусственно и умышленно завершено на губернском уровне. Это вызвало к жизни известный лозунг двух поколений российских либералов: «Государь, увенчайте здание», своего рода концептуальный проект - призыв к созыву имперского земства.

Однако Николай II, опиравшийся на принцип сакральности высшей власти, изначально определил этот призыв как бессмысленные мечтания и дальнейшие реформы были вызваны исключительно системным социально-политическим кризисом. Вызванная этим поспешность и непоследовательность в проведении реформы избирательной системы России добавляли специфики в проведение первых имперских выборов в законодательное собрание.

Сегодня общепризнано, что важнейшим компонентом избирательной системы является специфика электорального поведения населения. В те, уже более чем вековой давности выборы, никаких формализованных исследований в данной сфере не существовало. Все, что составляет электоральное пространство, формировалось, фактически, одновременно – законодательство, партийные политические практики, система организации и проведения голосования и т.п. Однако целый ряд особенностей местностей и их населения уже был предметом изучения целого ряда научных направлений. Соответственно, изучение специфики применения общеимперского законодательства в российских губерниях вполне обоснованно и помогает создать общую картину первых в истории России общеимперских выборов.

¹ Государственная Дума в России. Сб. док. М., 1957. С. 90-91.

Фундаментальные институты сформированной в 1906 г. избирательной системы, многократно рассматривались как отечественными, так и зарубежными исследователями что избавляет нас от необходимости их анализа в настоящей статье. При этом общим в современном научном дискурсе является обращение к конкретным практикам применения нового избирательного законодательства в Костромской губернии. Научный анализ данного этапа становления избирательной системы страны в перспективе позволит сформировать полномасштабную картину становления данного института в России начала XX в.

Костромская губерния имеет в этом отношении в сравнении с иными губерниями России как общие, так и отличные черты. Одним из наиболее формальных и ожидаемых настроений в обществе была устойчивая коннотация в общественном сознании Костромской губернии с династией Романовых, неким заповедным уголком истинного русского монархизма высшей пробы, монархизма искреннего и чистого, с сильными традициями сакрального восприятия исторической власти. Ожидались и соответствующими действиями местной администрации, активно использовавшей, говоря современными словами, «административный ресурс».¹

Вместе с тем статистика итогов выборов на протяжении всей дореволюционной парламентской истории страны показала, что подобный наивный социологизм не оправдался. В четыре созыва дореволюционной нижней палаты депутатов либеральных партий, присоединившиеся к соответствующим фракциям и блокам было явно больше чем в соседних губерниях. Что же касается двух первых созывов, то там они явно доминировали. Поиском аргументированного ответа на вопрос о причинах подобного явления должно стать изучение историко-правовых аспектов нормативно-правового регулирования в конкретных местностях с целью выявления конкретно локализуемой региональной специфики.²

Говоря в контексте сформулированного нами ранее методологического подхода к изучению региональной практики организации электорального процесса следует отметить, что важным условием выступает полнота использования источников. К сожалению в ряде случаев методология юридического позитивизма стимулирует отказ либо крайне

¹ См.: Смирнов И.М. Костромские кадеты в социально-политической жизни России в годы Первой русской революции. Автореф. дис. ... к.и.н. Орел, 2015. С. 11-12.

² Белов А.М. «Привлекать достойнейших...» Положение о выборах Государственной Думы и избирательная кампания 1906 года в Костромской губернии // Губернский дом. Кострома. 2007.

ограниченное обращение к материалам личного характера, прессе, мемуарной литературе, публицистике и т.п. трудно формализуемых, а зачастую и факторизуемых источников.

В этом отношении весьма репрезентативна костромская печать начала XX в. Партии лево-радикального лагеря: социал-демократы и эсеры объявили бойкот выборам, что автоматически сделало либеральные партии самыми левыми из тех, за кого могли отдать свои голоса избиратели.

Из правых партий фактически лишь «Союз 17 октября» (октябристы) и Торгово-промышленная партия пыталась вести предвыборную борьбу в рамках новых возможностей. Не менее важным фактором, влиявшим на электоральный выбор стала политическая индифферентность крестьянских депутатов. Они просто не доверяли ни одной партии, называя их «господскими».¹

Они традиционно видели в Думе средство решить извечные российские крестьянские проблемы = облегчение налогового бремени и увеличение используемой земли за счёт помещичьей и иной частновладельческой земли. Эта часть избирателей, выборщиков, депутатов в газетах зачастую называли прогрессистами из которых, во многом, впоследствии, в Первой Думе образовалась фракция трудовиков.

Соответственно в землевладельческой курии правые партии представленные «Союзом 17 октября», Торгово-промышленным союзом и др. одержали победу в таких уездах как Кинешемский, Галичский, Солигаличский. Представители партии конституционных демократов; выиграли выборы в Ветлужском уезде, а прогрессисты – в таких уездах как Буйский, Юрьевецкий и Костромской. Прочие уезды губернии отдали свои голоса кадетам, октябристам и прогрессистам в практически равных пропорциях. В городах преваляровали кадеты и прогрессисты, победившие в 7 из 12 городов «Союз 17 октября и Торгово-промышленная партия одержали победу в таких городах как Кологрив, Кинешма, Нерехта.

Наибольшая интрига, что, в целом, характерно для тех выборов, относилась к выборам в губернском центре. 9 марта 1906 г. в выборах в в Костроме участвовало 2080 человек из 5790 (около 40%).² По их итогам в губернское избирательное собрание прошли 4 выборщика: Н.А. Огородников (1234), Н.В. Голованов (1130), А.В. Перелешин (1046),

¹ Костромская речь. 1906. 18 марта.

² Костромская речь. 1906. 14 марта.

З.Г. Френкель (1017) все представители кадетов. От «Союза 17 октября» прошёл лишь костромской городской голова Г.Н. Ботников (940).¹

Аналогично всей стране, независимо от ожидавшегося у них монархизма, подавляющее большинство крестьянских выборщиков относили себя не к правым, монархическим и промонархическим течениям, а к прогрессистам. Критерий отнесения себя к тому или иному направлению был крайне прост – требование увеличения крестьянских наделов без выкупа.

Что касается рабочей курии, то здесь ожидаемо победили выборщики социал-демократической ориентации несмотря на известный партийный бойкот выборов. 5 марта 1906 г. губернский съезд избрал 3 выборщиков от социал-демократа, 2 от сочувствовавших и 2 кадетов. Это создало ситуацию, когда стали возможны избирательные договорённости, ложившиеся в основу политической практики со всеми присущими ей специфическими отношениями между участниками электорального процесса.²

В губернском избирательном собрании - последней стадии избирания депутатов Государственной Думы по действующему законодательству («Положение о выборах» п. 3), его ведение вменялось губернскому предводителю дворянства или «лицу, его заменяющему, из выборщиков, избираемых съездами:

- а) уездных землевладельцев;
- б) городских избирателей ;
- в) уполномоченных от волостей и станиц».³

Соответственно 26 марта 1906 г. собрание выборщиков от Костромской губернии в составе 99 человек открыл П.И. Щулепников, губернский предводитель дворянства). Открытым голосованием собрание выбрало в помощь председателю двух секретарей (Н.А. Огородников (КДП), В.С. Соколов («Союз 17 октября»). Заседание проходило в Костроме в здании Губернского дворянского собрания на Павловской улице (сегодня это проспект Мира).

Далее в соответствии «Положением о выборах в Государственную Думу» (ст. 49), предполагавшая предварительные выборы Депутата Госдумы от крестьян. В них участвовало 29 крестьянских выборщиков, однако, что также традиционно для данной избирательной кампании, депутата избрать не удалось. Причин этого явления было в основном

¹ Костромская речь. 1906. 14 марта.

² Костромская речь. 1906. 18 марта.

³ Государственная Дума в России. Сб. документов и материалов. С. 40.

две. Во-первых большинство крестьян, узнав о материальном обеспечении депутат Госдумы (10 руб. за день работы Думы, что составляло месячный заработок рабочего), стремились лично попасть в Думу. Другой причиной был запрет избравших их общин примыкать к политическим блокам, что затрудняло достижение договорённости..

В результате кулуарных переговоров удалось сформировать некое большинство, которое 27 марта 16 голосами против 13 избрала депутатом Думы беспартийного прогрессиста П.Д. Горохова.¹ Второй представитель крестьян был избран от общего собрания голосами кадетов. В связи с этим партийным решением конституционные демократы губернии провели своего рода внутривнутрипартийное «мягкое рейтинговое голосование». В этом собеседовании участвовало трое отобранных ими выборщиков в результате чего «Экзамен выдержал» И.В. Замыслов.² Получил поддержку кадетов и кандидат от рабочей курии А.И. Смирнов, которого также поддерживали октябристы.

Это еще раз подтверждает склонность либеральных губернских организаций к поиску компромиссов в рамках первой в истории страны электоральной кампании.

Естественно, что кадеты Костромы не выступали в этом соглашении альтруистами. Их поддержка крестьянского кандидата предполагала взаимное голование за представителей партии.

В итоге этих политических в день решающего голосования 27 марта 1906 г. сформировалось большинство в количестве 51 человека (26 кадетов, 16 прогрессистов, 7 рабочих, 2 беспартийных). Следует отметить, что и представители «Союза 17 октября» (В.В. Соколов), торгово-промышленной партии (А.И. Коновалов в будущем министр Временного правительства), правые (А.А. Куломзин) обращались к представителям крестьян с аналогичными предложениями. Однако успеха они не имели. Современники объясняли это устойчивым восприятием их политических организаций как «господских».

Первое в истории Костромы Губернское избирательное собрание открылось в полдень. Первоначально прошло т.н. «рейтинговое» голосование. Было роздано 99 избирательных бюллетеней (на языке того времени «записок»). Избранная собранием счетная комиссия в составе В.А. Смирнова, В.А. Потехина и А.И. Красоткина подвела итоги голосования. Голоса распределились следующим образом: кандидат от рабочих А.И. Смирнов (77), земец П.А. Сафонов (57), Н.А. Огородников (54),

¹ Поволжский вестник. 1906. 28 марта.

² Костромская речь. 1906. 28 марта

И.В. Замыслов (51), З.Г. Френкель (42), А.И. Коновалов (33), В.С. Соколов (27), Г.Н. Ботников (26) и т.д.

Следующей стадией стало голосование (в языке эпохи баллотировка) шарами, постоянно применявшаяся в процедуре выборов в земские органы и дворянских собраниях. В результате второго этапа выборов А.И. Смирнов набрал 80 голосов, П.А. Сафонов – 63, Н.А. Огородников – 61, И.В. Замыслов – 59, З.Г. Френкель – 51 голос. Как набравшие наибольшее количество голосов они стали депутатами Государственной Думы Первого созыва. Прочие кандидатуры не преодолели минимум, рассчитываемый как 50% голосов + 1 голос.¹

Характерной чертой первых выборов стала попытка исторической власти максимально ограничить возможности избрания в парламент носителей не только революционной, но и либеральной идеологии. Выборы были куриальными и многостепенными. Однако, как показала практика, в т.ч. рассмотренная нами на примере Костромской губернии в 1906 г., поставленную задачу она не выполнила. Накопившийся в обществе порыв к политической свободе, к возможности участвовать в управлении делами страны применительно к своим повседневным чаяниям и нуждам оказался достаточным, чтобы в стране, имевшей весьма скромный опыт электоральных традиций соответствовавших текущему этапу европейской истории весьма быстро сформировались политические практики, позволившие провести на первых выборах весьма значительное количество депутатов, ориентированных на поиск путей масштабного, но, безусловно ненасильственного преобразования социально-политического строя страны.

В этом отношении Костромская губерния показала, что достаточно высокая партийная дисциплина, использование интеллектуальных ресурсов, умение идти на компромиссы, позволили либеральным политическим силам нейтрализовать надежды на стихийный монархизм крестьянства, а также известную революционность выборщиков от рабочих.

Неудача правых политических сил на выборах в Первую и Вторую Государственную Думу стала для правительства чётким сигналом, что даже в губерниях, где население считали лояльным к власти, ситуация гораздо более негативная. Решение, как известно из будущего развития событий, стало кардинальное изменение избирательного законодательства. Ставка была сделана не на поиск компромисса с парламентом, где сходились самые разные политические силы, представлявшие собой

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 39. Л. 5-18.

раздираемую социальными противоречиями страну, а на усиление представительства в парламенте лояльных власти социальных групп. Также была сделана первая в истории страны попытка сформировать в Думе проправительственную партию на базе депутатского корпуса «Союза 17 октября». Влияние данной практики на ситуацию в Костромской губернии предполагается рассмотреть в ряде последующих работ.

Источники

1. РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 39. Л. 5-18.
2. Костромская речь. 1906. 14, 18, 28 марта.
3. Поволжский вестник. 1906. 28 марта.

Литература

4. Новосельский С.С. Правительственные проекты преодоления революционного кризиса 1905 г. в России. Автореф. дис. ... к.и.н. М., 2019.
5. Государственная Дума в России. Сб. док. М., 1957.
6. Белов А.М. «Привлекать достойнейших...» Положение о выборах Государственной Думы и избирательная кампания 1906 года в Костромской губернии // Губернский дом. Кострома. 2007.
7. Смирнов И.М. Костромские кадеты в социально-политической жизни России в годы Первой русской революции. Автореф. дис. ... к.и.н. Орел, 2015.

ФРАКЦИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В ТРЕТЬЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ - ПОЛИТИКА МАЛЫХ ДЕЛ ИЛИ «ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЕРМИШЕЛЬ»

Выражение «законодательная вермишель» наряду с прачечной и оранжереей Юрьевского университета давно и прочно заняло место как в общеполитическом, так и в научном дискурсе как своего рода символ бесполезности и ненужности Государственной Думы, а, возможно и парламентаризма в России..

Это выражение было присуще и министрам, и представителям своего рода протопартии власти «Союза 17 октября» и либеральной оппозиции. Традиционно его значение было явно негативным, т.к. оно обозначало явление, уводящее Думу от концептуального законотворчества к конвейеру штамповки объективно малозначимых законопроектов., которые, с учётом специфики места и роли Думы в системе Государственной власти, были, скорее актами управления, достойными какого-либо министерства, но никак не высшего органа представительной власти Российской империи.

Однако, как показал анализ деятельности думской оппозиции в тот период, когда либералы и по численности, и по влиянию были далеко не на первых ролях, именно эта, т.н. «законодательная вермишель» порою составляла единственную возможность практической работы по реализации своих базовых целей в рамках т.н. «политике малых дел».

В настоящей статье рассматривается реализация данной теоретической парадигмы в практике фракции кадетов в Третьей Государственной думе на примере материалов так или иначе связанных с судебной реформой. Как известно, после неудачи с попытками масштабных изменений социально-политического строя России посредством системного законотворчества в стенах Государственной думы двух первых созывов, российские либералы, изначально в лице конституционно-демократической партии, были вынуждены

¹ Калугин Павел Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

² Золотухина Екатерина Керимовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

пересматривать место и роль этой деятельности в своей думской работе. Общая эволюция тактической линии российских либералов состояла в постепенном увеличении в законотворческих инициативах партии проектов рассчитанных в той или иной степени на достижение агитационно-пропагандистского эффекта.

Однако было бы неправомерным говорить о полном отходе кадетов от т.н. «органического» законотворчества. Фракция конституционно-демократической партии в Думе Третьего созыва была представлена целым рядом видных юристов и общественных деятелей. Они активно занимались не только резонансными проектами, примером которых может быть проект реформы местного суда, но и многочисленными проектами частного характера в области судебной реформы, которые, в силу особенностей формирования правового поля страны, вносились Министерством юстиции на рассмотрение Государственной думы.

Одним из этапов данной деятельности была работа в судебной комиссии. Значительное место в работе судебной комиссии и Думы в целом занимала т.н. «законодательная вермишель». По отношению к ней фракция конституционно-демократической партии заняла весьма взвешенную и прагматическую позицию – поддерживать «все то, что хотя бы и в малой степени улучшало существующий судебный строй, и отвергала все попытки его ухудшения».¹ К периоду Третьей думы, относится, в частности, работа над отклоненными усилиями либеральных депутатов, законопроект об образовании особых дисциплинарных присутствий в общих судах. Потенциально этот законопроект усиливал сословность судебной системы, что явно противоречило либеральным воззрениям в сфере судебной системы.

В контексте своих теоретических подходов фракция поддержала законопроекты об увеличении числа должностей судебного ведомства в местных судах, о связи со сторонами дела посредством почтовых отправок, о введении суда присяжных в ряде сибирских губерний. Позднее в третью сессию кадеты поддержали такие изменения в законодательстве как возложение на председателя окружного суда обязанности знакомить присяжных заседателей с наказанием, которое может быть наложено на подсудимого. Данное

¹ Третья Государственная Дума. Фракция народной свободы в период 15 октября 1908 г. – 2 июня 1909 г. Часть I. Отчет фракции. СПб., 1909. С. 44.

изменение законодательства с позиций сегодняшнего дня возможно выглядит несколько странно, однако, как отмечалось в анализе правоприменительной практики, проведенном либеральными юристами в начале XX в., нередко суд присяжных, полагая наказание избыточно жестоким, с точки зрения бытового восприятия, решал вопрос о виновности, даже при наличии доказательств, в пользу обвиняемого.

Также было поддержано конституционными демократами и право суда зачесть срок предварительного ареста в срок назначаемого наказания по уголовным делам. Добиться аналогичной нормы при аресте по делам политическим в порядке охраны, в связи с отказом октябристов от ранее обещанной в парламентских кулуарах поддержки, кадетам не удалось.¹

Четвертая сессия, по мнению фракции конституционно-демократической партии в области судебной реформы, не дала крупных законопроектов. В целом здесь можно выделить два законопроекта. Первый из них о выдаче преступников иностранным государствам. При этом точка зрения либералов о необходимости отказа в выдаче в том случае, если существует возможность применения к преступнику в стране куда его выдают, смертной казни не получила поддержки. Можно отметить, что это общее правило получило достаточно широкое распространение в современных национальных правовых системах в качестве частного принципа. Однако думское большинство Третьей думы не сочло этот вопрос принципиальным и провело его простым техническим большинством.

Что же касается второго законопроекта, то он был связан с порядком установления опеки над крестьянами-расточителями (растрата имущества семьи в результате выхода из общины). Согласно тексту законопроекта, решение вопроса об опеке передавалось волостному суду. Указание кадетов на то, что Думой уже принят закон о местном суде, где волостной суд упраздняется и вообще подобный суд это поддержка сословного неравенства во внимание приняты не были.²

¹ Третья Государственная Дума. Фракция народной свободы в период 10 октября 1909 г. – 5 июня 1910 г. Часть I. Отчет фракции. СПб., 1910. С. 48.

² Третья Государственная Дума. Фракция народной свободы в период 15 октября 1910 г. – 15 мая 1911 г. Часть I. Отчет фракции. СПб., 1911. С. 40-41.

В эту же сессию либералами также были поддержаны проект увеличения штатов окружных судов, судебных палат, судебных следователей, прокуратуры и судебных приставов. Это обосновывалось кадетами тем, что любое расширение штатов облегчает населению страны доступ к услугам правосудия, несмотря на приущие этой системе серьезные недостатки.

Пытаясь продолжать политику малых дел, кадеты в эту же сессию внесли ряд мелких законопроектов об общем порядке кассации для дел, разбирающихся непосредственно в Сенате, об отмене закрытии министром юстиции консультаций для присяжных поверенных и их помощников. Еще следует отметить законопроект, открывающий женщинам путь в адвокатуру. Он был внесен как реакция на решение Санкт-Петербургского окружного суда, поставившего под сомнение данное право у женщин. Однако эти небольшие проекты не были поддержаны октябристами. Несмотря на ранние договоренности и были похоронены в судебной комиссии.¹

В следующую сессию думы в области судоустройства кадеты в основном пытались противостоять мелким поползновениям министерства юстиции, связанным, например, с попытками ввести в состав общих судебных собраний особых членов для заведования делами землеустройства, по сути в качестве чиновников для особых поручений. В этом кадеты нашли поддержку остальной части Думы и проект Минюста не прошел.

Менее успешными были попытки противодействовать законопроектам «об учреждении кабинета научно-судебной экспертизы» (отсутствие научного ценза), «о наказуемости нарушения занятий правительственных, общественных и сословных установлений, учебных заведений и ученых обществ, а равно свободы публичных собраний», «об изменении постановлений действующего законодательства о преступных деяниях, уголовное преследование коих возбуждается по частной жалобе, а также о порядке производства дел об означенных преступлениях», где кадеты не получили поддержки других фракций.²

В целом можно согласиться с общелиберальной оценкой данной работы как примером политики малых дел. Однако, с другой стороны, учитывая, что это период пересмотра тактической, а в

¹ Там же. С. 43.

² Там же. С. 44.

чем-то и стратегической линии конституционно-демократической партии в сфере думского законотворчества, полагаем возможным говорить о «законодательной вермишели» в сфере реформирования судебной системы страны как о свидетельстве искренности позиции конституционных демократов. Они реально видели в своей работе в Государственной думе даже в условиях проправительственного большинства «партии власти» средство достижения конкретных результатов, на деле улучшающих положение населения страны.

Научное изучение данного направления либерального законотворчества также позволяет ввести в научный оборот в обобщенном виде малоизвестный фактологический материал, позволяющий показать еще одну сторону либерального законотворчества периода Третьей Государственной думы вообще и в области совершенствования судебной системы России в частности.

В качестве общего вывода представляется возможным сделать вывод о том, что фракция конституционно-демократической партии – главной партии российского либерализма, не имея возможности предлагать Думе собственные законопроекты либерального характера, вынужденно перешла к работе с тем, что в начале XX в. получило очень точное название «законодательная вермишель». Однако и здесь кадеты остались верны политике использования Думы для реализации любых возможностей улучшения положения населения страны, в данном случае в области судебной системы. Попытки использовать эту часть думского законотворчества в агитационно-пропагандистских целях отсутствуют.

ОБРАЗ БУДУЩЕГО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИБЕРАЛОВ В ПЕРИОД КРУШЕНИЯ СССР²

Приближается юбилей, который едва ли будут широко праздновать. События тридцатилетней давности, связанные с распадом СССР и крушением советской системы, сопровождались резкой активизацией общественной мысли. Свое место в этом процессе заняли и те, кого принято относить к представителям либерального направления.

Приходится сталкиваться с сомнениями в правомерности квалификации тех, о ком пойдет речь ниже, как либералов. Действительно, эти люди во многом – даже нередко в этическом плане – не похожи на своих знаменитых предшественников начала XX в. Но все же трудно ожидать, что за сто столь бурных лет не могут измениться некие мировоззренческие установки. Вместе с тем, остается приверженность базовым ценностям либерализма, прежде всего, к свободе в ее различных проявлениях, к акценту на индивидуализм, что вполне позволяет, на наш взгляд, говорить о наличии либеральной составляющей в отечественной общественной мысли конца прошлого века. Тот факт, что большинство тех, кого принято относить к либералам, сами вышли из прежней ими отвергнутой системы и даже порой имели в ней высокий социальный статус, не отменяет квалификации их идей как либеральных. Как известно, нет больших приверженцев новой веры, чем самые рьяные адепты веры старой.

Проблема будущего особенно остро встает в условиях крушения прошлого и настоящего. Такой ситуацией и стал период распада Советского Союза в условиях горбачевских реформ конца 1980 – начала 1990-х гг. Как известно, этот процесс сопровождался гласностью, позволившей свободно размышлять, в том числе, и над образом общества будущего. Ведь критикуя советскую историю и современность, политики, общественные деятели, ученые и публицисты должны были предложить альтернативу.

Сама проблема конструирования образа будущего возникла отнюдь не сразу с допущением гласности. Примерно до 1989 г. разговоры о будущем не выходили за рамки «совершенствования социализма», прида-

¹ *Маслов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета.*

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43005.

ния ему «человеческого лица». Речь, таким образом, еще не шла о принципиально новых идеях, выводящих образ будущего за привычные рамки. Впрочем, один из соратников М.С. Горбачева А.Н. Яковлев, которого вполне можно отнести к представителям либерального направления в высшем руководстве, позднее отмечал, что озвученные еще в начале «перестройки» идеи безъядерного мира, децентрализации экономики, обсуждение проблем демократизации общественной жизни уже тогда не могли не изменить облик государства¹.

Вышедшие из-под пера Яковлева записки, адресованные Горбачеву еще в 1985 г., дают представление об этапах развития либеральных представлений об обществе будущего. Яковлев такое общество по-прежнему называет социалистическим, но отдельные рисуемые им черты уже заставляют усомниться в такой характеристике. К этим чертам отнесены рыночная экономика, свобода информации, «нормальная система обратных связей», преодоление отчуждения человека от власти и собственности, многопартийность, демократия, создание условий для самостоятельности личности, гарантий ее прав, независимость суда, интеграция с Западом². Со слов Яковлева, реакция Горбачева была заинтересованной, но сами идеи генсек посчитал в тот момент преждевременными³. По свидетельству А.И. Лукьянова, в том же 1985 г. Яковлев ставил вопрос и о фермеризации сельского хозяйства и внедрении основ парламентаризма⁴. Позднее Яковлев признался, что уже тогда поставил под сомнение жизненность тезиса о «совершенствовании социализма»⁵.

Сведения такого рода дали впоследствии ряду исследователей основания подозревать лидеров «перестройки» в изначальном стремлении разрушить советский строй⁶. В данном случае представленный либералами в верхушке партии образ будущего ретроспективно использовался для выявления их подлинных взглядов на реформирование СССР и породил представление об изначальном замысле горбачевской команды на уничтожение Советского Союза.

Но на экваторе «перестройки», в 1988-1989 гг., либералы в открытую так далеко не заглядывали. Исключения, правда, были и раньше. Так, еще в конце 1970-х гг., когда Горбачев был лишь на подступах к

¹ Яковлев А.Н. Сумерки. М.: Издательство «Материк», 2003. С. 376.

² Там же. С. 378-383.

³ Там же. С. 383.

⁴ Лукьянов А.И. Современные Геростраты. За кулисами перестройки // Правда. 1995. 27 марта.

⁵ Яковлев А.Н. Указ. соч. С. 383.

⁶ См., в частности: Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М.: Крымский мост-9Д – ФОРУМ, 2011.

вершинам власти, в Ленинграде и Москве под руководством соответственно А.Б. Чубайса и Е.Т. Гайдара дискутировали молодые экономисты, уже тогда пришедшие к выводу о неизбежности замены плановой экономики рыночной¹. Но такую перспективу они рассматривали лишь для неопределенного будущего. Примечательно, что Гайдар и его сторонники резко отрицательно восприняли публикацию в журнале «Новый мир» (1987 г.) на шумевшей статьи поборницы рынка Л. Пяшевой (Попковой) за несвоевременность такой «вылазки»².

Выход в свет в 1988 г. знакового сборника с участием весьма либерально настроенной публики содержал целый раздел с любопытным названием – «Возвращение к будущему»³. И это не случайно, на многих страницах этого раздела можно найти призывы «вернуться» к подлинному Марксу или Ленину. Немало и привычных для того времени фраз о необходимости «улучшать социализм». Но что же дальше?

Предлагает А. Бовин, признавая «не оригинальность» своей гипотезы: «Я исхожу из того, что капитализм изживет себя. Ибо он – в любых вариациях и разновидностях – противоречит сущности человека, полной реализации, всестороннему развитию личности. Частная собственность – свидетельство неразвитости, социальной нищеты человечества – не может служить фундаментом справедливости, равенства, свободы...»⁴. Как и Бовин, А. Бутенко предлагает двигаться к «нормальному социализму», Д. Фурман – к «нормальной» культуре. Интересно при этом обоснование своего идеала будущего Фурманом: нормальная культура – это культура, основанная на полной свободе информации, поскольку общество «не может к ней не стремиться»⁵. Даже с учетом особенностей времени, когда это писалось, такое представление о «нормальности» не может не удивлять. Ведь вся культура, по сути, сведена к одной ее составляющей – свободе информации. О духовности, нравственности и других ценностях речь не идет совсем.

А с позитивным образом будущего у либералов никак не получалось. Даже будущий борец с колхозами и сторонник фермеризации Ю. Черниченко пока занимался тем же безобидным делом – боролся с прошлым. Г.Х. Попов еще не сдвинулся дальше полного хозрасчета. Примечательно, что на более чем полутора страницах текста упомянутого сборника, идущих под рубрикой будущего, какого-либо внятного

¹ Авен П., Кох А. Революция Гайдара: История реформ 90-х из первых рук. М.: Альбина Паблицер, 2013. С. 84-87.

² Там же. С. 88.

³ Иного не дано. М.: Прогресс, 1988.

⁴ Там же. С. 549.

⁵ Там же. С. 571.

образа этого будущего не просматривается вовсе. Современное изучение перестроечных текстов либерально настроенных деятелей создает впечатление, что эти тексты обращены не столько в будущее, сколько в недавнее советское прошлое, и ставят главной целью поскорее с ним расквитаться. Особенно досталось «сталинизму», без зубодробительной критики которого не обходился в те годы практически ни один опубликованный материал. Речь не идет об оправданности этой критики (это особый разговор), но показательно именно то, что в рамках разговора о будущем продолжалось активное добывание прошлого.

Как же получилось, что советские либералы от довольно туманных представлений об «усовершенствованном социализме» к концу «перестройки» перешли к вполне либеральным версиям будущего своей страны? Не считая тех, кто еще до «перестройки» разочаровался в социализме и не верил в то, что его можно усовершенствовать, часть либералов к более радикальным представлениям о будущем подтолкнула неудача горбачевских реформ, особенно в сфере экономики. Е. Ясин позднее вспоминал, что в 1989 г. он пришел к следующему выводу: «Каждая из двух систем – плановая и рыночная – внутренне очень логична... И в то же время эти системы абсолютно несовместимы. Что бы вы ни стали делать, если начинаете что-то менять, обязательно получится хуже, потому что нарушается целостность, внутренняя согласованность». Выбирать, по Ясину, можно было только одну систему, но т.к. плановая себя исчерпала, то неизбежным был переход к рынку¹. К таким выводам Ясина подтолкнул анализ предшествующих шагов реформаторов в 1987-1988 гг. – принятие законов о госпредприятии, о кооперации, об индивидуальной трудовой деятельности. Разрушительного в этих актах, по Ясину, было гораздо больше. Примечательно и то, что демократ по убеждениям Ясин осудил внедрение практики производственной демократии через выборность директоров предприятий, заметив, что «есть сферы, где должно быть жесткое руководство»².

В том же 1989 г. либеральные проекции будущего начинают просматриваться и в политической сфере. Их изучение интересно тем, что такие идеи высказывались еще в условиях сохранения руководящей роли КПСС, а антикоммунистическая оппозиция, в частности, на I Съезде народных депутатов СССР, еще находилась в численном меньшинстве. В этих условиях от либералов требовалась особая тонкость в озвучивании своих взглядов. И вот как в ходе одной из часто проводившихся то-

¹ Девяностые – годы тягот, надежд и свершений / Сост. Е.Г. Ясин; отв. ред. Н.М. Плискевич. М.: Социум, 2019. С. 20.

² Там же. С. 20-21.

гда дискуссий докладчик Л. Шевцова пыталась тогда же обосновать тезис об особой роли меньшинства в условиях только что объявленной демократии: «...сейчас, в момент перелома, особенно актуальна потребность обеспечить в процессе принятия решений права меньшинства, которое может стоять на более реформаторских позициях. Не исключено, что в определенных случаях нам придется отказываться от принципа консенсуса, компромиссов с тем, чтобы не разбавлять радикальную направленность политики... в период обновления общества возможны ситуации, когда именно опора на интересы реформаторского меньшинства [везде подч. мной – Д.М.] поможет выйти из кризиса...»¹ Недвусмысленный намек на меньшинство, подобное известной Межрегиональной депутатской группе, очевиден. Но ведь демократия предполагает принятие решения большинства при учете мнения меньшинства. Однако автор вышеприведенной цитаты явно трактует этот принцип по-своему.

При желании в словах Шевцовой тогда же можно было обнаружить идеи, которые сыграют свою роль на стадии дезинтеграции СССР. Но в тот период они прошли практически незамеченными. Шевцовой это было преподнесено так: «Что же касается государства, то развитие противоречий, борьба различных сил являются основой его сохранения... демократизация общества – это противовес чрезмерной роли государства, а усиление выборных органов – это уже распад традиционного государства, взрыв его изнутри»². Такой вот парадокс – чем больше противоречий, чем крепче государство! Как тут не вспомнить сталинский тезис об усилении классовой борьбы по мере движения к социализму. И хотя во второй части тезиса Шевцовой речь для подстраховки идет о распаде «традиционного» (а не всякого) государства, ближайшая социальная практика разрушила основы советского государства в любом его понимании. Некоторые участники дискуссии подхватили идею перехода от «сильного» государства к «эффективному», к чему призывал, например, Е. Амбарцумов. По его мнению, идея государства «всеобщего благоденствия» на Западе себя дискредитировала, став основой для «социального произвола и паразитизма». Государство будущего должно уйти от тотальной регламентации и выполнять, прежде всего, защитные функции³. Так либералами был поставлен вопрос о прямой связи между демократизацией СССР и перспективами его развития. Примечательно, что в вопросе о снижении роли государства в обществе взгляды либе-

¹ Социализм: между прошлым и будущим / Ред.-сост. В.П. Киселев, И.М. Клячкин. М.: Прогресс, 1989. С. 270.

² Там же. С. 270-271.

³ Там же. С. 276-277.

ралов в чем-то перекликались с коммунистической идеей об отмирании государства. Но это сходство лишь внешнее.

Либералы в своих прозрениях будущего не всегда были конкретны. В этом плане стоит присмотреться к взглядам бывшего сотрудника партаппарата, ставшего ярким либералом А.С. Ципко. В своей современной книге он называет в качестве идеала будущего переход к обществу «Правды» в противовес большевизму, проповедовавшему, по мнению Ципко, ложь. Причем к таким выводам, как уверяет автор, он пришел уже в годы «перестройки». Один из разделов своей книги он назвал: «Политика "гласности" как праздник "Правды-истины" по-русски»¹. Вывод Ципко звучит однозначно: «Ничего, абсолютно ничего не осталось в сознании читающей, думающей советской интеллигенции от того образа русской истории и образа социалистического строя, который десятилетиями внедрялся государственной пропагандой, учебниками истории КПСС»². Горбачев и его окружение (за исключением Яковлева) не понимали, что политика гласности – «не реализация идеалов пражской весны», а реализация «мечты, надежды подавляющей части российской интеллигенции, цвета российской нации на то, что Правда в конце концов вернется к русскому народу и, самое главное, освободит русский народ от советской власти»³. Возражая критикам гласности, немалая часть которых полагает, что гласность была насильственно внедрена в советское общество «сверху» или извне, Ципко называет ее «самым что ни на есть русским проектом». Вот как он объясняет разрушительную силу гласности (курсив Ципко): *«Правда во что бы то ни стало, даже если она своим потоком разоблачений снесет и меня, и всю страну... Перестройка Горбачева со своей политикой гласности была криком русской души от длительного запрета на Правду. Советская система погибла не только потому, что КГБ устал нести в своих руках карающий меч революции, но и потому, что душа русская устала от лжи»*. И далее Ципко со ссылками на русских философов неоднократно повторяет, что «русскому человеку нужна не истина, а Правда, причем Правда сразу и до конца»⁴. Ципко категорически отвергает объяснение распада СССР падением цен на нефть или разорительной гонкой вооружений, его вывод таков: «СССР убила горбачевская гласность»⁵. Он доказывает, что ценности успеха, частной инициативы не только не чужды «русскости», но и

¹ Ципко А.С. Перестройка как русский проект. Отечественные мыслители в изгнании о судьбе советского строя. М.: ООО «Издательство Алгоритм», 2014. С. 59.

² Там же.

³ Там же. С. 60.

⁴ Там же. С. 63-64, 66.

⁵ Там же. С. 108.

входят в культурный «код» русского человека, что и дает автору надежду на возрождение России в русле либеральных ценностей.

Уже вскоре, в 1990-1991 гг., в условиях свободы и крушения всего советского, отечественным либералам не нужно было столь тщательно формулировать свои мысли, как это мы видели по периоду второй половины 1980-х гг. Высказанные ими в самом конце «перестройки» идеи являются собой известный набор либеральных представлений о будущем России в русле рыночной демократии, поэтому за недостатком места не будем на них здесь останавливаться.

Из сказанного вытекают следующие выводы. В данном материале не ставилась цель дать систематическое изложение представлений либералов о будущем периода «перестройки». В те годы либералы активно откликнулись на поиски вариантов общества будущего. В этих поисках они прошли, за некоторыми исключениями, определенную, хотя и довольно быструю эволюцию от представлений об «улучшении социализма» до разрыва с социалистической перспективой. Причем разрыв этот поначалу преподносился в слегка завуалированной форме. И лишь когда крах советского проекта становился все более очевидным, либералы в своих зарисовках будущего стали полностью откровенными. Сама эволюция либеральных взглядов отражала как личную эволюцию представителей этой идеи, так и вызывалась ходом «перестройки».

Главный вопрос, конечно, заключается в том, смогли ли либералы предложить приемлемую для нашего общества версию будущего. Нередко можно столкнуться с отрицательным мнением на этот счет. В качестве его обоснования обычно приводится тезис о чуждости для России западного пути, который обычно рассматривается как синоним либерализма. Такое представление отличается категоричностью, а его некоторая поверхностность доказывается тем, что базовые ценности либерализма обрели немало сторонников в современной России. Однако есть своя правда и во взглядах критиков либерализма. Повседневная социальная практика показывает, что либеральные ценности стали основой мировоззрения отнюдь не всех россиян. Но даже и в среде тех, кто себя к либералам относит, можно заметить, что эти ценности препарируются в их сознании и поведении весьма специфически, с сильным налетом национальной традиции подозрительного отношения к индивидуальному успеху и богатству. Но это уже тема отдельного разговора.

НЕЗАВИСИМЫЕ БЕЛОРУССКИЕ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЭКСПЕРТЫ О БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ И РОЛИ РОССИИ В БЕЛОРУССКИХ СОБЫТИЯХ 2020–2021 гг.

С 2014 г. в Белоруссии начинает формироваться новая система представлений о России и отношениях с ней. Если ранее открытый негатив к России испытывала лишь прозападная оппозиция, то после крымских событий и начала конфликта на Донбассе белорусская власть также начала поддаваться алармизму, ранее явно присущему лишь оппозиции. Проблемы белорусско-российских отношений, роли России на постсоветском пространстве, ее влияния на внутренние белорусские события, перспективы интеграции и развития Союзного государства России и Белоруссии получили широкое освещение у белорусских экспертов всего политического спектра.

Стоит остановиться на взглядах двух экспертов либерального направления Артеме Шрайбмане и Евгении Прейгермане. Они могут рассматриваться как эксперты, относительно независимые от основных оппозиционных и провластных центров силы. Такая независимость условна, поскольку оба эксперта настроены прозападно, что автоматически повышает градус критики в отношении России, но в то же время они не полностью встроены в оппозиционную или провластную повестку, что позволяет им делать заявления, не слишком связанные с корпоративными требованиями власти или оппозиции.

Шрайбман в настоящий момент выступает как независимый эксперт. С 2016 г. сотрудничает с Московским Центром Карнеги «в качестве обозревателя по темам внутренней и внешней политики Белоруссии»². Прейгерман является членом белорусского Дискуссионно-аналитического сообщества «Либеральный клуб», а также учредителем и директором Совета по международным отношениям «Минский диалог»³. «Минский диалог» объявляется независимой площадкой, но в его работе преобладает прозападный вектор и критическое настроение к

¹ Гронский Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, Ведущий научный сотрудник Сектора Белоруссии, Молдавии и Украины Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук.

² Артем Шрайбман // Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/experts/1188> (дата обращения: 24.08.2021).

³ Евгений Прейгерман / Минский диалог // URL: <https://minskdialogue.by/team/employees/evgenii-preigerman> (дата обращения: 26.08.2021).

белорусско-российской интеграции¹. Именно к анализу заявлений этих двух экспертов мы обратимся, поскольку их высказывания в большей степени свободны от давления властной или оппозиционной среды, а подвержены лишь коррекции, связанной с прозападной ориентацией обоих экспертов.

Накануне голосования в Белоруссии были задержаны 33 россиянина, которые транзитом через Минск добирались в Африку для охраны нефтепромыслов. Официальные власти Белоруссии объявили задержанных россиян сотрудниками ЧВК «Вагнер», которые якобы прибыли специально для нагнетания обстановки во время голосования. Таким образом, официальный Минск обвинил Москву во вмешательстве во внутренние дела и в недружественном поведении. Вообще, антироссийская риторика власти началась ранее, когда Кремль стал настаивать на реальной интеграции, а не на обещаниях интегрироваться в обмен на российскую помощь. Однако антироссийский посыл, исходящий от властей, как выразился Шрайбман, «не заводит электорат Лукашенко», потому что «националисты никогда за него не голосовали, а его обычных избирателей – пенсионеров, жителей малых городов и деревень, бюджетников – происшествие скорее вгоняет в когнитивный диссонанс, потому что они не привыкли видеть врагов на востоке»². Шрайбман не говорит конкретно, что антироссийская риторика подорвала доверие белорусского электората к бессменному лидеру Белоруссии, но замечает в отношении альтернативных кандидатов в президенты, что их поддержка усиливается, «особенно если его [т.е. действующего президента – А.Г.] оппоненты, как и сейчас, не будут выступать с антироссийской повесткой, которую все чаще примеряет на себя президент»³. Таким образом, Шрайбман подчеркивает, что именно дискурс Лукашенко представляет собой антироссийскую повестку.

После выборов в Белоруссии начались массовые протесты. Несогласных с итогами выборов и хотя бы раз выходивших на протестные акции оказалось, по подсчетам оппозиционных социологов, около 1,46 млн. человек⁴, т.е. примерно 15% населения. Как заметил Шрайб-

¹ Балиев А. «Минский диалог» как отработка вариантов изоляции России // Ритм Евразии. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2019-10-19--minskij-dialog-kak-otrabotka-variantov-izoljacji-rossii-45498> (дата обращения: 26.08.2021).

² Шрайбман А. Меры по углублению недоверия. Что стоит за арестом вагнеровцев в Белоруссии // Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/commentary/82407> (дата обращения: 24.08.2021).

³ Шрайбман А. Меры по углублению недоверия. Что стоит за арестом вагнеровцев в Белоруссии.

⁴ Более миллиона белорусов хоть раз выходили на акции протеста, Лукашенко «не мог победить», большинство не хочет кризиса в экономике: исследование. Латвийский новостной интернет-портал Press.lv. URL: <https://press.lv/post/million-belorusov-vyhodili-na-aktcii->

ман по этому поводу: «Белорусская власть удобряла почву для сегодняшних протестов с начала года»¹. Однако в этом выводе с либеральным экспертом стоит не согласиться. Белорусская власть «удобряла почву» для протестов не с начала 2020 г. Она начала это делать раньше. Первые явные признаки «удобрения протестной почвы» можно отнести к 2014 г., когда официальный Минск не поддержал Кремль и не признал Крым российским, в отличие от массы населения, позитивно воспринявшей события Крымской весны. Тогда между властью и простыми людьми начал формироваться идеологический разрыв. В 2019 г. этот разрыв стал явным. Разочарование сторонников президента в его интеграционных намерениях и создало проблему серьезного уменьшения поддержки со стороны избирателей.

После начала протестов Кремль сразу же поддержал Лукашенко. Эта поддержка была с некоторыми оговорками, но все же явная. В массе сторонников протестов Россия стала терять популярность, потому что ее ассоциировали с режимом Лукашенко, на что обратил внимание и Шрайбман². Он ссылается на социологические опросы, которые показывают, что среди белорусов уменьшилась российская ориентация. Так, в сентябре 2020 г. базирующаяся в Варшаве Белорусская аналитическая мастерская провела опрос. На вопрос: «В каком союзе государств было бы лучше жить народу Беларуси – в ЕС или в союзе с Россией?» почти 52% выбрали Россию, а Европа оказалась популярной у 27%. В ноябре ответы на тот же вопрос показали, что стремление к союзу с Россией снизилось до 40%, Евросоюз укрепил свои позиции, его выбрали 33%³.

В то же время социологи «Chatham House» в ноябре 2020 г. задавали вопрос: «В каком геополитическом союзе лучше находиться белорусскому государству?». Ответы показали, что ЕС выбрали 9%, а союз с Россией – 27%⁴. Это достаточно сильно отличается от ноябрьских данных Белорусской аналитической мастерской. Правда, социологи «Chatham House» предлагали совершенно некорректный вариант ответа на вопрос «В каком геополитическом союзе лучше находиться белорусскому государству?». Этот ответ звучал так: «В союзе с Россией и ЕС

protesta-lukashenko-ne-mog-pobedit-bolshinstvo-ne-hochet-krizisa-v-ekonomike-issledovanie (дата обращения: 26.08.2021).

¹ Шрайбман А. Взаимное отторжение. Чем закончатся белорусские протесты // Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/commentary/82459> (дата обращения: 24.08.2021).

² Шрайбман А. Атрибут диктатуры. Что будет с симпатиями белорусов к России после протестов // Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/commentary/83396> (дата обращения: 24.08.2021).

³ Там же.

⁴ Взгляды белорусов на политический кризис. Результаты социологического опроса, проведенного с 20 по 30 апреля 2021 года. 2021. С. 23.

одновременно». В союзе с Западом и Россией в любом случае Белоруссии быть не придется, т.к. союз с одним центром силы не подразумевает нахождение в таком же состоянии с другим центром силы. Возможно, этот некорректный вопрос и дал такую статистику. Хотя тенденция большей поддержки России налицо.

Охлаждение отношения к России Шрайбман объясняет тем, что «слишком большая часть общества перестала отождествлять национальные интересы своей страны с политикой Лукашенко». Поддержка Москвы стоила ей симпатий какой-то части противников Лукашенко, которых «сейчас по всем признакам намного больше, чем в прошлые годы»¹.

Шрайбман делает вывод, что «благодаря поддержке Москвы и собственной антизападной риторике Лукашенко стал лидером самых пророссийских белорусов. Это отчасти объясняет, почему Россия не может от него откеститься. Любой другой белорусский лидер, который захочет иметь более широкую поддержку, чем Лукашенко, будет по определению менее пророссийским, потому что будет вынужден опираться и на сторонников нейтралитета»². Этот тезис либерального эксперта достаточно спорен. В Белоруссии пророссийски настроенные люди не воспринимают Лукашенко как своего лидера, потому что он не делает никаких реальных шагов к интеграции с Россией. Антироссийская риторика, исходившая от власти достаточно открыто с 2014 г. и достигшая пика в 2019 – первой половине 2020 г., не забыта пророссийскими белорусами. Также не забыты и негласный запрет георгиевских ленточек, отказы в проведении Бессмертного полка³ и многое другое.

Но Шрайбман понимает, что позитивное отношение к России в массе белорусов не ушло и еще долго не уйдет. Он ссылается как на ранние, так и на современные социологические опросы, делая вывод, что «ориентация белорусов на Россию скорее ценностно-эмоциональная, а проевропейские настроения более прагматичны. Евросоюз любят за то, что там лучше жить, а Россию за то, что «наша»⁴. Тем не менее, по мнению Шрайбмана, Москва показывает, что «нельзя быть пророссийским демократом. Нужно выбирать что-то одно»⁵. Эксперт почему-то не

¹ Шрайбман А. Атрибут диктатуры. Что будет с симпатиями белорусов к России после протестов.

² Там же.

³ Подробнее об этом см.: Гронский А.Д. Формирование новых символов Победы в Белоруссии // Общество и этнополитика: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Новосибирск, 24-26 сентября 2015 г. Под науч. ред. Л.В. Савинова. В 3 ч. Ч. 3. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2015. С. 34-42.

⁴ Шрайбман А. Атрибут диктатуры. Что будет с симпатиями белорусов к России после протестов.

⁵ Там же.

замечает пророссийскую оппозицию, которая начала институализироваться после 2014 г. Например, сопредседатель оргкомитета движения «Гражданское согласие» А. Агафонов является выходцем из либеральной оппозиционной прозападной Объединенной гражданской партии. Его нельзя назвать сторонником авторитаризма, он не поддерживает в том числе и нынешнюю белорусскую власть. Игнорирование подобного рода активности свойственно прозападным экспертам, т.к. эта активность не укладывается в упрощенную схему представлений о демократическом Западе и авторитарной России.

Шрайбман предполагает, что количество принципиальных противников союза с Россией может увеличиться настолько, «чтобы в белорусском обществе исчезло устойчивое до сих пор пророссийское большинство»¹. Эксперт уверен, что, если протестующие увидят, что «Лукашенко сдает страну, массовый белорусский протест из продемократического получит привкус национально-освободительной борьбы. Про устойчивое пророссийское большинство среди белорусов в таком случае можно будет забыть»². Также Шрайбман считает, что «выбирая между симпатиями к России и неприязнью к Лукашенко, средний белорус выберет вторую, более сильную эмоцию. Вписавшись за правителя, надоевшего, судя по всему, большей части общества, Москва не улучшит его образ в глазах белорусов, а испортит свой»³. Также Шрайбман выступает против появления в Белоруссии российской военной базы, будучи уверенным, что «эта тема в эмоциональное время может иметь внутри страны такие же последствия, как и форсированная интеграция. Подозрения в том, что Лукашенко завозит в страну “зеленых человечков”, мобилизуют протестующих»⁴. В данном случае происходит игнорирование того факта, что часть протестующих видят в Кремле силу, способную принудить Лукашенко уйти из политики. А его поддержка Кремлем в этом случае трактуется как подготовка к транзиту белорусской власти без серьезных потрясений. Появление в Гродно в 2021 г. учебно-боевого центра совместной подготовки военнослужащих России и Белоруссии также было объявлено прозападной оппозицией первым шагом к созданию повода постоянного присутствия российских вооруженных сил на территории Белоруссии. Но в реальности эта тема не подняла в белорусском обществе какой-то волны возмущений.

¹ Там же.

² Шрайбман А. Кредит на конституцию. Какими будут отношения Лукашенко и Кремля // Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/commentary/82697> (дата обращения: 24.08.2021).

³ Там же.

⁴ Там же.

Любые переговоры об интеграции и поддержка Лукашенко, по мнению Шрайбмана означает, что у протестующих «начнет накапливаться не только революционная, но и антироссийская энергия». Это заявление было сделано накануне встречи В. Путина и Лукашенко в Сочи в феврале 2021 г., которая «покажет, понимают ли это в Москве»¹. Но тенденции, представленные, например, в социологическом опросе «Chatham House», не подтверждают предположений Шрайбмана. Так, на вопрос «В каком геополитическом союзе лучше находиться белорусскому государству?» в ноябре 2020 г. за союз с Россией выступило 27% населения, в январе 2021 – 28%, а в апреле 2021 – 32%, т.е. после сочинской встречи президентов симпатии к союзу с Россией возросли. Доля желающих вступления в ЕС оставалась стабильной (9,8 и 9% соответственно)². Также нужно учитывать, что данный опрос касался только жителей городов, т.е. не охватил 22% сельских жителей, среди которых доля поддержки пророссийских и интеграционных инициатив достаточно высока. Помимо того, опрос проводился по Интернету, т.е. затрагивал наиболее социально активных граждан. Как пишут сами социологи, «поддержка Лукашенко и его политики может быть немного выше, чем отражено в опросе»³. Отношение белорусов к России также стоит корректировать с учетом того, что опрос «Chatham House» представил не полный срез общества. Поэтому симпатии белорусского населения к России явно выше заявленных 32%.

К тому же по поводу того, как белорусы на самом деле относятся к России, интересны мнения белорусских политиков не слишком пророссийского и абсолютно антироссийского толка. Например, бывший банкир и неудавшийся кандидат в президенты Белоруссии Виктор Бабарико в интервью ныне запрещенному оппозиционному изданию сказал о белорусах: «Мне кажется, став частью России, большинство из них скажет радостно “наконец-то!”. Скажут, поверьте!»⁴. Один из лидеров незарегистрированной партии Белорусская христианская демократия Павел Северинец в интервью 2019 г. (надо помнить, что этот год был пиковым с точки зрения антироссийской риторики официального Минска) описывал состояние общества так: «Много езжу по Беларуси, за последний год более ста двадцати городов, местечек и деревень... Сейчас для огром-

¹ Шрайбман А. Материалы съезда. Какой план транзита предложил Лукашенко белорусам и Кремлю / Московский центр Карнеги // URL: <https://carnegie.ru/commentary/83868> (дата обращения: 24.08.2021).

² Взгляды белорусов на политический кризис. Результаты социологического опроса, проведенного с 20 по 30 апреля 2021 года. 2021. С. 23.

³ Там же. С. 2.

⁴ Глава «Белгазпромбанка»: Белоруссия умирает как законченный наркоман / REGNUM // URL: <https://regnum.ru/news/polit/2856917.html> (дата обращения: 24.08.2021).

ного числа белорусов альтернатива Лукашенко – не лидеры оппозиции, а Путин. “Лукашенко достал, придет Россия и наведет порядок”, – вот что, посмотревшись телевизора, говорят люди. Противоречивые голоса десятка лидеров разрозненной оппозиции воспринимаются как побочный шум»¹. После начала протестов поддержка России снизилась. Но, похоже, в 2021 г. она снова стала медленно возрастать.

Другой независимый либеральный эксперт Прейгерман если рассуждает о России и ее влиянии, то чаще всего в контексте того, как это повлияет на возможность дрейфа республики в сторону Запада. Эксперт предлагает сравнить Белоруссию в 2011 и в 2019 гг. и делает вывод, что республика за это время изменилась в качественно лучшую сторону, а также подчеркивает, что «5–6 лет шли крайне позитивные процессы для общества, и важно было максимально долго их продолжать». Эксперт вспоминает отступление Дня воли в 2018–2019 гг., говорит о попытках преодоления ситуации, когда символы разъединяют людей (речь о националистических символах бело-красно-белом флаге и гербе «Погоня»), а также уверен, что в это время «сектор гражданского общества достиг развития такого, которое не имел за все предыдущие 25–26 лет»². В данном случае Прейгерман, говоря о гражданском обществе, имеет в виду исключительно прозападные организации, а под понятием «общество» подразумевает только прозападную его часть. «Крайне позитивные процессы», как это назвал Прейгерман, заключаются только в повышении градуса антироссийской риторики белорусских властей и демонстративном развороте на Запад. Именно в это время официальные власти начали воспринимать жалобы белорусских националистов на российские флажки, которые встречались в кбинах водителей общественного транспорта, именно в это время документально появился запрет на георгиевскую символику в День Победы, именно в это время состоялся суд над пророссийскими публицистами, которые предупреждали, что многовекторная политика белорусских властей приведет к кризису. За прогноз, который вскоре сбылся, публицисты получили по 5 лет с отсрочкой приговора на 3 года. За это время Белоруссия успела удосто-

¹ Павел Северинец: Если Россия попытается захватить Беларусь, она развалится // UDF.BY. URL: https://udf.name/news/main_news/186909-pavel-severinec-esli-rossiya-popytaetsya-zahvatit-belarus-ona-razvalitsya.html (дата обращения: 24.08.2021).

² Прейгерман: «Черно-белое мышление делает из нас мартышек, убивающих собственное государство» / Салідарнасць // URL: <https://gazetaby.media/post/prejgerman-chemo-beloe-myshlenie-delaet-iz-nas-ma/177432/> (дата обращения: 26.08.2021).

иться от США определения последнего бастиона против российского неоимпериализма¹.

Также Прейгерман видит в 2015–2019 гг. все больше расширяющийся диалог внутри Белоруссии по вопросам культуры и истории. Ситуацию того времени вряд ли можно назвать диалогом. Скорее, государство попыталось использовать оппозиционную историческую мифологию для поиска величия в прошлом и удревления самого прошлого. Пожалуй, апогеем этого стала 5-томная «История белорусской государственности», в которой белорусские исследователи заявили, что первый период белорусской государственности называется догосударственный, а его начало отнесено к 100 тыс. лет до н.э.² При этом 100 тыс. лет до н.э. на территории Белоруссии не было оседлого населения. К тому же в тот период Европу населяли не кроманьонцы, а неандертальцы³. Так что диалог властей и оппозиции по вопросам культуры и истории, скорее, можно назвать попыткой договориться, какие политические и исторические мифы можно использовать в ситуации дрейфа Белоруссии от России на Запад.

Прейгерман уверен, что уехавшие на Запад лидеры белорусских протестов не интересуют Кремль, т.к. «у Кремля есть совершенно четкое понимание того, с кем и как они готовы здесь разговаривать». А что в таком случае делать оппозиции, Прейгерман сказать затруднился, но образно описал состояние, в котором сейчас, по его мнению, находится белорусское протестное руководство: «Если ты понимаешь, что битье головой о стенку не приведет к тому, что стенка падет, но никаких других альтернатив у тебя нет, поскольку ты уперся в эту стенку, то вопрос – продолжать в нее биться или нет? Это, знаете ли, дело вкуса»⁴.

Сравнивая влияние на ситуацию Евросоюза и России, Прейгерман уверен, что ЕС неконкурентоспособен по сравнению с Россией. Он может получать объективную информацию из Белоруссии, но не способен ее адекватно воспринимать. Эксперт считает, что Западу необходимо

¹ Госдеп США: Белоруссия – «бастион против российского неоимпериализма» / EADaily // URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/10/20/gosdep-ssha-belorussiya-bastion-protiv-rossiyskogo-neoimperializma> (дата обращения: 26.08.2021).

² История белорусской государственности. В 5 т. Т. 1. Белорусская государственность: от истоков до конца XV I I I в. / отв. ред. тома: О.Н. Левко, В.Ф. Голубев. Минск: Беларуская навука, 2018. С. 6.

³ Подробнее см.: Гронский А.Д. История белорусской государственности между наукой и идеологией // Всеобщая история и историческая наука в XX–начале XXI века: сборник статей и сообщений: В 2 т. Т. 1 / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинецв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. С. 307–310.

⁴ Прейгерман: «У Кремля есть четкое понимание, с кем и как он готов здесь разговаривать» / UDF.BY // URL: https://udf.name/news/main_news/232046-prejgerman-u-kremlja-est-chetkoe-ponimanie-s-kem-i-kak-on-gotov-zdes-razgovarivat.html (дата обращения: 26.08.2021).

идти на диалог с нынешними властями Белоруссии, потому что отказ от такого диалога сужает Минску поле для маневра. Россия может настоять на размещении в Белоруссии, например, военной базы¹.

Вопрос о России в свете усиления санкционного давления Запада на Белоруссию оценивается Прейгерманом однозначно: «Единственное, что принесут санкции – это то, что Россия будет еще больше углублять и расширять свои возможности в Беларуси»².

Таким образом, условно независимые от белорусских властей и оппозиции либеральные прозападные эксперты рассматривают Россию как силу, стремящуюся заблокировать Белоруссии путь на Запад, который они связывают с единственно верным вариантом развития страны. Поддержка Россией белорусского президента Лукашенко оценивается ими в том числе и как механизм формирования широких антироссийских взглядов белорусов.

¹ Евгений Прейгерман: Геополитизация белорусского кризиса несет явную опасность всему региону / Thinktanks.by // URL: <https://thinktanks.by/publication/2021/08/20/evgeniy-preygerman-geopolitizatsiya-belorussskogo-krizisa-neset-yavnyuyu-opasnost-vsemu-regionu.html> (дата обращения: 26.08.2021).

² Там же.

Э. Фиоччи Маласпина¹

ИЗ ПЬЕМОНТА В РОССИЮ: ДЖАКОМО ДЖОВАНЕТТИ И МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ ВОРОНЦОВ О РЕГУЛИРОВАНИИ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ. (1842-1847)

1. Введение

Цель данной статьи - представить провинциального пьемонтского адвоката Джакомо Джованетти, жившего в Новаре в первой половине XIX в., и раскрыть до сих пор неопубликованную переписку Джованетти и губернатора Крыма и Новороссии Михаила Семеновича Воронцова, хранящуюся в Государственном архиве Новары (Италия), которая велась между 1842 и 1847 гг. по вопросам регулирования водоснабжения, орошения (и соответствующего законодательства) и выращивания риса.²

Джакомо Джованетти (1787-1849), юрист-эклектик, стал одним из самых важных пьемонтских юристов начала девятнадцатого века, король Карл Альберт считал его своим самым надёжным советником. Он активно участвовал в либеральных преобразованиях Савойского герцогства, способствуя проведению прогрессивных экономических и административных реформ³. Большую часть своей жизни он провел в городе Новара, где занимался юридической практикой, и именно эта деятельность в маленьком уголке Италии характеризовала его жизнь и многогранные интересы.

Джованетти, юрист из пригорода Новары, внес значительный вклад в развитие Королевства Сардинии: "провинциальный буржуа, который, несмотря на то, что жил далеко от столицы и центральной власти в Турине, оказал такое большое влияние на ход истории"⁴. Он был большим экспертом в области законодательства, регулирующего вопросы водопользования. Географический контекст, в котором он занимался своей профессией, город Новара и его окрестности с сельскими жителями, заложили основы его успеха в сфере законодательства о водопользовании, являющейся сложной и чрезвычайно специфической, но столь необходимой, особенно для савойских земель долины реки По. Управление водными ресурсами, проблемы, связанные с прохождением воды на соседние земли, ее использованием, организацией сети водных каналов

¹ Элизабет Фиоччи Маласпина – профессор Цюрихского университета (Швейцария)

² Эта статья основана на исследовании, опубликованном в: Fiochi Malaspina E. L'utile giusto: il binomio economia e diritto per l'avvocato Giacomo Giovanetti (1787-1849), Rubbettino, Soveria Mannelli 2020. P. 101 etc.

³ Дезза Э., Джованетти Джакомо // Бирокки И., Кортеше Э., Маттоне А., Милетти М.Н. (руководитель), Биографический словарь итальянских юристов (XII-XX века), иль Мулино. Болонья, 2013. Т. 1. С. 1006-1007.

⁴ Ла Сальвия С. Ломбардская журналистика: «Универсальные статистические отчеты» (1824-1844). Элиа, Рим, 1977. С. 353.

и созданием консорциумов водопользователей для целей орошения, были и остаются фундаментальными вопросами для городов и провинций, где все сосредоточено на сельском хозяйстве и промышленности.

Быть юристом в Савоие XIX в., в частности в районе Новары, означало, в первую очередь, реагировать на потребности формирующегося среднего класса, новых предпринимателей и знать, как вести диалог с обществом, находившимся в состоянии постоянной трансформации и в поисках новых стимулов, прежде всего коммерческих. Предприниматели, занимающиеся сельским хозяйством, были настоящими бизнесменами, так как управление полностью орошаемым поместьем было очень сложным занятием. Нужны были практические навыки, но в то же время фермерам требовались юристы, которые могли бы решить все вопросы, связанные с водозабором, фильтрованием и доставкой воды в различные местности. Для юристов это был вопрос регулирования, предотвращения споров или защиты своих клиентов в сложных вопросах, касаясь права прохода и концессиях на водоснабжение. Проблема была очень важной (как и сегодня), потому что в зависимости от орошения земля могла давать урожай в два и в даже в три раза больше.

Предпринимателю, занимающемуся сельским хозяйством, приходилось ежедневно иметь дело с "операциями по разделу земли, товарообменом и правами на воду, с платежами, которые часто были настолько отсроченными, что напоминали корпоративные облигации. Крупный землевладелец постоянно спорил с соседями, с арендаторами, с соседями арендаторов и с арендаторами соседей"¹. Джованетти удалось использовать свой профессиональный опыт в законотворчество. Он внес огромный вклад в составление статей о воде в Гражданский кодекс Савойи 1837 г.² В 1831 г. по просьбе Джузеппе Барбару, председателя комиссии, ответственной за разработку Гражданского кодекса Савойи, Джованетти занимался распространением концепции общественного водоснабжения на все природные водные ресурсы, включая как малые реки, так и озера³.

¹ Морреале Дж. Карло Негрони, бизнесмен XIX в., в Карло Негрони и его времени 1819-1896 гг. Материалы конференции, посвященной столетию со дня его смерти, под ред. М.С. Углиитти, Новара, Interlinea, 2000. С. 54.

² О Джованетти см.: Дезза Э. Джованетти Джакомо // Бирокки И., Кортеше Э., Маттоне А., Милетти М.Н. (руководитель), Биографический словарь итальянских юристов (XII-XX века), иль Мулино. Болонья, 2013. Т. 1. С. 1006-1007; Москати Л. О воде. Между общим правом и кодификацией Альбертина. Фонд Серджио Мочи Онори по истории итальянского права. Рим, 1993.

³ Москати заявляет, что «это составляет основу более обобщенной концепции государственной собственности, найденной в кодификации Карло Альберто, а затем в кодификации Объединения и в нынешнем Кодексе»: Москати Л. Водные уступки между общим правом и унитарной кодификацией. Цит. С. 340.

Джованетти также занимался вопросом добровольных сервитутов в отношении забора или отвода воды. Но прежде всего его усилия были сосредоточены на необходимости введения сервитута для общественных водопроводных сооружений, к которому прилагался ряд ограничений. По мнению Джованетти, на самом деле, система общественного водоснабжения могла проходить через любую землю для орошения любой собственности, даже если она находилась во временном пользовании¹. Это право было напрямую связано с правом "настаивания", благодаря которому концессионер мог вести обычный водный лизинг без каких-либо ограничений по времени, но за адекватное вознаграждение².

Джованетти стал представителем по вопросам законодательства, касающегося гарантии и защиты воды, ее отвода, а также объектов, пересекаемых общественными водопроводными сетями. Он также поддерживал, с другой точки зрения, введение конкретных правил для консорциумов пользователей (добровольных или обязательных), с тем чтобы конкретно определить обязательства, возлагаемые на пользователей и лиц, передающих или предоставляющих право³.

Фактически, когда составлялся Савойский кодекс, право настаивать было сочтено слишком вредным для частной независимости и не было принято; то же самое можно сказать и о консорциумах пользователей, чтобы избежать больших затрат или судебных разбирательств, которые привели бы к судебным искам⁴. Однако "наиболее важным и новаторским элементом Савойского кодекса", несомненно, была принудительная подача воды, "которая не встречается в Гражданском кодексе Франции или даже в римском праве, но основана на раннем савойском законодательстве, основанном на законодательной традиции и на практике долины По, еще раз отфильтрованная через мысли Джованетти"⁵.

Он также участвовал в разработке статей Уголовного кодекса Савойского королевства, обнародованного в 1839 г.,⁶ касающихся преступлений кражи воды и разрушения водопроводных сооружений, соответственно статей 723 и 724, которые затем стали статьями 678 и 679 Уголовного кодекса Государства Его Величества Короля Сардинии (1859)⁷.

¹ Дезза Э. Юрист Карло Негрони // Углиетти М.С. (ред.), Карло Негрони и его время. Интерлайн. Новара, 2000. С. 86.

² Там же

³ Там же; Москати Л. О праве «настаивать», цит. соч., Заметки Джованетти и вся работа, проделанная им для гражданской кодификации Савойи, сохранены в ASN, AG, конверт. 2, пачка. 5 / 1-3.

⁴ Москати Л. О воде. Между общим правом и кодификацией Альбертины. Соч., С. 247-248.

⁵ Там же. С. 251.

⁶ ASN, AG, b. 2, fasc. 5/3.

⁷ Статья 678 гласит: «Приговор до одного года тюремного заключения со штрафом до пятисот лир будет вынесен: 1. Кто незаконно добывает или заставляет добывать воду из любой

Благодаря своим обширным познаниям в области водного права, Джованетти прочно обосновался не только в Пьемонте, но и поддерживал контакты с высокопоставленными политическими деятелями по всему миру. В 1844 г. он написал "Du régime des eaux", в котором от имени генерального инспектора министерства сельского хозяйства Франции Мари-Жозефа де Морне предложил законопроект об ирригации во Франции. В 1845 г. португальский министр Антониу Хосе де Авила обратился к Джованетти за помощью в разработке правил для судоходного канала в регионе Азамбуджа, который будет построен параллельно реке Тежу по проекту миланского инженера Джулио Сарти.

Его слава достигла и Российской Империи. С 1842 г. у Джованетти была интересная переписка с губернатором Крыма и Новороссии Михаилом Семеновичем Воронцовым и с царем Николаем I по вопросам водных ресурсов, орошения и выращивания риса.

2. *Маркиз Филиппо Паулуччи делле Ронколе - из России в город Новара*

Контакты Джованетти с Россией начались в 1840-х гг. благодаря Филиппо Паулуччи делле Ронколе из Модены. Паулуччи лично прочувствовал и пережил важные моменты европейской истории, от восшествия на престол Наполеона до Реставрации¹. Он боролся против Франции практически всю свою жизнь, и это, как мы увидим, позволило ему приблизиться к высшим деятелям Российской империи.

трубы, реки, потока, ручья, родниковая вода, вода из канала или акведука, которая ему не принадлежит, и отводит ее для любого использования; 2. Тот, кто с этой целью ломает или перемещает плотины, шлюзы или аналогичные артефакты, существующие вдоль реки, ручья, трубы, ручья, источника, канала или акведука; 3. Кто бы ни воздвигал препятствия для осуществления права, которое другие могут иметь на эти воды; 4. Наконец, кто бы ни находился на одном и том же водном пути, узурпирует какое-либо право или нарушает законное владение другими. Вышеупомянутые штрафы также могут налагаться отдельно»; в то время как статья 679 касается водозаборов, шлюзов или водоводов, устанавливая, что: «Они наказываются как виновные в отчуждении воды в соответствии с условиями предыдущей статьи, те, кто, имея право добывать или использовать ее, злонамеренно построили водозаборы или шлюзы, или каналы в иной форме, чем установленная, или с пропускной способностью, превышающей объем их прав»: Уголовный кодекс для государств S. M. король Сардинии, Королевская типография. Турин, 1859. С. 207. О краже воды см. также Казалини Д. Общие принципы защиты и устойчивого использования пресной воды, в Лючия М.Г., Лазарини П. (изд.), Земля, которую я топчу. Для нового союза с нашей экзистенциальной и материальной сферой. Франко Анджели. Милан, 2015. С. 185.

¹ Дель Negro П., Паулуччи делле Ронколе Филиппо, в DBI. 2014. №. 81. С. 759-762. Также опубликован биографический роман о Паулуччи, М. Ло Ре, Филиппо Паулуччи. Итальянец, правивший в Риге. Books & Company, Ливорно, 2006.

Военный историк Пьеро Дель Negro рассказывает, как Андреас Эберхард Будберг фон Беннингхаузен (1750-1812)¹, русский дипломат, в то время министр иностранных дел, а также решительно настроенный против Франции, представил Паулуччи в 1807 г. царю Александру I, с которым он затем продолжил свою блестящую военную карьеру². В 1810 г. в крепости Ахалкалаки он победил персов и турок, получил звание генерала³ и стал одним из наиболее доверенных советников царя в войне против Франции в 1812 г., особенно в отношении решений об обороне Дрисского укрепленного лагеря⁴.

Личность Паулуччи хорошо описал Лев Николаевич Толстой, который видел его на военном совете в Дриссе, в романе «Война и мир». При императоре присутствовал "генерал-адъютант и сардинский выходец Паулуччи", который "был смел и решителен в речах"⁵, предлагая "план движения вперед и атаки, которая одна, по его словам, могла вывести нас из неизвестности и западни (как он называл Дрисский лагерь), в которой мы находились"⁶.

Стратегия, сформулированная Паулуччи, оказалась плодотворной, сделав возможной победу россиян. Царь оценил его способности не только военные, но и административные, и, видя положительный исход миссий, в 1812 г. назначил его Лифляндским и Курляндским генерал-губернатором⁷. Паулуччи восстановил столицу губернии - Ригу, которая была разрушена в результате сильного пожара⁸, и она стала процветать не только с городской, но и с культурной и социальной точки зрения. Уделялось внимание образованию, строительству дорог и каналов, освоению заболоченных земель⁹ и, прежде всего, различным попыткам отмены крепостного права¹⁰.

¹ Дель Negro П. Паулуччи делле Ронколе. С. 760. Что касается России и отношений с Францией, см. Ливен Д. Россия против Наполеона. Правдивая история кампаний Войны и мира. Лондон: Penguin Books, 2009.

² там же

³ Дель Negro П. Паулуччи делле Ронколе. Соч. С. 760.

⁴ Илари В., Маркиз Паулуччи: Филиппо Паулуччи делле Ронколе. Указ соч. С. 103.

⁵ Толстой Л.Н. Война и мир / перевод ит. Э. Карафа д'Андриа, Эйнаути. Турин, 1955. С. 36.

⁶ Там же. С. 45-46; Дель Negro П. Паулуччи делле Ронколе. Соч. С. 760.

⁷ Дель Negro П. Паулуччи делле Ронкол. Соч. С. 760. Паулуччи был не единственным итальянцем (и иностранцем) на службе у правительства России. О присутствии иностранцев и итальянцев при дворе российского императора см. Берти Г., Россия и итальянские государства в Рисорджименто, Эйнаути, Турин, 1957. С. 283.

⁸ Дель Negro П. Паулуччи делле Ронколе. Указ. соч. С. 760.

⁹ Илари В., Маркиз Паулуччи: Филиппо Паулуччи Делле Ронколе. С. 205.

¹⁰ Там же. С. 183 и последующие. О Паулуччи в Риге см. также Леплик Л. два представителя просвещенного абсолютизма - генерал-губернатор Филиппо Паулуччи (1779-1849) и Густав Эверс (1779-1830) в книге Майера К., Тумзера М., Тухтенхаген Р. (ред.), Труды Балтийской исторической комиссии, Lit Verlag, Berlin, 2011. Т. I. С. 101-120. Критическую реконструкцию Паулуччи, которого его современник Экардт рассматривал как итальянца, не знавшего

Историк Вирджилио Илари отмечает, что в 1814 г. Паулуччи подтолкнул царя к осуществлению ряда мероприятий, направленных на отмену крепостного права, освобождению крестьян и предоставлению им своего рода эмпфитевзиса¹. В 1818 г., несмотря на сопротивление дворян и почти на полвека раньше, чем на всех других территориях Российской империи, крепостное право было отменено на всей территории Курляндии (регион современной Латвии) Елгавской декларацией².

Однако интересы Паулуччи были сосредоточены не только на Лифляндии и Курляндии. В еще не опубликованном меморандуме от 22 апреля 1814 г. он указал царю на необходимость принятия мер посредством ряда реформ, направленных на изменение российской экономической политики. В этой рукописи, озаглавленной «*Quelques remarques sur le commerce actuel en Russie*», Паулуччи описал территориально-географическое строение России, а также дал оценку экономической ситуации с 1790 по 1813 гг., приложив некоторые сводные таблицы, сравнивающие таможенные пошлины в России и Пруссии³.

Маркиз предложил царю несколько возможных решений для борьбы с экономическими трудностями и размещения России в центре европейских рынков. Среди множества проблем выступал острый вопрос контрабанды. По этому поводу Паулуччи выдвинул следующие предложения: реформа таможенных пошлин путем их снижения; достижение справедливого баланса между импортом и экспортом; обеспечение защиты и поддержки за рубежом, особенно в случае захвата русских судов морскими разбойниками; обеспечение удобной торговли для приморских городов, позволяющей заключать контракты с оплатой не только рублями, но и серебром и "банковскими ассигнациями"⁴; упрощение таможенного администрирования, оставляя решения по всем компетентным делам в первую очередь таможенным служащим; постоянный мониторинг пунктов пересечения границы, чтобы уменьшить проблему контрабанды и связанного с ней насилия⁵.

Интересно отметить, что упомянутая выше копия рукописи «*Quelques remarques sur le commerce actuel en Russie*» на самом деле

немецкого языка, с особым и трудным характером, см. Й.В.А. фон Эккардт, Йорк и Паулуччи, файлы и статьи по истории Таурогенской конвенции, отредактированные из поместья Гарльба Меркеля, Verlag von Veit & Comp., Лейпциг 1865, С. 32.

¹ Эмпфитевзис - вещное наследуемое отчуждаемое право владения и пользования чужой землей с обязанностью вносить арендную плату в пользу собственника и не ухудшать имущества Илари В. Маркиз Паулуччи: Филиппо Паулуччи делле Ронколе, Указ. соч. С. 183.

² Там же. С. 192.

³ ASN, AG, b. 1, fasc. 3/20.

⁴ там же

⁵ там же

хранится в коллекции Джованетти в Государственном архиве Новары: вероятно, маркиз отправил ее своему другу Джованетти по поводу переписки с Михаилом Семеновичем Воронцовым¹.

С восхождением на престол Николая I карьера Паулуччи постепенно начала связываться с Западной Европой. В 1829 г. он решил оставить свою работу и переехать в Париж, где познакомился с королем Сардинии Карлом Феликсом, который назначил его генералом армии и генеральным инспектором пехоты на период 1830-1831 гг.²

В 1832 г. король Пьемонта послал Паулуччи в Новару в качестве губернатора. По прибытии в этот провинциальный город Савойского королевства он установил тесные связи с Джакомо Джованетти. Между ними возникла искренняя дружба и взаимное уважение о чем свидетельствуют многочисленные письма, которыми они обменивались, особенно когда всего через год после прибытия в Новару Паулуччи был переведен в Геную в качестве государственного министра, генерала армии и генерал-губернатора. Паулуччи занимал эту должность до декабря 1847 г.³

Следует отметить, что Паулуччи всегда поддерживал связь с Россией, и, в частности, с Сергеем Александровичем Кокошкиным (1792-1873), полномочным российским посланником в Турине⁴. Кроме того, со времен своего губернаторства в Риге Паулуччи регулярно переписывался с Карлом Васильевичем Нессельроде, бывшим советником посольства в Париже с 1807 по 1811 гг., министром иностранных дел в Санкт-Петербурге с 1814 по 1856 гг.⁵ и с Михаилом Семеновичем Воронцовым, который в то время был губернатором Крыма⁶.

¹ там же

² Дель Negro П. Паулуччи делле Ронколе. Указ. соч. С. 760.

³ Там же. В Государственном архиве Новары находится двадцать восемь писем, отправленных Паулуччи Джованетти между 1832 и 1845 гг. ASN, Finazzi Collection, b.2261. Есть также упоминания о Паулуччи в письмах между Луиджи Сибрарио и Джованетти: см. Письмо №. 6, 20 ноября 1847 г., в F. Gabotto, Lettere inedite di Luigi Cibrario a Giacomo Giovanetti (1835-1848), в «Il Risorgimento italiano». 1917. №. 10. Фас. 3, С. 233-234, где делается ссылка на намерение Паулуччи уйти, вопрос, снова упомянутый 23 ноября 1847 г., письмо № 7. Там же. С. 235-237.

⁴ В статьях Джованетти, Какошкин. Он был советником посольства в Лондоне и Париже. Российский дипломат был полномочным министром в Неаполе с 1853 по 1860 гг. О внешней политике России в этот период см. Д. Шиммельпенник вад дер Ойе, Внешняя политика России: 1815-1917 // Ливене Д. (ред.), Кембриджская история России. Т. 2. Имперская Россия 1689-1917. Кембридж: Изд-во Кембриджского университета, 2008. С. 554-574.

⁵ Нессельроде также подписал Парижский мирный договор 1856 г. от имени России. Биографический портрет министра см. в: Арнольд Г. Нессельроде Карл Васильевич, граф // Исторический словарь Крымской войны. Лондон: Scarecrow Press, 2002. С. 93-94.

⁶ Самая полная работа о Воронцове - Райнлендер А.Л.Х. Граф Михаил Воронцов, наместник царя. Монреаль: Изд-во McGill-Queen's University Press, 1990; Там же. Имперская политика России: управление Кавказом в первой половине XIX в. // «Канадские славянские записки». 1975. № 17. С. 218-235; Гаммер М. Воронцовский поход 1845 г.: реконструкция и переосмысление // Политическая мысль и политическая история: исследования памяти Эли Кедури.

Между 1842 и 1844 г. Сергей Александрович Кокоскин, Карл Васильевич Нессельроде, Михаил Семенович Воронцов и Филиппо Паулуччи согласовывали, среди прочих тем, порядок и способ выполнения порученной Джованетти задачи по составлению меморандума о выращивании риса и о водном законодательстве, и о его представлении на рассмотрение в Российской империи.

3. *Из Санкт-Петербурга в Новару: переписка Джованетти по Крыму (1842-1847) для "процветания великой нации"*

Царь и министр Нессельроде знали имя Джованетти из серии документов, отправленных Миланским корпусом инженеров-водников и дорожников Меттерниху, а затем в Санкт-Петербург¹, которые касались выращивания риса. По предложению миланского инженера Джулио Сартти в 1840-х гг. Джованетти установил прямой контакт с Россией благодаря маркизу Паулуччи.

Летом 1842 г. маркиз в письме, адресованном Нессельроде, описал большой опыт Джованетти, приобретенный в регулировании выращивания риса, в отношении законодательства в области здравоохранения и водных ресурсов, высоко оценив его навыки и профессионализм². Он предложил Джованетти как человека, наиболее подходящего для того, чтобы высказать свое мнение о том, как улучшить сельскохозяйственную ситуацию и орошение территорий юга России, в то время управляемых Воронцовым³. Документ включает перевод письма, отправленного Джованетти царю, в котором, помимо того, что он поставил себя на службу российскому правительству, он, уверенно уточняет, каким может быть его вклад: «Мои работы, мои заметки являются ценным имуществом для моей семьи не в том смысле, что они когда-либо смогут извлечь из этого какую-либо денежную выгоду, а в том, что они являются свидетельством репутации, славы, которую каждый хочет оставить после себя. В связи с этим сообщаю правительству России наиболее полные результаты своей работы вместе с пояснительными рисунками, которые дают полное представление о сущности представленного проекта. Вместе с тем я готов ответить на любые вопросы, которые мне будут заданы, как о культуре водопользования и наилучшем распределении

Лондон: Изд-во Фрэнк Касса, 2003. С. 67-87; О Воронцове см. Также Авалиани С.Л., Граф М.С. Воронцов и крестьянский вопрос // Записки императорского одесского общества истории и древностей, 1913. № 31. С. 46-50; Дондуков-Корсаков А.М. Князь Михаил Семенович Воронцов // Старина и новизна. 1902. Вып. 5. С. 119-154.

¹ Москати Л. О воде. Между общим правом и кодификацией Альбертины. Указ. соч. С. 257-258.

² ASG. AG. B. 1. Fasc. 3/20.

³ См. также: Письмо Паулуччи от 24 июня 1842 г. российскому правительству // ASN. Finazzi Collection. B. 2261.

воды, так и обо всех связанных с этими процессами отношениями в сфере экономики и общественной гигиене.

Проведя свою жизнь в стране, где выращивание риса более обширно, чем в Ломбардии, где относительная нехватка воды заставила опробовать самые различные способы её использования, заставила увидеть все трудности регулирования водопользования. Я лично владел обширными участками земли, ведение сельского хозяйства на которых требовало заниматься самыми сложными юридическими вопросами водопользования, что стало практической основой моих специальных знаний по этому вопросу. Полагаю, что с полным правом могу сказать, что я принадлежу к очень небольшому числу тех, кто мог бы предоставить российскому правительству информацию, позволяющую воспользоваться многовековым опытом Италии для развития Крыма».¹

27 августа 1842 г. из Санкт-Петербурга Нессельроде ответил Паулуччи от имени царя, подчеркивая срочность начала регулирования сельского хозяйства и ирригации в Крыму с помощью соответствующих мер, для того чтобы способствовать его развитию: «Все, что связано с водными ресурсами имеет большое значение для сельского хозяйства средней полосы России, где в силу общих условий ведения хозяйства уже давно чувствуется необходимость разумного распределения этой [...] составляющей сельскохозяйственного производства. В результате император соизволил с неподдельным интересом ознакомиться с проектом, который вы любезно предоставили нам».²

Он также с большим энтузиазмом принял идею о сотрудничестве с шевалье Джованетти: «Император поручает мне выразить вам особую благодарность, господин маркиз, за то, что вы любезно предоставили нам информацию о шевалье Джованетти. Сегодня я приглашаю нашего посла в Турине для передачи через него, важной информации, по вопросу о сотрудничестве о котором, Ваше Превосходительство, вы сообщили нам и мы всецело полагаемся на Вас, господин маркиз, в надежде, что вы не откажете нам в вашей возможности оказать влияние на шевалье Джованетти, с той целью, чтобы он посвятил себя работе, на результаты которой мы возлагаем особые надежды, ввиду важности решения этого вопроса. Выражаю полную уверенность в том, что эти труды найдут справедливую награду и в благосклонности императора, и в искреннем признании всего земледельческого населения Южной России».³

¹ ASG, AG, b. 1, fasc. 3/20.

² Там же

³ Там же

Паулуччи отправил Джованетти копию письма, доказывающего интерес русской стороны, будучи уверенным, что его друг "должным образом оправдает справедливые ожидания Российского Императора"¹.

Джованетти, принявший на себя многочисленные обязательства, 28 сентября 1842 г. написал Кокошкину, информируя русского дипломата, о том, что Паулуччи связал его с царем и графом Воронцовым, для консультаций по выращиванию риса и управлению водными ресурсами, особенно в Крымских землях². В письме он повторил свое твердое убеждение, что "сельскохозяйственное производство" является "истинным богатством нации"³.

Итак, в 1843 г. между 16 и 17 мая Джованетти написал большое письмо Воронцову в котором он объявил о намерении составить труд, разделенный на семь книг, но подчеркнул, что для того, чтобы выполнять свою работу наилучшим образом, ему необходимо иметь точные данные о качестве земли, характеристиках водотоков и относительных гидравлических теориях, применяемых при управлении ими. Джованетти задал губернатору двадцать четыре открытых вопроса, интересуясь, какое количество воды можно взять из рек; возможно ли направить горные источники в нужное русло, создав каналы для их распространения; каково было строение и наклон русел рек; каков был характер земли и какое количество воды она впитала после поступления или после дождя; какие гидравлические теории применялись; были ли поля предназначены для пастбищ или рисовых полей; были ли в Крыму искусственные каналы, сколько их и как они были спроектированы; какие были температуры и насколько холодно было зимой; и то же самое летом; оценка объема дождевых вод в год; каково было количество снега зимой; когда начинается и заканчивается зима и лето; как далеко находилась земля от населенных пунктов; каков был аграрный севооборот земли; есть ли леса с деловой древесиной и какое количество питьевой воды, необходимо населению⁴. Все это помогло бы составить полное представление о ситуации, для того чтобы была возможность составить аналитическую записку и внести свой вклад "*à la prospérité d'une grande Nation*"⁵.

В том же письме Джованетти, ссылаясь на свои знания и умения, и проведенное первоначальное исследование, предугадал, что, вероятно, может существовать несколько факторов, которые могут сделать сель-

¹ Там же

² ASN. AG. B. 1. Fasc. 1/16.

³ там же

⁴ ASN. Finazzi Collection. B. 2261.

⁵ Там же.

скохозяйственную ситуацию в Крыму непредсказуемой¹. Однако, не имея полного обзора, Джованетти предпочел описать ситуацию в Пьемонте, как бы интерпретируя в качестве "общей" и универсальной определенную динамику и методы, которые управляли сельским хозяйством и ирригацией в Пьемонте².

Именно по этой причине Джованетти предложил графу Воронцову отправить нескольких молодых людей в Новару на период обучения в Гражданский институт искусств и ремесел Беллини, чтобы изучить всё о воде и орошении. Затем они могли бы вернуться в Крым и напрямую применить то, что они изучили³.

В этом важном документе Джованетти разъяснил отношения между законами, промышленностью и обществом. Законы, по его словам, в интересах большинства регулируют осуществление "интеллектуальной деятельности и свободы личности", но они ограничены в том смысле, что не могут создавать торговлю и промышленность. Для этого, по мнению юриста, нам нужны способные люди, которые могут достичь общего блага на основе хороших принципов и хороших методов, говоря "с народом мощным языком фактов"⁴.

Отправив это большое письмо, Джованетти долго ждал ответа, но, к сожалению, напрасно. Меморандум по орошению и водоснабжению для России очень убедительно переплетается с подготовкой к изданию шедевра Джованетти «*Du régime des eaux*» ("Режим водоснабжения"), написанного для французского правительства. 28 декабря 1843 г. Джованетти написал немецкому юристу Карлу Миттермайеру, что "моя русская работа [...] есть не что иное, как развитие того, что я делал в то время, когда предлагал статьи нашего кодекса по вопросу водоснабжения"⁵. Эти слова демонстрируют скромность Джованетти в отношении такого большого и амбициозного проекта, потому что, как мы вскоре увидим, он сделал гораздо больше.

31 декабря 1843 г., как писал Джованетти в своем письме Кокошкину, Воронцов еще не прислал информацию по Крыму и, следовательно, он не мог продолжать свою работу⁶. В том же письме он указал на свои

¹ Москати Л. О воде. Между общим правом и кодификацией Альбертина. Указ. соч. С. 259.

² ASN. Finazzi Collection. B. 2261.

³ Там же

⁴ ASN. AG. B. 1. Fasc. 1/25.

⁵ Письмо Джованетти Миттермайеру от 28 декабря 1843 г. // Поло Фриз Л., Нагари М. Происхождение «*Du régime des eaux*». Джан Доменико Романьози // L. Polo Friz (ed.), Bonghi, Butler, D'Azeglio, Giovanetti, King, Rossi, Queen Victoria. Storie di terra, Storie di lago, Interlinea, Novara, 1997. P. 87.

⁶ Москати Л. О воде. Между общим правом и кодификацией Альбертина. С. 261.

трудности с литографией чертежей, в частности с изображением машины для обмолота риса¹.

Тем временем, закончив «*Du régime des eaux*» всего за двадцать дней, он отправил его российскому дипломату в Турин, а еще два экземпляра отправил в министерство в России². 9 января 1844 г. Джованетти изложил Кавуру основные моменты проекта и важность работы для огромной Российской империи, особенно на юге³. 10 февраля 1844 г. Джованетти написал Миттермайеру, что царь просил «его министерство разработать более общий проект, который, в свою очередь, охватывает и общественные интересы и общественное здравоохранение».⁴

13 марта 1844 г. Джованетти сообщил политику и историка Луиджи Чибрарио, что, несмотря на то, что эта должность является для него большой честью, он испытывает некоторые трудности в продвижении работы в России. Он рискнул затронуть острый вопрос о том, что в России необходимо четкое законодательство по вопросу собственности, и это также напрямую повлияет на государственную собственность:

Что касается меня, то я, конечно, не против одобрительного отзыва и буду гордиться им; но я бы предпочел, чтобы самодержец воспользовался тем малым, что я могу ему дать, или чтобы он издал закон, который улучшил бы экономическое состояние земель его империи, нуждающихся в орошении. Беда в том, что состояние собственности там все еще регулируется восточно-германским принципом, который отличает личную собственность от купленной, и та считается неотчуждаемой для семьи. Это еще пока не система великой османской культуры. Русские уже сделали большой шаг к естественному экономическому порядку, который признает личное присвоение как необходимую основу, но в отношении собственных имущественных благ они еще не перешли от идеи господства семьи к идее господства личности. Это трудный шаг, но не невозможный, и особенно для Николо, более энергичного и более проинициативного героя, чем он, не найти в истории⁵.

21 апреля 1847 г. он снова упомянул о русском меморандуме своему другу, сказав, что закончит его к лету⁶.

¹ Там же.

² Там же. С. 262. Примечание 33.

³ Там же. С. 262. Примечание 44.

⁴ Письмо Джованетти Миттермайеру от 10 февраля 1844 г. переведено в Polo Friz L., Nagai M. *La genesi del «Du régime des eaux»*. P. 92.

⁵ Как сообщалось у А. Коломбо, Л. Чибрарио, Джакомо Джованетти, директора Карло Альберто в его переписке с Луиджи Чибрарио, в «Итальянском историческом журнале *Il Risorgimento*. 1931. № 24. С. 314.

⁶ Письмо от 21 апреля 1847 г. Там же. С. 347.

Рукопись для русского правительства, от которой осталось только введение, была написана в 1842 г. Три варианта сохранились в Государственном архиве Новары, а последний, написанный переписчиком, можно идентифицировать как окончательный вариант.

Введение, состоящее из двадцати четырех параграфов, пронумерованных римскими цифрами, должно было положить начало обширной работе по социальной экономике. В первой книге Джованетти должен был проиллюстрировать различные способы использования воды, уделяя особое внимание историко-сравнительной реконструкции с территориями Северной Италии, где "наука управления водными ресурсами развита лучше, чем где-либо еще"¹. Во второй книге Джованетти планировал написать о различии между публичными и частными правами, о том, насколько это влияет на спецификацию различных качеств воды и "обсудить [...] проведение [...] их измерения в терминах количества, времени и использования"². В следующей книге, тесно связанной с этой, речь шла о сохранении воды и правах на нее; в четвертой книге, сосредоточившись на всем, что касается ущерба, который может быть нанесен, Джованетти также займется дисциплиной в отношении воды в административном праве и "общественной гигиеной"³. В пятой книге нашлось бы место для анализа взаимосвязи "управления водными ресурсами" с законами, касающимися "экономического порядка гражданского консорциума": это позволило бы ему в шестой книге дать обзор законодательных положений и нормативных документов. Седьмая книга была бы полностью посвящена Крыму⁴.

4. *Вода как всеобщее достояние: от «Du régime des eaux» к науке управления водными ресурсами для Михаила Семеновича Воронцова*

Граф Кавур предложил графу д'Анжевилу Джакомо Джованетти как наиболее подходящего юриста для вынесения суждения по проекту, представленному французской палате депутатов в сложном вопросе о воде. Во Франции ощущалась потребность в специальном, идущем в ногу со временем законодательстве, которое облегчило бы обработку земель, не граничащих непосредственно с источником воды⁵.

Несмотря на свои многочисленные обязательства, Джованетти не уклонялся от этой задачи и в 1844 г., за считанные недели, написал книгу «*Du régime des eaux*». В этом тексте он отстаивал динамичную кон-

¹ ASN. AG. B. 3. Fasc. 7/1.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Москати Л. О воде. Между общим правом и кодификацией Альбертина. С. 275.

цепцию собственности, направленную на получение коллективной прибыли, путем принудительного проведения воды через чужие земли за справедливую компенсацию. Как отмечает Лаура Москати, Джованетти повторяет основные положения, уже разъясненные в Гражданском кодексе Савойи, такие как, например, обязательное право на водоснабжение и все положения, касающиеся забора или отвода воды¹.

«*Du régime des eaux*» имел фундаментальное значение не только для французского правительства, но и стал настоящей вехой в развитии этой темы. В 1846 г. Костантино Баер прокомментировал проект Джованетти, назвав его универсальным: "Если Джованетти написал этот труд, ставший предметом данного рассуждения, для Франции, то его польза универсальна: и я бы поздравил свою собственную нацию, хотя и не подражая стране, которой адресован этот труд (которая извлекла из него мало пользы или, точнее, никакой), если бы она увидела принятие всей его правовой базы"².

Уже из книги «*Du régime des eaux*» видно, что благодаря учению юриста, экономиста и политика Джан Доменико Романьози³, Джованетти полностью отказался от принципов естественного права и теперь решительно поддерживал принцип ограничения права собственности в пользу защиты и обеспечения высших социальных интересов⁴. Юрист добился реального баланса между частными и общественными интереса-

¹ Там же.

² Баер К. Вокруг законопроекта об ирригации для кав. Джованетти // Музей науки и литературы. 1846. Вып. 10. С. 262.

³ О Романьози см.: Маннори Л. Государство для Романьози. I, II Конституционный проект, Milan 1984. Альбертони Е.А. Жизнь государств и цивилизация народов в политической мысли Джан Доменико Романьози, Джуффре. Милан, 1979; Баруччи П. Экономика и «цивилизация» Джан Доменико Романьози, // «Giornale degli economisti e Annali di economia». 1961. № 20 (novembre-dicembre). Pp. 701-750; Дайнелли А. Политика и экономика в мысли Джан Доменико Романьози, Заничелли. Болонья, 1933. В частности, глава, посвященная применению экономических принципов Романьози, С. 161-224; Спану Г. Мысль Г. Романьози: политико-правовая интерпретация. FrancoAngeli, Милан, 2008; Беллони Г.А. Романьози по стопам Макиавелли // Романьози Г.Д. Исследования и воспоминания в первую столетнюю годовщину его смерти. La Bodoniana, Parma, 1935. С. 147-152. См. Так же Кателлани Э. Джан Доменико Романьози, Карло Феррари. Венеция, 1835.

⁴ «Знаменитый Романьози, память которого я чту как учителя и друга, твердо провозгласил, что принцип собственности должен быть подчинен социальному закону и общим нуждам; это естественное господство, которое не предполагает никаких социальных отношений, не следует путать с гражданским господством, которое требует учета этих отношений; что гражданское господство можно определить как естественное господство, социально модифицированное, гармонизированное в соответствии с необходимостью совместной жизни, сосуществования; что подчиняться закону обычной жизни - это не подчиняться другому человеку, а подчиняться необходимости вещей и самих себя, и что изменение принципа не отменяет права и не меняет его; это дает ему направление, подходящее для всех. Полномочия [...] не снимаются при согласовании. Естественное владычество не осталось неизменным, а просто перенастроено». Дж. Джованетти, *Del mode delle acque e partolamente a quelle che serve all'irrigazioni*, Tipografia della Gazzetta, Venezia 1873. P. 13.

ми, стремясь к тому, чтобы сельское хозяйство было как можно более процветающим на благо всей нации. Этот баланс, который в трудах юриста называется "contemperamento" или "гармонизация", резюмируется следующим образом: "Учитывая или нет гипотезу изолированного человека; предположим, что от него или от Ассоциации начинается присвоение земли, остается принцип, согласно которому мы не можем представить человека вне социального государства и что осуществление его прав должно быть изменено и гармонизировано в соответствии с социальными потребностями"¹.

Гармонизация означает, что собственность, как сказал бы Романьози, не изменяется, а в некотором роде "трансформируется". Фактически, в своем меморандуме об управлении водными ресурсами для российского царя Джованетти еще более решительно излагает механизм гармонизации, начиная с анализа характеристик собственности. Сохранение и улучшение, по его мнению, это права, принадлежащие как отдельным лицам, так и обществу. Средствами для их сохранения и улучшения являются защита и использование собственности. Частное использование, по мнению Джованетти, находит предел в общественном использовании, которое в то же время характеризуется использованием наибольшим числом лиц.

Он также пишет: "Теперь коллективная личность народа имеет потребности, преобладающие над потребностями отдельного человека, и преобладание измеряется благом большинства. Следовательно, необходимо защищать от частного присвоения и сохранять в общественном пользовании те вещи, которые предназначены для блага наибольшего числа людей и для прогресса цивилизации, предначертанной природой, законом или обычаем"².

Джованетти был убежден, что это определение не может включать только т.н. естественное предназначение, но должно включать ту же идею закона и обычая. В этом смысле Джованетти, косвенно ссылаясь на мысли Романьози, ставит закон в центр своего анализа, признавая при этом, что задача "цивилизации" тесно связана со способностью государства развиваться посредством законотворчества путём его постоянного совершенствования³.

Юридический вопрос о воде является частью противоречия между частным присвоением и "экспроприацией для общественной пользы":

¹ Джованетти Дж. О водном режиме, и особенно о том, который используются для орошения. Указ. соч. С. 13.

² ASN. AG. B. 3. Fasc. 7/1.

³ Там же. Маннори Л. Государство для Романьози. I. Конституционный проект, Джуффре. Милан, 1984, С. 206.

"Частное присвоение не может иметь места, если оно не касается вещей, необходимых для общего пользования, а поскольку общественные потребности возрастают с развитием цивилизации, то и осуществляемое частное присвоение подчиняется условию *dummodo reipublicae non nocent*"¹(«пока это не вредит республике»). Концепция "общественной пользы" должна быть включена в гармонизацию частного права, чтобы сохранить природу и цель общества. Фактически, "коллективные права должны преодолеть и гармонизировать частное господство исключительно на основании выгоды, которую человек извлекает из сосуществования, и из обязанности каждого из них добиваться сохранения и процветания консорциума, а также на основании той же необходимости также из приоритета территориальной оккупации и из предшествующего существования этих коллективных прав, которые являются гарантией частного блага и человеческого совершенства"².

Как и Романьози, Джованетти выступает против теорий Руссо, который, по его словам, "породил столько зла и до сих пор волнует многие умы, вызывает волнения и притязания, несовместимые со справедливым и удовлетворительным сосуществованием"³. Автор ссылается не только на Общественный договор, но и на знаменитое "Рассуждение о происхождении и основах неравноправия между людьми", опубликованное в 1755 г., в котором указывалось, что необходимость объединения, составляющего гражданский и политический порядок, продиктована потребностью защититься от злоупотреблений со стороны своих собратьев и от исключительных механизмов, которые порождает сама собственность: "Все бросились прямо в оковы, веря, что этим они обеспечат себе свободу, ибо, будучи достаточно умны, чтобы постигнуть преимущества политического устройства, они не были достаточно искушенными, чтобы предвидеть связанные с этим опасности. Предугадать, что это приведет к злоупотреблениям, скорее всего, способны были как раз те, кто рассчитывал из этих злоупотреблений извлечь пользу, и даже мудрецы увидели, что надо решиться пожертвовать частью своей свободы, чтобы сохранить остальную, подобно тому, как раненый дает себе отрезать руку, чтобы спасти все тело."⁴

Если для Руссо человек жертвовал своими естественными свободами ради создания гражданского общества, то для Джованетти все

¹ ASN. AG. B. 3. Fasc. 7/1. Подчеркнуто в оригинальной рукописи.

² Там же.

³ Там же. Критику Руссо со стороны Романьози см. в: Маннори Л. Государство для Романьози. I, II Конституционный проект. С.129.

⁴ Руссо Ж.Ж. Рассуждение о происхождении и основах неравенства между людьми, перевод на итальянский Н. Рота. Венеция: типография Антонио Курти, 1797. С. 89.

наоборот, потому что сама природа человека призывает его жить в обществе¹.

Гармонизация индивидуального и коллективного права касается использования воды в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности. Его рассуждения ясны: когда частная собственность, хотя и абсолютная по своей природе, наталкивается на предел, продиктованный общественной пользой, а также отношениями с соседями, такой же предел обнаруживается и для регулирования водопользования².

Этот предел представлен, например, юридическими сервитутами, гарантирующими пропуск воды - в случае Джованетти, в основном для целей ирригации. Сам Джованетти писал в своей работе "*Du régime*", что "народы, которые быстро признали право прохода [водные сервитуты], наслаждаются удивительным процветанием"³.

Когда кодифицированное законодательство уточнило разделение между движимым и недвижимым имуществом, вода могла быть частью последнего не только из-за ее естественного соединения с землей и назначения, но прежде всего, и снова в полном соответствии с мыслями Бенетама, из-за целесообразности применения законов о покупке, владении и пользовании и к воде также.

Эти виды использования не имеют ничего общего с содержанием водотоков или русел рек и ручьев, поскольку они относятся исключительно к сфере внутреннего публичного права. Фактически, Джованетти ссылается исключительно на использование "воды самой по себе"⁴. Централизация использования водных ресурсов для развития промышленности, производства и сельского хозяйства прямо пропорциональна их использованию; но необходимо также предусмотреть, посредством специальных законодательных актов, защиту этих ресурсов, чтобы предотвратить злоупотребления.

Разъясняя, какие виды гражданского и уголовного законодательства необходимы для защиты воды, Джованетти вводит проблему, останавливаясь на неотъемлемой характеристике воды, то есть ее текучести, которая придает ей движение. Вода должна течь, и человек не должен делать ничего, кроме как способствовать ее течению, эксплуатируя и контролируя его. Таким образом, необходимо освободить землю для создания, например, сообщающихся сосудов; берега должны быть подготовлены так, чтобы вода могла легко орошать соседние участки, избегая

¹ ASN. AG. B. 3. Fasc. 7/1.

² Там же.

³ Джованетти Дж. О водном режиме, и особенно о том, который используются для орошения. С. 15.

⁴ ASN. AG. B. 3. Fasc. 7/1.

потери воды. Если, с другой стороны, на одних участках имеется избыток воды, а на других ее нет, то севооборот является наиболее полезным инструментом для получения "разнообразного и обильного" урожая.

Производственная и сельскохозяйственная отрасли не мешают друг другу, поскольку по-разному используют движение воды. Чтобы дать возможность и тем, и другим процветать и благоденствовать, необходимо установить строгие правила, которые могут быть применены в случае конфликтов между соседями. Они должны регулировать установленные, минимальные и максимальные расстояния в зависимости от их использования, например, для строительства каналов или канав. С другой стороны, когда человек сталкивается со злоупотреблением водой, например, когда происходит настоящее воровство воды, очень важно установить точное уголовное законодательство. Предыдущая работа Джованетти по составлению Савойского гражданского кодекса сыграла решающую роль в работе над меморандумом для российского царя, позволив ему выработать универсальные принципы по данному вопросу и дать, несмотря на незнание российского контекста, ряд точных и поучительных рекомендаций.

Джованетти осознает, что в гражданском праве, с одной стороны, предъявление иска по поводу водопользования всегда очень осложнено с точки зрения доказательств, и существует очень высокая вероятность того, что судебное разбирательство затянется надолго. С другой стороны, в уголовной сфере отсутствие защиты от краж воды означает, что они "чрезвычайно умножаются, вплоть до нарушения общественного спокойствия, и портится моральное чувство людей"¹.

По сути, проблема заключается в том, что правовая охрана воды является "самой существенной" частью как гражданского, так и материального уголовного и процессуального права, которое тесно связано с торговлей: "Плохое судопроизводство разрушает кредит, который является волшебной палочкой торговли, снижает цены на недвижимость, уменьшает количество контрактов, блокирует все многочисленные пути к процветанию"².

Джованетти критикует отсутствие оперативного процесса для всего, что касается вопросов, связанных с регулированием водных ресурсов, утверждая, что, подобно тому, как коммерческие иски имеют более быстрый, специальный процесс, так должно быть и в отношении водопользования, учитывая его центральное значение для сельского хозяйства и производства.

¹ Там же.

² Там же.

В подтверждение своего мнения он приводит пример дальновидности кантона Аргау, который в начале XIX в. избрал более «упрощенное» процессуальное право, как в гражданских, так и в коммерческих спорах, именно для облегчения обмена мнениями между людьми и тому, что связано с торговлей¹.

Скорость разрешения споров по поводу воды также диктуется непосредственным влиянием на урожай случаев воровства воды: "Какова бы ни была природа вод, непоправимый ущерб, наносимый их изъятием, и легкость, с которой это может быть сделано, требуют приоритетного процесса". Пока юристы спорят, вода течет дальше, а урожай погибает. Поэтому в гражданском праве спор должен быть кратким, а в уголовном праве преступление должно быть немедленно наказано².

Джованетти исследует связь между водой и лесом: он осознает, что прочность берегов рек имеет решающее значение для предотвращения оползней, которые могут нанести непоправимый ущерб жизни людей. Деревья не только предотвращают оползни, но и в районах с неустойчивой гидрологией могут сдерживать водную эрозию почвы.

Частные и коллективные интересы и в этом случае "сбалансированы": правительство обязано предотвращать вырубку лесов только тогда, когда этого требует "благо наибольшего числа людей"³. Гармонизация направлена на сохранение лесов и лесных массивов, поскольку, как и вода, они являются частью активов, подлежащих защите. Вырубка лесов, продиктованная безудержной жадностью и исключительно личным обогащением, рассматривается как акт против самого человечества, поскольку леса издревле считались священными. Джованетти выступает за законы, которые могут сбалансировать коллективные и личные интересы, оставляя землевладельцам свободу принимать решения относительно их собственной древесины, избегая при этом чисто протекционистской логики⁴.

5. Вода в национальном праве, во внутреннем публичном праве и в частном праве

¹ Там же. Обзор кантона Аргау на протяжении веков можно найти у А. Штайгмейра, Арговия / «Dizionario Storico della Svizzera» // URL: <https://hls-dhs-dss.ch/it/articles/007392/2018-02-06/> (18.07.2020); для изучения первой половины XIX в. см. Гальдер Н. Geschichte des Kantons Aargau, 1803-1953. Т. 1: 1803-1830, Verlag zur Neuen Aargauer Zeiten, Aargau 1953; Х. Стахелин, История кантона Аргау, 1803–1953, Т. 2: 1830–1885, Баден Верлаг, Баден 1978.

² ASN. AG. В. 3. Fasc. 7/1. Как мы видели, по савойскому законодательству до объединения были установлены очень суровые наказания за забор воды без законного права ("штраф 10 унций золота за унцию воды и за каждый раз"), за пересечение каналов без обоснования, за разрушение гидротехнических сооружений.

³ Там же.

⁴ Там же.

В своей работе, подготовленной для российского императора Джованетти также рассматривает административное право, в частности, ущерб, который может нанести течение реки или ручья и относительные средства защиты, которые может применить законодатель для разрешения некоторых ситуаций, противоречащих общественному порядку и безопасности. Он ссылается, в частности, на проблему болотистых мест: их ликвидация является как общественной, так и частной обязанностью.

Этот тезис дает Джованетти возможность обратиться к очень дорогой для него теме, тесно связанной с водой, ее течением и с рисовыми полями. Фактически, он вступил в разгар большой дискуссии, в которой участвовали также врачи, экономисты, агрономы, юристы и историки, и в которой на одной стороне оказались те, кто ошибочно приравнивал рисовые поля к болотам, причине нездорового воздуха на территориях¹.

Тот факт, что земли орошались и что вода "стояла" на них, как в случае с рисом, в течение нескольких месяцев, вовсе не означает, что существует опасность для гигиены и здоровья населения, и уж тем более не означает, что к выращиванию риса следует относиться с подозрением и максимально ограничить его.

Джованетти интересуется анализом социального механизма, порожденного водой и ее тесной связью с землей, с сельскохозяйственным производством и с обрабатывающей промышленностью: "Любая финансовая операция, любой налог, которые производит сельскохозяйственная и обрабатывающая промышленность подвергается воздействию, и поскольку вода является самым мощным и самым ценным инструментом, следует, что из национального экономического порядка, более или менее отличающегося от меркантильной системы, можно поддерживать и продвигать прогресс в ее использовании"².

Он цитирует целый отрывок из "Романьози", в котором иллюстрируются три различные фазы, называемые "эпохами", сельскохозяйственной жизни³. Первая, которую можно назвать "примитивной", в которой не может быть гражданского управления водой, поскольку нет смежности собственности, которая начинает существовать в следующей "эпохе", еще не характеризуемой термином "гражданская". Здесь все еще нет ограничений и уступок, которые вместо этого присутствуют в третьей "эпохе", когда в "развитом обществе" предоставляется широкий простор для прогресса, промышленности и торговли.

¹ ASN. AG. B. 3. Fasc. 7/1.

² Там же.

³ О Романьози и различных "эпохах", также в связи с мышлением Вико, см. Маннори Л. Государство для Романьози. I, II. Конституционный проект. С. 400.

Теперь, в третьей "эпохе", для Джованетти становится необходимым, чтобы законодатель предотвращал любые злоупотребления как на суше, так и на воде, а не поручал разрешение споров судебным органам. На самом деле, судьи часто сталкиваются с необходимостью разрешать споры, связанные с регулированием водных ресурсов, со сложными взаимоотношениями и балансированием частных и коллективных интересов. Речь идет о статье 645 кодекса Наполеона, которая гласила: "Если между собственниками, которым эта вода может быть полезна, возникнет какое-либо разногласие, суды, принимая решение, должны примирить интересы сельского хозяйства с уважением, причитающимся собственности, и во всех случаях должны соблюдаться особые и местные правила о течении и использовании воды". Наполеоновское законодательство ограничено в том смысле, что оно не упоминает о защите коллективных интересов, принимая во внимание только частные вопросы. В отсутствие специальных норм существует риск "делегирования" законодательных функций судебным органам: "Если бы для сохранения публичных и частных прав было достаточно поручить судам отправление справедливого правосудия, все кодексы были бы излишни", - парадоксально пишет Джованетти¹.

Здесь мы видим, что управление водными ресурсами задумывалось Джованетти как юридический ответ на растущие экономические и социальные потребности. В тексте Джованетти повторяются некоторые ключевые слова, которые позволяют нам увидеть цель этой работы в рамках его обширного научного творчества. Прежде всего, мы должны сформулировать изучение воды в связи с окружающей средой и, в частности, с человеком, в связи с ее "социальной значимостью". Вода понимается в своей "социальности" как ценный ресурс: все человечество призвано осознать его и "дисциплинировать". Ее центральное место утверждается в публичном праве и в национальном праве, во внутреннем публичном праве и в частном праве².

В этой первой классификации Джованетти кажется временами дидактичным, почти пересматривая учебную программу, изучаемую на юридическом факультете университета Павии, где публичное право и национальное право преподавались отдельно от внутреннего публичного права. Публичное право и национальное право также имеют дело с вопросами воды, понимаемой как универсальное достояние, но юрист хорошо понимает глубокое различие между так называемой "философией публичного права", отстаиваемой Гуго Гроцием в его *«Mare*

¹ ASN. AG. B. 3. Fasc. 7/1.

² Там же.

liberum», и позитивным правом народов, продиктованным различной политической динамикой между различными государствами, которая достигает кульминации в международных договорах и конвенциях¹.

С одной стороны, Гроций в 1609 г. теоретически обосновал свободу морей и их свободное использование для противостояния интересам Португалии в Гвинейском и Ост-Индском морях, в защиту морских и навигационных прав Нидерландов². С другой стороны, в логике позитивного права народов с XVI в. до времен Джованетти были моменты, когда этот принцип был значительно ограничен и находился в центре международных противоречий, особенно в отношении коммерческого контроля над некоторыми стратегическими и транзитными пунктами. Примеры такого исключения возникали как в Северной, так и в Южной Европе, доходя до Черного моря. На протяжении всей истории пролив Эресунн (также известный как Зунд)³, один из трех водных путей (Датских проливов), соединяющих Балтику с Каттегатом и, соответственно, с Северным морем и Атлантическим океаном, был предметом ожесточенных сражений за контроль над ним. Например, существовал конфликт между Данией, Швецией, Польшей и Россией за господство над Балтийским морем, к которому также присоединились голландцы и англичане, в зависимости от обстоятельств и соответствующих политических и торговых преимуществ⁴.

В первой половине XVIII в. пролив был одним из самых оживленных и многолюдных водных путей не только в Европе, но и в мире. По современным оценкам, около двух тысяч судов в год проходили через него в сторону Северного моря, перевозя, в общей сложности, около сорока тысяч тонн товаров⁵. Новости об авантюре Российской империи и ее крупных экспедициях в первые десятилетия XIX в. наверняка дошли бы до Джованетти⁶. Российская стратегия, хотя и неудачная, была направ-

¹ Там же.

² Берляк М. Естественный закон и его связь с божеством у Гуго Гроция. Рим: Университет Григориана Эдитриче, 1978. С. 19.

³ В рукописи Джованетти он обозначен как Данд. В 2000 г. был открыт вантовый мост под названием Эресунн, соединивший города Копенгаген в Дании и Мальмё в Швеции.

⁴ Норт М. Соединенные моря, в Дж. Нигро (ред.). Морские пути как факторы европейской интеграции, Флоренция: Firenze University Press, 2019. С. 20.

⁵ Там же. См. Также Каукиайнен Ю. Миграция за границу и развитие морской навигации. Взгляд на Европу вовне // Gabaccia DR, Hoerder D. (ed.). Соединяющиеся моря и соединяющиеся океанские берега. Миграция Индийского, Атлантического и Тихого океанов и морей Китая с 1830-х по 1930-е гг. Brill, Leiden, 2011. С. 371-386.

⁶ Одна из таких экспедиций состоялась в 1815 г. на корабле "Рюрик" под командованием известного немецкого моряка на службе Российского императорского флота лейтенанта Отто фон Котцебу (1787-1846). На борту также находился русский мореплаватель и исследователь Глеб Семенович Шишмарев (1781-1835). Их целью было обогнуть северо-западное побережье Америки и найти проход в Атлантический океан через Берингов пролив. Эта экспе-

лена на то, чтобы соединить самые дальние районы Балтики с районами Тихого океана, создать подлинную торговую сеть через северную часть Тихого океана. Это было бы удобно для снабжения всех поселений на Дальнем Востоке и Аляске, чтобы облегчить связь с Калифорнией (в то время испанской) и с китайским портом Кантон (Гуанчжоу)¹.

Что касается южной Европы, то здесь упоминается Мессинский пролив, а также пункты прохода и доступа к Черному и Средиземному морям. Что касается Черного моря, то заявление о том, что (его порты) "в конечном итоге были открыты только для торговых судов", относится, как уже говорилось на предыдущих страницах, к различным международным соглашениям между Блистательной Портой и Российской империей о судоходности этого моря².

Джованетти признает, что для публичного права и национального права вопросы судоходности и свободы вод являются сложными. Он предлагает, в случае если суверены не могут устанавливать правила самостоятельно, а принципы, которые в максимальной степени ориентированы на универсальные интересы, не могут преобладать, "консультироваться с экспертами по международному праву и политическими трактатами"³. Это замечание Джованетти, юриста, в основном специализирующегося на гражданском и частном праве, подтверждает авторитет политических трактатов в области национального права в первой половине XIX в. Помимо вышеупомянутой работы Гроция, к ним относится труд "*Droit des gens*" Эмера де Ваттеля, опубликованный в 1758 г. и считающийся авторитетным справочником так же и для международного морского права⁴.

Однако Джованетти критически настроен к отнесению такого ресурса, как вода, как моря или океаны, к категории "вещей, которые не могут быть заняты", потому что юридическое оформление не принимает во внимание "естественное предназначение", которое само по себе явля-

диция продолжила путь вдоль западного побережья Северной Америки до Сан-Франциско, а затем направилась к Гавайям и островам Тихого океана. Отчеты об экспедициях Котцебу были широко распространены в Европе: см. Kotzebue O. von Entdeckungs-Reise in die Süd-See und nach der Berings-Straße zur Erforschung einer nordöstlichen Durchfahrt in den Jahren 1815 bis 1818, Hoffmann, Weimar 1821, и Id., Neue Reise um die Welt in den Jahren 1823-1826, Hoffmann, Weimar 1830.

¹ Норт М., Коннекси Мари. Указ. соч. С. 21.

² ASN. AG. B. 3. Fasc. 7/1.

³ Там же.

⁴ О распространении трактата Ваттеля в XIX в. См. Фиокки Маласпина Э. Вечное возвращение *Droit des gens* Эмер де Ваттель (XVII-XIX вв.). Влияние на правовую культуру с глобальной точки зрения, Глобальная перспектива истории права 8. Институт европейской истории права Макса Планка, Франкфурт-на-Майне, 2017.

ется "вечным и безопасным законом"¹. Поэтому он отстаивает кардинальный принцип, а именно "то, что вещи, естественно предназначенные для всеобщего использования, принадлежат человеческому роду и не могут стать государственной или частной собственностью"².

Из этого принципа вытекает другой - право на сохранение, принадлежащее каждой нации, на защиту пляжей, портов, заливов и участков моря, за которые она несет ответственность, не без ссылки на различные международные правила, определяющие морское пространство линией уважения и "собственностью" нации³.

Проект Джованетти также проникает в суть сложного вопроса, связанного с точным, ясным и максимально исчерпывающим определением "общественных" и "частных" вещей. Как и в случае с Савойским гражданским кодексом, в данном случае отправной точкой для него также является австрийская и, прежде всего, наполеоновская кодификация, культурное и юридическое влияние которой Джованетти ощущал, выросши в Новаре в составе наполеоновского королевства Италии. Он ссылается на статью 538 Гражданского кодекса Франции, в которой прямо говорилось, что «Дороги, пути и улицы, которые содержит государство, реки и судоходные или сплавные речки, берега, морские намывы и места, оставленные морем, порты, гавани, рейды, и вообще все части французской территории, которые не могут стать предметом частной собственности, рассматриваются как входящие в государственную собственность»⁴.

¹ ASN. AG. V. 3. Fasc. 7/1. Джованетти, по сути, вступает в острую дискуссию, с которой сталкиваются сторонники как естественного, так и национального права относительно того, может ли море быть оккупировано и может ли оно подпадать под власть какой-либо нации: Гроций, Глафей, Вольф, Лампреди и Кант говорят, что море свободно и поэтому не может быть занято; другие, такие как Фрейтас, Селден, Штраух и Бушан, утверждают, что им можно занимать и владеть, как водным недвижимым имуществом. Ваттель, согласившись с тезисом Гроция, определил его занятие как преступление против народов. См. Ваттель Э. де Национальное право или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. Лондон: Робинсон, Патерностер-Роу, 1797. Б. 1, гл. § 282, С. 126: "Боле того, нация, которая без законных притязаний присвоила бы себе исключительное право на море и поддержала свои притязания силой, наносит ущерб всем нациям; это нарушает их общее право; и они имеют право сформировать против него общую коалицию, чтобы подавить такую попытку. Нации крайне заинтересованы в том, чтобы международное право, являющееся основой их спокойствия, соблюдалось во всем мире. Если кто-то открыто попирает его ногой, все могут и должны восстать против него; и, объединив свои силы для наказания общего врага, они выполняют свой долг перед собой и перед человеческим обществом, членами которого они являются".

² ASN. AG. V. 3. Fasc. 7/1.

³ Джованетти уточняет, что для одних предел установлен на расстоянии пушечного выстрела, для других - на расстоянии видимости берега, а третьи добавляют к этому еще три лиги (*Морская лига (nautical league) равна соответственно трём морским милям, или 5 556 м. – Прим. ред.*).

⁴ Там же.

По мнению Джованетти, статья 538 Гражданского кодекса Франции содержала ограничение в своей формулировке, поскольку она развивала определение публичных вещей, выводя его из определений частных вещей. Это чревато своего рода интерпретацией путем расширения, включая море и солнце в государственную собственность. В статье 287 Всеобщего гражданского кодекса Австрии 1811 г. (*Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch*, ABGB), цитируемой в меморандуме, вместо этого было установлено, что "вещи, которые никому не принадлежат, могут, следовательно, быть заняты всеми гражданами", а те, которые предоставляются только для использования, такие как шоссе, реки, берега, порты и пляжи, определяются как всеобщее и общественное имущество¹.

Джованетти не согласен даже с решением, предложенным в ABGB, поскольку оно рассматривает ряд случаев, не стремясь, однако, к всеобъемлющему определению, которое для Джованетти остается целью его меморандума для российского правительства. Поэтому определение должно быть создано *ad hoc*, принимая во внимание возникающие трудности. Следовательно, Джованетти рассматривает водные ресурсы в связи с внутренним публичным и частным правом, в частности национальными водными ресурсами. Озера, реки и ручьи, которые находятся и протекают на определенной территории, не могут считаться "универсальными", но "национальными", уточняя, что, если река протекает через несколько государств, компетенция принадлежит каждому государству в отношении участка реки, который простирается по его территории, не вступая в рассмотрение возможных эффектов и последствий решений, принятых индивидуально государством. Он поясняет, что "принцип национального присвоения" не подлежит изменению в силу международных конвенций, касающихся судоходности рек или озер, которые протекают по территории разных государств: международные договоры "вытекают из невозможности того, чтобы политическое деление всегда соответствовало естественному порядку"².

С помощью "принципа национального присвоения" Джованетти объясняет принцип "частного присвоения", энергично выступая против форм совместной собственности, беря в качестве примера "системы коммуны", которые "в последнее время с таким шумом проповедуются и с таким несчастьем переживаются"³. Он воплощает экономический дух XIX в., порожденный наполеоновской кодификацией и центральным положе-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

нием собственности, и критически относится к совместной или коллективной собственности, которая поддерживается "ложным представлением о справедливости, как у глашатаев аграрного закона"¹.

Тем не менее, концепция свободы пользования правами частной собственности, отстаиваемая Джованетти, была поддержана рядом реформ, которые благоприятствовали бы свободе торговли. Все битвы, которые вел юрист за отмену законов о продовольствии, за содействие свободному обороту фуража и свободной добыче шелка, похоже, перекликаются с этими идеями. Принципы, определяющие свободу сельского хозяйства и торговли, являются двигателем национального богатства и прогресса². Что касается управления водными ресурсами, Джованетти утверждает, что "собственность создается только трудом и сохраняется только трудом", и поэтому частное присвоение является фундаментальной основой для экономического порядка, направленного на содействие цивилизации и ее национальному прогрессу³.

Это торжественное введение в науку управления водными ресурсами, адресованное Российской империи, должно было положить начало труду, состоящему из семи книг. Джованетти утверждает, что, учитывая "огромный объем работы", он не мог пускаться в "экономические и научные дискуссии", а придерживался "краткого изложения истины", ограничивая использование цитат и предпочитая "авторитет фактов и разума". На самом деле его намерение состояло не в том, чтобы преподавать или основывать школу, а в том, чтобы "сообщить о своих наблюдениях очень могущественному и просвещенному государю", который "хочет утвердить свою счастливую нацию, в том числе путем законодательного регулирования управления водными ресурсами, в том выдающемся положении, которое она занимала среди почтенных великих держав Европы"⁴.

Утверждается, что работа была прервана из-за невозможности Джованетти провести инспекцию в Крыму, чтобы завершить свой проект, и что он не продолжил работу после того, как был назначен для составления проекта своего знаменитого "*Du régime des eaux*" («Режим водоснабжения»).

Однако есть и другие возможные варианты воссоздания событий. Воронцов был материально не в состоянии выполнить просьбы Джованетти, даже если бы он был в них заинтересован (доказательством тому служит его просьба составить меморандум), поскольку в 1844 г. он был назначен наместником на Кавказе и до 1853 г. был занят урегулирова-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

нием различных восстаний в этом регионе. Даже если бы Воронцов захотел вернуться к идеям и проекту Джованетти в 1853 г., он никогда бы не смог этого сделать - он отошел от общественной жизни по состоянию здоровья и умер в 1856 г.

Во-вторых, сам Джованетти 28 октября 1843 г. сообщил Меттерниху личную причину остановки работы над проектом: его старшая дочь Джузеппина Джованетти Санца преждевременно умерла в том же году, в возрасте всего двадцати шести лет: "Вы знаете по опыту, - пишет он Меттерниху, - насколько такие несчастья разрушают и опустошают". К этому же периоду добавляется "моя тяжелая болезнь"¹ - ссылка на болезнь, которая стала причиной его смерти в 1849 г.

Несмотря на незавершенность, меморандум об управлении водными ресурсами, составленный для русского царя, является чрезвычайно интересным документом, который обобщает и подытоживает либеральные идеи Джованетти, проецируя их на международный контекст. Эту работу нельзя считать своего рода "дубликатом" или повторением "*Du régime des eaux*", это более широкий документ, который должен был утвердить Джованетти как знающего эксперта в области движения воды.

Джованетти пишет царю: *«Если моя утомительная работа в какой-то мере ответит этому умонастроению, то это, по крайней мере, подтвердит великодушное намерение обеспечить процветание юга России особыми законами и сосредоточить свое внимание на фундаментальных принципах гражданской теории вод. Это будет истинной славой для меня: самая желанная из наград - честь поклониться вам с глубоким почтением»*.²

Когда в 1845 г. российский император посетил Геную, 28 октября Джованетти написал своему другу Луиджи Чибрарио. Почти предсказывая будущее международных решений, он утверждал, что Россия будет защищать Сардинское королевство, поддерживая его в его расширении, поскольку "она заинтересована в том, чтобы желать этого, и в том, чтобы разместить в Италии державу, достаточно сильную, чтобы сдерживать Австрию и Францию в вопросах Востока"³.

¹ Джузеппина Джованетти была замужем за адвокатом Джузеппе Панца. В 1840 г. у них родилась дочь Антонietta Витторина, которую воспитывали Джованетти и его жена. Некролог был написан адвокатом из Новары Джованни Пампури, учеником Джованетти: Polo Friz L., Nagari M. La genesi del "Du régime des eaux". Указ. соч. С. 67 Прим. 31. Документы, касающиеся дочери, ее некролога и похорон см. ASN. AG. B. 10b. Части, заключенные в кавычки, взяты из письма Джованетти к Миттермайеру от 28 декабря 1843 г. Перепечатано Там же. С. 87.

² ASN. AG. B. 3. Fasc. 7/1.

³ Переписано Коломбо А., Чибрарио Л. Джакомо Джованетти, советник Карло Альберто через его переписку с Луиджи Чибрарио. Указ. соч. С. 327.

Используемые сокращения:

ASN = Archivio di Stato di Novara (Государственный архив Новары).

AG = Archivio Giovanetti (Архив Джованетти)

DBI = Dizionario Biografico degli Italiani (Биографический словарь итальянского языка)

b. = busta (конверт)

c. = cartella (папка)

fasc. = fascicolo (пачка)

Elisabetta Fiocchi Malaspina (University of Zurich)

From Piedmont to Russia: Giacomo Giovanetti and Mikhail Semyonovich Vorontsov on the regulation of water (1842-1847)

This article aims to present the figure of a provincial Piedmontese lawyer, Giacomo Giovanetti, who lived in Novara in the first half of the nineteenth century and to reveal the correspondence, still unpublished today, preserved in the State Archives of Novara (Italy), between Giovanetti and the governor of Crimea and New Russia, Mikhail Semyonovich Vorontsov, carried out between 1842 and 1847 on the regulation of water, irrigation (and related legislation) and the cultivation of rice¹.

¹ This article is based on research published in: E. Fiocchi Malaspina, *L'utile giusto: il binomio economia e diritto per l'avvocato Giacomo Giovanetti (1787-1849)*, Rubbettino, Soveria Mannelli 2020. Pp. 101 et seq.

**ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ
ЛИБЕРАЛИЗМА В РОССИИ —
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИЗУЧЕНИЯ**

**Муромцевские чтения вчера,
сегодня, завтра**

«XIII МУРОМЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Материалы
Международной научной конференции
1-2 октября 2021 г., г. Орёл

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессор Д.В. Аронова

**ООО Издательский Дом «ОРЛИК»
(«Орловская литература и книгоиздательство»)**

Тел.: (4862) 76-17-15, 54-15-48.

E-mail: orlik_id@orel.ru www.orlik-id.orel.ru

Подписано в печать 00.00.2021. Формат 60x84 1/8.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 00. Тираж ??? экз. Заказ № ??.

Отпечатано ООО «Типография «Вариант»,
г. Орёл, ул. 3-я Курская, 20 www.variant-orel.ru